ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. В. ЧИСТОВ

Народная поэтесса И. А. ФЕДОСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК — 1955

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ирина Андреевна Федосова

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. В. ЧИСТОВ

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА И. А. ФЕДОСОВА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Под редакцией проф. В. И. ЧИЧЕРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК — 1955

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

К пятидесятипятилетию со дня смерти И. А. Федосовой

Большевики учат рабочий класс и всех трудящихся относиться с величайшим вниманием к народному творчеству.

(*„Правда", 18 сентября 1936 г., передовая статья*)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ВВЕДЕНИЕ

И. В. Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме» писал: «Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».[1]

Воссоздание истории русского трудового народа на всех этапах его развития до сих пор остается важнейшей задачей советской исторической науки, которую она должна решать в теснейшем содружестве с другими, соседними науками — этнографией, изучающей культуру и быт народов в их национальном своеобразии, искусствоведением, изучающим сложные процессы развития национального искусства и, наконец, литературоведением и фольклористикой, призванными не только мобилизовать художественные памятники прошлого ради полноты воссоздания истории трудового народа, но и помочь выяснить вопрос о путях развития его мировоззрения и миропонимания (как оно выразилось в художественном слове) и показать, в конечном счете, какую роль сыграл трудовой народ в развитии русской культуры (в частности, в развитии русской культуры XIX века).

Значение изучения народного творчества прошлого для воссоздания истории русского трудового народа неоднократно подчеркивал А. М. Горький. Так, например, в докладе на I съезде советских писателей в 1934 г. он го-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1938, стр. 116.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ворил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...»[1]

Как известно, советская фольклористика в послевоенные годы подверглась резкой и справедливой критике в партийной и научной печати. Коммунистическая партия и советская общественность справедливо указывали на недопустимый **антиисторизм**, который до недавнего времени господствовал в фольклористике.

В настоящее время усилия многих исследователей как дооктябрьского, так и современного народного творчества направлены на преодоление этого важнейшего методологического порока, лежавшего в основе подавляющего большинства частных искажений, ошибок, промахов и заблуждений. Об этом свидетельствуют такие издания, появившиеся в послевоенные годы, как «Русское народное поэтическое творчество. Том первый. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков»[2] или сборник «Русское народно-поэтическое творчество» с выразительным подзаголовком «Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа»[3] и др.

Названные работы не могли охватить всех проблем, возникших в связи с задачей исторического изучения народной поэзии, которая в течение многих веков творилась талантливым русским народом. Решение многих вопросов затрудняется из-за отсутствия достаточно надежных, выверенных источников; многое безвозвратно упущено, многое может быть восстановлено лишь путем тщательного изучения отдельных проблем. Для совершенствования, уточнения и детализации исследований в области истории народного творчества надо в дальнейшем обратиться к монографическому исследованию отдельных периодов и этапов развития, отдельных жанров и циклов, к исследованию творчества отдельных мастеров, исторических причин своеобразия отдельных так называемых «областных» школ, поэтического языка и художественного метода и т. д. и т. п.

Именно в этом плане и задумана настоящая работа.

---

[1] Собр. соч., т. XXVII, стр. 311.

[2] Изд. Института Русской Литературы (Пушкинский дом), Академия наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 538.

[3] Изд. Института Этнографии Академии наук СССР, М., 1953, стр. 223.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ее целью является посильное восстановление одной из страниц истории русского народного творчества XIX века.

Ирина Андреевна Федосова — одна из крупнейших народных поэтесс XIX века. Великолепный дар импровизации, которым она обладала, прекрасное знание богатейшей северорусской народно-поэтической традиции, постоянная тревога за трагическую судьбу родного ей крестьянства, желание проникновенным словом русской песни принести людям утешение в их горестях выдвинули ее в первые ряды народных поэтов, составляющих гордость великой русской нации. Безграмотная крестьянка, подобно другим крестьянам ее времени отрешенная от лучших завоеваний книжной культуры, она была одним из творцов и носителей демократической культуры, созданной русским народом.

Широта дарования И. А. Федосовой, необычайная социальная острота записанных от нее текстов, сила ее протеста против общественного строя самодержавно-помещичьей России давно уже обратили на себя внимание исследователей.

Творчество И. А. Федосовой активно использовалось великим русским поэтом Н. А. Некрасовым, заслужило высокую оценку основоположника советской литературы А. М. Горького, много раз писавшего о Федосовой и положившего начало научному изучению ее творчества.

Известен интерес, который вызвало творчество И. А. Федосовой у В. И. Ленина. О его знакомстве с текстами народной поэтессы вспоминали С. М. Буденный, В. Д. Бонч-Бруевич и Д. Бедный.

Мысли В. И. Ленина о текстах, записанных от И. А. Федосовой, с наибольшей подробностью передаются в статье В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин об устном народном творчестве».[1] Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, вскоре после переезда советского правительства в Москву решено было заложить при Управлении Делами Совета Народных Комиссаров небольшую библиотеку, которой всегда смог бы пользоваться В. И. Ленин. В первую партию книг, затребованных В. И. Лениным, входил и известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

---

[1] Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 117—131.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«Он очень часто занимался им, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — не только просматривая, но и внимательно читая приводимые там в качестве примеров пословицы, поговорки, а также изучая отдельные слова в их многообразном значении.

Я предложил ему принести книги из моей личной библиотеки, где собраны были произведения народной литературы и материалы по изучению русского языка. Разговор перешел на фольклорные материалы, изучением которых я занимался в часы досуга. Когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, он сейчас же выразил желание посмотреть их».[1] Среди сборников, принесенных В. И. Ленину, были «Северные сказки» Н. Е. Ончукова, «Смоленский этнографический сборник» В. И. Добровольского и II том «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова, т. е. II том сборника, который был составлен Е. В. Барсовым из текстов, записанных от И. А. Федосовой. «Когда я доставил книги Владимиру Ильичу, — пишет далее автор воспоминаний, — он быстро просмотрел их по заглавиям, разложил по жанрам **и больше всего внимания обратил на «Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым, где во второй части были напечатаны «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские».**

— По замыслу интересная книга, — сказал Владимир Ильич, кладя «Завоенные плачи» прямо против себя».[2]

В последующие дни В. И. Ленин неоднократно беседовал с В. Д. Бонч-Бруевичем о прочитанных им книгах по русскому народному творчеству. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич воспроизводит беседы о сказках (в связи с чтением сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»[3]), о народной рукописной традиции и о рекрутских причитаниях, записанных от И. А. Федосовой. Беседа о текстах И. А. Федосовой воспроизводится автором следующим образом: «Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи», на которые он обратил особое внимание.

---

[1] Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.

[2] Там же, стр. 118 (подчеркнуто здесь и дальше мною *К. Ч.*).

[3] Об этом сборнике см. Чистов К. В., «Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека.[1] Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение.[2] Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи» над уходящими на службу с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне. **Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах,**

---

[1] Чрезвычайно близкую мысль высказал В. И. Ленин несколько позже в беседе с С. М. Буденным. Советуя строить пропагандистскую работу в Красной Армии на постоянном противопоставлении старой и новой армии, В. И. Ленин рекомендовал широко использовать народное творчество, особенно старинные солдатские и рекрутские причитания и песни. С. М. Буденный подчеркивает, что В. И. Ленин особенно выделял тексты рекрутских причитаний, записанные от И. А. Федосовой: «Какая это замечательная вещь, — говорил Ленин, — какие богатые материалы о военных истязаниях, которые допускали цари, особенно Николай I. Как эти истязания отразились великолепным образом в народных сказаниях и песнях» (С. М. Буденный, «Боец-гражданин», Партиздат, 1937, стр. 16).

[2] В. И. Ленин, повидимому, имел в виду статью Л. Н. Толстого «Николай Палкин», во многом, действительно, перекликающуюся со стихотворением Н. А. Некрасова «Орина, мать солдатская». Статья эта была написана Л. Н. Толстым в связи с рассказом о зверских издевательствах в армии, который он слышал от 95-летнего отставного солдата, во время пешего путешествия из Москвы в Ясную Поляну в 1886 году. Статья была запрещена царской цензурой (за ее распространение был арестован студент Московского Университета М. А. Новоселов), но неоднократно издавалась за рубежом (первое издание осуществлено в 1891 г. М. Элпидиным в Женеве). В 1917 г., т. е. меньше, чем за год до бесед В. И. Ленина с В. Д. Бонч-Бруевичем, появилось первое легальное издание.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».[1]

И, наконец, в этой же статье В. Д. Бонч-Бруевича содержится еще один чрезвычайно любопытный эпизод. Автор воспоминаний пишет: «Возвращая книгу «Завоенные плачи», Владимир Ильич сказал мне: «А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стоило бы обратить особое внимание».

Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян[2] будет счастлив иметь книгу с его пометками и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал: «Да вот все дела и дела, **а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа!** Да вот некогда. Пусть другие пишут». И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежавшие перед ним».[3]

IV глава воспоминаний целиком посвящена пометкам В. И. Ленина на экземпляре II тома «Причитаний Северного края», ныне принадлежащем В. Д. Бонч-Бруевичу. Автор воспоминаний тщательно описывает страницу за страницей, отмечая все подчеркнутое и отмеченное В. И. Лениным. Это описание шаг за шагом воссоздает удивительную по своей логической ясности и единственную в своем роде картину ленинского анализа произведений народно-поэтического творчества в процессе их чтения. Том буквально испещрен отметками, и все же при внимательном их просмотре бросается в глаза поразительное умение В. И. Ленина выделить из огромного числа записей самое важное, наиболее ценное для изучения народной жизни и народного мировоззрения прошлого.

Ленинская оценка творчества Федосовой дает прочную методологическую основу изучения наследства народной поэтессы. Остановимся на ней несколько подробнее. Для правильного понимания мыслей В. И. Ленина, высказанных в связи с чтением текстов Федосовой, необхо-

---

[1] Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

[2] В связи с тем, что личная библиотека В. Д. Бонч-Бруевича после переезда в Москву была еще не распакована, сборники были доставлены В. И. Ленину из библиотеки Демьяна Бедного.

[3] Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 121.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

димо хотя бы в общих чертах вспомнить политическую ситуацию, сложившуюся в марте-апреле 1918 г., т. е. в те дни, когда происходили беседы, воссозданные в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича.

Автор воспоминаний пишет, что беседы эти происходили вскоре после переезда советского правительства в Москву. Как известно, переезд состоялся 10 марта 1918 года, т. е. через два дня после окончания VII съезда партии, который работал в чрезвычайно сложных исторических условиях. Вероломное нарушение соглашения о перемирии немецкими империалистами поставило перед необходимостью принять унизительные условия Брестского мира. Двухнедельное наступление немцев показало полную небоеспособность старой армии. В то же время Красная Армия еще только начала создаваться и не могла еще играть решающей роли в развитии событий. Брестский мир был необходим как передышка, во время которой предстояло совершить многое и, прежде всего, — приложить максимум усилий для создания армии, способной оказать отпор новым попыткам империалистов задушить молодую советскую республику. VII съезд партии в своих решениях подчеркнул, что империалисты в любой момент вновь могут бросить свои вооруженные силы против пролетарского государства.

Новая армия — Красная Армия — должна была быть организована из тех же масс рабочих и крестьян, из которых состояла и стремительно разваливавшаяся старая царская армия. Поэтому задача перевоспитания солдатских масс, особенно перевоспитания крестьян-солдат в духе пролетарской революции стала одной из важнейших политических задач. Решить эту задачу было нелегко. В статье «О революционной фразе», опубликованной в газете «Правда» 21 февраля 1918 г., В. И. Ленин писал: «...нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреоборимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет *подумать* о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на *добровольческих* началах Красной Армии — таковы факты».[1]

Трудности усугублялись еще и тем, что в зимние и весенние месяцы 1918 г. классовая борьба в деревне разгорелась с небывалой силой. На очередь дня встала задача организации бедноты для борьбы с кулачеством, пытавшимся извлечь для себя максимальные выгоды из только что проведенной национализации земли и пытавшимся захватить ключевые политические и экономические позиции в деревне. В. И. Ленин в 1918 и 1919 гг. неоднократно указывал, что весна 1918 г. была фактически началом второго этапа развития революции в деревне, началом «настоящей пролетарской революции в деревне».[2] В связи с этим со всей остротой встал вопрос об отношении к середняку.

Короче говоря, с исторической неизбежностью вставал вопрос о способности масс трудового русского крестьянства пойти за пролетариатом во все углублявшейся пролетарской, социалистической революции.

В эти месяцы В. И. Ленин неоднократно указывает на необходимость глубоко изучать настроения крестьянства, его жизнь, его стремления, его экономические и социальные идеалы и традиции.[3]

И в то же время сам он, опираясь на глубочайшее знание крестьянства, не раз проявленное им в прошлом и в споре с народниками, и в дискуссиях об аграрной программе русских социал-демократов, и в статьях о Л. Н. Толстом, и о 50-летии реформ 60-х гг. XIX века, непрерывно продолжает обогащать свои сведения в этой области. Об этом свидетельствуют его постоянный интерес к рассказам людей, побывавших в деревне, его многочисленные беседы с крестьянскими ходоками, его горячий отклик на содержательную книгу А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом» и многие другие факты этих лет. В этой же связи и в этом ряду следует осмыслять и ленинский интерес к вопросам народного творчества, его чтение фольклорных сборников, несмотря на предельную за-

[1] В. И. Ленин. Соч. 4-е изд., т. 27, стр. 2.
[2] Там же, т. 29, стр. 180.
[3] Там же, стр. 188 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нятость и сложнейшую политическую обстановку марта-апреля 1918 г. Именно в этой связи становится понятным и отзыв В. И. Ленина о сказках (после чтения сборника Н. Е. Ончукова), в которых он увидел материал для изучения чаяний и ожиданий народа, нуждающихся в осмыслении «под социально-политическим углом зрения». Характерно, что в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем В. И. Ленин говорит не только об историко-познавательном, а именно об актуальном значении изучения народных сказок («Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное **для изучения народной психологии в наши дни**»[1]).

Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, которые мы уже цитировали, следует, что среди сборников произведений народного творчества, доставленных Ленину в марте-апреле 1918 г., особое его внимание сразу же, еще до чтения текстов, привлек II том «Причитаний Северного края», в котором содержались так называемые «завоенные плачи», записанные от И. А. Федосовой. В эти же дни Ленин внимательно прочел этот том и испещрил его своими отметками. Этот факт также находит свое прямое объяснение в том круге политических проблем, которые в те дни так волновали В. И. Ленина.

Чтение рекрутских причитаний И. А. Федосовой увлекло В. И. Ленина, т. к. в них нашло свое яркое выражение не только традиционное отношение русского крестьянства к старой армии, но и та бытовая основа, на которой эта традиция складывалась.

Следует отметить, что, подчеркивая историко-познавательную ценность текстов, записанных от И. А. Федосовой, В. И. Ленин в то же самое время думал о возможности преодоления пацифистских, антивоенных настроений старого крестьянства, т. к. без этого невозможно было создание новой революционной армии.

Задача воскрешения патриотических традиций на новой социально-политической основе, разъяснение освободительных целей начавшейся гражданской войны было острой и актуальной политической проблемой. Именно поэтому, нам кажется, В. И. Ленин среди фольклорных сборников, принесенных ему В. Д. Бонч-Бруевичем, сразу же выделил томик, в котором были собраны причитания по рекрутам и солдатам.

[1] См. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Подтверждением этого могут служить воспоминания Демьяна Бедного, беседовавшего с В. И. Лениным в эти же дни на близкие темы. «Надо было видеть как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова, — пишет Демьян Бедный. — Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал, а потом при встрече сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть, старой песне противопоставить новую песню. В привычной, своей, народной форме — новое содержание».[1] Ответом на это указание В. И. Ленина явилась известная песня «Проводы», созданная Д. Бедным в том же 1918 г. В этой песне рисуются типичные обстоятельства, в которых возникала старая рекрутская или солдатская причеть («Как родная меня мать провожала, тут и вся моя родня набежала»), и дается в предельно сжатой формулировке выражение антивоенных идей старой причети («Ах, куда же ты, Ванек, ах, куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!»). Ответ Ванька́ известен — и смысл его сводится именно к поэтическому выражению нового отношения к новой армии, которое возникало в эти дни в результате громадной разъяснительной и организационной работы, проводившейся партией в деревне и в армии в бурные весенние месяцы 1918 г., в результате того исторического опыта, который приобретался трудовым крестьянством на фронтах начавшейся гражданской войны и в столкновениях с кулачеством в деревнях.[2]

---

[1] Д. Бедный, Предисловие к книге «По следам войны», Л., 1925, стр. 4.

[2] Возможно, что в «Проводах» Д. Бедный имел в виду противопоставить новую песню не только старым рекрутским причитаниям, но и старым псевдосолдатским песням типа песни П. М. Карабанова «Гренадеры, молодцы» и их народным перетекстовкам, отразившим «неохочее» настроения старого крестьянства (о песне П. М. Карабанова и ее фольклорной судьбе см. в книге И. Н. Розанова «Песни русских поэтов», «Сов. писатель», 1936, стр. 58—60 и др.). В этой песне есть такие строки:

А когда служить сберется,
Словно с жизнью расстается.
Ох, калина, ох, малина!

Тут жена и сват и брат —
Гришка, Сидор и Кондрат.
Ох, калина, ох, малина!

(См. на след. стр.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Интерес В. И. Ленина к текстам И. А. Федосовой не может быть сведен только к сказанному выше. Как свидетельствуют воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин, подчеркивая историко-познавательную ценность причитаний и, вместе с тем, политическую актуальность изучения выраженных в них антивоенных настроений старого крестьянства, обращал внимание своего собеседника на специфичную противоречивость крестьянского мировоззрения, лежащего в их основе. Характерно, что эта противоречивость осмыслялась им не как индивидуальное свойство мировоззрения И. А. Федосовой, а как исторически сложившаяся особенность идеологии русского крестьянства, связанная с социальной природой крестьянства и особенно ярко сказавшаяся в период 1861—1917 гг.

Вскрытие и изучение этой противоречивости в ее историческом развитии В. И. Ленин считал, судя по всему, одним из важнейших моментов изучения крестьянского мировоззрения. Именно так он поступал в статьях о Толстом, перешедшем на позиции патриархального крестьянства, так он поступал во всех случаях, когда речь шла о роли крестьянства в русской революции, о социальной природе крестьянства и т. д. и т. п. По этому же руслу устремилась его мысль и при чтении текстов Федосовой. Об этом свидетельствуют в первую очередь сами отчеркивания, столь тщательно описанные В. Д. Бонч-Бруевичем. Внимательный их анализ показывает, что они очень четко распадаются на три основные группы. Ленин отчеркивает: во-первых, строки, в которых содержатся наиболее яркие свидетельства тяжести жизни крестьянства и тяжести солдатской службы; во-вторых, строки, в которых

Как по мертвом зарыдают,
До кружала провожают.
Ох, калина, ох, малина!

Всей деревней заревут:
«Ваньку в рекруты сдают!»
Ох, калина, ох, малина!

«Ах, прости навеки, Ваня,
Вот ужо те будет баня!»
Ох, калина, ох, малина! и т. д.

И. Н. Розанов отмечает популярность этой песни и ее переделок.
О мелодических истоках «Провод» см. М. Друзин, «Русская революционная песня», Музгиз, 1954, стр. 29—31 и 149.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

слышится протест, вырастающий на этой почве, и, наконец, в-третьих, все свидетельства ограниченности крестьянского мировоззрения, противоречивости его протеста, политической бесформенности и мягкотелости его.

Совершенно так же строится и ленинская оценка текстов И. А. Федосовой. В. И. Ленин сопоставляет «завоенные плачи» с «песнями **тех же крестьян,** которые убегали от помещиков, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей»,[1] т. е. с песнями крестьянских движений, ранней казачей вольницы, с песнями, в которых в особенно яркой форме выразился протест народа против крепостного права, против бесчеловечной солдатчины, «уничтожавшей человека». Он отмечает в них «постоянную готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов». Такое сопоставление рождает вопрос: если это те же крестьяне, то что же перерождало их, к чему они стремились? Народное творчество, утверждает В. И. Ленин, дает богатейший материал для изучения этого вопроса.

Однако В. И. Ленин не ограничивается этим сопоставлением. В самих текстах, записанных от И. А. Федосовой, он видит то же выражение противоречивости крестьянского мировоззрения. «Даже здесь, — говорит он, — в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».[2] Более того, подцензурность текстов И. А. Федосовой заставляет В. И. Ленина предположить, что в действительности крестьянский протест мог приобретать еще более острые формы. В связи с этим В. И. Ленин дает чрезвычайно ценный совет: «Надо докопаться до скры-

---

[1] «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

[2] «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120. Ср. ту же мысль В. И. Ленина в передаче Ю. М. Соколова, познакомившегося в 30-е гг. с набросками воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. По Ю. М. Соколову, Ленин обращал особенное внимание на силу народного гнева и ненависти к поработителям, выраженную в текстах, записанных от И. А. Федосовой, и вместе с тем, подчеркивал ограниченность этого протеста, прорывавшегося сквозь жалобы, стон и попытки найти утешение в религии (Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1941, стр. 184).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

тых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного».[1]

Проблема исторической ограниченности крестьянского протеста, сильных и слабых сторон крестьянской революционности (и крестьянского мировоззрения вообще) глубоко волновала В. И. Ленина не только потому, что партии и правительству предстояла гигантская воспитательная работа и в армии и в ее тылу в условиях мелкокрестьянской страны, но и потому, что в ходе революции периоды побед сменялись подчас периодами острых затруднений и поражений, связанных и с общим ходом событий и с настроениями многомиллионных масс крестьянства. Так было и в весенние месяцы 1918 г. В докладе на заседании ВЦИК 23 февраля 1918 г. В. И. Ленин говорил о политической ситуации, приведшей к Брестскому миру: «На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо. Да, революция шла до сих пор по линии восходящей от победы к победе, она теперь понесла тяжелое поражение».[2] Естественно, в подобный период было чрезвычайно важно знать психологию, настроения, особенности и противоречия мировоззрения различных слоев крестьянства.

И, наконец, отметим еще одну мысль В. И. Ленина. Чтение текстов Федосовой заставило его вспомнить «Николая Палкина» Л. Толстого и «Орину, мать солдатскую» Некрасова и указать на народное творчество как на один из источников русской классической литературы.

Итак, ленинская оценка творчества И. А. Федосовой[3] ставит перед исследователем следующие задачи:

1. Показать историко-познавательную ценность ее творчества.

2. Изучить, **как** и **какие** настроения русского крестьянства второй половины 60-х гг. прошлого века выразила в своем творчестве И. А. Федосова; показать глу-

[1] «Сов. этнография», стр. 120. О цензурных изъятиях в текстах Федосовой, см. стр. 177.

[2] Соч., т. 27, стр. 26.

[3] Следует помнить, что речь идет о мыслях В. И. Ленина, воспроизведенных авторами воспоминаний по памяти. В то же время авторитетность источников и совпадение сообщаемых ими сведений дает возможность не сомневаться в достоверности зафиксированной ими оценки творчества И. А. Федосовой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

бину и значительность ее протеста против социальных порядков современной ей самодержавно-помещичьей России, протеста, поэтически обобщившего силу народного гнева и ненависти к поработителям.

3. Вскрыть историческую ограниченность мировоззрения и поэтического творчества Федосовой; показать пассивность, политическую незрелость и неосознанность выраженного в нем протеста.

4. Показать, какой отклик получили произведения И. А. Федосовой в русской литературе, как выраженные ею идеи и свойственные ей поэтические достижения через произведения русских писателей вливались в общенациональный фонд русской культуры.

5. Изучить особенности художественного мастерства И. А. Федосовой, позволившего с такой яркостью и силой выразить мировоззрение русского крестьянства второй половины XIX века.

* * *

Большая историко-познавательная ценность творчества И. А. Федосовой заключается прежде всего в том, что оно было поэтически обобщенным выражением идеологии русского крестьянства пореформенных лет. Ценность его раскрывается в связи с установлением сильного и многостороннего отражения в нем не только реальных событий, реальных классовых взаимоотношений и реальных черт крестьянского быта, но прежде всего самой идеологии крестьянства той поры. Социальный протест, получивший художественное выражение в творчестве Федосовой, созревал и развивался на путях, типичных для русского крестьянства второй половины XIX века, и нес на себе бремя характерной незрелости, противоречивости и политической несознательности.

Социальная острота и поэтическая сила текстов Федосовой обеспечили не только значительность ее воздействия на современную ей крестьянскую аудиторию, но и определили значительность ее вклада в историю русской культуры.

Большое историко-культурное значение имела и поездка И. А. Федосовой по России в 1895—96 гг. (Петрозаводск, Петербург, Москва, Нижний Новгород, Казань), во время которой она встречалась со многими передовыми деятелями русского искусства и культуры—А. М. Горь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ким, Ф. И. Шаляпиным, Н. А. Римским-Корсаковым и др. Периодическая печать 90-х гг. сохранила память о 31 выступлении Федосовой в различных городах России. В эти же годы о выступлениях И. А. Федосовой было написано более 200 статей и заметок. Поэтическое мастерство Федосовой, с таким блеском описанное А. М. Горьким в очерках для «Нижегородского листка» и «Одесских новостей», и позднее в 1-й части «Клима Самгина», вызывало восхищение многотысячных слушателей, прочно входило в их сознание как образец высокого народного искусства, как свидетельство необычайной одаренности великого русского народа.

Федосова — одно из крупнейших явлений русского народного творчества прошлого столетия, сказительница, оставившая значительный след в истории русской культуры. Поэтому научное изучение ее творчества совершенно необходимо для выяснения того вклада, который был внесен русским трудовым народом в развитие русской культуры XIX века.

Творчество отдельных крупных сказителей изучается уже давно. Нельзя отрицать некоторых успехов в этой области. Однако методику этих изучений следует признать неудовлетворительной, не отвечающей элементарным требованиям марксистско-ленинской науки.

Дореволюционная буржуазная фольклористика не смогла подняться выше примитивных биографических «штудий», подменявших изучение мировоззрения сказителей учетом случайных и внешних изменений. В дальнейшем, уже в советское время, изучение творчества отдельных сказителей стало мыслиться как изучение «творческих индивидуальностей», т. е. изучение особенностей индивидуального стиля (манеры сказывания) того или иного сказителя. Само собой разумеется, что дальше самой общей классификации сказителей на «эпиков», «балагуров», «склонных к психологизации» или «увлекающихся развитием сюжетной интриги», эти изучения не пошли. Внеисторичность подобного рода классификаций и формалистическая их сущность теперь совершенно ясны. И тот и другой метод мало дали для построения марксистско-ленинской истории русского народного творчества.

Оба метода отрывали поэтическую деятельность мастеров народного творчества от традиции, вели к отрица-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нию коллективной природы народной поэзии, т. е., по существу, варьировали основные положения так называемой «исторической школы».[1]

Народная поэзия — коллективное творчество народа, поэтому понять смысл и значение поэтической деятельности отдельного творца или исполнителя можно только, изучив идеологию и эстетику того коллектива, который этот сказитель представляет. Это не значит, что задача заключается в сведении индивидуального к традиции. Наоборот, задача, в конечном счете, заключается в том, чтобы уловить то новое, что изучаемый сказитель вносит в общую сокровищницу русского народного творчества, опираясь на опыт своих предшественников и современников, причем это новое должно быть раскрыто как поэтическое выражение идеологии, типичной для исторически определенной ступени развития русского крестьянства во всей ее сложности и полноте.

Вместе с тем мировоззрение исполнителя (или сказителя-творца) выражается не только в этом новом, внесенном именно этим исполнителем. Оно выражается всей системой поэтических образов и поэтических приемов, старых и новых, традиционных и созданных исполнителем. Поэтому неправильно было бы изучать мировоззрение того или иного мастера народного творчества, отметая все воспринятое по традиции и выделяя только то, что создано впервые. При этом, разумеется, следует учитывать, что и мировоззрение любого представителя любой социальной группы в любую эпоху не возникает совершенно заново, а представляет собой сложное сочетание традиционного, унаследованного и возникшего вновь.

Три части, на которые делится настоящая работа, связаны между собой и определяют друг друга.

Цель первой части — по доступным источникам восстановить с возможной полнотой биографию И. А. Федосовой для создания фактической основы дальнейшего исследования. Вместе с тем, в первой части разрабатываются вопросы историко-культурного значения творчества народной поэтессы.

---

[1] См. например, на стр. 141—143 о речи главы «исторической школы» В. Ф. Миллера перед выступлением И. А. Федосовой на заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском Университете в 1896 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Вторая часть — «Историко-социальная проблематика творчества И. А. Федосовой» — посвящена характеристике мировоззрения Федосовой. В третьей — речь идет о важнейших особенностях художественного мастерства народной поэтессы.

При подготовке настоящей работы, помимо печатных источников (книг, журналов и газет), был использован архив Е. В. Барсова, хранящийся в Государственном Историческом Музее в Москве, материалы некоторых других архивов и организован сбор воспоминаний об И. А. Федосовой.

* * *

Важнейшие произведения Федосовой — ее поэмы из крестьянской жизни середины XIX века — возникли на основе бытовой традиции причитывания.

Причитания как самостоятельный жанр, имеющий четкие и своеобразные общественно-эстетические функции, возникли еще в древней Руси. Об этом красноречиво говорят свидетельства древнерусских литературных памятников, начиная от летописей и «Слова о полку Игореве».[1]

По аналогии со многими другими жанрами — былинами, песнями, сказками, пословицами и поговорками, — общерусский репертуар которых сложился в основном в пору формирования русского национального государства, можно предположить, что и поэтическая традиция причети с определенным запасом отстоявшихся, отшлифовавшихся поэтических приемов и образов в основном сложилась в это же время. По крайней мере, ясно, что XVIII век застает эту традицию разработанной и богатой.

Чрезвычайно характерен также и процесс прогрессирующей утраты господствующими классами поэтической традиции причети. Если древнерусские летописи и жития свидетельствуют о том, что образы русской причети были близки и народным массам (основным ее творцам), и княжеско-дружинной среде, и, даже, среде духовенства,[2]

---

[1] См. В. П. Андрианова-Перетц, Очерки поэтического стиля древней Руси, М.—Л., 1947, гл. «Лирико-эпические» плачи в древней русской литературе», стр. 135—181.

[2] Следует оговориться, что мы имеем в виду бытовую близость образов и мотивов. В обрядном же плане церковь издавна стремилась к вытеснению «языческого» народного похоронного чина, перенесению центра его тяжести в церковь (каноны Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста и др.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

то для XVIII—XIX веков мы имеем прямо противоположные факты. Так, например, известно, что в 1715 г. Петр I запретил причитывать на похоронах Марии — супруги Федора Алексеевича.[1] И если самого Петра после его смерти оплакивали плакальщицы, то в дальнейшем мы подобных сведений уже не имеем.

Во второй половине XVIII века исчезновение причети из обихода господствующих классов делается все более и более заметным. Об этом свидетельствует, в частности, трактовка причитаний, данная в статьях на бытовые и фольклорные темы, публиковавшихся в 1760-е гг.

В 1769 г. в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая пчела» появилась статья одного из виднейших писателей середины XVIII века А. П. Сумарокова «О неестественности». В этой статье Сумароков называет причитания — «дурацкими песнями»; он озабочен тем, чтобы они окончательно исчезли из дворянского обихода. Двумя годами раньше, в 1767 г., в «Ежемесячных сочинениях» появилась статья писателя и ученого Г. В. Козицкого «О плаче над мертвыми древних греков и других языческих народов» — первая научная статья о причитаниях в русской литературе. Примечательно, что Козицкий не упоминает русских причитаний.

Для XIX века характерно все убыстряющееся исчезновение их из дворянского и купеческого быта. Трудно представить, например, чтобы в среде «господ Головлевых» могли искренне звучать волнующие строки народной причети. Для Головлевых значительно типичнее отношение к смерти близкого человека, запечатленное в сцене последнего свидания Иудушки с братцем Павлом (см. гл. «По-родственному»), как для русской буржуазии середины XIX века типична ситуация, обрисованная в стихотворении Н. А. Некрасова «Секрет». Смерть «ближнего» и для тех, и для других — прежде всего момент раздела его имущества.

Что же представляет собой причеть?

В дореволюционной бужуазно-либеральной фольклористике было принято считать причитания жанром обря-

---

[1] Петр писал: «Желая истребить непристойный суеверный обычай выть, приговаривать, рваться над умершим, наистрожайше приказал, чтобы никто, как над умершею царицею, так и над всеми прочими не «издавал такого непристойного вопля» — см. «Русские простонародные праздники», 1837, вып. 4, стр. 120.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

довой народной поэзии. Такое понимание непозволительно сужает широкую область устной народной поэзии, которая в крестьянском быту связывалась с названием «причитания» («причети», причёта», «вопа» и т. д.).

Как показывают исследования советского времени, под причетью следует понимать элегические импровизации (создававшиеся женщинами), не имевшие устойчивого текста («причёт сам на ум течет»), возникавшие в связи с печальными, скорбными, трагическими событиями в крестьянском быту (пожар, неурожай, голод, семейные неурядицы, социальный гнет, тяжесть положения сироты или вдовы, сочувствие горю близкого человека, свадьба, проводы в солдаты, смерть).[1]

Причеть была несомненно одним из важнейших жанров устной поэзии угнетенного крестьянства. Она звучала в самые трагические моменты жизни крестьянина, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала веселая песня и занимательная сказка. В причети крестьянка выплакивала свои горести, выражала гнев по отношению к виновникам несчастий. Постоянная взволнованность творцов и исполнителей причитаний помогала отыскивать наиболее выразительные поэтические средства для раскрытия чувств и переживаний. Поэтому причитания, несмотря на обычное отсутствие прямой эстетической цели у ее творцов, представляют собой значительную художественную ценность, являются жанром, в котором (наряду с другими жанрами) с большой силой проявился поэтический дар русского народа.

Причитывающая женщина уясняла себе и своим слушателям смысл и причины произошедшего и говорила о возможных последствиях. При этом лучшие мастера причети поднимались до больших обобщений, будили в на-

---

[1] См. на уход сыновей — М. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, №№ 25 и 27; по сыну, увезенному на лечение, — М. Михайлов, Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, № 85; после пожара — там же № 9; на зимнем ужбище наваг — там же № 17; вдовы на сенокосе — там же № 18; об одинокой доле — там же № 39; на расставание с невесткой — В. Базанов, Поэзия Печоры, Сыктывкар, 1943, стр. 29; См. также «Затюремная приплачь в Нигижме» (Зап. Н. Шайжина), Олон. губ. вед., 1903, № 48; на объявление войны (зап. Н. Н. Ярославлева), Архив Р. Г. О., Разряд 25 № 24 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

роде ненависть к действительным виновникам народных несчастий.

Само собой разумеется, что причитания любой эпохи, так же, как всякий другой жанр, не могут характеризовать все стороны идеологии крестьянства этой поры. Поэтому, говоря о причитаниях, нельзя забывать о том, что русским трудовым народом были созданы в прошлом и песни о Разине и Пугачеве, и песни казачьей вольницы, и удалые бурлацкие и «разбойничьи» песни, и веселые плясовые частушки, и волшебные сказки, в которых в своеобразной поэтической форме нашли свое выражение чаяния и ожидания народные. Именно поэтому В. И. Ленин в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем указывал на необходимость изучения причети в тесной связи с другими жанрами русского народного творчества (см. выше стр. 9). Только тогда станет понятной мысль, высказанная В. Г. Белинским о русских лирических песнях, которую можно с полным основанием отнести и к причитаниям: «Грусть у него (у русского человека—*К. Ч.*) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой».[1] Значительное развитие причитаний, так же как грустная тональность большинства народных лирических песен—историческое свидетельство невыносимой тяжести жизни русского трудового народа в прошлом. В статье о Федосовой А. М. Горький писал, что «стон» ее полон «страшной боли», «силы страшной, рвущей сердце тоски». Вместе с тем «стон», выраженный в причитаниях, писал далее Горький, полон общественного содержания, это тот стон, который «создал наш народ, наша стомиллионная масса».[2]

В отличие от «протяжных» песен причитания не имели устойчивого текста и ясно выраженной фабулы; чувства исполнительницы выражались в них непосредственно при помощи более или менее определенного круга отработанных поэтических образов (сложившихся словосочетаний), употребление и выбор которых для каждого случая были индивидуальными. Если исполнительница «протяжной» песни выражает свои чувства в самом способе исполнения песни, в выборе песни, подходящей к ее душевному состоянию, то создательница причети формирует ее в зави-

---

[1] Полн. собр. соч., т. VI, СПб, 1903, стр. 477.
[2] См. «Нижегородский листок», 1896, № 159 (11 июня).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

симости от своей потребности, опираясь на поэтический опыт своих предшественниц.

Свадьба, которую А. М. Горький называл «гражданской смертью женщины», проводы мужа, отца или брата в солдаты и смерть близкого человека — три важнейшие скорбные события, которые переживала в прошлом в своей жизни каждая крестьянка и которые перестраивали всю ее жизнь, были источниками целого ряда несчастий, выпадавших на ее долю. Повторяемость этих событий в жизни деревни и возникновение на этой почве устойчивых и разработанных обрядов создавали и устойчивость определенных видов причитаний — свадебных, рекрутских и похоронных. В этих случаях причитания — не только само причитывание, но и темы, образы, лексика причети — становились ритуально-обязательными моментами обряда, создавалась традиция, оказывавшая большое воздействие на развитие поэтики всей причети и обрядовой и внеобрядовой (которая иногда называется «бытовой» причетью).

Дореволюционная фольклористика, изучавшая по преимуществу обрядовую причеть, из трех ее видов особенно интересовалась причетью похоронной, настойчиво отыскивая в ней мифологические представления о смерти (как о мифологическом существе) и религиозные элементы (представления о загробном мире), обычно игнорируя общественное и бытовое содержание причети. Между тем значительную ценность составляет именно ее бытовое содержание, передающее живые черты происшествия, в связи с которым она возникла.

Различные виды обрядовой и необрядовой причети тесно переплетались между собой. Основа этого явления — в самой природе причети. Внешняя композиция ее очень проста. По меткому народному определению, обычная причеть состоит из «заплачки» и «обидных стихов».[1] «Заплачка» — это горестный рассказ о происшествии; «обидные стихи» — сетования о горькой доле причитывающей, выражения предчувствия надвигающейся беды, плач о себе, своем сиротстве, своей доле.[2] «Обидные стихи» за-

---

[1] См. Истомин, Экспедиция для собирания русских народных песен с напевами, Олон. Губ. Вед. 1887, № 55.

[2] Эта черта причети была подмечена еще Н. Г. Чернышевским и привлекалась им для обоснования т. наз. «теории разумного эгоизма» (см. «Антропологич. принцип в философии», Полное собр. соч., т. 7, ГИХЛ, М., 1950 стр. 283).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нимают центральное место в большинстве причитаний, они насыщены живым, конкретным бытовым содержанием. Так, например, в похоронных причитаниях оплакивается и смерть близкого и горькая доля оставшихся в живых. В обрядовой причети «заплачка» обычно сосредоточивала в себе ритуально-обязательные мотивы. «Обидные стихи» импровизировались, здесь привычные образы использовались и располагались в последовательности, которая определялась конкретными обстоятельствами. Поэтому и обрядовая причеть могла включать в себя все элементы причети внеобрядовой, состоявшей, в основном, из «обидных стихов» и импровизированной (а не традиционной) «заплачки».

Обрядовая причеть (похоронная, рекрутская, свадебная) не была чем-то однородным. Каждый из этих обрядов включал в себя не одно причитание, а целую цепь текстов, связанных своим содержанием и системой образов с различными моментами обряда.[1]

Поэтическая система причети связана вовсе не с магической стороной обряда, не с мифологическими представлениями о смерти, как особом существе, о потустороннем мире и т. д., как утверждала буржуазно-либеральная наука, а с потребностью горюющей выразить свои скорбные чувства. Имеющиеся же в причитаниях мифологические представления (Смерть, Горе-Доля и др.) используются, обычно, как материал для создания поэтических образов, выражающих чувства овдовевшей (осиротевшей) солдатки и т. д. Несмотря на многовековое давление церковной идеологии в основе поэтики причитаний лежат стихийно-материалистические представления. Характерно, что никаких более или менее развитых представлений о «загробном мире» никто из многочисленных исследователей этой стороны причети не мог из нее извлечь. Для того, чтобы пойти дальше самого общего представления о «дорожке муторсливой», большинство исследователей вынуждено было прибегать к дополнительным показаниям самого обряда и повторять из статьи в

---

[1] См. обзор мотивов причети связанных с отдельными моментами обряда в статье Г. С. Виноградова в кн. «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, стр. 9 сл.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

статью одно утверждение о вере народа в физическое продолжение жизни после смерти и т. д.[1]

Не подлежит сомнению, что теснейшая связь причети с бытом, со всею жизнью крестьянства не могла не вызывать постоянные изменения в содержании как внеобрядовых, так и обрядовых причитаний, а эти изменения не могли не влиять, в свою очередь, на всю поэтическую систему русской причети в целом. Однако теоретическая ясность этого вопроса вместе с тем мало облегчает практическое его разрешение. От XVIII века и первой половины XIX века дошло до нас крайне мало текстов. Разрозненные свидетельства о бытовании причитаний и столь же разрозненные записи не дают, разумеется, возможности восстановить с необходимой полнотой картину последовательного развития причитаний в этот период.

Как уже говорилось, XVIII век застает причеть сложившейся, богатой и разработанной. Об этом свидетельствует чрезвычайно содержательная и яркая бытовая зарисовка, принадлежащая перу А. Н. Радищева, и сведения, имеющиеся в упоминавшейся статье А. П. Сумарокова «О неестественности». В выдающемся литературном памятнике XVIII века «Путешествие из Петербурга в Москву», в главе «Городня» Радищев дал реалистическую зарисовку проводов рекрутов в крепостной деревне. Приведенный Радищевым прозаический пересказ двух рекрутских причитаний интересен во многих отношениях, но прежде всего он замечателен тем, что воспринимается в органической связи с той потрясающей по своей силе общей картиной крепостного рабства, которая нарисована Радищевым в его книге. Причитания крестьянок Городни звучат особенно выразительно потому, что читателю «Путешествия» совершенно ясно, на какой социальной и психологической основе они возникают. Не случаен и сам выбор именно рекрутского причитания. XVIII век сыграл, повидимому, огромную роль в развитии именно этого вида русских причитаний. Именно с XVIII века входит в быт русского крестьянства рекрутчина, введенная Петром и развитая его преемниками. С начала XVIII века ведет

[1] Характерно, что авторы этих статей для характеристики народных представлений о «потустороннем мире» совершенно не привлекали такие замечательные документы как «Газету с того света» («Ведомость из ада»), в которой велась речь о загробных карах, уготованных угнетателям народа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

свое начало долгосрочная пожизненная (позднее 25-летняя) солдатская служба, т. е. сложилась та почва, на которой исторически возникает обряд проводов рекрута, одним из моментов которого была рекрутская причеть.

Кроме того, с середины XVIII века рядом указов Петра III и Екатерины II (1760—1765 гг.) помещикам было присвоено право внеочередной сдачи в рекруты «провинившихся» крестьян, а крестьянам было запрещено жаловаться на своих помещиков. Вместе с тем почти непрерывные войны, которые велись в XVIII веке, влекли за собой систематически учащавшиеся рекрутские наборы.

В «Городне» Радищев рисует три типа рекрутов своего времени — из государственных крестьян (по разверстке старосты), крепостного интеллигента (сданного в солдаты в наказание за «непослушание») и из крепостных крестьян (без всякой вины проданных помещиком в зачет рекрутов, потому что ему «запонадобилися» деньги на новую карету). Причитания, пересказанные Радищевым, оплакивают уход в солдаты государственного крестьянина. Характерно, что Радищеву запомнились не «общие места», а именно бытовая часть причети — «обидные стихи». Мать рекрута предугадывает ужасные для себя последствия ухода сына в солдаты. Приведенный Радищевым отрывок причети дает возможность восстановить конкретные обстоятельства проводов. Двадцатилетний рекрут,— повидимому, единственный сын рано овдовевшей и надорвавшей свои силы крестьянской женщины («старуха **лет пятидесяти»).** С его уходом рушится последняя надежда. Сын сдается в рекруты внезапно и накануне женитьбы, уже помолвленным. Мать предвидит полное запустение хозяйства («поля наши порастут травою, мохом наша хижина») и ожидающее ее нищенство («я бедная престарелая мать твоя должна скитаться по миру»). Не менее скорбна судьба просватанной, которая чувствует себя ни невестой, ни мужней женой, ни вдовой. Ей предстоит по распространенному крестьянскому обычаю остаться «вековухой». Она считает виновниками всех несчастий «бесчеловечных старост» — черта, чрезвычайно характерная именно для государственных крестьян — крепостных самого большого на Руси помещика (помещичьего государства), которым была свойственна меньшая, по сравнению с помещичьими крестьянами, ясность понимания социальной действительности. Следует

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

помнить, что даже в годы наибольшего размаха пугачевского движения значительная часть крестьян после расправы с помещиками своего уезда, своей губернии считала свою задачу выполненной и расходилась по домам; крестьяне (особенно государственные) сравнительно редко преодолевали стихийные формы протеста и поднимались до обобщенного представления о классовом враге; виновниками своих несчастий они считали ближайших угнетателей — плохого помещика, плохого старосту, в конечном счете, плохого царя, не теряя веры в хорошего царя, помещика, старосту и т. д.

Разобранный выше пересказ двух рекрутских причитаний из «Путешествия из Петербурга в Москву» несомненно основан на реальных бытовых наблюдениях писателя. Примеры эти особенно ценны для изучения причети, т. к. получили в книге Радищева всестороннее социальное истолкование.

Наше представление о темах, содержании и отчасти поэтических образах рекрутской причети XVIII века и первой половины XIX века может быть несколько расширено привлечением ряда солдатских и исторических песен, сюжеты которых связаны с причитаниями, возникавшими в связи с определенными историческими событиями. Так, например, в известной песне о петровских новобранцах на Воробьевых горах рассказывается о том, как причитывали солдаты о тяжести солдатской службы под началом командиров — «немчинов».[1] В обширном цикле солдатских песен петровской эпохи о сборах полков на шведскую войну, о сборах армии Шереметьева, о сборах в поход солдат Преображенского полка и др. рассказывается о прощании солдат с родными и близкими и неизменно приводятся слова причитывающих, звучащие прямыми цитатами из рекрутских причитаний.[2]

Прямые переклички с поэтикой причети обнаруживаются в песнях о солдатчине, не связанных с конкретными историческими событиями. В текстах, записанных в конце XVIII века, она не менее отчетлива, чем в более поздних записях. Так, в песеннике 1780 г. содержится не-

---

[1] См. Песни, собр. П. В. Киреевским, М., 1872, вып. 9, дополнения стр. 5—6.

[2] Там же, вып. 8, стр. 118—119, 224, 119—120, 221; вып. 9, дополнения стр. 6—14 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

сколько подобных песен (см. напр. песню «Не былинушка в чистом поле зашаталася», перепечатанную Соболевским, т. 6, № 395 и др.).

Связь солдатской и рекрутской причети и солдатской песни не случайна. Близость тематики и основных идей тех и других позволяет говорить о параллельном возникновении в Петровскую эпоху и дальнейшем параллельном развитии этих жанров, в истории которых XVIII век, совершенно очевидно, сыграл крупнейшую роль. С другой стороны, несомненно, что к концу XVIII века уже вполне сложился основной круг поэтических средств, характерных как для рекрутской причети, так и для солдатской песни и известных по записям XIX века. Названные выше песни и очерк Радищева свидетельствуют о том, что основное направление развития и той, и другой наметилось уже в петровское время. Возможно, что самое острое антикрепостническое содержание рекрутская причеть обрела в третьей четверти XVIII века, после упомянутых выше указов Екатерины, в пору назревания крестьянской войны, вспыхнувшей в 70-е гг. этого столетия.

По вполне понятным причинам до нас почти не дошло текстов, содержащих прямые антикрепостнические мотивы. Характерно, например, что Николай I, просматривая рукопись «Истории Пугачева» А. С. Пушкина, вычеркнул интереснейшее предание о причитании матери Степана Разина над рекой Яик, которое связывалось исполнителями с пугачевским движением. Царь написал на полях: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом».

Некоторое представление о причитаниях, бытовавших в крепостной деревне, дают такие рукописные документы XVIII века, как плач крепостного кн. Н. С. Долгорукова.[1] Автор этого плача был грамотным человеком, крепостным живописцем одного из крупнейших русских помещиков XVIII века. Плач его почти не содержит традиционных мотивов — это свободная импровизация; вместе с тем связь поэтической манеры одаренного крепостного с бытовыми «обидными стихами» несомненна. В плаче

[1] Текст найден был в деле о бегстве крепостного и опубликован впервые в «Нижегородском сборнике» (1890) в статье Снежневского о беглых крепостных. Перепечатан в ст. Т. А. Мартемьянова «Крепостное право в народной словесности», Ист. Вестник, 1906, сентябрь, стр. 867.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крепостного поэта рисуется горькое холопье житье, капризы и привередничество Долгорукова, которых не смог вынести сознавший свое человеческое достоинство живописец и от которых он в 1787 г. бежал в Швецию. Вместе с тем импровизация крепостного живописца автобиографична — это горестные сетования о своей доле, и поэтому совершенно неправы исследователи, называвшие ее вслед за Т. А. Мартемьяновым песней. Автор ее излагает факт за фактом из своей жизни, не поднимаясь до обобщений, не вскрывая типичности своей судьбы.

Ох, как был-то я, добрый молодец, во неволюшке,
Во неволюшке в доме господнином.
Служил-то я своему князю верой-правдою
Уж тому князю строгому
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову.

Крепостной поэт не решается поднять голос против крепостничества в целом, он возмущен теми жестокостями, которые допускал его барин, несмотря на то он служил ему «верой-правдою». Долгоруков «без резону гневался», «без вины наказывал», запретил дворовым «по ночам гулять, в хоровод ходить», а главное стал крепостного живописца «склонять во масонию, во масонию — веру проклятую». Отказ живописца перейти в «веру проклятую» взбесил князя, и он велел заковать его в кандалы. Только тогда он гулять пошел

На чужую дальню сторону,
Что во ту ли землю шведскую...

Широкое развитие причитаний самых различных видов в крепостной деревне XVIII — первой половины XIX века, в которые органической частью входили антикрепостнические мотивы, не подлежит сомнению. Об этом говорят приведенные уже выше материалы. Можно указать еще на целый ряд лирических песен крепостнической эпохи, в которых, подобно солдатским песням, либо отразились мотивы бытовых причитаний, либо причитывание легло в основу сюжета этих песен. Так, например, в песне, записанной в середине XIX века в Тульской губернии и опубликованной П. В. Шейном, говорится о том, как плачет девушка («Слезами-то горючими весь сад затоплю, причетами горькими живот-сердце иссушу»), семья которой разрушена злой волей крепостника.

.....Батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

А среднего-то брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в прикащики.[1]

Любопытное свидетельство о тематике бытовых причитаний крепостной деревни содержится в «Путешествии критики» С. фон Ф.,[2] испытавшего на себе сильное влияние «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Во втором письме автор рассказывает потрясшую его историю продажи крепостных промотавшимся и проигравшимся в карты помещиком фабриканту за три тысячи верст. «Проигравшись кругом до последней нитки, — рассказали автору крестьяне, — вздумал за ум схватиться: хочет, видно, долги-то кое-кому заплатить: так по зиме-то пятнадцать человек продал в рекруты. А ныне поднялся на новые фигли, всех до одного молодых-то ребят перехватал, сковал в железы — да и карауль мы же деток-то своих».[3] С. фон Ф. приводит здесь же краткий пересказ причитания по одному из проданных крепостных («Родимый ты наш братец! На кого же нас покидаешь? Кто нас будет поить, кормить? Без тебя натерпимся мы холоду и голоду...» и т. д.). С фактом, рассказанным С. фон Ф., перекликается записанный уже в советское время А. М. Астаховой случайно сохранившийся плач по крепостной, сдававшейся из деревни в барскую дворню,[4] который, как и причитание в «Путешествии критики», относится, повидимому, к первой половине XIX века. Отзвуки антикрепостнических причитаний звучат и в известном памятнике крестьянской литературы XVIII века «Плаче холопов», выразившем настроение крепостных предпугачевской эпохи. Автор его был несомненно человеком грамотным, в его поэтическом стиле сплетаются приемы народного райка и причитаний с книжными оборотами то силлабических виршей, то сатир сумароковской школы. Для

---

[1] Русская старина, 1886, февр., стр. 489—490. Аналогичную песню см. тут же, № 1, 4 и др., в сб. Киреевского, новая серия, ч. 2, стр. 265 и др.

[2] Как сообщает В. Н. Орлов в кн. «Радищев и русская литература» (Изд. 2-е, Л., 1952, стр. 115), М. А. Шнеерсон в неопубликованной работе «К вопросу о литературном наследии Радищева» установила, что автором «Путешествия критики» был С. К. фон Ферельцт.

[3] «Путешествие критики», Издательство Московского университета, 1951, стр. 26—31.

[4] См. альманах «Год 20-й», М., 1937, стр. 384.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нас особенно интересно то, что автор для выражения своих антикрепостнических воззрений избрал именно форму бытового плача, хотя и не придерживался сколько-нибудь последовательно его обычной, традиционной поэтики. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том, что горестные размышления о крепостной доле легко ассоциировались в сознании автора с причитаниями, несомненно много раз слышанными им из уст крепостных вопленниц. Вместе с тем автор «Плача холопов» поднимается до широкого социального обобщения, он смело восстает против всей системы крепостнических порядков, хотя и не в силах еще придти к прямым революционным выводам. В конце стихотворения он склоняется к пассивному отчаянию.

Генетическая связь с причитаниями ощущается с такой же силой и в целом ряде аналогичных текстов, созданных поэтами из народа в XVIII веке («Прошение в небесную канцелярию», «Челобитная богу от крымских солдат» и др.) и дошедших в немногих рукописных списках.

С наибольшей силой крестьянские антикрепостнические настроения XVIII века и первой половины XIX века выразились в причитаниях, связанных с народными движениями этой поры. До нас дошли некоторые тексты, относящиеся ко времени крестьянской войны, возглавленной Е. И. Пугачевым. Эти тексты дают некоторое представление о характере причитаний, бытовавших в связи с этим крупнейшим событием XVIII века. Нельзя не признать чрезвычайно характерным, что ни известные тексты причитаний, ни песни о Пугачеве и пугачевцах, в противоположность разобранным выше солдатским песням, не содержат ни мотивов проводов восставших из деревень, ни мотивов причитаний перед сражением. Уже это одно свидетельствует о силе классовой ненависти к помещичьему строю, которая вдохновляла пугачевцев в их борьбе. Единственная известная нам песня, связанная с началом восстания и содержащая в себе отзвуки поэтики причитаний (преимущественно рекрутских), — «Как за барами житье было привольное», — представляет собой образец преодоления пассивных сетований, использования моти-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

вов причети для создания песен гнева и классовой ненависти.[1]

Большинство текстов причитаний и их отзвуки в песнях связаны с поражением крестьянской войны, с царской расправой над восставшими. В замечательном фрагменте, записанном в советское время, но несомненно возникшем в 70-е гг. XVIII века и бытовавшем впоследствии наряду с другими песнями о Пугачеве, содержатся строки:

Емельян ты наш ро́дной батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...[2]

Не менее интересный, полный глубокого исторического значения фрагмент причитания был записан А. С. Пушкиным. Фрагмент этот был составной частью легенды, своим содержанием объединившей «разинщину» и «пугачевщину». В ней рассказывалось о том, как после поражения под Татищевой и отступления Пугачева по рекам плыли трупы убитых. «Жены и матери стояли у берега, — пишет Пушкин, — стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей».[3] В примечании к этому эпизоду поэт сообщает: «В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли мое детище? Не ты ли, мой Степанушка! Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Сюжетом ряда песен о Пугачеве и пугачевцах явилось причитывание по поводу поражения или пленения сторонников Пугачева правительственными войсками, смерти Пугачева и т. д. («Из-за леса, леса темного», «Ходил-

---

[1] Названная песня, известная по сб. Н. Л. Бродского «К воле. Крепостное право в народной поэзии» (стр. 73—74), в советское время была записана в новом варианте, свидетельствующем об ее связи с движением Пугачева (см. Лозанова А. Н., Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье, Куйбышев, 1947, стр. 3).

[2] Записано А. Н. Лозановой в 1930 г. в Нижнем Тагиле от В. Н. Петровой, см. сб. А. Н. Лозановой «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», 1935, стр. 186.

[3] Пушкин А. С. Полн. собр. соч., М., 1936, т. 5, стр. 374.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

то я, добрый молодец, по чисту полю» и др.). Во всех этих песнях активно используются мотивы причети, особенно в строках, которые вкладываются в уста причитывающих героев («На кого ты нас спокинул», «Мы не чаяли невзгодушки», обращение к стихиям и пр.).

Итак, сохранившиеся фрагменты причетей, отзвуки причетей в солдатских, лирических и исторических песнях, пересказы причитаний в произведениях художественной литературы, наконец, крестьянские стихотворные произведения, созданные грамотными крепостными на основе причитаний, дают возможность составить некоторое представление об основных линиях развития русской причети крепостнической эпохи (XVIII — первая половина XIX века). Не подлежит сомнению, что XVIII век сыграл крупнейшую роль в развитии рекрутской причети, возникавшей и формировавшейся в тесной связи с рекрутскими и солдатскими песнями. Обострение крепостного гнета, особенно с середины XVIII века и по мере приближения к 60-м годам XIX века, было почвой для значительного развития, распространения и углубления бытовой причети крепостной деревни с антикрепостническими мотивами, выражающей как сильные, так и слабые стороны крестьянского мировоззрения. Крестьянская война, возглавленная Е. И. Пугачевым, ее поражение и расправа над пугачевцами была одним из важнейших этапов эволюции антикрепостнической причети, развивавшейся параллельно с народными песнями этой поры — песнями гнева и классовой ненависти.

Если дошедшие до нас материалы дают возможность только в самых общих чертах, только в целом представить приблизительный круг тем причети крепостнической эпохи, то для изучения художественных особенностей причети этой поры их совершенно недостаточно. Мы можем исходить только из общего представления о том, что XVIII век застает поэтику русской причети уже развитой, богатой, в основном, уже сложившейся. Вопрос же о том, какова была ее эволюция в XVIII и в первой половине XIX века до обнаружения новых и значительных материалов не может быть выяснен. В настоящее время данные, анализированные выше, могут быть лишь незначительно дополнены привлечением текстов некоторых лирических песен, не связанных с какими-либо историческими событиями, но записанных и опубликованных в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

XVIII и начале XIX века. Мы имеем в виду, главным образом, лирические песни о смерти возлюбленного, тюремные песни и др. Уже в цитированных фрагментах и песнях мы не раз встречались с образами, известными нам по записям причитаний второй половины XIX и XX веков. (Смерть — закатившееся солнце; смерть — отправление в преждевременный путь до теплого лета, до солнца; изображение трудности солдатской жизни при помощи развернутого сопоставления: постель— мать сыра земля, «изголовьице» — корни деревьев, «умываньице» — дождь, «утираньице» — трава; характерный призыв к стихиям — ветру, солнцу и т. д. — раскрыть могилу, расколоть «гробову доску», оживить покойника и т. п.). Несмотря на скудность сведений, можно сказать вполне определенно, что в причитаниях XVIII и первой половины XIX века, так же, как и в позднейших, преобладали вопросительно-восклицательные конструкции, причем несомненно уже сложился целый ряд устойчивых традиционных вопросов (на кого ты нас покинул? не вернешься ли назад? куда ты отправляешься? как нам жить без тебя? кто о нас подумает? и т. д.).

Лирические песни, записанные в XVIII веке, не приуроченные к определенным событиям и имеющие мотивы, сходные с мотивами причитаний, подтверждают сказанное выше. Так, в песнях «Ты рябинушка, ты кудрявая» и «Как во городе да Санк-Питере» используется мотив, типичный для надмогильной причети («Вы завейте, ветры буйные»). Например, в первой из них:

Потяните вы, ветры буйные,
Что со той стороны северной,
Вы развейте мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Вы пустите меня проститися
И в последний раз поклонитися.

Некоторые песни дают возможность выявить и другие типичные образы причети, т. е. подтверждают их наличие уже в традиции XVIII века. Так, например, в песне «Отлетает мой соколик из очей, из глаз моих», заимствованной Соболевским из рукописного листка XVIII века (т. 5, № 518), развивается мотив «портрета» в типичном соединении с надмогильным плачем; песня «Близ зеленые дубравушки» подтверждает существование в XVIII веке так называемой «затюремной приплачи», известной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

по более поздним записям (т. 6, № 499, 500 и др. из песенников XVIII — начала XIX века).

Дополнительные свидетельства о бытовании причитаний в первой половине XIX века обнаруживаются и в ряде произведений художественной литературы, особенно 30—40 гг., когда судьбы народа, его жизнь, обычаи, психология были в центре внимания передовых русских писателей. Пушкин, Гоголь, Григорович неоднократно изображали причитывание как распространенное бытовое явление, как обычного спутника напряженных трагических моментов жизни крестьян, пользовались мотивами причети для углубленного раскрытия тяжести жизни русского трудового народа.[1] Поэтические достижения причети пытались использовать в своих целях и реакционные писатели (Ф. Булгарин, Б. Федоров, Ф. Кузьмичев). Так, например, в одной из повестей «серобумажного», как называл его В. Г. Белинский, Ф. Кузьмичева приводится большой по объему «плач старухи», который представляет собой пересказ действительной народной причети, однако нарочито и густо приправленный искусственными вставками, содержащими восхваление, якобы, «широкой и обильной» жизни крепостных, влюбленных в начальство и смиренно молящихся богу.[2]

Во второй половине XIX века число и качество записей резко возрастает. Уже в 60—70 гг. причеть включается в число наиболее активно собираемых и изучаемых жанров.[3] Вокруг причети, особенно вокруг творчества

---

[1] См. Пушкин, «Борис Годунов» — причитание Ксении над портретом умершего жениха (особенно черновой вариант); «Капитанская дочка» — причитывание капитанши Мироновой над трупом мужа; «Тазит» — о похоронном обряде адехов; «Путешествие в Арзрум» — причитывание у осетин и т. д.; Гоголь, «Страшная месть» (гл. 9); Григорович, «Четыре времени года» (гл. 7), «Кошка и мышка» (гл. I) и др.

[2] «Ф. Кузьмичев, Плач на кладбище или сельская девица, М., 1835, стр. 8—13.

[3] См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. III, «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», т. I—III, 1872—1885 (записи начаты в 1867); П. Чубинский, Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, т. IV, 1877, стр. 700 сл. и др. Библиографию важнейших публикаций последующих лет см. Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов, Русские плачи (причитания) в сер. «Библиотека поэта», М.—Л., 1937, стр. XXXV—XXXVI и Г. С. Виноградов, Крестьянская причеть в новых записях; в кн. М. М. Михайлова. Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, стр. 4—20.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крупнейшей ее исполнительницы — талантливой народной поэтессы XIX века И. А. Федосовой, развертывается живая литературно-общественная борьба. Собиратели и исследователи консервативного и буржуазно-либерального лагеря стремятся истолковать причеть как архаический обрядовый жанр, дающий богатый материал для мифологических и религиозно-мистических штудий (Веселовский, Бычков, Браиловский и т. д.). Представители демократической науки видят в причети творчество современного им крестьянства. Они ищут и ценят в причети выразительные картины социального гнета, черпают из нее сведения о жизни, психологии, мыслях и идеях крестьян, особенно крестьянской женщины (Рыбников, Некрасов, Горький и др.).

Во второй половине XIX века и в начале XX века записано несколько сотен текстов, содержащих десятки тысяч строк. Известны записи причитаний из самых различных уголков России — из Тульской, Пермской, Владимирской, Иркутской и др. губерний. Однако, наиболее богатые в поэтическом отношении записи дал так называемый «русский Север», особенно бывшая Олонецкая губерния. Середина XIX века застает причеть развитой и отработанной в каждой из этих областей, причем, если различие «областных школ» сказывания былин, сказок, особенно лирических песен обнаруживается лишь путем детального сравнительного анализа, то различие типов причети отдельных районов устанавливается очень легко. Так, например, даже в пределах бывшей Олонецкой губернии легко различимы заонежская, пудожская и поморская причеть; они отличны по запасу основных поэтических образов и приемов, ритмике, композиционной структуре, по соотношению лирических и повествовательных элементов и т. д.

Эта особенность причети легко объяснима. Причеть — бытовой жанр, ее исполнительницы — женщины — обычно были значительно более связаны с местным бытом, редко покидали границы своей волости. Таким образом, в причети, в путях ее развития нашла свое отражение характерная бытовая патриархальная замкнутость дореволюционной русской деревни. Несомненно, что по мере развития капитализма, по мере социального разложения деревни и характерного для нее натурального хозяйства все более и более стирались различия «областных школ»,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

доставшихся в наследство от эпохи феодализма. Однако этот процесс протекал для каждого жанра различно. Причеть была в этом отношении одним из наиболее устойчивых жанров.

Значительная активность бытования причитаний в эту пору была прямым отражением тяжести народной жизни. Усиление политического и экономического гнета в эпоху капитализма не могло не способствовать активности бытования причитаний, как обрядовых, так и внеобрядовых. С другой стороны, усиление гнета рождало все новые и новые формы протеста. В то же время сам факт выражения протеста наряду с другими жанрами и в жанре причитаний свидетельствовал о характерной противоречивости крестьянского сознания, а вместе с тем о противоречивости процесса развития причитаний.

Основным в этом процессе было дальнейшее значительное расширение социально-бытового содержания причитаний, углубление в них картин тяжести народной жизни, обострение мотивов социального протеста, постепенная выработка социальных обобщений, свидетельствующая о революционизировании сознания широких слоев крестьянства и особенно его беднейшей части. Усиление социальных мотивов обуславливало, вместе с тем, и ускорение процесса преодоления архаических элементов, особенно характерных для обрядовых свадебных, похоронных и рекрутских причитаний. Рамки старой причети начинают становиться тесными. В творчестве лучших мастеров причети и наиболее чутких выразителей настроений пореформенного крестьянства причеть перерастает порой в импровизированную социально-бытовую поэму, сохраняя только самую общую поэтическую связь с обрядовой причетью. Так было и в творчестве И. А. Федосовой, которой посвящена настоящая работа.

Следует иметь в виду, что опубликованные записи, как указывал на это В. И. Ленин, подверглись определенному отбору собирателей, издателей и официальной цензуре. Большинство собирателей основным в причитаниях считало мифологические элементы, игнорировало тексты с бытовым содержанием, наиболее острые тексты не пропускала цензура.[1]

---

[1] См. ниже о цензурных выдержках в сборнике Е. В. Барсова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В этом смысле любопытные свидетельства о характере основных процессов эволюции причитаний содержатся в ряде печатных выступлений церковников. Усиление социальных, в том числе и антицерковных мотивов, дальнейшее развитие стихийно-материалистических элементов и постепенное преодоление ряда суеверий вызывало тревогу среди реакционного духовенства. Об этом говорят многочисленные факты борьбы попов с исполнительницами причитаний,[1] многочисленные статьи, «исследования» и инструкции церковников о причитаниях.[2] Церковники с неудовольствием отмечают, что причитывающие слишком много сетуют по поводу земных, «суетных дел», вместо того, чтобы с христианским умилением приобщаться к церковному таинству погребения или бракосочетания.

Для рассматриваемого периода чрезвычайно характерно выдвижение крупных мастеров — исполнителей самых различных жанров. Характерно оно и для причети. Во второй половине XIX — начале XX века становятся широко известными такие местера причети, как И. А. Федосова, Н. С. Богданова (Зиновьева), ученица И. А. Федосовой — Маланья Лобачевская, Л. Ланева, Н. В. Конихина, Первенцева, Белоусова и др.

С особенной силой настроения пореформенного крестьянства выразились в творчестве И. А. Федосовой. В центре внимания И. А. Федосовой судьбы вдовы и солдатки в пореформенной деревне. «Реформы» 60-х гг. нисколько не облегчили положение трудовой русской жен-

---

[1] См. напр. Смирнов В. И., Народные похороны и причитания в Костромском крае, Этнографический сб. Костромского научного общества по изучению местного края, Кострома, 1917, вып. 8.

[2] См. Лоневский П., Сопоставление смысла и существа обрядов и таинств православной церкви с народными обычаями, практикуемыми в Подольской епархии, Подольск, епарх., вед., 1891, ч. 16—17; Думашников К., Народные поверья и обычаи при смерти, в погребении и поминовении христиан, требующие уничтожения, Руководство для сельских пастырей, 1868, т. 3, ч. 39, стр. 108—116; Генерозов, Я., Русские народные представления о загробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов, 1883, стр. 48; Покровский Н., Загробная жизнь в народных верованиях Северного края России, Православное обозрение, М., 1872, № 7, стр. 89—104 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

щины. Об этом выразительно писал А. М. Горький в предисловии к книге А. Корevановой «Моя жизнь»:

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Положение это не стало легче после «освобождения крестьян от крепостной зависимости помещиками» в 1861 году. Крестьянка и фабричная работница так же, как и раньше, принуждены были «до гроба покоряться» воле мужа, хозяина, работодателя, — воле рабов идола — собственности. Церковь приучала смотреть на «баб» как на людей «второго сорта», как на существа низшего качества. Безграмотные, забитые до отупения каторжным трудом, женщины жили в качестве домашних животных и производительниц «пушечного мяса» для казарм, для армии — для защиты русских помещиков, фабрикантов, лавочников, ростовщиков от нападения таких же немецких, французских, английских и других грабителей трудового народа, — для защиты от них или нападения на них. Жили «бабы», выпевая позорную и страшную судьбу свою в горестных песнях и в бесплодной надежде «выкарабкаться» из нищеты, «нажить» корову, лошадь, увеличить клочок надельной земли для того, чтобы поднять на ноги детей».[1]

Подчеркивая воспитательное значение изучения документальных материалов, рисующих быт трудового народа прошлого (особенно судьбу женщины), для советской молодежи, Горький заключает свою мысль: «Девушки Советского Союза только тогда поймут, почувствуют все величие работы партии Ленина, когда они познакомятся с каторжным прошлым их матерей и бабушек... Мы узнаем «земли родной минувшую судьбу» только тогда, когда хорошо будем знать условия жизни и работы трудового народа, когда оценим его «умственный баланс», накопленный веками рабской, подневольной жизни».[2]

---

[1] Собр. соч. т. XXVII, стр. 533—534.
[2] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Поэтические произведения И. А. Федосовой, несомненно, принадлежат к числу ярчайших документов, рисующих тяжелую жизнь русской крестьянки прошлого и, вместе с тем, они — выразительное свидетельство поэтической одаренности русского народа, его постоянного стремления найти путь к счастью и свободе, его ненависти к эксплуататорам, ко всем проявлениям гнета, ко всем попыткам унизить человеческое достоинство.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Часть I

БИОГРАФИЯ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ирина Андреевна Федосова — одна из талантливейших русских сказительниц прошлого. Ее высокую одаренность подчеркивали все знавшие ее и все изучавшие ее творчество. Нами уже приводилась высокая оценка, данная ее текстам В. И. Лениным. А. М. Горький чрезвычайно высоко ценил ее сказительское мастерство. В специальных очерках и многочисленных упоминаниях[1] он постоянно называет ее «талантливейшей народной поэтессой», «талантливейшей сказительницей» и т. д.

Однако жизнь И. А. Федосовой и ее творчество изучены крайне слабо. Краткие общие очерки, появившиеся в последние годы,[2] преследовали, главным образом, цели популяризации и оперировали при этом все одним и тем же, по существу чрезвычайно скудным фактическим материалом. Сведения, сообщавшиеся этими статьями, черпались из автобиографии Федосовой, записанной

---

[1] Подробнее см. стр. 144—161.

[2] См. Андреев Н. П. и Виноградов Г. С., Русские плачи (причитания), Библиотека поэта, 1937, Вступительная статья, глава «И. А. Федосова, Н. С. Богданова», стр. XIX—XXVI; Соколов Ю. М., акад., Русский фольклор, Госучпедгиз, 1941, главы: «Похоронные обряды и причети» и «Завоенные, или рекрутские плачи»; Виноградов Г. С. и Лозанова А. Н., Плачи и сказы, в сб. «Фольклор КФССР», Петрозаводск, 1941, стр. 123—127; Базанов В., Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, глава «Вопленицы и их поэзия», стр. 156—195; Кайев А. А., Русская литература. Учебник для учительских институтов, ч. I, изд. 2-е, Госучпедгиз, М., 1953, гл. Ирина Федосова и ее «плачи», стр. 86—88; Русское народное поэтическое творчество, Пособие для вузов, Под общ. редакцией проф. П. Г. Богатырева, М., 1954, гл. «Поэтическое мастерство русских вопленицъ», стр. 187—188 (Э. В. Померанцева).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Е. В. Барсовым (приведена им в приложении к I тому сборника «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым»[1]) и очерка А. М. Горького «Вопленица».[2] Иногда привлекался очерк А. Е. Грузинского.[3] В перечисленных работах по-разному освещаются проблемы творчества И. А. Федосовой, вопросы же ее биографии не поднимаются вовсе. Не сообщаются важнейшие даты и важнейшие события ее жизни (напр. год рождения, год смерти, возраст, в котором она создала лучшие свои тексты и т. д.). Обычно, после пересказа автобиографии, записанной в 1867 г., сообщается только один факт — ее встреча с А. М. Горьким в 1896 г. в зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки в Нижнем-Новгороде. Таким образом, три десятилетия жизни И. А. Федосовой остаются вне поля зрения исследователей. Такое невнимание к личности выдающейся народной поэтессы было унаследовано от дореволюционной буржуазной фольклористики. Барсов и Агренева-Славянская, записывавшие от И. А. Федосовой, воспринимали ее импровизации как простое переложение традиционных вариантов. Исследователей причитаний занимала главным образом обрядовая или мифологическая проблематика. Отдельные указания на одаренность Федосовой (Майков, Грузинский, Вс. Миллер) не обогащали фактических знаний о ней самой. Между тем, важность изучения биографии И. А. Федосовой выходит далеко за пределы простого любопытства к поэтически одаренной личности. Без установления основных дат ее жизни невозможно единственно правильное, конкретно-историческое изучение ее мировоззрения. Без знания основных фактов биографии невозможна верная оценка ее роли и значения в истории русской культуры. Следовательно, необходимость изучения биографии И. А. Федосовой диктуется не только важностью обогащения наших представлений о ее личной судьбе, но и необходимостью создания прочной фактической основы для решения важнейших проблем ее творчества.

---

[1] М., 1872, стр. 313—324.

[2] Газ. «Одесские новости», 1896, № 3660 (14 июня); см. Собрание сочинений, ГИХЛ, М., 1953, т. XXIII, стр. 230—234.

[3] Грузинский А. Е., Литературные очерки, М., 1906, см. о нем стр. 143—144.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Как показало первое же знакомство с материалом, создание такой основы вполне возможно. Обследование современной Федосовой периодической печати (журналов и, особенно, газет), мемуарной литературы и, наконец, сбор сведений от родственников Федосовой на ее родине дали возможность в значительной мере восполнить недостающее. Достаточно сказать, что в газетах и журналах 60—90 гг. удалось обнаружить около 200 статей и заметок об И. А. Федосовой, об ее поездках по городам России и о книгах, содержащих ее тексты.[1]

---

[1] См. приложение I «Основные даты жизни И. А. Федосовой», в котором дается перечень основных источников для ее биографии. В дальнейшем, чтобы не перегружать изложение ссылками на источники, мы ссылаемся только на соответствующую страницу «приложения».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ГЛАВА I

Родиной И. А. Федосовой обычно называют Кузаранду. М. М. Михайлов, побывавший в Кузаранде, уточняет: «крестьянка дер. Лисицино ныне Кузарандского с/совета Заонежского района».[1] Но и Михайлов не совсем прав. Федосова действительно довольно долго жила в д. Лисицино, однако, по свидетельству ее родных — невестки А. Ф. Федосовой (д. Лисицино Кузарандского с/совета) и племянницы А. С. Булавкиной (урож. Юлина, д. Скорнина Кузарандского с/совета) — она **родилась в д. Сафроново б. Вырозерского общества** (ныне с/с), входившего по дореволюционному административному делению (вместе с Кузарандой и некоторыми другими обществами) в состав **Толвуйской волости Петрозаводского уезда.**[2] Девичья фамилия ее, как вспоминают они же, была **Юлина.** Ее родителей звали Андрей Ефимович и Елена Петровна[3] Юлины.

Год рождения Федосовой до сих пор не был установлен. В научной литературе имеется разнобой и в суждении о возрасте И. А. Федосовой в 90-е гг. Так, акад. Ю. М. Соколов совершенно безосновательно утверждает, что в 1896 г. Федосовой шел уже десятый десяток лет.[4] Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов, очевидно основываясь на сообщении Агреневой-Славянской[5] пишут: «В 1887 г. ей

[1] Михайлов М. М., Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, стр. 31.
[2] См. приложение II, №№ 2 и 10.
[3] См. Барсов, т. I, стр. 314.
[4] Стр. 180.
[5] Т. III, стр. 201.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

было за 80 лет»,[1] между тем Агренева указывала на то, что Федосова не помнила точного года своего рождения. «Сколько тебе лет?» — спрашивала ее собирательница; «Иногда Ирина отвечала, — пишет Агренева далее, — «Сколько мне лет — столько тебе нет», или: «Сколько было вчера, того нет!». «Под столом ходила — хворост носила; стол переросла — коров доить пошла; косу отпустила — в работницах служила; пора настала — с молодцем гуляла; пора прошла — замуж пошла; замужем двадцать лет жила — тяжко горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась».[2] Нет ничего удивительного в том, что Федосова не помнила точного года своего рождения — в прошлом неграмотные женщины обычно не знали года своего рождения, а после замужества сбивались с правильного счета лет. Да и мужчины помнили год своего рождения только потому, что это было связано с призывом в армию.

В статьях и записках о Федосовой, напечатанных в газетах и журналах 1895—1896 гг., содержится большое количество противоречащих друг другу указаний на ее возраст (от 70 до 98 лет). Очевидно, возраст ее определялся авторами статей весьма приблизительно. И все же, при сопоставлении многочисленных показаний выясняется возможность совершенно точно установить год рождения И. А. Федосовой. Не умея определить свой возраст, она, тем не менее, никогда не сбивалась (об этом свидетельствует полное совпадение таких сведений во всех статьях) в счете лет, прошедших между крупнейшими событиями ее жизни. Так мы узнаем, что 19-ти лет она вышла замуж, 13 лет прожила за первым мужем, год была вдовой, затем 20 лет прожила со вторым мужем. Следовательно, когда она овдовела вторично, ей было 53 года. В то же время все статьи,[3] сообщающие дату смерти второго мужа, сходятся на 1884 г. Следовательно, в 1884 г. ей было 53 года, т. е. родилась И. А. Федосова в 1831 г.

---

[1] Стр. XIX.

[2] Агренева-Славянская, т. III, стр. 199.

[3] Барсов Е. В., Ирина Федосова и ее песнопения, Московский листок, 1896, № 14 (14 янв.), прилож.; Русская вопленица-поэтесса, Нижегородский листок, 1896, № 152 (4 июня); Ирина Федосова, Всемирная иллюстрация, 1895, № 1356 (21 января), стр. 79 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Родина Ирины Андреевны, как мы говорили, б. Толвуйская волость Петрозаводского уезда. В состав этой волости к началу второй трети XIX века входили 3 «общества» (с юга на север) — Кузарандское, Вырозерское и Толвуйское. Все они состояли из ряда мелких деревень (часто в 5—6 дворов), разбросанных группами по восточному берегу Заонежского (Шунгского) полуострова.

История Заонежской Толвуйской волости во многих отношениях примечательна. Постоянная борьба с суровой северной природой, гнет невероятной эксплуатации со стороны бояр и монастырей, а позже заводских чиновников, сплоченность и свободолюбие крестьян характеризуют историю заонежских деревень, наложившую несомненный отпечаток на все творчество народной поэтессы.

Точное время возникновения здесь русских поселений не поддается установлению, однако, есть все основания предполагать, что «Толвуйский Егорьевский погост Обонежской пятины Заонежской половины» — одно из древнейших новгородских поселений в пределах современных границ КФССР.[1] Причина появления здесь новгородцев совершенно ясна — Толвуя лежала на пути из Новгорода в Белое море.[2] Путь этот был жизненно важен для Новгорода — по нему доставлялась соль и пушнина. В перевозке соли толвуяне принимали участие вплоть до конца XVIII века. Акад. Н. Озерецковский, посетивший родину Федосовой в 1785 г., писал: «Зимний промысел толвуйских жителей состоит в возке соли с берегов Белого моря в г. Повенец, Петрозаводск и Олонец».[3]

С конца XIV века «Толвоская земля», «Толвуя», «талвяне» регулярно упоминаются в исторических документах. Значительная часть крестьян в это время находилась во

---

[1] Барсов Е. В., Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. Чтение Моск. О-ва Истории и Древностей Российских, 1868, кн. I, стр. 8 сл. Е. В. Барсов, отметивший это, явно преувеличивал, считая возможным говорить о появлении новгородцев на восточном берегу Заонежского полуострова уже в XI веке.

[2] Обозы, добиравшиеся до Повенца, дожидались лета, перегружали соль в лодки и переправлялись в них вдоль Толвуйского берега до южной оконечности Заонежья и затем по Пудожскому берегу до Андомского погоста (см. Мюллер Р. Б., Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 32).

3 Озерецковский Н. Я., Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, 1792.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

владении Новгородского Вяжицкого монастыря, причем взаимоотношения крестьян с монастырем были по преимуществу оброчными. Помимо земледелия, рыболовства, охоты и возки соли, толвуяне занимались добыванием и плавкой меди в ямах («Падмозерские ямы» и «ямы» в соседнем Фоймогубском погосте) для продажи в Новгороде и других новгородских посадах. После включения старых новгородских земель в состав русского централизованного государства Вяжицкому монастырю удалось сохранить свои владения на Толвуйском погосте.

Вместе с тем близость другого — Палеостровского — монастыря ставила толвуйских крестьян в особенно тяжелое положение. Оброчные «великих князей» и «Николы Вяжицкого» всемерно теснились соседями-монахами, захватывавшими земли, луга, леса и рыбные тони. Толвуяне, измотанные оброками, нанимались на монастырские работы, продавали монастырю свои участки и т. д.[1]

В начале XVII века[2] жизнь Толвуи оживилась двумя знаменательными событиями. В 1614 г. воевода Богдан Чулков построил здесь острог и при содействии местных жителей дал решительный бой «черкасам» — шведско-литовским интервентам, опустошавшим Заонежские погосты. В XVII веке Толвуя становится одним из деятельнейших районов старообрядческого движения, имевшего при своем возникновении явно демократический характер. В 1687—89 гг. здесь вспыхивает известное «старообрядческое восстание», одним из вожаков которого был толвуянин Авдей Алексеев. Восставшие (более 2500 человек) дважды захватывали Палеостровский монастырь и истребляли монахов. При приближении «государевых войск» они сожгли себя вместе со всем монастырем. Восстание приняло значительные размеры и охватило целый ряд погостов.[3]

В 1704 г. «черносошные крестьяне», а в 1786 г. и все остальные были приписаны к Правлению Олонецких горных заводов, т. е. стали «горнозаводскими крестьяна-

---

[1] См. Мюллер Р. Б., Писцовые книги Карелии, вып. I, под ред. проф. Андреева А. И. (рукопись).

[2] С 1601 г. по 1606 г. в Толвуе «находилась в заточении опальная боярыня Ксения Ивановна Романова, мать будущего Михаила I.

[3] См. «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», Петрозаводск, приложение, стр. 4—5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ми». Наступила наиболее тяжелая полоса в истории волости.

Еще до приписки монастырских крестьян к горным заводам Толвуя снова стала одним из центров восстания горнозаводских крестьян, распространившегося на многие вотчины Заонежья. Она дала вождя и этому восстанию — «мужицкого генерала» Клима Соболева. Восставшие крестьяне 2 года героически сопротивлялись правительственным войскам. Восстание закончилось «кижской трагедией», жестокой расправой над крестьянами по требованию правительства, напуганного начавшимся уже Пугачевским восстанием на юге России.[1]

Примерно с середины XVIII века начинается все усиливающееся экономическое отставание Карелии — она все больше и больше превращается в одну из наиболее глухих окраин тогдашней России.

К концу первой трети XIX в., т. е. ко времени рождения И. А. Федосовой, Толвуйская волость значительно разрослась. В 1819 г. ее населяло около 4 000 человек.[2] К году рождения Федосовой Кузарандское и Вырозерское общества стали уже настолько крупными, что были выделены в самостоятельные приходы.[3] Однако в положении крестьян не произошло заметных улучшений. Комиссия, обследовавшая положение олонецких приписных крестьян в 1825—27 гг., констатировала их крайнюю бедность. Хлебопашество не прокармливало крестьян, хлеба в лучшем случае хватало на полгода. Заводские работы — «урки» — не только мешали развитию отхожих заработков, но и наносили ущерб сельскому хозяйству приписных крестьян, т. к. «лошади по исправлении заводских работ бывают к весне тощие и едва могут иметь движение», как писала комиссия. Дефицит годового бюджета приписных крестьян составлял 381 781 р. при общей доходности в 803 740 р. Заводская администрация не только обсчитывала и обманывала крестьян, она создавала искусственную систему заниженных расценок — в счет «казенных»

---

[1] Балагуров Я. Кижское восстание 1769—1771 гг. (очерк истории восстания олонецких приписных крестьян), Петрозаводск, 1951.

[2] См. Летопись о приходе Толвуйском Олонецкой епархии, Петрозаводского у. Составлена причтом того же прихода в 1871 г., Архив КФ филиала АН СССР, отдел истории, № 1828.

[3] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

1 р. 70 коп. крестьян заставляли выполнять работы, ценившиеся в 22—26 р. (20-е гг.). Общины должны были от ревизии до ревизии выполнять повинности за всех умерших, нетрудоспособных и рекрут.[1]

Современные кузарандские колхозники — земляки И. А. Федосовой, пашущие поля тракторами и работающие в лесу электропилами, вспоминают как далекий и жуткий сон слышанное ими об этих временах от «досюльных» дедов. За сотни верст подчас должны были уезжать их деды «рубить урки» (т. е. заготавливать лес для заводов). Единственным инструментом при этом был самокованный топор — еще в середине прошлого века заонежские крестьяне почти не знали покупных орудий труда. Бревна возили волоком и т. д.

Маленькие деревеньки теснились группами по берегу озера. Каждая такая группа была удалена от другой на десятки километров. Но и близкие деревни становились зимой, осенью и весной далекими. Бездорожье царило по всей Карелии. «В Олонецкой губернии, — писал один из путешественников, — часто деревни, весьма близкие между собой, в известные времена года так удаляются одна от другой, что, безошибочно можно сказать, сообщения между ними нет; если же и есть, то весьма дальное, так что несколько верст зимою удлиняются на десятки, когда растает лед и санная езда прекратится. Находятся местности, до того изолированные благодаря лесам, трясинам и отсутствию всякого сообщения, что туда без дела не заглядывают... говорят же, что и в настоящее время имеются в глуши бедные деревушки, до такой степени уединенные, что к ним и из них пробраться можно только на лыжах, и когда установится возможность такого сообщения, то крестьянин, у которого есть некрещеный еще ребенок, спешит к приходскому священнику, который крестит подаваемую шапку, окропляет ее освященною водой и дает заочно имя младенцу. Отец, прибывший домой, одевает шапку на голову младенца — и крещение совершено, имя малюткою получено».[2] Перекликаясь с ним, другой путешественник через три четверти века писал: «Легче совер-

[1] См. Балагуров Я., Положение олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия, Известия КФ, НИ Базы АН СССР, 1948, № 1, стр. 112—123.

[2] М. Г., Дорожные заметки, ОГВ, 1868, № 23—24.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

шить кругосветное путешествие, нежели проехаться весною по волостям Карелии».[1]

За очень редкими исключениями крестьянские избы были курными. И. А. Федосова не только родилась в курной избе, но и прожила в ней значительную часть жизни. «Чистые» избы стали строиться в Кузаранде лишь в 90-х гг. XIX века. Так, в кузарандской деревне Загорье до 1890—95 гг. была лишь одна изба, построенная «по-белому», принадлежавшая купцу Аристову.

Выразительное описание олонецкой крестьянской избы в прошлом веке оставил внимательный наблюдатель народной жизни, известный собиратель народного творчества П. Н. Рыбников: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом, и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбиралось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставен, на полках запас лучин и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгибание перед сильным и, пожалуй, тюрьма за то, что он крестится по-старому и вместо Иисуса выговаривал Исус. Летом — скотский падеж, зимой — долги и недостаток хлеба».[2]

Голод был постоянным гостем в продымленных олонецких избах. «Здешние крестьяне,— писал Бергштрессер в 1838 г., — столь бедны, что едят хлеб, печеный из половины или одной трети или даже одной четверти муки и остальной части сосновой тертой коры или соломы».[3] Крестьянство было не только забитым и голодным, оно было невежественным и темным. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1856 г. сообщает, что в середине века в олонецких селах на 100 крестьян приходилось всего 0,41 учащихся. В 1856 г. в губернии было 284 питейных заведения, 1604 церквей и часовен и всего 46 школ (из кото-

---

[1] Максимов Н., О северных делах и делишках, Русск. Богатство, 1893, № 4, стр. 60—61.

[2] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», 2-е изд., 1910, т. I, стр. XXXI.

[3] Описание Олонецкой губернии, СПб, 1838.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И. А. Федосова в 1886 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

рых подавляющее большинство было одноклассными) и 7 больниц. Редкие деревенские грамотеи были по преимуществу староверческими начетчиками, ничего не читавшими кроме церковных книг. Еще в 60-е гг., когда были открыты первые земские школы, олонецкий архиерей писал толвуйскому священнику: «Стыдно и грешно вам, что ваши прихожане отдают своих детей для обучения мужикам, девкам и бабам,[1] видно, не видят в вас своих пастырей и не отдают детей в учрежденные правительством школы».[2] О том, какими были эти «учрежденные правительством школы», рассказывал мне Ф. И. Прохоров, учительствовавший в Кузаранде в 1896 г. На все кузарандские деревни в год его приезда была одна «школа», ютившаяся по частным домам. В ней училось всего 12 мальчиков.[3]

Такова была деревня, в которой родилась и жила И. А. Федосова.[4]

О детских ее годах мы знаем сравнительно мало. Это было, повидимому, типичное детство крестьянской девочки в олонецких деревнях тех лет. Огромная семья, состоявшая из 22 членов, должна была напрягать все силы, чтобы жить «прожиточно и степенно». Поэтому Ирина Андреевна уже «6-ти год на ухож лошадь гоняла и с ухожа домой пригоняла», «8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять». Как она сама рассказывает, у родителей, кроме нее, было 3-е детей: «брать да две сестры, а в них толку мало, я ж была сурова; по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла, убирала; севца не наймуют, а класца наймуют».[5] В детстве И. А. Федосова упала с лошади и осталась хрома на всю жизнь. Отец был строг и не пускал девушку не только на гулянки, даже на «прядиму беседу», но «раз в неделю, — рассказывает

---

[1] Имеются в виду «грамотеи»-староверы, иногда обучавшие детей читать книги «старого письма».

[2] Летопись Толвуйского прихода, стр. 51—52.

[3] См. приложение II, № 1.

[4] К характеристике жизни заонежских деревень в 60-е гг. мы вернемся в части II «Историко-социальная проблематика творчества И. А. Федосовой».

[5] Барсов, т. 1, стр. 314—315.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

она, — молча уходила, приду — место сделают у светца...[1] Имя мне было со изотчиной, грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу».[2] В этом скуповатом рассказе о себе Ирина Андреевна со свойственным ей мастерством нарисовала облик девушки, в которой мы узнаем многие черты будущей народной поэтессы, мыслящей смело и самостоятельно, ясно сознающей свое человеческое достоинство. Эти качества, соединявшиеся с глубокой любовью к народной поэзии,— песням, былинам, причитаниям, сказкам, — пронесла Ирина Андреевна через всю свою жизнь. Недаром А. М. Горький через 33 года после встречи с Федосовой, вспоминая о ней, подчеркивал в ней именно эту «любовь к делу»: «По-моему есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему. «Вопленицы» и «сказительниц» я знаю, встречал, слышал знаменитейшую из них Орину Федосову, это была талантливая старуха, но именно потому, что полюбила свое дело в 12 лет и на всю жизнь».[3]

Помимо «любви к делу» и замечательной поэтической одаренности Федосова обладала исключительной памятью, позволявшей ей для ее импровизаций широко черпать материал из всех основных жанров русского фольклора. Достаточно сказать, что Е. В. Барсов и О. Х. Агренева-Славянская, не занимаясь специально записью пословиц и поговорок, «между прочим» записали от Федосовой около 130 различных пословиц. Если учесть еще пословицы, встречающиеся в текстах Федосовой, то эта цифра возрастет более, чем до 200; какое же количество пословиц могла бы сказать И. А. Федосова, если бы ее спрашивали о них специально! О своей памяти Федосова говорила: «Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна, где што слышала — пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую».[4]

Очень рано, с 12—13 лет, И. А. Федосова начала «подголосничать» на свадьбах и быстро приобрела известность по Кузаранде, а затем по всей волости и, наконец, по

---

[1] Светец — держатель для горящей лучины.

[2] Барсов, т. I, стр. 314—315.

[3] Письмо к А. Агапкиной от 27 марта 1929 г., см. М. Горький, Письма к рабкорам и писателям, б-ка «Огонька», № 55—56, 1936, стр. 27—28.

[4] Барсов. Стр. 315.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

всему Заонежью. О ее широкой известности по Заонежью рассказывают все писавшие о ней; память о ее былой популярности до сих пор жива в Кузаранде. Один из корреспондентов газеты «Новости» писал (очевидно, со слов П. Т. Виноградова[1]) следующее: «Бабушку Андреевну знают не только у себя в деревне, но и далеко за околицей; за 70 верст приходят к бабушке с поклоном «повопить» над покойником или «поплакаться» в свадебной песне. И Федосова идет, идет за 70 и более верст «вопить», она очень гордится своим положением в уезде: все ее знают, и она всех знает, всякий перед ней заискивает, — ведь без нее ни одни засидки, ни свадьба, ни похороны, ни проводы в солдаты не состоятся».[2] Постоянный корреспондент «Олонецких Губернских Ведомостей» и один из видных знатоков Олонецкого края в конце века, Г. И. Куликовский писал: «Она считалась первою вопленицею во всем крае, и ее приглашали за десятки верст».[3]

Широкую известность обеспечивало ей не только мастерство сказывания; записи, произведенные от нее, убеждают нас в огромной общественной значимости ее поэтической деятельности.

Для правильного представления о характере этой деятельности необходимо внести одну существенную поправку в широко распространенное представление о «вопленицах» и «подголашивании» в прошлом. С легкой руки Дашкова,[4] а затем авторитетом Е. В. Барсова утвердилось мнение о существовании «плакальщиц», плакавших на похоронах (Барсов назвал их «вопленицами»), свадьбах и во время проводов рекрута.[5] Редкие возражения сомневавшихся не принимались всерьез. Более того, в свое время обсуждался вопрос о существовании «наемных», «профессиональных» плакальщиц и т. д., причем речь шла именно об Олонецкой губернии. Между тем, еще за

---

[1] О П. Т. Виноградове, см. стр. 123—124.

[2] Ирина Федосова, Новости и биржевая газета, 1895, № 9 (9 января).

[3] Куликовский Г. И., Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве, ОГВ, 1896, № 4 (17 янв.), стр. 2.

[4] Дашков В., Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, СПб, 1842.

[5] См. напр. в учебнике акад. Ю. М. Соколова (1941 г.), стр. 175 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

три года до встречи Барсова с Федосовой петрозаводский краевед и фольклорист К. Петров в статье «Заплачки и причитания в Олонецкой губернии» писал: «В нашей губернии плакальщицы чаще являются на свадьбах, чем на похоронах».[1] В 1910 г. другой местный фольклорист Н. С. Шайжин заявил еще более решительно о том, что в Олонецкой губернии наемных вопленицы не только нет, но и не было. Кроме того, он утверждал, что «подголосницы», как специальные участницы обряда, появляются лишь в пределах свадебного обряда.[2] За 15 лет до Н. С. Шайжина примерно то же утверждал и анонимный автор чрезвычайно обстоятельной статьи об И. А. Федосовой во «Всемирной Иллюстрации»: «Как вопленица Федосова приглашается на свадьбы..., а на похороны, **как принято,** сама идет разделить горе и причитания поет по покойникам».[3]

Сплошной опрос, предпринятый мною на родине Федосовой в Кузаранде в августе 1948 г., полностью подтвердил правильность утверждения Н. С. Шайжина.[4] Более того, выяснилось, что в Кузаранде неизвестно слово «вопленица». Федосову все опрошенные мною и знавшие ее лично, называют «подголосницей», причем имеют в виду специально свадебное «подголашивание», имеющее мало общего с «воплением». Свадебная «подголосница» по заонежской терминологии — это специальное лицо, выводящее невесту к столу в доме жениха и обращающееся от имени невесты ко всем членам жениховой родни по очереди. Эти обращения, обычно индивидуализированные импровизации, создававшиеся на каждый случай заново. «Подголосница» участвует в свадьбе независимо от умения или неумения невесты причитывать. Тексты подголосницы поются, а не причитываются, хотя некоторая связь их с причитаниями и вероятна. Если невеста не умела причитывать, то в объезде родных могла прини-

---

[1] ОГВ, 1863, № 4, стр. 12.

[2] Шайжин Н. С., Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись), Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г., Петрозаводск, 1910.

[3] Ирина Федосова, Всемирная Иллюстрация, 1895, № 1356, (21 янв.), стр. 79.

[4] Совершенно то же мне рассказывали А. Т. Конашкова (Пудожский район) и Ф. Н. Быкова (Беломорский район).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мать участие подголосница, в таком случае она причитывала за невесту. На похороны же и проводы рекрута никого специально не приглашали — причитывали только родные и добровольно приходившие односельчанки. Однако кузарандцы помнят, что Федосова сама ходила на чужие похороны, как она говорила, «мертвым честь воздавать», и на проводы рекрутов.[1] Это подтверждается и свидетельством Грузинского: «Ее приглашают всего чаще на свадьбы, плакать же на похороны или на рекрутские проводы она обыкновенно ходит сама, по доброй воле; очевидно, она испытывает ясную потребность в той художественной работе, которую представляет для нее составление и исполнение этих плачей».[2] Повидимому, это была не просто потребность принять участие в чужом горе, это было ясно осознанное общественное призвание, осознанная обязанность помочь людям понять их собственные чувства, разобраться в социальном смысле произошедшего, научить людей трезво и смело смотреть в глаза жизни. Недаром кузарандцы до сих пор помнят Федосову как первую советчицу во всех трудных делах крестьянской жизни. А. И. Беззаботная (д. Шилово Кузарандского с/с) рассказывала мне: «А моего племянника как отдавали в рекруты, она приходила к нам, сидела около рекрута, да дрочила его,[3] да причитывала. Говорила, что как попадете в города да незнакомые, бросьте вы оружия да царские, да смотрите вы во сторону родимую».[4]

Воля к творчеству была необычайно сильна у И. А. Федосовой. В. Ф. Миллер, интересовавшийся характером ее творчества, подчеркивал его разносторонность: «Еще в молодости, по ее рассказам, как девушкам, ее подругам, надоедали старые песни,— писал он,— они, зная ее способность, просили ее заводить новую песню и дивились, откуда только у нее берется. Песни ее запоминались и входили в оборот в ее деревне... она складывала для девушек свои песни и говорила им: «Учитесь, учитесь, де-

---

[1] См. приложение V, №№ 14 и 17.

[2] Грузинский А. Е. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова, в кн. «Лит. очерки», М., 1908, стр. 107.

[3] Т. е. гладила по голове.

[4] См. приложение II, № 15.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

вушки, пока жива: умру, меня вспомните».[1] К сожалению, песни Федосовой, в силу особого интереса Е. В. Барсова к причитаниям, остались совершенно не записанными, и поэтому эта сторона ее творчества не может быть освещена.

Ирина Андреевна рано осознала свое общественное призвание. Об этом ясно свидетельствует история ее первого и второго замужества. Первым мужем ее был Петр Трифонович Новожилов из Кузарандской деревни Сидорово.[2] Девятнадцатилетняя девушка, она выбрала себе в мужья шестидесятилетнего вдовца, поставив ему единственное условие — не мешать ее поэтической деятельности.[3] Несмотря на недовольство родных и нарекания соседей, она настояла на своем выборе и не ошиблась. «13 лет жила я за ним,— рассказывала Ирина Андреевна Барсову, — и хорошо было жить; он меня любил да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куда хочешь».[4] После смерти П. Т. Новожилова (25 декабря 1863 г.), прожив один год вдовой, Ирина Андреевна вторично вышла замуж за Якова Ивановича Федосова из д. Лисицино тоже Кузарандского общества. Яков Иванович был значительно моложе ее и в новой семье она была встречена недружелюбно. «Когда она пришла в семью, — сообщает ее родственница А. Ф. Федосова, — так над ней надрыгались; не поймешь, мол, молодуха аль старуха — за водой на колодец посылали, смотрели, как она несет»[5] и т. д. Об этом же рассказывала и сама Федосова: «Дядина да диверь бранить меня стали, всю зиму бранили, привидла всего: Яков мой такой не хлопотной, а оны базыковаты,[6] обижали меня всячески».[7]

---

[1] См. конспект вступительной речи В. Ф. Миллера перед выступлением Федосовой на заседании О-ва Любителей Естествознания, Антроп. и Этнографии при Моск. университете, 3 янв. 1896 г. в статье Г. И. Куликовского «Олонецкая народная поэтесса И. Федосова», ОГВ, 1896, № 4 (17 янв.).

[2] См. приложение V, № 2.

[3] См. в автобиографии, стр. 318: «мне поважно по свадьбам ходить да игры водить».

[4] Стр. 320.

[5] См. приложение II, № 2.

[6] Бранчивы, сварливы — *примеч. Барсова.*

[7] Стр. 321.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Весной 1865 г. Яков Иванович, столяр, как большинство кузарандцев,[1] пошел на заработки к Соловкам. Жизнь Федосовой стала совершенно нестерпимой — ее заставляли вести все хозяйство. Поэтому с возвращением мужа они решили перебраться в Петрозаводск (1864 г.), где Якову Ивановичу вскоре удалось открыть столярную мастерскую.

Здесь, в Петрозаводске, и произошли первые встречи И. А. Федосовой с фольклористами, положившие начало ее широчайшей всероссийской известности.

ГЛАВА 2

В 1865—1866 гг. Федосову в Петрозаводске разыскал П. Н. Рыбников, «записавший от нее несколько былин»,[2] и, наконец, в начале 1867 г. (февраль) И. А. познакомилась с преподавателем логики, психологии и немецкого языка Олонецкой духовной семинарии Е. В. Барсовым, сыгравшим огромную роль в ее дальнейшей судьбе. Об истории этого знакомства Барсов пишет: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонецких старинах, как-то сообщил мне, что у них, в Заонежье, очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких вопленицы — Ирину Андреевну, в деревне Кузаранде, за Яковым Федосовым. Я попросил, во что бы то ни стало, вызвать ее в Петрозаводск; оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад перестала ходить по свадьбам и похоронам и живет в самом Петрозаводске. Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однакож, благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что я человек неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое, что с мо-

---

[1] См. приложение V, № 2 и др.

[2] Г. И. Куликовский, там же, стр. 2. Об этом же свидетельствует и Е. В. Барсов в статье «Ирина Федосова и ее песнопения», Моск. листок, 1896, № 14, прилож. Дальнейшая судьба записей Рыбникова от Федосовой неизвестна.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли песни запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».[1] В газетном сообщении о своей работе Барсов рассказал о том же более кратко, но не менее выразительно: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенна впоследствии, но постоянно повторяла: «не сошли ты меня на чужу дальну сторонушку».[2]

Примечательно, что, читая тексты И. А. Федосовой, В. И. Ленин обратил внимание на необходимость учитывать при их анализе неизбежность недоверия исполнительницы к собирателю-барину. «Он (т. е. Барсов — *К. Ч.*) сделал хорошее дело, — говорил В. И. Ленин В. Д. Бонч-Бруевичу, — собрав и записав все это. Но очень может быть, что самое важное, затаенное, ему, как барину, и не сказали».[3]

* * *

Елпидифор Васильевич Барсов, записавший от Федосовой не только подавляющее большинство известных текстов, но и лучшие из них, родился в 1836 г. в с. Логинове Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье сельского священника. После окончания Устюжны-Железопольского духовного училища, о пребывании в котором Барсов вспоминал цитатами из «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского, он стал студентом Петербургской Духовной Академии. «Высшее образование, — записал Е. В. Барсов в известный альбом издателя «Русской старины» М. И. Семевского «Знакомые», — я получил в Санкт-Петербургской Духовной Академии, где принадлежал к обществу «Ядро» и был не столько студентом, сколько крикуном и заговорщиком, впрочем очень неопасным, и скорее следовал за другими, чем действовал по внутреннему движению. Время это было крайне любопытное: в 4 года сменилось 4 ректора и 5 инспекторов. В академии сказывалось все тогдашнее общество, начиная от двора: это была эпоха отрицания всего минувшего. В академии

---

[1] Барсов, т. I, стр. 313—314.

[2] Барсов Е. В., Олонецкая плакальщица, Современные известия, 1870, № 212, (4 авг.), стр. 4.

[3] «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

это отрицание выразилось лишь в крайних ужасающих размерах: что это было лишь случайное явление — видно из того, что все студенты нашего курса явились в жизни не тем, чем были они в школе».[1]

Запись эта чрезвычайно характерна не только для Барсова конца 80-х гг., но и для всей его идеологической эволюции в целом. От неглубокого и, как он сам сознавался, случайного «либерализма» в 60-е гг. он быстро скатился на умеренные позиции в 70-е гг. После 1 марта 1881 г. перепуганный грозными потрясениями «основ» он становится «охранителем», слезно кающимся в убогих грехах молодости. Закономерным концом этой позорной эволюции было посвящение трехтомного исследования о «Слове о полку Игореве» Победоносцеву. Умер Барсов в 1917 г.[2] вместе с тем миром, который он крикливо обвинял в несправедливости в годы своей молодости и который елейно «охранял» в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края».

Однако было бы неверно оценивать Барсова в его «петрозаводский период» (1861—1869 гг.) с точки зрения нашего отношения к Барсову в 80-е гг. и позже — мы не сумели бы правильно понять смысл его работы над 1 томом «Причитаний Северного края» — книгой, которая так горячо была воспринята редакционной группой «Отечественных записок» (Н. А. Некрасовым и Н. К. Михайловским) и оказалась враждебной «гнусному», как назвал его К. Маркс,[3] журналу кн. Мещерского «Гражданин».

«Либерализм» Барсова 60-х гг. был неглубок и, повидимому, он действительно «скорее следовал другим, чем действовал по внутреннему движению». Однако Барсов, приехавший в 1861 г. в Петрозаводск и вскоре сошедшийся с Рыбниковым, был еще тем, чем он был в школе: демократические склонности студенческих лет еще не потеряли для него свою силу, и он, трудно сказать в какой

---

[1] СПб, 1888, стр. 235.

[2] См. «Е. В. Барсов» (некролог), Ист. Вестник, 1917, № 7—8, стр. 287—288; «Е. В. Барсов» (некролог), Моск. Ведомости, 1917, № 91.

[3] К. Маркс, Письмо П. Л. Лаврову, 24 октября 1876 г., см. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1947, стр. 175.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мере сознательно, но продолжал деятельность П. Н. Рыбникова.

В настоящее время достаточно выяснен характер деятельности Рыбникова. Его с достаточной ясностью определили — М. Клевенский, М. К. Азадовский, Н. Н. Виноградов, В. Г. Базанов и А. П. Разумова,[1] опровергнувшие неправильное толкование мировоззрения Рыбникова, предложенное А. Е. Грузинским в предисловии к I тому 2-го издания «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Важно отметить, что Рыбников — член тайного общества «вертепников», испытавший на себе влияние идей «Современника», — во время своей олонецкой ссылки вел собирательскую и исследовательскую работу в русле революционно-демократической науки. В Петрозаводск он был сослан, как свидетельствуется в специальном отношении III отделения Олонецкому губернатору ген. Л. П. Волкову, «за подозрительные разъезды по слободам Черниговской губернии, населенным преимущественно раскольниками, и неуместные рассуждения в обществе сих последних; также и за прежнее его поведение в Москве, где он, быв студентом, имел у себя частые собрания, навлекавшие на себя подозрения по тем разговорам, которые вели посетители оных». Попав в Олонецкую губернию, П. Н. Рыбников продолжил внимательное изучение народной жизни, правда, в более осторожных формах. Его статьи в «Олонецких Губернских Ведомостях» и Памятных книжках — о расколе, о Шунгской ярмарке, о льняной промышленности в Пудожском уезде, о Тивдийских мраморных разработках и др. были не только следствием общего интереса к малоизученному краю. В пределах официальных возможностей он продолжает горячую защиту народных интересов. Внешне суховатые статистические отчеты,

---

[1] Клевенский М., «Вертепники» в кн. «Литературные салоны и кружки (первая половина XIX в.)», под ред. Н. Л. Бродского. Изд. Академия, М.—Л., 1930; (то же — «Каторга и ссылка», 1928, № 47, стр. 18—43); Азадовский М. К., Добролюбов и русская фольклористика, в кн. «Литература и фольклор», 1937; Виноградов Н. Н., Материалы для биографии П. Н. Рыбникова, Сов. фольклор, 1935, № 2—3; Базанов В. Г., Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, глава «П. Н. Рыбников в Карелии»; Разумова А. П., Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко. М.—Л., 1954, 141 стр.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

которые он обязан был писать по служебному положению секретаря Губернского Статистического Комитета, таили в себе энергичную мысль ссыльного демократа. Так, например, статистический отчет о Шунгской Богоявленской ярмарке[1] построен на стремлении доказать невозможность перевода этой ярмарки в Петрозаводск, как этого добивались петрозаводские толстосумы, так как это приведет к катастрофическому обеднению пяти тысяч жителей Шунгской волости, а вслед за ними и «жителей по всем дорогам, которые из Шуньги расходятся в разные стороны».[2] Статистическое обозрение льняной промышленности Пудожского уезда приводит Рыбникова к мысли о необходимости выяснения доли крестьян, производителей льна, в распределении доходов от его продажи за пределами губернии. Соответственно подобранный цифровой материал красочно характеризует не только тяжесть «положения льносеятелей», но и масштабы кулацких проделок пудожского льняного монополиста купца Малокрошечного.[3]

Интерес П. Н. Рыбникова к расколу несомненно связан с усилившимися гонениями на старообрядцев в 50-х — начале 60-х гг. XIX века.[4]

Широта, с которой Рыбников приступал к изучению народной жизни, поразительна. Рыбников интересовался не только экономикой и историей края, он вел специальные этнографические, археологические, палеографические и языковедческие исследования.[5] Одновременно Рыбников успевал принимать деятельное участие в общественной жизни Петрозаводска. По его инициативе здесь была основана Публичная библиотека, устраивались литературные вечера в помощь бедным учащимся с чтением

---

[1] ОГВ, 1864, № 6, 7, 8 и 9.

[2] Там же, № 9, стр. 36.

[3] ОГВ, 1860, № 32, перепечатка, см. Памятная книжка Олонецкой губ. на 1864 г.

[4] В 1854 г. было разрушено знаменитое Выгорецкое общежительство, о котором П. Н. Рыбников в 1866 г. писал в статье «Путевые заметки. Беглый очерк прошедшего Данилова и Лексы», ОГВ, 1866, №№ 26, 27, 35, то же, Памятная книжка Олонецкой губ. на 1868—69 гг.

[5] Перечень статей по этнографии и лингвистическим вопросам см. в библиограф. указателе «Фольклор Карелии», П-ск, 1937, стр. 10—15.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

стихотворений Некрасова, Шевченко, Курочкина, сцен из «Ревизора» Гоголя, «Сцен из народного быта» Горбунова и т. д.[1] Фольклористическая деятельность Рыбникова была лишь одной из сторон его энергичного изучения народной жизни.

Естественно, что молодой Барсов, приехавший в Петрозаводск в 1861 г., быстро сблизился с Рыбниковым и включился в его деятельность по собиранию фольклора. Позднее Барсов неоднократно подчеркивал, что он продолжает дело Рыбникова. Так, в 1867 г., начиная серию публикаций былин и духовных стихов, он писал: «Еще больше сделано по этой части известным собирателем былин П. Н. Рыбниковым, положившим своим богатым сборником начало новой эры для русской словесности». Он считал своей заслугой, что смог присоединить к «великим трудам «варианты» произведений народной поэзии, оставшиеся ненапечатанными».[2] О том же он писал и в письме О. Ф. Миллеру в 1868 г.[3] и в предисловии к I тому «Причитаний Северного края».

Более того, и сам П. Н. Рыбников считал Е. В. Барсова своим преемником. В письме к тому же О. Ф. Миллеру 29 июня—5 июля 1866 г. он сообщал; «Впрочем и Вами когда-то заявленное желание исполняется: я уже уехал из Олонецкой губернии, а в местных ведомостях продолжают печатать варианты былин: после меня нашелся продолжатель собирания памятников народного творчества почтенный Е. В. Барсов».[4] Вслед за своими корреспондентами и О. Ф. Миллер неоднократно писал о Барсове, как о продолжателе дела Рыбникова.[5]

Барсов не только продолжил публикации былин после отъезда Рыбникова из Петрозаводска, но и принимал деятельное участие в составлении IV тома «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Участие в этом томе Барсова было, несомненно, более широким, чем это представлялось переиздателю «Песен» А. Е. Грузинскому. Грузинский указывает только на «Сказку об Олеше Голопузом». Однако из писем П. Н. Рыбникова О. Ф. Миллеру, опуб-

[1] См. ОГВ, 1863, № 22, 25 и др.
[2] См. ОГВ, 1867, № 11, стр. 177.
[3] ЖМНПр, 1912, № 6, стр. 217.
[4] Там же, стр. 314.
[5] Там же, 1868, март, часть CXXXVII, стр. 908—909; кроме того, см. примечание О. Ф. Миллера к IV т. «Песен, собр. Рыбниковым».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ликованных И. А. Шляпкиным, на которые мы уже ссылались, мы узнаем еще о том, что один из вариантов повести об Азовском сидении тоже был доставлен Рыбникову Барсовым. Кроме того, все тексты IV тома, обозначенные «Из Олонецких Ведомостей 1867 г.», т. е. 10 загадок, 3 «чарования» и 15 заговоров заимствованы Рыбниковым из статьи Барсова «Черты из психологии Обонежского народа».[1] Возможно, что Барсовым же сообщен был текст «О начале града Москвы и о великом князе Даниле Александровиче», о котором замечено: «По рукописи, принадлежащей Олонецкой семинарии». Именно значительностью участия Е. В. Барсова в IV томе «Песен» объясняется благодарность «г. Барсову, от которого получил несколько любопытных сказаний», выраженная П. Н. Рыбниковым в письме О. Ф. Миллеру.[2]

Действительно, большинство публикаций Е. В. Барсова в «Олонецких Губернских Ведомостях» как бы продолжают начатое Рыбниковым. Среди них тексты былин, песен, преданий, причитаний, этнографические и лингвистические заметки и документы по истории края. Вслед за Рыбниковым (тт. III и IV) Барсов расширяет круг публикаций, начинает интересоваться не только былинами, ценит бытовые песни и причитания за непосредственность отражений современного народного быта. Однако следует отметить, что, внешне продолжая фольклористическую деятельность Рыбникова, Барсов все больше замыкал ее в узкие рамки специально-филологических исследований. Былины, песни, причети, загадки, пословицы, заговоры интересуют его прежде всего как выражение «психологии Обонежского народа»,[3] воспринимаемой в отвлеченно-этическом плане. Особенное внимание обращает он на народные предания и легенды, ценя в них отзвуки «олонецкой старины».[4] Одновременно он приступает (сов-

---

[1] ОГВ, 1867, № 1.

[2] ЖМНПр, 1912, № 6, стр. 315.

[3] См. статьи «Черты из психологии Обонежского народа», ОГВ, 1867, № 1; «Из обычаев Обонежского народа», там же, 1867, № 8, 11—14, 16; «Черты из психологии оятчан», там же, 867, № 31—33 и др.

[4] Кладовой и Петуший о-ва на Водлозере, ОГВ, 1867, № 38; Рассказ о том, как писец Панин давал имена заонежским деревням в 1628 г., там же, № 48; Из беседы со сказителем Щ.—Г.—Л. (В. П. Щеголенком), там же, № 51, и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

местно с советником судебной палаты В. А. Лукашевичем[1]) к обследованию местных рукописных архивов и вскоре приобретает широкую известность знатока и собирателя средневековой русской письменности. Отдав дань изучению местного раскола, в истории которого его интересовали прежде всего этические проблемы («мнимоистинное, но истинно-искренние убеждения»[2]), он всецело переключается на собирание материалов по истории олонецких монастырей.[3] Признавая северный раскол значительным народным движением, Барсов оказался неспособным оценить его историко-социальное значение.

Таким образом, Барсов все дальше уходит от задач непосредственного изучения современной ему народной жизни, от задач изучения народного творчества, как творчества трудового крестьянства, все больше становится «книжником», фольклористом-археологом, воспринимающим народное творчество как отзвук далекой доклассовой («мифологической») эпохи. Барсов не стремится к сближению с народом, он не стремится, подобно Рыбникову, понять роль и значение народного творчества в жизни олонецких крестьян. Его вполне удовлетворяют тексты, записанные его учениками — семинаристами. В противоположность Рыбникову он изучает народное творчество, не выезжая из Петрозаводска.

Утверждая вслед за Рыбниковым значение бытовых песен (в том числе и причитаний) для изучения народной жизни (быта),[4] он, противореча самому себе, заявляет о том, что причитания «не связуются содержанием с современной жизнью» (письмо к О. Ф. Миллеру).

Противоречивость понимания Барсовым сущности причитаний сказалась впоследствии не только во вступительной статье к I тому сборника И. А. Федосовой («Причитаний Северного края»), но и в самой композиции тома.

---

[1] См. ОГВ, 1867, № 15.

[2] Два слова о происхождении раскола, ОГВ, 1867, № 46.

[3] Преподобные Обонежские пустынножители, там же, 1867, №№ 9, 10, 26, 35, 43; 1868, № 11, 12; Исторический очерк Важезерской пустыни, Памятн. кн. Олонецкой губ. на 1868—69 гг.; Палеостров, его судьба и значение в истории Олонецкого края, 1868 и др.

[4] См. заметку Рыбникова о бытовых песнях, т. III его сборника. В «Олонецких Губернских Ведомостях» (1867, № 47) Барсов писал о значении причитаний «особенно важных как выражение живого, современного народного творчества» (стр. 892—893).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Как уже говорилось, в начале 1867 г. (февраль-март) Е. В. Барсов впервые встретился с И. А. Федосовой и начал от нее записывать. «Я познакомился с ней, — пишет Е. В Барсов, — в великом посту 1867 г. и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое в это время она считала грехом. После пасхи я принялся за причитания».[1]

Первые записи от И. А. Федосовой были сразу же опубликованы Барсовым в «Олонецких Губернских Ведомостях» под общим заголовком «Из обычаев Обонежского народа».[2] В конце публикации, состоявшей из 14 текстов, значится: «Все напечатанные здесь «стихи» записаны мною от Ирины Толвуйской». Совершенно очевидно, что «Ирина Толвуйская» это Ирина Андреевна Федосова, родившаяся и жившая (до переезда в 1864 г. в Петрозаводск) в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. Это подтверждается и косвенными и прямыми свидетельствами; подтверждение находим и в самом составе публикации: 10 духовных стихов, былина о Чуриле и баллады «О девяти братьях-разбойниках», «Василий и Софья» и «Казань-город» (Барсов писал, что он «начал записывать от нее духовные стихи и старины»). Подтверждение дает и сопоставление публикации 1867 г. с записями Агреневой-Славянской[3] (1887). Большинству текстов 1867 г. здесь находятся параллели, дающие многочисленные совпадения имен, «общих мест», характернейших деталей и т. п. Наконец, подтверждает сказанное и прямое свидетельство Е. В. Барсова о принадлежности этих текстов И. А. Федосовой. В речи, произнесенной перед выступлением Ирины Андреевны на заседании Этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (3 января 1896 г.), Барсов отметил: «Все записанное мною в Великом посту, было издаваемо в Олонецких Ведомостях. Так были записаны от Ирины Андреевны и тотчас же напечатаны былины о Чуриле Пленковиче и жене Берьмаса, о девяти разбойниках и обесчещенной ими сестре; а также былина из разряда сказаний

---

[1] Стр. 314. Великий пост в 1867 г. длился с 26 февраля по 16 апреля.

[2] ОГВ, 1867, № 11—14, 16 (8 марта — 22 апреля).

[3] Описание русской крестьянской свадьбы, т. III. М., 1889, стр. 88—141.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

о злых матерях, губительницах зазнобушки, под заглавием Софьи. Все эти старины были разобраны и оценены О. Ф. Миллером в журнале Министерства Народного Просвещения за 1868 г.»[1]

Таким образом, поэтическое наследство Федосовой пополняется еще 14 текстами, имеющими важное значение для осмысления всего ее творчества в целом. Насколько значительны были записи Барсова на фоне современных им публикаций, свидетельствует их оценка О. Ф. Миллером: «Они... составляют, можно сказать, главное, что появилось по части народной словесности в 1867 г.»[2]

После пасхи (т. е. после 16 апреля), как сообщает Барсов, он принялся за запись причитаний. Однако, судя по сообщению «Олонецких Губернских Ведомостей», Барсов с 11 апреля 1867 г. по 3 июня того же года отсутствовал в Петрозаводске.[3] Следовательно, запись причитаний началась не раньше 3 июня 1867 г. Следующий перерыв наступил, очевидно, в августе 1867 г. В это время около Кузаранды произошел случай, описанный Федосовой в «Плаче о потопших» № 17),[4] и естественно предположить, что в это время она была на родине.

О ходе самих записей Е. В. Барсов сообщает следующее: «Сначала она ходила ко мне на квартиру, и дело шло успешно; но потом она нашла это неудобным, и я сам ежедневно путешествовал к ней».[5] «Запись происходила при весьма неблагоприятных условиях: мы сидели с нею в маленькой каморочке, рядом с мастерской. Она диктовала при шуме и стуке рабочих и то и дело развлекалась хозяйственными хлопотами. В то время она была бойкая, подвижная, веселая; в полном расцвете телесных и нравственных сил; душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и

---

[1] Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 2.

[2] «Олонецкие Губернские Ведомости» за 1867, ЖМНПр, 1868, март, стр. 909.

[3] См. ОГВ, 1867, № 23 и № 46.

[4] См. часть III, стр. 280—281.

[5] Т. I, стр. 314. В неопубликованной статье «О записях и изданиях «Причитаний Северного края»; о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц», 1896 г. (Архив Гос. Инст. Муз. ф. 52 074) Барсов пишет, что вынужден был перенести работу на квартиру И. А. Федосовой, «т. к. она должна была в течение дня продовольствовать своих рабочих» (л. 2).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

непосредственно создавать соответствующие художественные образы».[1]

Воспоминания Барсова об их совместной работе свидетельствуют о большом такте собирателя: «Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение или просто утомление, — пишет он далее, — я тотчас же прекращал записывание плачей и начал (начинал? *К. Ч.*) разговор о чем-нибудь стороннем... Иногда в подобных случаях я обращался к ней и говорил: «Ну, Иринушка, и ты утомилась и моя рука устала; отдохнем — перестанем писать. Вот расскажи-ка мне лучше какие-нибудь хитрые загадки[2]... Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселой, я вновь приглашал ее продолжать причеть. «Ну-ко прочитай, что написано», — замечала она; когда я прочитывал то, на чем остановились, она опять, видимо, входила в роль вопленицы; творческая мысль ее поднималась, и слово становилось более выразительным». Как вспоминал Барсов позднее, его работа с Федосовой вызывала насмешки со стороны его сослуживцев и неприязненное отношение начальства.

Запись текстов, составивших позже I том «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым», продолжалась до ноября 1867 г. 25 ноября «Олонецкие Губернские Ведомости» известили читателей о том, что «членом Олонецкого Губернского Статистического Комитета, учителем здешней духовной семинарии Е. В. Барсовым приготовлен к изданию первый том «Сборника заонежских заплачек».[3] Это сообщение интересно во многих отношениях. Прежде всего, оно дает первоначальное название сборника, с другой стороны, дает повод думать, что к ноябрю 1867 г. Барсову была уже ясна возможность продолжения работы и необходимость создания многотомного сборника (так как речь идет уже о «первом томе»). Возможно, что Барсов записывал в 1867 г. не только похоронные, но и свадеб-

---

[1] Ф. 52 074, л. 2.

[2] В рукописи приводятся 10 загадок и 8 пословиц.

[3] ОГВ, 1867, № 47. В переписке с Обществом Люб. Росс. Словесности Барсов называет свой сборник «Олонецкая причеть». Название «Причитания Северного края» принято было Е. В. Барсовым по совету А. Н. Пыпина.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ные «заплачки», т. к. в упомянутом сообщении «Олонецких Губернских Ведомостей» говорится только об этих двух видах причитаний. В то же время в предисловии ко II тому сборника И. А. Федосовой Барсов относит запись рекрутских причитаний к 1868 г.[1]

К 11 мая 1868 г. составился и II том будущего сборника.[2] 16 июля 1868 г. Барсов выехал из Петрозаводска на родину (Череповец) для того, чтобы провести каникулярное время с родными.[3] По дороге ему удалось пробыть несколько дней в Петербурге и познакомить со своей работой И. И. Срезневского, О. Ф. Миллера и В. И. Ламанского. Первая из этих трех встреч привела Барсова в смятение. Он не ожидал, что Срезневский отнесется к его работе так же насмешливо и сухо, как петрозаводские сослуживцы — чиновники. «Не увлекайтесь, молодой человек, — сказал ему Срезневский, за несколько лет перед тем высказавший сомнения в подлинности записей П. Н. Рыбникова.— Вы слишком много придаете значения Вашим записям; не угодно ли, прислуга моя расскажет Вам разных разностей — и Вы, пожалуй, записывайте, но не думайте, что это будет иметь важное значение в науке. Вот у нас даже в университете есть такой увлекающийся человек, который написал целую библию об Илье Муромце.[4] Нет ничего опаснее, чем спешить с преждевременными выводами».[5] Отчаяние Барсова было столь велико, что он едва не сжег рукопись обоих томов. Однако О. Ф. Миллер оценил его работу совершенно иначе. Он предсказал сборнику Барсова большую роль в истории науки и требовал его немедленного издания. Он советовал не смущаться небрежным отзывом Срезневского, так как «в настоящее время Измаил Иванович занимается «юсовыми» памятниками, и «юс малый» и «юс

---

[1] Т. II, стр. 1.

[2] См. цитированное выше письмо Барсова к О. Ф. Миллеру от 11 мая 1868 г.

[3] ОГВ, 1868, № 29. Барсов возвратился в Петрозаводск 2 августа 1868 г., см. там же, № 39.

[4] Вероятно, И. И. Срезневский имел в виду монографию О. Ф. Миллера, «Илья Муромец и богатырство Киевское» (СПб, 1869 г.).

[5] Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 3.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

большой» так увлекли его самого, что он стал равнодушным к живому творческому народному слову».[1]

Не менее горячее сочувствие встретил Барсов и со стороны В. И. Ламанского. «Окруженный этим сочувствием, — пишет Барсов, — я вернулся в Петрозаводск и записал от Ирины Андреевны еще несколько плачей».

В 1870 г. Барсов по приглашению Румянцевского музея переезжает в Москву, где он становится помощником А. Е. Викторова по заведыванию отделом древних рукописей и старопечатных книг, а несколько позже библиотекарем московской Чертковской библиотеки и ученым секретарем «Общества Истории и Древностей Российских».[2]

Барсов, повидимому, сразу же после первых записей причитаний от Федосовой задумал их издание отдельным сборником; по крайней мере в «Олонецких Губернских Ведомостях» он не опубликовал ни одного из записанных им от Федосовой текстов, продолжая публиковать другие материалы, доставляемые ему его учениками.

Только в 1870 г., уже после отъезда из Петрозаводска, он напечатал в московской газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» статью «Олонецкая плакальщица»[3] (перепечатанную позже в «Олонецких Губернских Ведомостях»[4]), в которой вместе с отрывком из автобиографии Федосовой давался и отрывок из «Плача о старосте». Первое выступление Барсова в столичной печати было обставлено весьма примечательно. Несмотря на то, что заметка Барсова и сопровождающий ее текст Федосовой были напечатаны в нижнем углу последней страницы, читатель не мог их пропустить, так как редакционная передовая этого номера, объявившая публикацию «Плача о старосте» общественным событием, была специально ему посвящена.

«Учреждение мировых посредников, — писал автор передовой, повидимому, сам издатель газеты,[5] — способ-

[1] Там же, л. 3. Уход в изучение прошлого при игнорировании проблем современности в свое время оттолкнул от Срезневского и молодого Н. Г. Чернышевского, начавшего было работать под его руководством в качестве студента Петербургского университета.

[2] «Барсов Е. В.» (некролог). Ист. Вестник, 1917, № 7—8. стр. 287—288.

[3] 1870, 4 авг., № 212.

[4] 1870, № 62.

[5] Известно, что Н. П. Гиляров-Платонов важнейшие статьи для своей газеты писал сам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

но возбуждать поэтическое вдохновение, воскрешает эпос, создает эпических поэтов... «Что за дичь!» Нет, это шутка, но основанная на действительности. Читатель найдет ниже, в «Разных Известиях», статью г. Барсова, вместе с приложенным к ней отрывком из «Плача о старосте». Автор передовой считает, что «общественное значение» публикуемого текста состоит в том, «какими образами ложатся на крестьянский мозг приезжающие из губернии господа посредники... Вы смотрите на них как на мелочь, а они оставляют глубокий след в народном сознании, титулярные советники и губернские секретари преобразуются в Бова-королевичей, Ерусланов Лазоревичей и чуть не в Добрыню с Ильей Муромцем». Однако не следует преувеличивать значения этой передовой иронически настроенного славянофила. Мировые посредники, учрежденные в центральных губерниях России в 1861 г., доживали свои последние дни — в 1873 г. они были заменены «непременными членами уездных по крестьянским делам присутствий». К 1870 г. мировые посредники выполняли свою миссию, и поэтому передовая «Современных известий» мало обеспокоила официальные круги. Вполне возможно, что этим же объясняется и то, что Барсов только в 1870 г. решился опубликовать тексты Федосовой, записанные им в 1867 г.

Так, передовая «Современных известий» стала первой печатной рецензией на тексты Федосовой.[1] С другой стороны, первый текст «Причитаний Северного края», с которым познакомился читатель 70-х гг., появился именно

---

[1] Цитированная передовая примечательна и в другом отношении. 1870 г. в истории русской фольклористики был временем активной дискуссии вокруг книги В. Стасова «Происхождение русских былин». О роли текстов Федосовой в заключительной фазе этой дискуссии будет речь впереди. Отметим лишь, что появление первого же текста Федосовой дало возможность автору передовой «Современных известий» указать и сторонникам Стасова и сторонникам «мифологической теории» на невозможность объяснить творчество Федосовой этими теориями. Он писал: «Не падает ли отсюда свет на этих подлинных Добрыней и Ерусланов? Не придется ли по прочтении импровизаций современной плакальщицы зачеркнуть, может быть, девять десятых разных глубокомысленных рассуждений о былинах и сказках, их происхождении и значении? За многою седою древностью пришлось бы, пожалуй, обращаться ко вчерашнему дню или даже к сегодняшнему...».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

как текст Федосовой, недаром статья Барсова называлась «Олонецкая плакальщица».

* * *

К концу 1870 г. Е. В. Барсов закончил подготовку I тома к печати.

Вскоре по приезде в Москву Барсов сближается с московскими славянофильскими кругами и их филологическим центром «Обществом любителей российской словесности». На специальном вечере у председателя общества А. И. Кошелева Барсов демонстрировал тексты И. А. Федосовой и читал отрывки из вступительной статьи. Общество решило ассигновать 500 рублей «для напечатания 1 тома, заимообразно, с тем, чтобы на деньги, вырученные от его продажи, приступить к печатанию следующего тома»,[1] и создало специальную комиссию в составе П. А. Бессонова, Н. О. Беляева и Н. А. Чаева для рассмотрения подготовленного Барсовым материала и составления инструкции, которая должна была определить ход дальнейшей работы над сборником. Комиссия нашла сборник «в высшей степени замечательным», однако, неподготовленным к изданию. Комиссия предписывала составителю:[2] 1) поместить в сборнике «объяснения самой певицы», насколько их вспомнит Барсов, «в собственных выражениях ее языка», «об ее профессии, применении причитаний, употреблении и распространении между народом, об ее предшественниках или современниках-товарищах по занятию и т. п., вроде, как сообщал о том Барсов на публичном чтении Общества»; 2) разработать описание обряда из всех известных источников; 3) сличить плачи «обрядные» с «эпическими», помещенными Бессоновым в сборнике Киреевского; 4) дополнить варианты, записанные от И. А. Федосовой, вариантами из прежних изданий — сборников Рыбникова, «Описания» Дашкова, Терещенки, Пермского сборника, Записок о Сибири (в «Библиотеке для чтения»),

---

[1] Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 4. Любопытна пометка Барсова к этому листу статьи: «Насколько я помню, особенно заинтересовался личностью вопленицы Ю. Ф. Самарин».

[2] Среди бумаг Е. В. Барсова в архиве ГИМ нашлась копия инструкции комиссии (ф. 52 074, прилож. к л. 4).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Сельской свадьбы Архангельской губернии («Москвитянин», 1853, XIII, 38 в ст. Жаварова) и «всего старше «Веселой Эрато» (1800); 5) сравнить публикуемые варианты со славянскими, греческими, албанскими и другими материалами по указанию Бессонова; 6) комиссия отмечала отдельные ошибки в тексте, отсутствие необходимых ударений и рекомендовала еще раз сверить тексты с записью. Кроме того, комиссия требовала выбросить все вставные частицы и обильные «однообразные», утомительные окончания уменьшительных слов», т. е. «подчистить» язык текстов; 7) отмечалась желательность составления словаря областных слов, указателя имен, терминов и «типических выражений при обряде»; 8) при издании предписывалось «соблюсти подобие в наружном виде, формате и шрифте старым изданиям Общества».

Таким образом, в инструкции комиссии со всею ясностью сказалось стремление превратить сборник текстов, записанных от И. А. Федосовой, в сборник типа «Песен, собранных П. В. Киреевским», изданных членом комиссии, известным Бессоновым. Тексты Федосовой, по замыслу авторов инструкции, должны были раствориться в массе случайных публикаций из различных областей России.

Творческая индивидуальность Федосовой, не очень ясно, но все же ощущавшаяся Е. В. Барсовым, должна была, по совету Бессонова и его друзей, оказаться совершенно затушеванной. Барсов не принял указаний комиссии полностью. Дополнив свой сборник подробным описанием обряда, статьей о языке причитаний и словарем, который был проконсультирован Ф. И. Буслаевым и И. И. Срезневским, и введя некоторые параллели из вариантов Рыбникова, Шейна, Терещенко и Дашкова в качестве подстрочных примечаний, он решительно отказался от редактирования текста, напечатав его «так, как он был записан».[1] Установилось, наконец, и окончательное название сборника. Оно было предложено, как уже говорилось, А. Н. Пыпиным.

Однако совершенно очевидно, что не без влияния Бессонова, известного издателя «Песен» П. В. Киреевского и двух первых томов сборника П. Н. Рыбникова «Сборник заонежских заплачек», записанных от И. А. Федосо-

[1] Там же, л. 5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

вой, превратился в «Причитания Северного края», сборник, в котором сведения о вопленицах давались более для документации самих текстов, чем для обрисовки обликов исполнителей этих текстов. Характерно, что сам Барсов, извещая заметкой «Олонецкая плакальщица» об окончании работы над I томом, подчеркнуто выдвигал личность Федосовой, сообщал ее автобиографию, приводил один из ее текстов и т. д.

Возможно, что именно под влиянием Бессонова у Барсова возникла мысль расположить тексты по «сюжетам», подобно тому как были расположены былины в сборниках Киреевского и Рыбникова. Сборник был разделен на две части, первая из которых признавалась более значительной, чем вторая. В ней оказались сосредоточенными тексты, исчерпывающие возможные родственные взаимоотношения оплакивающего и оплакиваемого: вдовы по мужу, «вдовца» по жене, матери по сыну и дочери, дочери по отцу и матери, крестницы по крестной, сестры по брату родному и двоюродному, племянницы по дяде родном и двоюродном и сватьи по сватье. Вторую часть составили плачи на «исключительные случаи» — об убитом громом-молнией, об утопших, об упьянсливой головушке, о старосте, писаре и попе.

Таким образом, наиболее резкие в социальном и одновременно наиболее замечательные в художественном отношении тексты были запрятаны в конец книги. Сборник, тем самым, стал доступен лишь узкому кругу профессионально-заинтересованных этнографов и фольклористов. Надо было иметь специальный интерес к сборнику, чтобы преодолеть огромные по своим размерам и медленные по развитию действия тексты первой части и добраться до второй части, содержащей тексты, насыщенные общественно-политической проблематикой.

I том печатался в типографии газеты «Современные известия» и вышел в свет в мае-июне 1872 г.[1] В окончательном виде он состоял из введения, упомянутого выше аппарата и 22 текстов, 17 (272 стр.) из которых принадлежали Федосовой и 5 (26 стр.) — четырем

[1] В первой по времени появления рецензии, напечатанной в июньском номере журнала «Грамотей», говорится: «На днях отпечатаны причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» (стр. 31).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

другим вопленицам—Анне Первенцевой (Пудожский у.), Марье Федоровой (Каргопольский у.), Анне Лазорихе (с. Логиново Череповецкого у. Новгородской губ.) и Клавдии Мамоновой (с. Твердилово Калязинского уезда Тверской губ.). Принцип, которым руководствовался Барсов при включении этих текстов, совершенно ясен: они должны были служить параллелями к некоторым из текстов Федосовой, подобно подстрочным параллелям из других сборников (см. выше). Последние по времени записи — тексты плача дочери по отце (№ 3) и по матери (№ 5) Анны Лазорихи относятся к 1870 г.; они были записаны Барсовым во время его летнего пребывания на родине.

ГЛАВА 3

I том сборника И. А. Федосовой был значительным событием в истории изучения русского народного творчества. Прежде всего, Барсову принадлежит несомненная честь открытия малоизвестного до тех пор жанра русской народной поэзии. Отдельные публикации причитаний до выхода в свет I тома были рассыпаны по журналам и сборникам, не привлекая внимания исследователей. В этом смысле имя Барсова может быть смело поставлено рядом с именами других «первооткрывателей» русского фольклора — Рыбникова, Афанасьева, Киреевского. Вместе с тем, и введение Барсова к I тому было фактически первым крупным и чрезвычайно обстоятельным исследованием о русских причитаниях. Барсов поставил перед собой задачу монографического описания русских причитаний. В соответствии с этим он сообщает все доступные ему сведения из истории русской причети, высказывает свои соображения о ее происхождении и эволюции, подробно анализирует «обломки доисторических созерцаний», которые он находит в основных представлениях причети, характеризует общественное и познавательное значение записанных им текстов и т. д.

Теория эволюции причети, изложенная Барсовым, не представляла собою ничего оригинального. В соответствии с общими представлениями мифологической школы (об «эпическом веке», об общей эволюции всех жанров от эпического к неэпическому и т. д.) Барсов строит схе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

му превращения эпических плачей в лирические, которая не подтверждается им никакими материалами и поэтому остается лишь общим предположением. С тех же позиций анализируется им и взаимоотношение христианских и нехристианских элементов в причети.

Наибольший интерес представляют страницы «Введения», посвященные характеристике причети как материала для познания быта и обычаев народа, хотя и здесь заметен значительный налет славянофильской идеализации. Так, например, явно противореча тексту, Барсов пишет: «Плачи о свате» также обусловлены добрыми родственными отношениями сватовства» (XXII)[1] и т. д. Наиболее точно рисуется им положение вдовы, вдовца, сирот и т. д.

В характеристике общественного значения и смысла текстов I тома видно явное стремление приглушить их остроту. Так, вырывая из контекста несколько строк из «Плача по дяде родном» (№ 12), он использует их для доказательства сомнительного утверждения о «правильном взгляде» народа «на подати казенные»,[2] т. е. о развитом будто бы у крестьян «чувстве долга» по отношению к помещичьему государству. Тем же стремлением приглушить впечатление читателя объясняется и выдвижение на первый план внутриобщинных противоречий.[3] Столкновение крестьян с мировым посредником, которое рисуется Федосовой в «Плаче о старосте» (№ 20), толкуется им как случайное: все дело лишь в том, что мировые посредники в Олонецкой губернии «не местные туземцы» (т. е. не местные помещики), а приезжие чиновники, не находящие общего языка с крестьянами. И, наконец, Барсов со снисходительной усмешкой говорит о «несложных» и «поверхностных чертах» «примерного попа» из «Плача о попе — отце духовном» (№ 22), в котором Федосова рисует крестьянский идеал «хорошего попа». Вывод Барсова прямо противоречит публикуемым им текстам: «Вообще под влиянием крепостного права и старых российских порядков народ привык сильно бояться начальства и избегает всевозможных столкновений с ним».[4]

---

[1] О «Плаче о свате», см. ч. III, стр. 263.
[2] Стр. XXVII.
[3] Там же.
[4] Стр. XXIX.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Одним словом, тенденциозность барсовских толкований не подлежит сомнению.

Мы уже отмечали значительность сборника Барсова как первой крупной публикации русской причети и значительность вступительной статьи (при всех ее недостатках) как первого крупного исследования о русских причитаниях. Индивидуальные особенности творческой манеры И. А. Федосовой надолго предопределили ходовое представление о всей причети русского Севера. Лишь значительно позже, когда было накоплено большое количество записей из различных областей России, в том числе из Олонецкой губернии, фигура Федосовой, ее творческое своеобразие стали вырисовываться все яснее и яснее.

В конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого столетия большую роль в развитии русской науки о народном творчестве сыграли выступления революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Их статьи по народному творчеству содержали резкую критику мифологической школы и других направлений науки и в то же время указывали путь, по которому должна развиваться наука об искусстве и культуре народа. Революционные демократы боролись за превращение фольклористики из науки о сказочных и мифологических сюжетах в науку о жизни и творчестве трудового народа.

Программу Чернышевского, Добролюбова, Герцена стремились реализовать в своей деятельности молодые фольклористы-демократы 60-х гг.: И. А. Худяков, И. Г. Прыжов, Н. Н. Якушкин, П. Н. Рыбников и др. Отзвуки ее слышатся в споре Павлуши Веретенникова с Якимом Нагим в гл. «Пьяная ночь» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова. Широта и многосторонность изучения П. Н. Рыбниковым народной жизни лишь в слабой степени отразились на первых томах его сборника, издававшихся Бессоновым. «Записка собирателя», напечатанная Рыбниковым в приложении к III тому, внешне отвечала как будто лишь требованию документации публиковавшихся текстов, подлинность которых оспаривалась. В то же время «Записка собирателя» была живым очерком той среды, в которой бытовали записанные собирателем былины, и в этом смысле была откликом на программу революционных демократов, наиболее четко сформулированную в статье-рецензии Н. А. Добролюбова

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

на сборник сказок А. Н. Афанасьева.[1] Совершенно естественно, что вместе с общим интересом к жизни крестьян, исполнявших былины, возник и интерес к личностям народных певцов-сказителей. В этом смысле сборник Барсова был прямым продолжением деятельности Рыбникова. Он дал впервые свод текстов одного сказителя, что и было замечено некоторыми рецензентами тома (А. А. Котляревским, Л. Н. Майковым и др., см. ниже).[2] Вместе с тем, Барсов (как впрочем и А. Ф. Гильфердинг) значительно сузил принципы Рыбникова, сведя проблему творческой личности сказителя как типичного выразителя мировоззрения трудового народа к чисто биографическим моментам.

Значение I тома в истории русской фольклористики не исчерпывается сказанным выше. «Причитания Северного края» появились в свет, когда не были еще забыты споры, вспыхнувшие вокруг книги В. В. Стасова о русских былинах.

Замечательный деятель русского искусства, В. В. Стасов, имя которого неразрывно связано с историей становления русской реалистической живописи и музыки, за четыре года до опубликования I тома «Причитаний Северного края» выступил с глубоко ошибочной работой «Происхождение русских былин». Книга Стасова, направленная против славянофильских теорий, произвела в среде славянофилов впечатление разорвавшейся бомбы. Протестуя против лжепатриотической славянофильской идеализации русских былин, В. В. Стасов в пылу полемики зашел чрезвычайно далеко. Он счел возможным (в пику славянофилам) утверждать нерусское происхождение русских былин. Выступление Стасова имело явно памфлетный характер. Отвергая основные положения столь популярной в то время «мифологической школы», особенно в ее славянофильском варианте, Стасов доходил до отрицания национальной самобытности русского фольклора вообще.

В страстной полемике, разгоравшейся вокруг «Происхождения русских былин», приняли участие крупнейшие

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 3-х томах, ГИХЛ, М., 1950, т. I, стр. 589—590.

[2] Следует отметить, что о Федосовой читатели узнавали, лишь прочтя все тексты и описание обряда. Вступительная статья не дает никакого представления о народной поэтессе.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

газеты и журналы, многие филологи и этнографы того времени.[1] Книга Стасова была резко осуждена М. Е. Салтыковым-Щедриным в его известной книге «Дневник провинциала в Петербурге» (гл. VI). В 1870 г. Стасов ответил своим противникам статьей «Критика моих критиков»,[2] вызвавшей снова оживленные отклики.

Сборник импровизаций Федосовой сыграл известную роль в заключительной фазе этой дискуссии. Мы уже указывали на использование первого же опубликованного текста Федосовой автором передовицы газеты «Современные известия» в качестве аргумента не только против Стасова, но и против сторонников «мифологической теории». Подобно автору этой передовой, и многие другие рецензенты оценили выход I тома как новый удар по концепции В. В. Стасова. Сборник Федосовой воспринимался ими как свидетельство больших творческих возможностей русского народа. При этом особенно подчеркивался тот факт, что Барсов записывал от Федосовой в тех же местах, где записывал былины П. Н. Рыбников. В былинах и причитаниях рецензенты находили общие мотивы, свидетельствующие о прочности основных эпических приемов в сознании сказителей русского Севера. Вместе с тем подчеркивалось, что по отношению к причитаниям невозможна даже сама постановка вопроса о каких-либо заимствованиях, т. к. это импровизационный жанр, выросший на основе быта и обычаев русского Севера.

* * *

Появление I тома «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» было оценено современниками как значительное событие в истории русской науки о народном творчестве.

В газетах и журналах 1872—74 гг. развернулось оживленное обсуждение тома, в котором приняли участие многие известные журналисты и ученые того времени (Н. К. Михайловский, акад. Л. Н. Майков, акад.

---

[1] Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер, П. А. Шифнер, П. А. Бессонов, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский и др.

[2] Вестник Европы, 1870, II и III.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

А. Н. Веселовский, акад. А. Ф. Бычков и др.).[1] Характер и направленность этих статей были различными, однако, все авторы сходились на признании важности «открытия» новой области народного творчества. «Недавно вышла очень любопытная книга: «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» — писал в лучшем русском журнале 70-х гг. «Отечественные записки» один из постоянных его сотрудников Н. К. Михайловский, посвятивший I тому очередную статью отдела «Литературных и журнальных заметок». Михайловский подчеркивает прежде всего «гражданские мотивы» «надгробных речей и некрологов мужика», как он называет тексты Федосовой. Он тщательно выписывает все наиболее острые по своему политическому звучанию места тома. Первая часть его статьи, по сути дела, — монтаж цитат, иллюстрирующих основные стороны социального мироощущения И. А. Федосовой. «Плач о старосте» и «Плач о писаре» пересказывается им полностью. «Вот какие глубокотрагические обороты в надгробных речах и некрологах мужика. Всякие комментарии тут неуместны», — заключает он, давая понять читателю, что комментарии к

---

[1] Наиболее крупные статьи: Н. М. Михайловский, Литературные и журнальные заметки. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, Отечественные записки, 1872, № 11, стр. 149—175; Л. Н. Майков, Причит. Сев. Края, собранные Е. В. Барсовым. ч. I, М., 1872, ЖМНПр, 1872, ч. XIV, декабрь; A. N. Wesselofsky, Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. I. Die russischen Totenklagen, Russische Revue, 1873, B. III., s. 487—526; А. Ф. Бычков, Причитания Сев. края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872; Отчет о 16 присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1874, стр. 191—193; Н. Баталин, Народное творчество (по поводу Причитаний Сев. края, собр. Е. В. Барсовым, М., 1872). Филологические записки (Воронеж), 1873, № 2, стр. 1—28; Н. Покровский, Рассказ об упьянелзовой головушке, Грамотей, М., 1872, VI, стр. 31—40; он же, Загробная жизнь в народных верованиях Северного края России, Православное обозрение, М., 1872, № 7, стр. 89—104; он же, Рассказы из крестьянского быта Северного края, Гражданин, 1872, IX, № 18, стр. 16—18, № 19, стр. 44—47; Причитания Северного края, ОЗВ, 1872, № 86 и 1873, № 91 (из отчета о 16 присужд. наград. гр. Уварова); Ralston W.R.S., Russian funeral litertur, Laments of Northern District, Collected by E. V. Barsof, vol, I, Moscow, The Academy, 1878, Dec., V.III, N 61, p. 443—444. Несколько позже появилась статья С. Браиловского, О смерти и посмертном существовании по Причит. Сев. края, Русск. филолог. Вестн., 1885, № 2, стр. 227—256.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

текстам Федосовой, как он их понимает, небезопасны в цензурном отношении.

Михайловский подчеркивает огромное значение I тома для изучения народной жизни. Он считает его выдающимся историческим документом, встающим в один ряд с документами, публиковавшимися в эти годы в «Русском архиве», «Русской старине», «Сборнике русского исторического общества» и др. Он подчеркивает необходимость перехода от эмпирических собираний и изданий документов («одни издают, другие читают») к их систематическому и принципиальному изучению.

Наконец, он противопоставляет тексты Федосовой сусальным переложениям былин и сказок (Буренин и др.), знаменующим «оскудение литературного русла», «вроде тех,— пишет он,— какие были в ходу в римской литературе времен упадка цивилизации» (стр. 157).

В начале 70-х гг. Н. К. Михайловский был еще относительно близок к великим продолжателям революционно-демократических традиций 60-х гг. — Некрасову и Салтыкову-Щедрину, он был еще идеологом революционного народничества. «Отечественные записки» начала 70-х гг., в которых появилась его статья о Федосовой, были журналом, непримиримо относившимся ко всем проявлениям буржуазного либерализма. Подобно «Современнику» 60-х гг., «Отечественные записки» были журналом «партии народа в русской литературе» (Добролюбов).[1]

Общую оценку I тома сборника Федосовой, данную Н. К. Михайловским в его статье, несомненно разделяло большинство редакции журнала. Об этом свидетельствует прежде всего вся направленность статьи, прямо перекликающейся со статьями Чернышевского и Добролюбова по вопросам народного творчества; об этом свидетельствует и отношение главного редактора журнала Н. А. Некрасова к Федосовой (см. ниже).

Однако некоторые черты будущего идеолога либерального народничества, каким Михайловский стал в 80—90-е гг., пробиваются уже и в этой статье. Михайловский

---

[1] См. оценку «Отечественных записок» за 1872 г. (т. е. год появления в нем статьи о Федосовой) и сопоставление роли этого журнала в общественной борьбе 70-х гг. по сравнению с «либеральным народничеством» 90-х гг. в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894 г., Собр. Соч., т. 1, стр. 265—266).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

уже пережил горечь провала первых «хождений в народ», на которые он возлагал столь большие надежды. Он оказывается неспособным точно и ясно учесть все сильные и слабые стороны мироощущения Федосовой, он лишь сокрушается о том, что «гражданские мотивы» сравнительно редко встречаются в причитаниях, собранных г. Барсовым» (стр. 153). Это кажется ему особенно горьким «в минуты тяжелых уроков истории и разочарования в настоящем и будущем». Тексты Федосовой (личность ее, кстати, совершенно не интересует Михайловского) для него — причитания того «народа», который в 1871—72 гг. не оправдал романтических надежд зарождающегося народничества.

* * *

Наиболее верная и глубокая оценка значения I тома сборника Федосовой была дана великим русским поэтом Н. А. Некрасовым. Некрасов не писал ни рецензий, ни статей о «Причитаниях Северного края», но он активно и совершенно осознанно использовал найденные им у Федосовой поэтические образы в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Следовательно, сам вопрос о том, как Некрасов понял тексты Федосовой и как он их использовал, имеет большое значение для понимания оценки I тома сборника народной поэтессы революционно-демократической критикой. Кроме того, не следует забывать и о том, что, используя тексты Федосовой в «Кому на Руси жить хорошо», Некрасов знакомил с ними широкие круги своих читателей и делал тем самым ее поэтическое наследие общенациональным достоянием, вводил его в золотой фонд великой русской литературы.

Как уже говорилось во «Введении», В. И. Ленин обращал внимание на то, что при чтении текстов И. А. Федосовой вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова, возникшие на основе крестьянских рассказов о солдатчине. «Наши классики, — говорил В. И. Ленин, — несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение».[1]

Отношение Некрасова к народному творчеству в 60-е гг. характерно для революционно-демократической

[1] «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мысли. Народное творчество для него — художественное творчество трудового крестьянства, один из источников познания народа.

Некрасовское отношение к народному творчеству, сказавшееся в произведениях поэта, в которых исследователи усматривают «элементы фольклора», не было какой-то обособленной, замкнутой в себе областью деятельности поэта, а органической частью его общелитературного дела, частью его борьбы за реализм и народность русской литературы. Эта борьба приходилась на десятилетия бурного развития русской науки о народном творчестве, горячих схваток между различными лагерями собирателей и исследователей народной поэзии — борьбы революционно-демократического направления русской науки с консерватизмом и реакционным идеализмом многих исследователей, специально изучавших творчество народа.

Подобно своим сотоварищам по «Современнику», Некрасов живо откликался на важнейшие события науки о народном творчестве. Известна его рецензия на сборник Сахарова, его оценка сборника Берга «Песни разных народов».

Как уже говорилось, отзвуки революционно-демократической программы легко обнаружить в споре Павлуши Веретенникова с Якимом Нагим в главе «Пьяная ночь», из «Кому на Руси жить хорошо» (1865).

В стихах Некрасова содержатся ценнейшие суждения о смысле, роли и месте устного народного творчества, особенно песни, в жизни трудового народа и о его исторической обусловленности. Так, например, в стихотворении «В дороге» (1845 г.) утверждается серьезное жизненное значение песни; в «Размышлениях у парадного подъезда» дана характеристика старой народной песни и устанавливаются причины распространенности «песни-стона». В «Коробейниках» раскрывается не менее острая в социальном смысле история возникновения «Песни убогого странника»; в «Крестьянских детях» рисуется трогательная любовь крестьянских детишек к мастерам занимательного устного рассказа и сказки. В «Пире на весь мир» одна за другой звучат песни, порожденные как крепостным правом, так и послереформенным гнетом, «горькие, как барщина сама»; «других в ту пору не было» — подчеркивает Некрасов. В то же время Некрасов выра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

жает уверенность в том, что русский народ сумеет добиться лучшего будущего и создаст другие «животворящие» песни:

И будут в них не жалобы
На долю подневольную,
Не рабская тоска,
А радость воссиявшейся
Души народа русского,
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души.[1]

В любви русского трудового народа к художественному слову Некрасов видит свидетельство таланта, не истребленного в нем веками рабства и унижения, залог его великого будущего:

Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О, сеятель! Пряди!..[2]

Немало интересных суждений о народной песне содержится и в вариантах к «Пиру на весь мир».

Некрасов жаждал быть услышанным народом, с тревогой и болью писал об этом. Общеизвестен его замысел издавать для народа «красные книжки» (цензура остановила это издание на втором выпуске). Поэт напряженно думал о возможности воздействовать на народную устную песенную традицию. Об этом говорят созданные им многочисленные песни, народные по всем своим качествам: «Калистрат», «Притча об Ермолае трудящемся», «У людей-то в дому», «Катерина», «Молодые», «Сват и жених»; песни из «Пира на весь мир» — «Веселая», «Барщинная», «Голодная», «Солдатская», «Соленая», «О двух великих грешниках», «Русь» и др.

Некрасов был прекрасным знатоком многих жанров русского устного народного творчества. Однако далеко не все интересовало его в равной мере. Справедливо отметил еще Н. П. Андреев, что Некрасова не привлекали наиболее прославленные реакционной славянской фольклористикой виды фольклора — духовные стихи, религиозные легенды, суеверные побывальщины, архаический календарно-обрядовый фольклор, заговоры и т. д. Его

[1] Из вариантов к «Кому на Руси жить хорошо», Полн. собр. соч. т. III, стр. 542.
[2] Т. III, стр. 362.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

привлекали в первую очередь те жанры, которые с наибольшей активностью впитывали в себя мысли и чувства **современного** крестьянства — песни, бытовые рассказы, причитания, пословицы и поговорки. Из всего богатства русской народной поэзии Некрасов стремился извлечь максимальное количество свидетельств огромных исторических возможностей русского трудового народа, которые предстояло ему реализовать в будущем.

В то же время он не идеализировал отрицательных сторон народной жизни, видел стихийность народных форм социального протеста.

Сущность интереса Некрасова к устному народному творчеству именно и состоит в том, что он стремится проникнуть в народную психологию, понять и изобразить народ таким, каков он есть. Восставая против славянофильского иконописного изображения народа, Некрасов героем своим избрал народ, его не убитое веками рабства духовное и физическое богатырство.

В свете сказанного следует понимать и некрасовскую оценку творчества Федосовой и его метод использования текстов народной поэтессы в «Кому на Руси жить хорошо».

О значении народного творчества для поэзии Некрасова писалось неоднократно.[1] Установлено немало «цитаций» и параллелей, в основном правильно оценены важнейшие факты. Большинством исследователей подчеркивалась также большая роль народных причитаний

---

[1] М. Д. Гофман, Некрасов и народная песня, см. «Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения», П., 1921; В. Еланская, О народно-песенных истоках творчества Некрасова, «Октябрь», 1927 г., № 12; Н. Н. Кубиков, Комментарии к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М., 1933 г.; К. Рождественская, Элементы фольклора в поэзии Некрасова — «Штурм» (Свердловск), 1934, № 11; Н. Андреев, Фольклор в поэзии Некрасова, «Лит. учеба», 1936 г., № 7; Ю. Соколов, Некрасов и народное творчество, «Лит. критик», 1938, № 2; И. Шамориков, Некрасов и фольклор, Труды МИФЛИ, филологич. фак-т, М., 1939, т. III; В. Г. Базанов, Вопленицы и их поэзия в кн. «Народная словесность Карелии», Петрозаводск, 1947, стр. 203—216; К. В. Чистов, Некрасов и сказительница Ирина Федосова, «Научный бюллетень Ленинградского Гос. университета», Л., 1947, № 16—17, стр. 33—45; его же, Н. А. Некрасов и народное творчество (задачи изучения), «Некрасовский сборник», т. I, 1951, стр. 102—116; К. И. Чуковский, гл. «Работа над фольклором» в кн. «Мастерство Некрасова», М., 1952, стр. 331—554.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

для поэзии Некрасова, особенно с начала 60-х гг. К сожалению, при этом осталась во многом еще невыясненной роль текстов И. А. Федосовой, с которыми Некрасов познакомился после выхода в свет I тома ее сборника (1872 г.). До сих пор остались в значительной мере неучтенными и материалы черновых рукописей поэта.

Предметом специального исследования могла бы явиться общность тем и образов «крестьянских произведений» Некрасова с темами и образами Федосовой до знакомства Некрасова с «Причитаниями Северного края». Не говоря о стихотворениях «Несжатая полоса» (1854), «Деревенские новости» (1860), «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская» (1863) или плаче Дарьи о Прокле в поэме «Мороз, Красный Нос» (1863), непосредственно связанных с тематикой причитаний и свидетельствующих о глубоком проникновении поэта в народную психологию, можно было бы назвать большое количество произведений Некрасова, имеющих точки соприкосновения с темами и образами Федосовой. Все они полны гнева и печали, проникнуты живым состраданием к женской доле, к горю осиротевшей, потерявшей труженика семьи. Особый интерес с точки зрения поставленной темы представляет первая часть эпопеи «Кому на Руси жить хорошо».

Общность ее с произведениями Федосовой простирается вплоть до поразительного сходства некоторых главных образов. Так, например, староста Ермил Гирин, заступник за дело народное, любимец крестьян, честный и справедливый, многими своими чертами сходен со старостой в «Плаче о старосте» Федосовой (стр. 282—288). Бедный сельский поп Некрасова, понимающий и жалеющий народ, готовый в любую погоду в путь по первому зову прихожан, напоминает попа в «Плаче о попе — отце духовном» Федосовой (стр. 293—298) и т. д.

Но дело, разумеется, далеко не только во внешнем сходстве отдельных образов. В сборнике Федосовой от имени столь близких сердцу поэта крестьянских женщин искренне и правдиво рассказывалось о жизни пореформенной деревни, о мыслях и чувствах крестьян только что переживших «освобождение». В сборнике Федосовой можно было прочесть о столкновении крестьян с мировым посредником, о пореформенных противоречиях внутри сельской общины, усиливающейся ломке патриар-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

хальных семейных отношений, о недородах и падеже скота, о судьбе вдовы и ее детей, о современных деревенских старостах, писарях, попах. Одним словом, содержание, смысл, идеи произведений талантливой народной сказительницы живо перекликались с замыслом грандиозной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо», над которой трудился поэт в годы, предшествовавшие выходу в свет I тома сборника Федосовой. Чтение ее сборника было для Некрасова сокровенной беседой с одной из героинь его эпопеи.

Неудивительно, что Некрасов горячо воспринял произведения талантливой народной поэтессы. В них он мог увидеть не только богатейший материал для изучения народного быта, психологии и творчества, но и некоторое подтверждение правильности избранного им пути. И, действительно, следующая глава «Кому на Руси жить хорошо» — «Крестьянка», написанная вскоре (1873) после выхода в свет I тома «Причитаний Северного края», построена во многом на материале плачей Федосовой. Некрасов был под свежим впечатлением I тома сборника и, быть может, знакомство с ним и определило само появление «Крестьянки» — главы, не входившей в первоначальный замысел поэта.

Черновые рукописи этой главы, хранящиеся в архиве Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом),[1] полны выписок из плачей Федосовой — поэтических заготовок, то использованных, то неиспользованных в окончательном тексте поэмы. Так, например, на стр. 119 черновых рукописей можно прочесть:

Несчастье:

(Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется).[2]

Дитя умерло — укатилося:

К красну солнышку — на пригревушку,
К ясну месяцу — на придрокушку.

---

[1] 21.2.0 / CXLV 6. 21, 166 листов.

[2] В круглые скобки берется вычеркнутое рукою Некрасова, в прямые скобки — пояснения автора настоящей работы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Смерть:

Дороженька бесповоротная,
Туда ветер не доносится,
Лютый зверь не дорыскивает,
Птица не залетает.

[И рядом размером поэмы]:

(Он ушел в бесповоротную
Неизвестную дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь).

Затем следует подробный конспект одного из плачей, о котором идет речь впереди, и большая выписка из него с точным обозначением страницы и строк.

В окончательном (или вернее, канонизированном) тексте поэмы первоначальные наброски предстают часто перевоплощенными до неузнаваемости, вросшими в ткань поэмы, ставшими органическими частями целого.

Поэтическая автобиография Матрены Тимофеевны из этой главы поэмы насыщена народно-поэтическими мотивами и во многом напоминает поэтические автобиографии крупнейших сказительниц (Федосовой, Крюковой, Пашковой, Голубковой и др.).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что на общий замысел главы несомненно повлияло не только предисловие Рыбникова к III тому его «Песен», как об этом писал акад. Ю. М. Соколов в статье «Некрасов и народное творчество», но и заметка Барсова об И. А. Федосовой, включающая ее автобиографию. Некрасову без сомнения был дорог облик И. А. Федосовой, прорисовывавшийся из каждой ее импровизации, из каждого слова ее автобиографии. Женщина ясного и решительного ума, полная чувства собственного достоинства, сурово оценивающая людские пороки, она во многом родственна Матрене Тимофеевне. Больше того, судя по черновым наброскам, первым вариантом имени Матрены Тимофеевны было имя «Оринушка» (стр. 17, на полях справа), и она, как Федосова в год встречи с Барсовым,

«была старуха бодрая
пятидесяти лет». (стр. 88)[1]

[1] См. заметку Барсова о Федосовой в I томе сборника (стр. 314). В действительности Федосовой в 1867 г. было 35 лет.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Вместе с тем жизненная судьба Федосовой была слишком исключительной для того, чтобы послужить прямым прототипом судьбы Матрены Тимофеевны, хотя многие обстоятельства ее жизни — детства, девичества и отчасти замужества — послужили непосредственным материалом при создании образа Матрены Тимофеевны, что доказывается многочисленными, даже текстуальными, совпадениями.

Из описания детства:

Некрасов:

...Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася.[1]

(стр. 248)

...В день Семеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала...

(там же)

Федосова:

«Не в лисях родилась, не пням богу молилася...»

(стр. 318)

«...восьми год знала, на каку полосу сколько сеять; шести год на ухож лошадь гоняла и с ухожа пригоняла...»

(стр. 315)

Эта зависимость еще более проясняется при сопоставлении с черновыми вариантами:

С шести годов
Как водила в поле я
И с поля загоняла я
Саврасушку домой.
Отцу носила завтракать,
Сгребала сено; снопики
вязала.

(стр. 71 черн.)

Весь последующий рассказ Матрены Тимофеевны о себе, как о хорошей работнице и смолоду «петь-плясать охотнице», находит прямые соответствия в автобиографии Федосовой с той разницей, что Федосова очень рано определилась как знаменитая по всему Заонежью песенница и вопленица. То же можно было бы сказать и о рассказе, рисующем строгое девичество обеих:

---

[1] Цитируется по Полному собранию сочинений и писем, ОГИЗ, М., 1949, т. III.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Жила я бранного
Я в детстве слова грубого
Не слыхивала, — бедные
Обидеть девку попусту
Не смели, а богатого
Сама я оборву!

(стр. 71 черн.)

«Имя мне было со изотчиной, грубого слова не слыхала, бедный сказать не смел, богатого сама обожгу».

(стр. 315)

Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита.

(стр. 249)

«Чужая сторона не медом налита, не сахаром посыпана».

(стр. 322)

Я грамотой не грамотна,
Да памятью я памятна —
До слова и запомнила,
Что говорил старик.

(стр. 71 черн.)

«Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где што слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила...»

(стр. 316)

История сватовства Матрены Тимофеевны не просто повторяет историю сватовства Федосовой, она типизирована и построена, по существу, на материалах свадебных песен (Ирина Федосова была необычно, по тем временам, самостоятельна в выборе мужа). Тем не менее, и в этой части отыскиваются текстуальные заимствования. Например, на стр. 71 черновиков находим:

Научилась я
Кроить и шить, коров доить,
Ткать, прясть,
И песни петь,
Порядню водить.
Пекла-варила,
Везде поспевала,
Жала,
Косила,
Молотила,
Пряла, ткала,
С ребятами возилась.

«Гляди жених — я знаю шить, и кроить, и коровушек доить, и порядню водить».

(стр. 319)

«Мать — бойка. На 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула».

(стр. 314)

«...она с 9 лет пошла в поле, жала, косила, молотила; дома пряла и ткала и с ребятами нянчилась, любила на беседы ходить и песни петь».[1]

(стр. 326)

В каноническом тексте читаем:

«А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском...»

(стр. 250)

Кстати — в автобиографии Федосовой вся предистория сватовства рассказывается во время прядения и молотьбы на риге.

[1] Из биографии Клавдии Мамоновой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«...Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»
— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка:
— Не стану обижать!
. . . . . .
А он: «Иди со мной!»
Известно: «ненаглядная,
Хорошая... Пригожая...»
(стр. 250—251)

«Бог ли понесет, с воли да в подневолье», — ответила я.
—Нет уж, как хошь, надо ехать,
мы такую даль ехали!..
Иди, говорит, не обижу; стал подбивать и подговаривать —
век так ласкает ваш брат».
(стр. 318)

Отношения Матрены Тимофеевны с Филиппушкой, постоянные уходы мужа на заработки, одиночество, положение в семье мужа, где вся работа по хозяйству ложилась на нее, отношения с родными и т. д. очень близки к обстоятельствам второго замужества Федосовой по ее автобиографии (см. стр. 320—328).

Следующая глава из той же части эпопеи — «Демушка» — целиком построена на материалах, почерпнутых Некрасовым из причитаний Федосовой. Многое уже отмечено в названных выше работах — описание приезда начальства по «Плачу о старосте», известное проклятие докторам и судьям, к которому Некрасов, очевидно по цензурным соображениям, сделал примечание: «Взято почти буквально из народного причитания».

Злодеи! **Палачи!..**
Падите, мои **слезоньки,**
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел
на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную

Вы падите-тко, горюши мои
слезушки,
Вы не на воду, падите-тко,
не на землю,
Не на божью церковь,
на строеньице,
Вы падите-тко, горюши
мои слезушки,
Вы на этого злодия
супостатного
Да вы прямо ко ретливому
сердечушку!
Да ты дай же,
боже господи,
Штобы тлен пришел на цветно
его платьице,
Как безумьице во буйну бы
головушку!
Еще дай да, боже господи,
Ему в дом жену неумную
Плодить детей неразумных!

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Пошли, детей—юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!
(стр. 274)

Слыши, господи, молитвы
мои грешные,
Прими, господи, ты слезы
детей малых!
(стр. 287—288)

Отмечалось также заимствование мотивов «Ой, плотнички-работнички» и некоторых других, но не решен вопрос о происхождении самого эпизода смерти Демушки. Указывалось, правда, на «Плач об убитом громом-молвией», но не он лег в основу главы. На той же 119 странице черновых рукописей, странице сплошных выписок, сделанных Некрасовым при чтении федосовских текстов, в правом нижнем углу после цифр, обозначающих страницы источника, стоит цифра «295», не находящая себе прямого объяснения. В этой цифре и есть ключ к окончательному установлению источников главы «Демушка». На стр. 295 I тома сборника Федосовой в плаче «О попе — отце духовном» (стр. 293—298) рассказывается о том, как в страдное время, в отсутствие родителей разбился, свалившись с лавки, ребенок. Поп, позванный горюющими родителями, советует поскорее закрыть двери и затеплить свечи:

«Быдто дитятко буде исповедано»,
(стр. 296)

не то наедет начальство с докторами и начнется судебно-медицинское следствие. Поп оставляет родителям письменное свидетельство о том, что ребенок умер естественной смертью. Родители дают взятку начальству, и возбужденное было дело затихает. Этот эпизод и послужил отправным толчком для поэта. Однако Некрасов необычайно обострил его, развив этот, сам по себе трагический, но мирно кончающийся эпизод, при помощи мотивов, найденных им в других плачах Федосовой.

В том же «Плаче о попе» описывается, и совсем как у Некрасова, омерзительное пьянство сельского начальства, безжалостного к горю родителей, потерявших ребенка. Возможно, что строки:

— «Ножом в сердцах читаете» —
Сказал священник лекарю... —

какой-то отзвук сочувствия к родителям, характерного для попа в плаче Федосовой.

Приезд властей, как уже отмечалось, построен в основном на «Плаче о старосте», — в основном, но не до

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

конца. Приезд судей и докторов, следствие, превращенное в издевательство, неоднократно описываются в плачах Федосовой («О попе — отце духовном» стр. 293—298, «Об упьянслизой головушке» стр. 271—284, «Об убитом громом-молвией» стр. 245—252, «О потопших» стр. 252—267), и отдельные параллели отыскиваются то в одном, то в другом тексте.

Вообще говоря, многие текстологические сопоставления, к которым прибегают комментаторы Некрасова, мало убедительны потому, что они зачастую являются «общими местами», мотивами, ритуально обязательными в известном роде плачей. Например,

«Ой плотнички-работнички...», «Обвеют ветры буйные...», «Я червышком свивалася», «Впереди летит ясным соколом...»

и др. Особенно приходится возражать при этом исследователям, находящим отдельные такие мотивы то у Рыбникова, то у Шейна и т. д. Нельзя при этом недооценивать живое знание Некрасовым народного творчества. Кроме того, большинство таких мотивов по несколько десятков раз повторяются в томе плачей Федосовой.

Страницы о Матрене и ее сыне Федотушке во многом напоминают отношение матери к детям в плаче вдовы из «Плача по дяде родном» (стр. 172—183). Плач Матрены Тимофеевны «Я сошла на речку быструю» еще меньше нуждается в подыскивании «общих мест», характерных главным образом для плачей невест-сирот на родительских могилах.

Глава «Трудный год» повествует о тяжести жизни Матрены Тимофеевны, оставшейся солдаткой с детьми в семье мужа. Некоторые параллели уже установлены. Однако важнее то, что значительная часть этой главы представляет собой типичный плач вдовы по мужу, причем он имеет характер рекрутского причитания. Интересна даже внешняя форма этой части главы (начиная со строки «Теперь уж я не дольщица» до «Чу, барабан! Солдатики идут...» стр. 291—292) — текст, отражая композиционное построение причети, дробится на законченные и отделенные друг от друга куски, каждый из которых имеет совершенно определенную обрядовую функцию. Подобное дробление имеется в публикации текстов Федосовой, осуществленных Барсовым. Барсов впервые уловил действительную структуру народных причитаний.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Заметим попутно, что в черновой рукописи поэмы на полях первого варианта, бывшего значительно короче и «суше», Некрасов отметил: «Надо прибавить о положении солдатки и вдовы вообще» (стр. 85).

При более внимательном анализе оказывается, что весь этот плач в поразительно краткой форме передает основную часть «Плача вдовы по мужу» (стр. 1—44) Федосовой. Плач Матрены Тимофеевны превратился (не потеряв своей связи с текстом Федосовой) в развернутый и энергичный монолог. Невозможно привести все соответствующие отрывки в плаче Федосовой — для этого пришлось бы процитировать едва ли не половину огромного по своим размерам текста (1179 строк). Укажем только на некоторые наиболее яркие соответствия:

Собрала ужин: матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»
(стр. 291—292)

Да я слажу им тут ужины
вечерныя,
Потихошеньку к дверям
да подходить стану,
Я с-за тульища, с-за липинки
поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки
держу;
Сговорю да светам братцам
богоданным:
«Скоро ль идете за стол
да хлеба кушать?!»
Засвирипятся ветляны тут
нешутушки
На меня да на кручинную
головушку:
«Што ж торопишься за ужину
вечернюю,
Знать спешишься на спокойну,
темну ноченьку»,
Они искоса ведь вси тут
заглядывают,
Со всей лихостью оны да
разговор держат:
«Не устали твои белыя там
рученьки,
Не работушку сегодня
работала ё,
За кудрявой деревиночкой
стояла все,
На красное на солнышко
поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу
двигается,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Скоро ль красное за облако
закатится,
Со работушки вдова да в дом
пришатится»
(стр. 41)

В церкви:

Как о светлом Христове
воскресеньице
. . . . . .
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!
(стр. 292)

Хоть пойдешь ты во церковь
посвященную,
Пустословье про тебя как
река бежит,
Напрасничка ведь ё как порог
шумит,
Говорят да бают люди
потихошеньку,
Што не господу пошла богу
молитися,
За гульбой пошла она
да за гуляньицем,
По подруженькам пошла
да нехорошиим.
(стр. 23)

Обида:

С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы отстоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
(стр. 292)

Мне куды с горя горюше
подеватися?
Рассадить ли мне обиду
по темным лесам?
Уже тут моей обидушке
не местечко,
Как посохнут вси кудрявы
деревиночки.
Мне рассеять ли обиду
по чистым полям?
Уже тут моей обидушке
не местечко,
Задернят да все распашисты
полосушки.
Мне спустить ли ту обиду
во быстру-реку?
Загрузить ли мне обиду
во озерышке?
Уже тут моей обидушке
не местечко.
Заболотеет вода да в быстрой
риченьке,
Заволочится травой мало
озерушко.
Мне куды с горя горюше
подеватися?
Мне куды бедной с обиды
укрыватися?
Во сыру землю
горюше наб вкопатися.
(стр. 17)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Монолог Матрены Тимофеевны из главы «Трудный год» свидетельствует не только о замечательном проникновении в народную психологию, но и о не менее глубоком и тонком понимании народного творчества, его художественных приемов и традиций. Монолог Матрены Тимофеевны в тексте поэмы звучит не как плач, а как продолжение ее рассказа о себе, ярко рисует обостренный голодом «трудного года» ужас положения солдатки в тогдашней деревне «на людях» и в семье мужа.

Некрасов внимательно изучил весь сборник Федосовой. Он не расставался с ним ни в Дьеппе, ни в Висбадене, ни в Париже.[1] Об этом говорят целые страницы выписок из тома плачей, причем дважды даже указываются страницы источника. О стр. 119 уже говорилось выше, любопытна запись на полях стр. 71:

Зовут сестрой бракованн(ая) ей
(младшая вышла замуж)
О чем сухотишься?
Дедушка молится (326)
(Сколько ни плачешь,
а все слез останется).

В сборнике Федосовой на стр. 325 и 326 легко найти источники этих выписок: «Была я в браковках — меньшую сестру замуж отдали»; «А теперь я живу кое-как, все о нем сухочуся, только когда усну, забуду»; «словами причетов не скажешь, а в голосе где что берется и складнее и жалобней, сколько бывало ни плачешь, а все останется». Пометка «дедушка молится (326)» особенно интересна. Дедушка так «молится» в окончательном тексте главы:

Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
(стр. 282)

На стр. 326 сборника читаем: «Молюсь... за любящих, за нищих и бедных, и за все страдное крестьянство». Ссылка на соответствующую страницу тома причитаний ясно говорит о том, что он был настольной книгой Некрасова при работе над «Крестьянкой», даже во время заграничной поездки.

Итак, в образе Матрены Тимофеевны Корчагиной Некрасов не просто повторил черты олонецкой крестьянки.

[1] В библиотеке Некрасова сохранился экземпляр I тома сборника Федосовой; см. описание библиотеки Некрасова — «Лит. наследство», № 53—54, М., 1949, стр. 368.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Он создал обобщенный и глубоко типичный, имеющий общенациональное значение образ русской крестьянской женщины, использовав при создании его черты жизненной судьбы и отдельные моменты произведений И. А. Федосовой.

Большинство исследователей говорит о мозаичности и многосоставности «Крестьянки». До известной степени это верно, но основную роль в возникновении сюжета и стиля главы, несомненно, сыграли материалы, которые Некрасов нашел у Федосовой. Дело не только в том, что Некрасов получил прекрасную возможность проникновения в психологию русской крестьянки, возможность говорить о ней от ее же имени со всей правдивостью, но и в том, что причитания Федосовой отличались от других известных Некрасову текстов не только высокой одаренностью создавшей их народной поэтессы, но и особой общественной, социальной насыщенностью и остротой.

Однако не следует думать, что Некрасов ограничился простым перенесением некоторых мест и повторением отдельных тем, образов и приемов, найденных им у Федосовой. Типические эпизоды из крестьянской жизни, о которых рассказала Федосова в своих импровизациях, сведены Некрасовым воедино в волнующую повесть о жизни Матрены Корчагиной, получившую глубокий законченный смысл на фоне широких и ярких картин народной жизни, составляющих поэму «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов переосмыслил и углубил материал, найденный им в сборнике Федосовой, дал образец его революционно-демократического истолкования. Приведем два примера, которые кажутся нам особенно выразительными.

Неоднократно писалось о взаимосвязи главы «Бабья притча» с легендой о Горе «Плача о писаре» (288—293) Федосовой. Однако соответствие это весьма относительно, хотя в то же время несомненно, что именно легенда Федосовой легла в основу притчи Некрасова. Об этом свидетельствует хотя бы то, что на стр. 119 черновых набросков Некрасовым записан подробный конспект легенды Федосовой со знаменательным заголовком «Происхождение горя общественного»:

«Случилось ловцам изловить в океане рыбу — хвост у рыбы будто лебединой; голова павлиная; распороли рыбу: множество песку ею проглочено да еще были сглонуты ключи позолоченные: прилагали ключи к божьим церквям и к торговым лавочкам, но

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

они приладились только к тюрьмам заключенных. (У Федосовой «заключеным», т. е. запертым — *К. Ч.*). Не поспели отпереть дверей, как

С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
На чистом поле горюшко садилося...
(пропуск)
И само тут злодийно восхвалялося,
Гить тоска будет крестьянам неудольная.
Подъедать стало удалых, добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных, мужьих — молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек...
(пропуск)
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки;
Неприятности во добрых пошли людушках
(в конце цифры): 290, 80—84, 295.

Однако из этой легенды Некрасовым использован только мотив о проглоченных рыбой ключах для создания притчи, совсем не аналогичной федосовской. Некрасов создает новую легенду о потерянных ключах от «счастья женского», делая ее заключительным аккордом, символическим итогом всей главы «Крестьянка». Легенда приобрела большую социальную значимость и остроту.[1]

Кстати, можно предположить возникновение некрасовского замысла именно из отмеченной выше ошибки («тюрьмы заключеныи» у Федосовой, «тюрьмы заключенных» у Некрасова). У Федосовой это значит только то, что «тюрьмы» — «норы подземельные», «где сидело это горюшко великое», были до поры «за ключом», т. е. заперты на замок, ключ от которого и нашли ловцы. Некрасов «заключеныи» прочитал как «тюрьмы заключенных», отсюда:

Наконец,
Нашли ключи сподвижники!
. . . . . .
Пришлись они, — . . . . .
. . . . . .
Пришлись к рабам-невольникам,
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел и т. д.
(стр. 305)

[1] О «Легенде о Горе» из «Плача о писаре» Федосовой см. подробнее на стр. 188—192 настоящей работы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Отсюда — легенда о потерянных у бога ключах от темниц, от тюрем женских, легенда о «ключах от счастья женского».

Еще один пример: в ряде текстов Федосовой («Об убитом громом-молвией», «Об упьянсливой головушке», «О потопших», «О попе» и др.) звучит тема глумления угнетателей над крестьянским несчастьем, над горем осиротевшей семьи. Эта тема приобретает в творчестве Федосовой различные формы, чаще всего она связана с необычайной смертью: гибель на озере, поражение молнией, смерть от запоя, наконец, внезапная гибель ребенка, оставленного дома родителями, ушедшими на полевые работы. Судебные и полицейские власти обычно грозят судебным следствием, хотя причина смерти совершенно ясна, нарочито подозревают горюющих в умерщвлении родственника, особенно угрожают страшным для крестьян судебно-медицинским вскрытием тела и т. д. с целью вымогания взяток. Собственно, до вскрытия тела ни разу не доходит, крестьяне откупаются или избавляются другим способом. Удачный исход воспринимается ими как чудо. Некрасов чутко уловил нетипичность таких «удачных концов», его Матрена Тимофеевна забывает дать взятку.

«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»
— Нет!
. . . . . .
— Не примечал, ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
с собой я не взяла.[1]

Поэтому вскрытие состоялось, и Матрена Тимофеевна должна была испить чашу страданий до конца.

Так возник один из потрясающих по своей обличительной силе эпизодов поэмы. Недаром проклятие Матрены Тимофеевны «злодеям-палачам», о котором говорилось выше, звучит здесь как призыв к расправе над палачами, который произносится устами рыдающей в горе матери.

[1] Т. III, стр. 275.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Совершенно очевидно, что политическое и социальное сознание Некрасова, стоявшего на передовых прогрессивных позициях своего времени, не могло быть и не было аналогичным сознанию чрезвычайно одаренной, но неграмотной вопленицы. Каждый факт, образ, сюжет, найденный у Федосовой, Некрасов оценил и осмыслил по-своему, сообщив ему логическую законченность, подняв его тем самым на огромную социальную высоту. Недаром после «творческой встречи» с Федосовой отношение Некрасова к фольклорному материалу, которым он пользовался, еще больше активизируется. В набросках к последним главам «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, с прекрасным пониманием того, что и как надо сказать народу, создает свои собственные песни, глубоко народные по своей сути. От использования фольклорного материала путем его переосмысления Некрасов, как сложившийся народный поэт, переходит к методу активного воздействия на фольклор, внося в него элементы революционного сознания демократа-шестидесятника.

Итак, Некрасов высоко оценил и содержание и поэтическое достоинство произведений Федосовой. Он увидел в них драгоценное для него творчество современной ему талантливой русской крестьянки, обобщившей в поэтических образах мысли и настроения крестьян первых пореформенных лет, их гневный протест против несправедливостей общественных отношений тогдашней России, их стремление к лучшему будущему.

* * *

Отношению Некрасова к сборнику Федосовой и статье Н. К. Михайловского, т. е. точке зрения «Отечественных записок», резко противостоят статьи Н. Покровского, на которых следует специально остановиться. Этот реакционный журналист предпринял хорошо продуманный поход против Федосовой. Три статьи, написанные им в июне, июле и сентябре 1872 г., взаимно дополняют друг друга. Первая из них — «Рассказ об упьянсливой головушке» — была напечатана в журнале «Грамотей» Н. И. Алябьева, издававшемся «для народа» и официально принятом «в народных школах и училищах», как значи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лось на его обложке. Статья состоит из двух частей. В первой части Покровский поучает народ не пить водку, т. к. это иногда приводит к смертным случаям, во второй — он пространно рассуждает о прирожденности человеческого горя и необходимости «свыкаться» с ним («Вот как умеешь, так и свыкайся с горем» — стр. 40).

Вторая статья,— «Загробная жизнь в народных верованиях Северного края в России», — напечатанная в «Православном Обозрении», имела в виду другого читателя — сельское духовенство, поэтому тексты Федосовой толкуются здесь совершенно иначе. В центре внимания обеспокоенного журналиста оказываются «языческие воззрения народа», которые подлежат изучению духовенства для их искоренения. Он подчеркивает, что христианские представления в причитаниях «крайне бедны, так сказать, «оматериализованы» и странным образом перемешаны с эпическими представлениями» (стр. 98). Общий вывод: «Евангельское учение коснулось еще мало, и то с внешней стороны, народного сознания». Покровский призывает сельских попов мобилизовать свои усилия для борьбы с остатками язычества в народном сознании. Следует заметить, что «языческие мотивы» трактуются Покровским крайне наивно. Каждая метафора, даже явно поэтическая по своему происхождению или функции, толкуется им буквально. «Языческое» мерещится ему за каждой строкой.

Третья статья Н. Покровского — «Рассказы из крестьянского быта Северного края» — была напечатана в известном своей крайней реакционностью журнале кн. В. П. Мещерского «Гражданин», который К. Маркс в одном из писем к П. А. Лаврову справедливо называл «гнусным журналом». Статья эта написана для «образованного общества». Покровский утверждает, что «Причитания Северного края» не будут иметь широкого круга читателей. Однако материал, собранный Барсовым, представляет известный интерес, и поэтому он, Покровский, решил взять на себя труд составить ряд рассказов из народной жизни для читателей «Гражданина», четыре из которых здесь же публикуются: I — «Мировой злой посредник», II — «Об убитом громом-молвией», III — «Жизнь по ту сторону гроба» и IV — «Поп — отец духов-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ный». Любой из этих четырех рассказов мог бы послужить образцом тенденциозного искажения текстов Федосовой. Так, в первом из них рисуется «благородное негодование» посредника на злостных недоимщиков— крестьян. «Случалось, что мировой так расходится, что в пылу благородного негодования приказывает схватить старосту «во страдную в рабочу пору времячко» и посадить его «во крепость во великую», но если, мол, крестьяне во-время сдержат гнев посредника, то «так или иначе, рано или поздно, буря утихает, и мировой, довольный тем, что задал страху «мужикам-глупцам», уезжает, сопровождаемый низкими поклонами» (стр. 18). Вывод таков: если бы мировые посредники знали, что «глупый и грубый мужик способен был так глубоко почувствовать всю тяжесть богатырских наездов и умел так хорошо ценить людей» (стр. 19), то подобных недоразумений не случилось бы.

Покровский замалчивает действительный характер взаимоотношений между крестьянами и мировыми посредниками, как их рисует Федосова. Он ничего не говорит и о смерти замученного в тюрьме старосты, подменяет ее мирной развязкой — крестьяне довольны, что посредник уехал, посредник тоже доволен, что напугал крестьян.

Таким образом, налицо явная попытка уничтожить социальную остроту текстов Федосовой, реабилитировать посредника, слегка пожурив его за излишнюю резкость. Примерно такого качества и остальные «рассказы». Например, пересказ «Плача об убитом громом-молвией» построен с расчетом привести читателя к выводу, явно не соответствующему замыслу Федосовой: «Так-то Илья-громовик разделывается с беззаконниками» (стр. 45). «Плач о попе — отце духовном» вызывает возмущение Н. Покровского. Он выговаривает Федосовой за то, что она рисует образ «безнравственного» попа, который решается скрыть обман от властей. «Нет, по их разумению, поп будь выше всех головой, но, в то же время — будь с ними одного поля ягода» (стр. 46).

Третий «рассказ», — «Жизнь по ту сторону гроба», — по мысли Н. Покровского, должен был дать этнографический очерк похоронного обряда и крестьянских представлений о загробной жизни. Уровень этих рассуждений хорошо иллюстрируется одним из примеров: «Для

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

большего удобства загробного существования — пишет он, например, — покойника и оставляли при доме: его опускали в погреба глубокие» (стр. 45).[1]

Так, выступая одновременно в трех разных журналах — для народа, для духовенства и для «образованного общества», Н. Покровский последовательно и сознательно искажал облик Федосовой. Для народа он «выжимал» из ее текстов нравоучение — не пить водку и «сжиться» с горем, духовенство мобилизовал на искоренение «языческих воззрений», а «образованному обществу» преподносил тенденциозно-искаженный, примиренный «вариант» Федосовой. Сама же Федосова заслужила от него только выговор за безнравственность восхваляемого ею «крестьянского попа».

Итак, I том «Причитаний Северного края» совершенно по-разному был встречен и оценен представителями полярно-противоположных в политическом отношении журналов — «Отечественных Записок» и «Гражданина». Внимание и интерес к сборнику записей Е. В. Барсова выразились и во многих откликах, появившихся в других изданиях. Среди публиковавшихся статей имеется много рецензий, написанных представителями буржуазно-либеральной фольклористики. Разумеется, эти рецензии отличаются от статей Покровского желанием сохранить видимость научной объективности. По существу же они тоже уводили читателя от понимания творчества народной поэтессы как выражения мировоззрения пореформенного крестьянства. Большинство рецензий поражает полным равнодушием к жизни трудового народа. Такую типично «среднюю позицию» занял, например, рецензент «Журнала Министерства Народного Просвещения», акад. Л. Н. Майков. Он подчеркивает значение текстов I тома. «Нельзя, наконец, пропустить и то замечательное сказание о горе народном, общественном,— пишет Л. Н. Майков, — которое занесено, между прочим, в плач о писаре «хитромудром» (стр. 397). «Общественный дух, — замечает он далее, — еще живет полной жизнью в этих поздних потомках старых новгородских людей» (стр. 399). Однако это общее заявление не предопределило

[1] «Погреба глубокие» — одна из наиболее распространенных метафор причитаний, означает могилу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

результатов анализа наиболее важных причитаний. Л. Н. Майков пишет: «Считаем нужным указать на те народные воззрения, которые высказываются здесь относительно тех общественных деятелей (имеются в виду мировые посредники — *К. Ч.*), с коими ближе всего сталкивается народ» (стр. 398). Но, основываясь на «Плаче о старосте», Майков приходит вслед за Барсовым к совершенно неожиданному выводу: народ будто бы охотно исполняет свои «обязанности» перед государством помещиков и капиталистов, «народ горюет только о том, что эти подати собираются иногда без снисхождения к временным нуждам и обстоятельствам крестьян» (стр. 398).

Достоинством рецензии Л. Н. Майкова было внимание к творческой индивидуальности И. А. Федосовой. Ее одаренность он оценивает чрезвычайно высоко и говорит о необходимости изучения ее поэтического мастерства. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в рецензии Л. Н. Майкова на II том «Причитаний Северного края», на которой мы остановимся ниже.[1]

Рецензия Л. Н. Майкова значительно дополняет сведения, сообщенные Барсовым о прошлом русской причети. Все это делает рецензию Л. Н. Майкова одной из заметных работ в истории изучения русской причети и, особенно, в истории изучения творчества И. А. Федосовой.

Среди других рецензий на I том следует отметить рецензию акад. А. Н. Веселовского, напечатанную в Петербургском журнале «Russische Revue» (издававшемся на немецком языке К. Реттером), отзыв акад. А. Ф. Бычкова, написанный им по поручению Академии наук, присудившей Е. В. Барсову Уваровскую премию 1873 года, статью Н. Баталина в «Филологических записках» и две рецензии в иностранных журналах «Athenaeum» и «Academy».

Рецензия А. Н. Веселовского открывала собой серию «Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie» («Новейшие исследования в области русской народной поэзии»). Значительная ее часть посвящена подысканию параллелей к мотивам причитаний в дру-

[1] ЖМНПр, 1882, CCXXIII, стр. 415—424.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

гих жанрах или попытке определения этнографического субстрата того или иного мотива. В обоих случаях это делалось для сведения специфики причитаний к общефольклорной традиции, и в этом смысле эта рецензия не отличается от большинства работ Веселовского. Имя Федосовой, как и следовало ожидать, даже не упоминается; о ней он не говорит ни слова. Общественно-политический смысл ее текстов им совершенно игнорируется.

Статья Н. Баталина «Народное творчество. По поводу причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» ставила своей целью, «пользуясь трудами г. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и г. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» «...указать и проследить в плачах отголоски тех верований, которые составляют одну из сторон общеславянского миросозерцания» (стр. 2). И действительно, статья Н. Баталина не отличается ни самостоятельностью, ни новизной — это результат механического приложения метода мифологической школы к причитаниям.[1] Социально-бытовое содержание и поэтические достоинства текстов Федосовой его совершенно не интересуют — о них он говорит лишь мельком да и то в подстрочном примечании (стр. 28). Саму Федосову он не заметил, тексты ее кажутся ему достаточно обычными для того, чтобы иметь основания не интересоваться личностью вопленицы.

Отзыв акад. А. Ф. Бычкова не представляет особенного интереса. Отметив значительность заслуги Барсова, он выражает сожаление по поводу того, что «так поздно приступили к собиранию плачей, которые во многих местностях России уже являются не более как выражением личного, грустного, большею частью напускного чувства плакальщиц, без малейшего отношения к древнему народному миросозерцанию, которое позабылось и утратилось с течением времени» (стр. 192). Бычков упрекает Барсова в том, что тот во вступительной статье недостаточно четко «разложил их (плачи — *К. Ч.*) на сегменты — языческий, христианский и смешанный».

---

[1] См. также С. Брайловского, О смерти и посмертном существовании по Причитаниям Северного края, «Русск. Филолог. Вестник», 1885, № 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Бычков, подобно Баталину, видит ценность причитаний, главным образом, в сохранении осколков древнего мифологического мировоззрения. Разница между ними заключается лишь в том, что Баталин, толкуя традиционные мотивы буквально, считает причитания богатым материалом для подобных изучений, Бычков же, уловив индивидуальную поэтичность текстов Федосовой, приходит к заключению о бедности причитаний мифологическими мотивами.

Помимо опубликованных рецензий, архив Е. В. Барсова[1] и архив И. И. Срезневского[2] знакомят нас с отзывами А. А. Котляревского и И. И. Срезневского на I том «Причитаний Северного края». Письмо А. А. Котляревского Барсову особенно интересно его подчеркнутым вниманием к поэтической одаренности И. А. Федосовой. Он пишет: «Погребальная причеть Федосовой явление изумительное, выходящее из ряда подобных народных произведений... она подтверждает все, до чего доходят долгим путем утомительных разысканий, и разрешает многое такое, что оставалось еще под знаком вопроса» (стр. 6).

И. И. Срезневский, высоко оценивая работу Барсова, высказывает сожаление по поводу того, что в томе отсутствуют нотные записи.[3]

---

[1] Гос. Ист. Музей, ф. 52 074.

[2] Архив Академии наук СССР, ф. 216, оп. 5, № 32.

[3] Отвечая Срезневскому, Барсов в письме от 18 октября 1872 г. пишет: «Не согласен я с Вами, будто записать напев может каждый порядочный певчий, а особенно петрозаводский. Попытки подобные были мною сделаны. Несколько мотивов (хоть и не относящихся собственно к плачам) у меня записано, но когда начинают петь или играть по моим записям, я тотчас чувствую, что записи неверны. Что касается отношения слогов стиха к нотам напева, то в плачах напр. Ирины Федосовой оно может быть выражено так:

Укати́лося красное со́л-(нышко)
За часты, звезды да подвосто-(чныя),
Не-как ро́стить-то сиротных малых дѐ-(тушек).

Удлинение голоса бывает сначала на третьем слоге, а затем на том, который остается за отсечением двух последних слогов, так сказать, замирающих — на третьем от конца. Таково общее отношение стиховых слогов к голосу; для дальнейших определений требуется ухо музыканта» (л. 12—13).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Из письма Е. В. Барсова к И. И. Срезневскому от 1 октября того же года мы узнаем о том, что и Ф. И. Буслаев готовил рецензию на I том, которая, очевидно, осталась незаконченной. По крайней мере, опубликована она не была.[1]

Итак, обозрение откликов на I том сборника Федосовой раскрывает примечательную картину. В журнальной борьбе 1872—1874 гг. вокруг I тома академической фольклористике (А. Веселовский, Баталин и др.) и реакционной журналистике (журналы «Гражданин», «Грамотей», «Православное обозрение» и др.) «Отечественные записки» противопоставили свою точку зрения. «Отечественные записки» подчеркивали гражданские мотивы в творчестве Федосовой и утверждали большое значение сборника для изучения общественного сознания и психологии современного русского крестьянства. Пример последовательного революционного истолкования и использования текстов Федосовой дал великий революционный поэт-демократ Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Творческое использование Некрасовым важнейших идей и мотивов поэзии Федосовой сделало их достоянием демократического читателя, способствовало превращению наследия Федосовой в неотъемлемую часть общенациональной русской культуры.

ГЛАВА 4

В I томе «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» была опубликована значительная часть лучших импровизаций народной поэтессы. В многочисленных рецензиях и статьях, наконец, в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» творчество ее получило широкое признание и заслужило всеобщую похва-

[1] Своеобразным откликом была попытка преподавателя русской словесности 1-й московской женской гимназии Н. Алябьева переложить «Слово о полку Игореве» «под Федосову» («Слово о полку Игореве», новейший буквальный перевод в стихах Н. Алябьева и «Слово о Мамаевом побоище», изд. ж. «Грамотей», М., 1873), отмеченная еще Е. В. Барсовым и в недавнее время И. П. Ереминым (см. Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси», М., 1887, т. I, стр. 182 и И. П. Еремин, «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии», Ученые записки Лен. Гос. Университета, 1948, филологическая серия, вып. 13).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лу[1]. Однако в жизни самой Ирины Андреевны решительно ничего не изменилось. Она осталась попрежнему безвестной петрозаводской жительницей, обремененной семейными заботами и едва находившей применение своему таланту. Имя ее промелькнуло в ученых рецензиях и было снова забыто на полтора десятка лет. Широкие массы русского народа за пределами Карелии попрежнему не знали своей выдающейся поэтессы.

Со времени отъезда Е. В. Барсова в Москву[2] и до смерти Якова Ивановича Федосова Ирина Андреевна продолжала жить в Петрозаводске, иногда навещая родное Заонежье. После смерти двух детей[3] она взяла на воспитание трехмесячного племянника Ивана (сына Тимофея Ивановича Федосова), которого впоследствии усыновила.

В 1884 г. умер Яков Иванович Федосов; Ирина Андреевна, продав мастерскую, вернулась в д. Лисицино Кузарандского общества в «мужнин угол» и поселилась у деверя Тимофея Ивановича Федосова. Смерть мужа была для нее началом долголетних бедствий. Скудная мзда за участие в свадьбах не могла исправить положения. «Не сладка была жизнь у деверя, — писал в 1896 г. с ее слов Е. В. Барсов, — хлеб добывала она корзиной и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала ей даже воды: «Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы и не поильцы». К концу 80-х гг. Ирина Андреевна нищенствовала, временами служила в няньках.

Нищенство ее было своеобразным — соседи считали своей обязанностью помогать ей: «Носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала», — вспоминает Григорий Васильевич Стафейков из д. Лисицино.[4] Окруженная общей любовью и уважением, она платила односельчанам дарами своего замечательного таланта. Только в

---

[1] В 1874 г. Барсову за I том была присуждена 16-я Уваровская премия.

[2] В 1878 г. после завершения археологических раскопок в районе р. Ояти (совместно с Европеусом) Е. В. Барсов снова побывал в Петрозаводске. Встречался ли он в этот приезд с И. А. Федосовой, неизвестно.

[3] См. Толиверова, стр. 375.

[4] См. приложение V, № 4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

середине 90-х гг. Федосовы стали жить несколько лучше, но об этом речь впереди.

После выхода в свет I тома Барсов начал изыскивать способы для издания II тома. Между тем подходил срок возврата ссуды Об-ву Любителей Российской Словесности. Уже 1 октября 1872 г. Барсов писал И. И. Срезневскому: «Кошелев уже начинает требовать с меня ссуду, которою снабдило меня Общество Любителей Российской Словесности для издания «Причитаний». Это именно обстоятельство побудило меня представить книгу в Академию наук на соискание премии. В случае отказа со стороны Академии я, кажется, останусь неоплатным должником Общества».[1] Барсов был повидимому плохим коммерсантом, слишком велики были накладные расходы, слишком много было раздарено экземпляров, распродажа I тома принесла ему лишь убытки.

Издание II тома сильно затянулось. Барсов к этому времени был уже секретарем редакции «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских», его научные интересы все более и более перемещались в область древнерусской литературы, изучения исторических и юридических документов и т. п. Только через шесть лет после выхода в свет I тома, в 1878 г., Барсов писал акад. Я. К. Гроту: «Второй том «Причитаний» хотел бы приготовить к изданию в 1880 г.: в состав его войдут «плачи завоенные, рекрутские и солдатские».[2]

Но и к 1880 г. замысел Барсова не был осуществлен, II том был издан только в 1882 году.[3] Таким образом, с 1868 г. — года записи «рекрутских текстов» — прошло 14 лет. Вполне возможно, что публикация задерживалась в связи с особой политической остротой текстов II тома. Нужно было выждать время для того, чтобы они могли быть представлены как документы далекого прошлого. В 1882 г. военная реформа была позади, и Барсов трактовал материал II тома как иллюстрацию «благодетельности» этой реформы. В цитированном уже письме к акад. Я. К. Гроту он писал: «Всеобщая воинская повинность значительно облегчила народную грусть,

---

[1] Архив АН СССР, ф. 216, оп. 5, № 32, л. 10.
[2] Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, № 51.
[3] Издание II тома финансировал купец-меценат, городской голова Ярославля И. А. Вахрамеев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

осушила народные слезы — и эти плачи послужат драгоценной летописью былого: подобный сборник — наилучшая и красноречивейшая ода Александру II». Это заявление Барсова, искажавшее и смысл текстов Федосовой и подлинную суть «военной реформы», легло в основу вступительной статьи ко II тому.

II том составился из четырех огромных текстов Федосовой: «Плачи по холостом рекруте», «По рекруте женатом», «При проводах солдата с побывки» и «При побывке солдата на смерть своего отца» (стр. 261) и четырех текстов других вопленицы, составивших вместе всего 15 страниц. Структура II тома напоминала структуру I. Тексты других вопленицы были привлечены лишь в качестве отдаленных параллелей к федосовским. Вступительная статья II тома значительно слабее вступительной статьи к I тому, и, что еще важнее, она находится в резком противоречии с текстами, опубликованными в томе; статья не давала никакого представления о мастерстве Федосовой. Недаром В. И. Ленин в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем назвал ее «слабенькой статейкой».[1]

Помимо текстов и вступительной статьи, в сборник вошли: «Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания» (о Федосовой не сообщалось ничего нового), «Рассказы про беглых рекрут», записанные от известного сказителя былин В. П. Щеголенка, «Сказка о солдате и смерти» (Каргопольский уезд), «Замечания о языке причитаний» и «Северорусский словарь».

II том встретил значительно более сдержанный прием, чем I. Правда, откликов и рецензий было достаточно,[2] но все они, за исключением рецензии Л. Н. Майкова, не представляют собой чего-либо значительного. Впрочем, характерна рецензия некоего Z в «Русском вестнике», который упрекал Барсова в том, что его вступительная статья все же недостаточно «охранительна» по своему тону.[3] Упрек был явно не заслужен Барсовым. Повиди-

[1] «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

[2] Наиболее крупные рецензии: Л. Н. Майков, ЖМНПр, г. CCXXIII, стр. 415—422; Отчет о 28-м присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1885, стр. 66—79 (то же в кратком изложении, ЖМНПр, 1885, № 11, стр. 11—13); Русск. Филолог. Вестн. 1882, т. VIII; № 3, стр. 167—170; Вестн. Европы, 1882, № 8; Z. Причит. Северного края, ч. II, Русск. Вестник, 1883, № 2, стр. 824—825; ОГВ, 1882, № 30; 1883 № 24 и 25 (пересказ рец. Белова из «СПб Новостей»).

[3] Стр. 824.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мому, в глазах корреспондента журнала М. Каткова даже Барсов 80-х гг. был чересчур левым.[1]

Если в рецензии на I том Л. Н. Майков говорил об «общественном духе», который живет в крестьянах русского Севера и толковал этот «дух» с буржуазно-либеральных позиций, то рецензия Л. Н. Майкова на II том совершенно обходила все вопросы, связанные с общественно-политическим звучанием текстов II тома. Трудно сказать, что было причиной этому, — цензурные соображения (которые в условиях цензурного режима 1882 г. могли быть основными) либо собственная эволюция Л. Н. Майкова вправо. И все же эта рецензия интересна во многих отношениях — это по существу первое исследование о самой Федосовой. Развивая и углубляя точку зрения, высказанную им за 10 лет перед этим в рецензии на I том, Майков называет тексты II тома «поэмами», Федосову —«народной поэтессой». Он тщательно выписывает сведения о ней, которые Барсов сообщал еще в I томе. «Уже по этим немногим чертам, которые мы извлекли из книг г. Барсова, — продолжает Л. Н. Майков,— можно видеть, что Ирина Федосова — личность необыкновенная, натура даровитая, способная к творчеству, и это еще больше убеждает нас в предположении, что в плачах, от нее записанных, следует допустить известную долю личного создания и видеть нечто большее, чем обыкновенные народные причитания. Г. Барсову следует поставить в большую заслугу, что он по всей справедливости оценил эту народную женщину-поэта и отвел ей главное и почетное место в своем сборнике» (стр. 75).

Л. Н. Майков не ограничивается одними утверждениями, он довольно подробно анализирует тексты II тома и приходит к выводу о сознательности поэтического творчества Федосовой. В этой рецензии Майков сделал то, что не сумел сделать Барсов. Имя Федосовой было названо во всеуслышанье, она была названа народным поэтом; необходимость изучения ее творчества была не только декларирована — на этом пути были предприняты первые шаги.

---

[1] Z — возможно, С. В. Флеров, см. И. Ф. Масанов, Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. II—III, М., 1948, стр. 167.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В 1885 г. II том сборника И. А. Федосовой был, подобно I, удостоен высокой академической награды — Уваровской премии (28-й). Основной отзыв был поручен акад. Л. Н. Майкову.[1]

Следующий III том Е. В. Барсов опубликовал в 3-й и 4-й книге «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете» за 1885 г. («Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные»). К III тому Барсов не написал предисловия, он ограничился лишь краткой статьей «Свадебный обряд в Заонежье», уже опубликованной однажды в «Беседе».[2] Том представляет собой один связный текст — причитания одного свадебного цикла (239 страниц), записанные только от И. А. Федосовой. Огромные размеры причитаний (всего более 8800 строк) ясно свидетельствуют об их импровизационном характере. Для их действительного исполнения потребовалось бы не менее 60 часов. Мотивы свадебных причитаний разработаны в текстах Федосовой с необычайным богатством, полнотой и разнообразием. Публикация в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» не была доведена до конца — она внезапно обрывалась посредине одной из свадебных песен (№ 6). Причины, заставившие Барсова отказаться от дальнейшей публикации материалов III тома, не ясны. «Чтения» официально числились в его «заведывании», публикация еще нескольких страниц не потребовала бы специальных затрат. Возможно, что другие работы (обширная монография о «Слове о полку Игореве», над которой он трудился в эти годы, и др.) отвлекли Барсова от окончания тома. Однако мысль о необходимости не только завершить том, но и издать его отдельной книгой еще долго не покидала Барсова. Рукописи, найденные в его архиве,[3] свидетельствуют о том, что во второй половине 90-х гг.[4] Барсов снова вернулся к работе над III томом и совершенно закончил его подготовку к печати; однако книга все же не увидела света. Подготовленный том должен был состоять из вступления, тек-

[1] Кроме того, Русское Археологическое Общество отметило II том большой золотой медалью.

[2] Беседа, 1872, VI, стр. 108—121.

[3] Архив Гос. Ист. Музея, ф. 52 074.

[4] Возможно, после выступлений Федосовой в Петербурге и Москве.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

стов свадебных причитаний, заметки о свадебном обряде, свадебных песен,[1] «Общих замечаний о языке причитаний» (не опубликовано) и статьи «О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц» (?), которая была снабжена следующим примечанием: «Статья эта была читана в Публичном заседании Этнографического отдела Императорского Общества Естествознания, Антропологии и Этнографии в присутствии самой Ирины Федосовой».[2]

Вступительная статья Е. В. Барсова имеет чисто описательный характер. Его суждения об этнографическом смысле свадебного обряда довольно наивны и явно не соответствуют уровню этнографических знаний 90-х гг. XIX века. Наибольший интерес представляет заключительная статья «О записях и изданиях... и т. д.», в которой содержатся ценные сведения для восстановления истории всех трех томов сборника.

III том остался почти незамеченным журналами 80-х гг. Свадебные причитания не были особенной новостью, и том был воспринят как рядовая публикация записи свадебного обряда.

Через полгода после публикации материалов III тома в «Чтениях» и через 19 лет после первой встречи с Барсовым Федосова встретилась с двумя известными собирателями — фольклористом Ф. М. Истоминым и музыковедом Г. О. Дютшем. Истомин и Дютш были командированы Песенной комиссией Этнографического отдела Географического общества в Олонецкую и Архангельскую губернии для записи песен и их мелодий. Собиратели предполагали специально разыскать И. А. Федосову и произвести от нее серию записей. Однако в Петрозаводске Федосовой не было — за два года перед этим она переехала в Кузаранду. Совершенно случайно И. А. Федосова оказалась пассажиркой того же парохода, на котором Истомин и Дютш продолжали свой путь из Петрозаводска по Онежскому озеру. Здесь же на пароходе была записана свадебная песня «Пивна ягода по сахару

[1] В черновиках обнаружено лишь 3 неопубликованных свадебных песни.

[2] Имеется в виду заседание 3 января 1896 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

плыла»[1], дальнейшим записям помешала буря, разыгравшаяся в этот день на озере.[2]

В том же 1886 г. (осенью), очевидно по рекомендации Истомина и Дютша, Федосова была вызвана О. Х. Агреневой-Славянской для записи мелодий свадебных песен и свадебных причитаний в ее тверское имение Кольцово, где пробыла больше года.[3] Записи Агреневой-Славянской составили три выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы», подготовленных ею в подарок мужу Д. А. Агреневу-Славянскому, известному певцу и руководителю этнографического хора, гастролировавшему в этот год по Америке.[4] Первые два тома давали полное описание свадебного обряда. Третий выпуск был по существу приложением к первым двум. В нем собрано все, что попутно записывалось Агреневой, — лирические песни, былины и исторические песни, сказки, духовные стихи, похоронные и рекрутские причитания, загадки, пословицы и т. д. Кроме Федосовой, которой принадлежало 11 причитаний, 2 былины, 2 исторические песни, 9 духовных стихов, 8 экспромтов-величаний, 51 пословица и несколько лирических и балладных песен, в сборнике были представлены: «бесфамильная» Ульяна из Петрозаводска, Чуева из Шуи,[5] Семенова из Осташковского уезда Тверской губ. и др. Записи Агреневой во многих отношениях уступают записям Барсова. Агренева не сумела уловить действительную структуру импровизаций Федосовой, плохо справилась с передачей заонежского диалекта.

---

[1] См. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г., СПб, 1894, IV, № 7; та же песня в записи Барсова, т. III, стр. 253, № 2, и Агреневой, т. II, № 16.

[2] Отчет о поездке Истомина и Дютша, см. Истомин Ф., О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ., Живая Старина, 1892, III, стр. 140; Новое время, 1892, № 5763; ОГВ, 1887, № 55, стр. 468.

[3] О. Х. Агренева-Славянская датирует только записи экспромтов-величаний, помещенных в конце III тома. Даты эти охватывают время с 31 декабря 1886 г. по 26 декабря 1887 г. В то же время 1 том «Описания русской крестьянской свадьбы» «дозволен цензурой» 10 апреля 1887 г. — следовательно записи производились в основном в 1886 г.

[4] Москва — Тверь, 1887—1889.

[5] Повидимому, д. Шуя близ Петрозаводска.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Барсов в упомянутой выше статье, приготовленной для III тома «Причитаний Северного края», справедливо отмечал грубейшие ошибки, допущенные Агреневой. Так, например, мы находим у нее вместо «чистое полюшко»— «частое полюшко» (II, 24), вместо «у столба точеного»— «у столба печеного» (I, 8), «сладко уяданьице» — «сладко увяданьице» (II, 86), «когда стоснется» — «когда стошнится» (II, 98), «с пораннего утрышка» — «с парадного утрышка»; «ко белому ко личушку» — «ко белому колечушку»; «блад (-млад *К. Ч.*) отецкий сын» передается то как «благ» (-добрый) (I, 10 и 13), то как «брад» (т. е. бородатый) (I, 40), то совсем курьезно, как «блад», с примечанием: «Блад — это значит шалун, что у нас называется «Дон-Жуан».[1]

Характер взаимоотношений между Федосовой и Агреневой-Славянской не ясен, однако можно предположить, что обстановка барского поместья стесняла Федосову. С этой точки зрения характерен ее экспромт, напечатанный Агреневой под портретом в I томе:

Я ем да пью
Да и челом не бью;
Ем я досыта,
Пью я долюба;
В дело нос не тыкну
Да и перстом не щелкну.

Следует помнить, что экспромт этот был произнесен нищей кузарандкой, бродившей перед вызовом в Кольцово по заонежским деревням в поисках куска хлеба.

При всех своих недостатках записи Агреневой имеют все же большое значение для изучения творчества И. А. Федосовой. Они значительно расширяют наше представление о ее репертуаре. Повторные записи некоторых текстов (не говоря уже о текстах, известных только в записи Агреневой) дают представление о творческом характере сказительского мастерства Федосовой. Чрезвычайно любопытны импровизации-величания, помещенные в конце I тома.

Возвратившись из Кольцова в Кузаранду, Ирина Андреевна следующие 5 лет прожила чрезвычайно бедно.

---

[1] Дилетантский характер сборника Агреневой-Славянской был отмечен не только Барсовым, о том же писал и акад. О. Ф. Миллер в рецензии, опубликованной в «Русской старине» (1889, X).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И. А. Федосова в Соляном городке
(Петербург, 1895 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

После смерти деверя на руках у нее остался ее воспитанник Иван. Хромой старухе и пятнадцатилетнему мальчику не под силу было вести самостоятельное хозяйство. Приходилось сдавать участок в аренду богатеям, а самим перебиваться случайным заработком, нянчить детей, подчас и батрачить.

Наконец наступил 1894 г. — год, не менее знаменательный в жизни Федосовой, чем год ее встречи с Барсовым. Последний период жизни Ирины Андреевны — годы ее наивысшей славы, годы, когда известия о ней не сходили со страниц не только местных, олонецких, но и столичных газет. Пять последних лет ее жизни тесно связаны с именем учителя словесности петрозаводской Мариинской женской гимназии Павла Тимофеевича Виноградова. В 1894 г., просматривая сборники Барсова, Виноградов загорелся желанием узнать дальнейшую судьбу замечательной народной поэтессы. В июле того же года,[1] после окончания занятий в гимназии, он отправился в Заонежье и отыскал там уже престарелую Ирину Андреевну, рассчитывая организовать ее выступления в Петербурге и Москве. Вспоминая позже о первой встрече с Федосовой, Виноградов сообщал корреспонденту «Олонецких Губернских Ведомостей»: когда он «отыскал ее в глухой деревушке и уговаривал ее ехать в Петербург, она обратилась к нему с просьбой написать ей под ее диктовку письмо. Виноградов был поражен, когда увидел, что письмо вышло в стихах».[2]

Осенью того же года Виноградов произнес две речи — на публичных актах в Олонецкой губернской и Петрозаводской Мариинской женской гимназии, в которых специально охарактеризовал Федосову и ее творчество. Отчеты об этих публичных актах были первыми упоминаниями о Федосовой в печати 90-х гг.[3]

П. Т. Виноградов был энтузиастом русского народного творчества, много сделавшим для его популяризации. Достаточно напомнить, что все выезды И. Т. Рябинина (в 1893 г. в Петербург, в 1894 г. в Москву, в 1902 г. в Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию и т. д.) были организованы именно им. В 1895—96 гг. по его инициативе

[1] ОГВ, 1894, № 65.
[2] ОГВ, 1896, № 49 (6 июня), стр. 2.
[3] ОГВ, 1894, № 64 и 65.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосова выступала в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Петрозаводске. Однако П. Т. Виноградов не был ни теоретиком устного народного творчества,[1] ни даже литератором, способным подготовить публикацию фольклорных текстов. Записи, произведенные им от И. Т. Рябинина, были признаны недоброкачественными, вероятно, то же случилось и с записями от И. А. Федосовой (см. стр. 000). Вместе с тем за Виноградовым, безусловно, остается большая заслуга — он с энтузиазмом «знакомил Русь с ее неграмотной, но истинной поэтессой» (Горький).[2]

В декабре 1894 г. И. А. Федосова в сопровождении П. Т. Виноградова выехала из Петрозаводска в Петербург, где она должна была выступать с исполнением народных песен на специальном заседании Русского Географического Общества. Однако приезд Федосовой стал более значительным событием, чем это предполагалось. 4 января 1895 г. петербургские газеты сообщили о ее прибытии. 8 января состоялось первое публичное выступление в большой аудитории Соляного городка. Послушать «олонецкую народную поэтессу», как писали газеты, «собрались представители литературного и музыкального мира, члены Имп. Русского Географического Общества и очень много публики».[3] Выступлению Федосовой было предпослано вступительное слово П. Т. Виноградова — «Похоронная и свадебная причеть Олонецкого края и лучшая их представительница И. А. Федосова». Мастерство Федосовой произвело сильнейшее впечатление на петербургскую публику. На страницах столичных и провинциальных газет мелькают одна за другой информации об ее выступлениях, сообщаются основные факты ее биографии, даются очерки ее исполнительского мастерства. «Трудно вообразить себе, — пишет корреспондент «Олонецких Губернских Ведомостей», — с каким энтузиазмом отнеслась интеллигенция столичная, когда не так давно удалось ей воочию увидеть и услышать лучших представителей в ряду мест-

---

[1] Об этом свидетельствуют его статьи в ОГВ, 1894, № 64 и 65; 1895, № 6; 1896, № 18; 1896, № 78 и др.

[2] М. Горький, «С всероссийской выставки», гл. «Вопленица», Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

[3] ОГВ, 1895, № 4, стр. 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ных олонецких сказителей и вопленицы: Рябинина[1] и Федосову. Ученые учреждения, общества, учебные заведения, консерватории, частные лица — все наперерыв стремились слышать у себя того и другого, приглашения следовали за приглашениями, о столичной же печати и говорить нечего: описания, отчеты постоянно наполняли столбцы газет, везде печатались портреты Рябинина и Федосовой».[2]

В январе 1895 г. Федосова несколько раз выступала на открытых вечерах в большой аудитории Соляного городка. Здесь среди ее слушателей были: Н. А. Римский-Корсаков и М. А. Балакирев, музыковед В. В. Ястребцев, председатель Песенной Комиссии Этнографического отдела Русского Географического Общества Т. И. Филиппов и другие известные литераторы, музыканты и любители народного творчества. Как вспоминает В. В. Ястребцев, Н. А. Римский-Корсаков живо заинтересовался мелодиями песен Федосовой, дважды посетил ее вечера в Соляном городке (8 и 10 января 1895 г.) и сделал «слуховые» записи пяти номеров из ее репертуара.[3] Вполне вероятно, что мелодии, записанные от Федосовой, пригодились ему для оперы «Садко», работу над которой он закончил в 1896 г. (напр., ария Любавы в VIII картине и др.). Они могли вспомниться великому композитору и при его работе над другой оперой — «Сказание о граде Китеже» (ария Февроньи и др.). Однако это только предположения. Решить, верны ли они, — дело музыковедов.

В честь Федосовой в январе 1895 г. созываются специальные заседания Этнографического Отдела Русского Географического Общества (11 января), Археологического Института (15 января) и Общее Собрание Академии наук (10 января), на котором среди других присутствовали академики Л. Н. Майков, А. И. Соболевский, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. И. Ламанский. Академия наук награждает И. А. Федосову серебряной медалью с дипломом. По этому поводу одна из газет писала: «Большей

---

[1] Имеются в виду выступления И. Т. Рябинина в Петербурге и Москве в 1894 г.

[2] «К истории былевой поэзии» (без подписи), ОГВ, 1895, № 85, стр. 3—4.

[3] См. В. В. Ястребцев, Мои воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове, вып. 2, II., 1917, записи от 9 и 13 января 1895 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

награды она не может получить: по закону крестьянки не награждаются золотой медалью».[1]

Федосову наперебой приглашают реальные училища и гимназии (напр. Рождественская — 23 января) и «виднейшие» частные дома (К. П. Победоносцев, гр. Шереметьев, Т. И. Филиппов и др.). Портреты Федосовой печатаются в большинстве петербургских газет, а 9 января «тремя художницами были нарисованы ее портреты».[2] Музыковед С. Рыбаков записывал вслед за Н. А. Римским-Корсаковым мелодии ее песен и опубликовал их в журнале «Русская беседа».[3]

Таким образом, на протяжении всего января 1895 г. Федосова была в центре внимания петербургской публики. В этом шумном увлечении Федосовой было, безусловно, много поверхностного и случайного, однако, серьезное историко-культурное значение ее выступлений бесспорно.

Отъезд Федосовой из Петербурга был первоначально назначен на 13 января 1895 г. Газеты уже сообщили об этом своим читателям, но дело внезапно приняло иной оборот. Председатель Песенной комиссии Р. Г. О. Т. И. Филиппов предложил ей остаться в Петербурге и поселиться в его доме. Ирина Андреевна приняла это предложение и прожила в доме Т. И. Филиппова больше четырех лет (с января 1895 по весну 1899 г.).

В конце января 1895 г. Федосова через газету «Новости и биржевая газета» выразила готовность выступать с исполнением былин, причитаний и песен в частных домах Петербурга. «Нас просят заявить, — писала газета в отделе «Хроника», — что находящаяся в Петербурге «сказительница» народных былин и вопленица Ирина Федосова проживает в квартире государственного контролера тайного советника Т. И. Филиппова; лиц, желающих пригласить Федосову к себе для пения, просят обращаться к швейцару (Мойка 74)».[4]

---

[1] Нижегородская почта, 1896, № 22, 5 июня.

[2] Свет, 1895, № 8, стр. 2. Имена художниц не поддаются установлению.

[3] 1895, апрель, стр. 181—184, 6 стр. нотных приложений (былина «Добрыня Никитич», песня «Во лугах» и 4 свадебных песни).

[4] Новости и биржевая газета, 1895, № 20 (20 января).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В июле того же года Ирина Андреевна встретилась с детской писательницей А. Толиверовой.[1] Толиверова провела с ней весь день и затем рассказала о своих впечатлениях от встречи с народной поэтессой в большом очерке «Ирина Андреевна Федосова», напечатанном в детском журнале «Игрушечка»,[2] который она возглавляла.

«На вид маленькая, худенькая старушка с добрыми глазами оказалась в высшей степени занимательной, — писала Толиверова. — Завезенная преподавателем олонецкой гимназии П. Т. Виноградовым со своей родины, Олонецкой губернии из г. Петрозаводска в Петербург, она появлялась то в ученых обществах, то в частных домах, собирая подле себя постоянно целую толпу слушателей».[3]

В свой очерк Толиверова включила краткий рассказ о жизни Федосовой и описание ее исполнительского мастерства, иллюстрированное то отрывками, то полными текстами различных произведений, которые Федосова исполнила для Толиверовой. Полностью были даны: сказка «Волк и лисица», две свадебные песни, колыбельная песня, «Во лузях», и в отрывках: причитание жены по мужу и причитание невесты.

Очерк Толиверовой занимает значительное место в литературе о Федосовой. Прежде всего, он знакомит нас с семью новыми текстами Федосовой, среди которых одна сказка — жанр, не представленный ни у Барсова, ни у Агреневой-Славянской. К сожалению, в записях явно чувствуется «подправка» языка и «шлифовка» ритма, произведенные в расчете на детское восприятие. Очерк написан живо и красочно; к нему приложен лучший из известных нам портретов И. А. Федосовой.

В том же 1895 г. произошла еще одна, чрезвычайно знаменательная встреча — на одном из вечеров у Т. И. Филиппова, в котором участвовала и Федосова, хозяину был представлен молодой и тогда еще не очень удачливый певец Императорской оперы Федор Иванович Шаляпин. Спустя 31 год, в 1926 г., завоевавший уже мировую славу, великий русский певец так вспоминал об

[1] Якоби-Толиверова Александра Николаевна (1842—1918). О ней см. «Литературное наследство», т. 51—52 («Н. А. Некрасов, т. II»), Изд. Акад. наук. СССР, М., 1949, стр. 558—563.

[2] 1895, № 8, стр. 374—382, № 9, стр. 428—432.

[3] Там же, стр. 374—375.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

этом вечере: «В. В. Андреев[1] особенно близко к сердцу принимал мои неудачи и старался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Тертию Филиппову, о котором я уже слышал, как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о «его поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мной воочью совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна как сказка».[2]

Встреча с Федосовой оказалась для Ф. И. Шаляпина особенно значительной, потому что именно в эти годы (1895—96 гг.) он переживал тяжкие творческие неудачи, связанные с первыми шагами на новом, никем до него неизведанном, пути. Как известно, Шаляпин принес на русскую оперную сцену не только изумительные качества своего голоса и поражающее искусство владения голосовым аппаратом, но прежде всего представление о том, как и какими путями искусство пения должно быть сближено с искусством сценической игры. Середина 90-х гг. прошлого века была для Шаляпина временем выработки новых сценических приемов и новых приемов пения — классического шаляпинского речитатива. Начало творческого пути Шаляпина связано с его бунтом против «бельканто», с борьбой за выразительное драматическое пение, заменявшееся в итальянской манере демонстрацией голосовых возможностей. В этой борьбе, реализуя на оперной сцене эстетику «могучей кучки», Шаляпин ориентировался на русскую народную манеру пения, на русский народный речитатив, которым, по общим отзывам, так мастерски владела Федосова. Поэтому и в исполнении

---

[1] В. В. Андреев — талантливый музыкант, создатель балалаечного оркестра, энтузиаст народного музыкального творчества.

[2] Ф. Шаляпин, Страницы из моей жизни. Автобиография, Л., изд. «Прибой», 1926, стр. 183—184.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосовой Шаляпин увидел то, над чем он напряженно размышлял в эти годы. Недаром, вспоминая позже о своем преодолении «бель-канто», Шаляпин неизменно апеллировал к естественной народной манере: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров, — писал он. — Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека».

Так закончился первый цикл публичных выступлений Федосовой. В Петербурге она встретилась с Римским-Корсаковым, Шаляпиным, Балакиревым, а также с Майковым, Соболевским, Бестужевым-Рюминым, Ламанским, Бычковым и др. С ее творчеством познакомились сотни слушателей, были написаны десятки газетных и журнальных статей.

Второй цикл ее выступлений — поездка в Москву в 1895—96 гг. — был не менее шумным, хотя, может быть, и менее значительным.

В декабре 1895 г. Ирина Андреевна в сопровождении П. Т. Виноградова выехала в Москву. В сочельник — 24 декабря — состоялось ее первое московское выступление, на этот раз в более узком кругу — на квартире у акад. В. Ф. Миллера. Это было одно из известных тогда в Москве «воскресений у Миллеров». Среди гостей были А. Е. Грузинский, Ф. Е. Корш, Н. И. Янжул, П. Д. Боборыкин, Е. В. Барсов, П. Т. Виноградов, молодой композитор А. Н. Корещенко, С. В. Смоленский, музыковед Ю. И. Блок, А. И. Чупров, Д. Н. Анучин и многие другие.[1]

«Ирина Андреевна, — пишет присутствовавший на этом вечере В. В. Богданов, — держала себя просто и свободно. Такое многолюдное собрание ее не смущало. «У нас на свадьбе больше бывает», — говорила она».

А. Е. Грузинский вспоминал позже об этом вечере: «Эта низенькая, полная старушка, которой было тогда под 70 лет, производила прямо необыкновенное впечатление своей живостью, умом и увлечением, с которым она пела и говорила о своих плачах. Она чувствовала себя в большом обществе словесников и этнографов совершенно

[1] См. приложение, стр. 358, В. В. Богданов «Из воспоминаний о русской народной поэтессе Ирине Андреевне Федосовой».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

естественно и непринужденно; ее речь искрилась юмором и тонкой наблюдательностью, меткие поговорки и пословицы сыпались на каждом шагу и всегда кстати. Она отдавалась своему пению и говорила о нем так одушевленно, как может это делать истинный артист; вы наглядно убеждались, что в свою профессию этот человек привык вкладывать лучшие, живые силы души... Общее впечатление было неотразимо: мы видели перед собой крупную поэтическую натуру, выдающуюся художницу-артистку».[1]

3 января Ирина Андреевна выступала на торжественном заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете в зале Политехнического музея. Заседание происходило, как вспоминает В. В. Богданов, «в присутствии многочисленных членов разных отделов и отделений Общества, не исключая физиков, зоологов, химиков и других, присутствовала большая группа сторонних писателей. Большой зал Политехнического музея был переполнен».[2] Перед выступлением И. А. Федосовой было произнесено два вступительных слова — В. Ф. Миллером и Е. В. Барсовым. О вступительной речи Е. В. Барсова мы уже говорили в связи с историей III тома «Причитаний Северного края» — текст ее должен был быть опубликован в заключительной части тома и хранится в фонде Барсова в архиве Государственного Исторического музея. Текст речи В. Ф. Миллера нашелся на страницах «Олонецких Губернских Ведомостей». Он оказался целиком вставленным в статью Г. И. Куликовского «Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве».[3] Речь эта весьма примечательна. Ниже мы остановимся на ней специально. После речи Е. В. Барсова Федосова исполнила несколько импровизаций. «Кое-кто из публики, — вспоминает В. В. Богданов, — попросил Ирину Андреевну причитать по том или другом умершем, о котором Федосова расспросила подробно, также как и о его семье. Эти импровизации произвели сильное впечатление на аудиторию.

---

[1] Грузинский А. Е., Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова в кн. «Литературные очерки», М., 1908, стр. 107.

[2] См. приложение IV, стр. 359.

[3] ОГВ, 1896, № 4, (17 янв.), стр. 2—4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Наконец, одна немолодая дама попросила Федосову изложить ее горе и ее тоску по дочери, которая не умерла, но рассталась с матерью. Федосова подробно расспросила о матери, о дочери и о разных обстоятельствах и причинах разлуки. Получив после этого спроса нужный ей сюжет для элегии, Ирина Андреевна, стоя на некотором возвышении около кафедры, начала своим ровным чистым и громким голосом импровизацию элегии на заданный сюжет. Минут пятнадцать, если не больше, сказывала Ирина Андреевна эту в ритм устроенную вдохновенную элегию. Уже на средине сказа послышались всхлипывания, потом плач, и не только самой героини элегии, но и других. Когда окончилась элегия, та дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке. Эта демонстрация поэтического творчества Ирины Федосовой произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Сама Ирина Андреевна тоже не казалась спокойной».[1]

После заседания Ирине Андреевне были торжественно вручены серебряные часы с ее вензелем. Через несколько дней — 11 января — Общество собралось еще раз для вручения Федосовой второй серебряной медали с дипломом, в котором говорилось: «Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии в заседании своем 11 января 1896 г. на основании § 20 устава присудило Ирине Андреевне Федосовой за обогащение русской народной поэзии сложенными ею причитаниями и в благодарность за художественное исполнение причитаний и песен в публичном заседании Общества 3 января 1896 г. **серебряную медаль**. Президент Общества Д. Анучин. Вицепрезидент Н. Жуковский. Секретарь Общества Г. Кожевников и др.».

Вслед за тем Федосова выступала на заседании славянской комиссии Московского Археологического Общества (4 января),[2] дважды — на открытых вечерах в Историческом музее (6 и 7 января). 5 января музыковед Ю. И. Блок записал несколько номеров на фонограф.[3] В середине января Федосова вернулась в Петербург и прожила около двух месяцев в доме Т. И. Филиппова.

---

[1] См. приложение, там же.

[2] Вступительную речь произнес акад. А. Е. Крымский.

[3] По свидетельству проф. Е. В. Гиппиуса, фонограммархив Ю. И. Блока не сохранился.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

После возвращения из Москвы И. А. Федосова получила приглашение на выступления в концертном зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки, которая должна была открыться в конце мая 1896 г. в Нижнем Новгороде. Перед отъездом в Нижний Новгород она решила побывать в родном Заонежье. 3 марта она прибыла в Петрозаводск и после публичного выступления в зале Мариинской женской гимназии (6 марта) выехала в Кузаранду к родным. На родине она застала своих близких в бедственном положении — ее воспитанник Иван, после отъезда Федосовой переселившийся к родным, все больше превращался в батрака — работящий и честный, он был тихим и не очень предприимчивым человеком. В этот приезд Ирина Андреевна была иначе принята овдовевшей и растерявшей семью «большухой» — женой Тимофея Федосова. С нею «большуха» связывала теперь надежду поправить хозяйство. Незлопамятная Федосова действительно помогла родным. Сборы от публичных выступлений позволили ей вернуть часть проданных богатеям земельных участков, обновить нехитрый крестьянский инвентарь, женить воспитанника[1] и снабдить его деньгами на первый случай.

В то же время Федосова, со свойственной ей широтой, сумела подумать и об общих делах Кузаранды.

Кузарандцы старшего поколения до сих пор еще помнят, как она помогла беднейшим соседям в свой приезд весной 1896 г.[2] Но не это было основным. Значительную часть сборов — 300 р. — Ирина Андреевна пожертвовала на строительство школы для кузарандских детей. Газеты и журналы сообщали об этом ее намерении еще в 1895 г. Так например, «Новое время» писало 13 января 1895 г.: «В с. Кузаранде (Олонецкой губ., Петрозаводского у.), где проживает И. А. Федосова, учреждается библиотека ее имени, на образование которой отчислено из сборов, поступивших 8 и 10 января в Соляном городке, 125 руб.».[3] В очерке Толиверовой это сообщение уточ-

---

[1] Вдова Ивана Тимофеевича — Анна Федоровна Федосова, ныне колхозница колхоза им. Ленина (д. Лисицино) Кузарандского с/с. Ей мы обязаны сообщением многих ценных сведений об Ирине Андреевне. См. приложения.

[2] См. приложение V.

[3] № 6780, стр. 3; кроме того, см. «Свет», 1895, № 7 (прилож.) и 10 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нялось: «Ирина Андреевна в разговоре со мной очень жалела, что она неграмотна, а потому все деньги, которые она здесь выручила, так как учитель (т. е. П. Т. Виноградов — *К. Ч.*) устраивал вечера с платою за вход, она пожелала отправить на свою родину, чтобы на них была устроена школа».[1] Однако в 1895 г. деньги отправлены в Кузаранду не были. Дополнив их поступлениями от двух публичных вечеров в Москве, Ирина Андреевна сама привезла их в Кузаранду в марте 1896 г.[2]

Федор Ильич Прохоров, учительствовавший в то время в Кузаранде (позже преподаватель Кооперативного техникума в г. Петрозаводске), в своих воспоминаниях подтверждает это сообщение журналистов.[3] Он рассказывает, как, приехав в конце 1895 г. в Кузаранду, нашел там «школу», в которой обучалось всего 12 учеников, причем среди них не было ни одной девочки. Школа не имела собственного помещения — каждый год арендовалась какая-нибудь комната в частном доме. Взнос Федосовой позволил выстроить специальное помещение и заново оборудовать школу. Ф. И. Прохоров, ходивший благодарить Федосову за замечательное пожертвование, вспоминает о том, что народная поэтесса живо интересовалась делами школы и особенно советовала ему «учить девочек».

В Кузаранде И. А. Федосова пробыла меньше двух месяцев. За это время она успела заняться еще одним общественным делом. Кузарандцы вспоминают,[4] что после реформы 60-х гг. они лишились возможности рубить лес на Пудожском берегу (восточное побережье Онежского озера). Тогда же начались хлопоты о выделении Кузаранде специальной лесной дачи в Пудожском уезде, так как в Заонежье соснового (т. е. строительного) леса не было. Хлопоты эти не давали результатов до середины 90-х гг. Федосова предложила поручить ей эти хлопоты и снабдить ее для этого соответствующими документами. Из тех же воспоминаний известно, что инициатива Федосовой увенчалась успехом. В том же 1896 г.

---

[1] Игрушечка, 1895, № 8, стр. 376.

[2] Кроме того, по свидетельству «Олон. Губ. Вед.», от выступления 6 марта 1896 г. в пользу Петрозаводской женской гимназии было отчислено 40 р. 70 к. (при общей выручке 84 р. 12 к.).

[3] См. приложение II, № 1 и др.

[4] См. приложение V, №№ 2, 4, 6, 9, 12, 17.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Кузарандское Общество получило извещение о выделении ему лесной дачи «за Онегом».

Эти факты, — пожертвования на постройку школы, помощь беднейшим соседям и хлопоты о лесной даче для Кузаранды, — извлеченные нами из памяти старых кузарандцев, чрезвычайно интересны. Большинство земляков Федосовой, от которых были записаны воспоминания об Ирине Андреевне в августе 1948 г., помнят ее лишь в последние 5 лет ее жизни, т. е. в приезд в 1896 г. (два месяца) и в 1899 г. (два-три месяца), когда Федосова была больной. Следовательно, они знали ее всего 3—4 месяца. При этом следует учитывать, что большинству помнящих Федосову было в 1896 г. 15—20 лет. Следовательно, прочность их воспоминаний (с тех пор прошло 53 года) объясняется не долговременностью их общения с народной поэтессой, а большой популярностью Федосовой в Заонежье. И, действительно, все они говорят о всеобщем уважении, которым была окружена Федосова, говорят о ее уме и талантливости, о ее участливости к судьбам земляков. Выражая общее мнение, Ирина Семеновна Горелкина из д. Великая Нива рассказывала: «Почет ей был ото всех. Была она обходительная со всеми, рассудительная. Но ходила (причитывать — *К. Ч.*) не для заработка, **а интересовалась людьми всеми».** Отношение к поэтической деятельности как к общественному призванию, о котором мы уже говорили, необычайная острота социального мировосприятия легко ассоциируются с приведенными только что фактами, характеризующими общественную деятельность Федосовой. Поэтому с уверенностью можно сказать, что эти факты не случайны. Однако теперь утрачены уже все возможности восстановить эту сторону жизни замечательной русской женщины. Буржуазная фольклористика прошлого мало интересовалась личностью Федосовой, еще меньше интересовал ее общественный облик народной поэтессы.

24 мая 1896 г. И. А. Федосова и П. Т. Виноградов выехали из Петрозаводска в Петербург, чтобы затем направиться в Нижний Новгород, где 28 мая должно было состояться открытие Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В Петербурге Федосову ожидало приглашение посетить Америку, от которого она, однако, отказалась:[1] предстояли месячные «гастроли» в Нижнем, да и здоровье уже было не настолько крепким, чтобы пускаться в столь далекое путешествие.[2]

5 июня нижегородские газеты сообщили о приезде Федосовой и объявили о предстоящем (9 июня) выступлении в концертном зале Выставки. Начался третий и самый крупный цикл публичных выступлений Ирины Андреевны. В продолжении двух месяцев, с небольшим перерывом для выезда в Казань, где было дано три вечера (15, 16 и 17 июня), Федосова демонстрировала свое мастерство перед многочисленной выставочной публикой. Первые два выступления (9 и 11 июня) были особенно широко отражены в печати. После возвращения из Казани «сеансы Федосовой», как называли тогда газеты ее выступления, приобрели известную регулярность: она выступала каждое воскресенье в выставочном зале и в будни в зале Городской думы или одного из реальных училищ или гимназий Нижнего Новгорода, обычно бесплатно, для учителей и учащихся. Об успехе Федосовой можно судить по следующему, весьма характерному факту: по первоначальной договоренности Федосова должна была выступать с 9-го по 23 июня; однако, 26 июня газеты сообщили: «Известная олонецкая «вопленица» Ирина Федосова, как мы слышали, по желанию администрации Всероссийской Выставки остается еще на месяц в Нижнем Новгороде. Она выступит еще несколько раз в выставочном концертном зале».[3]

Есть основания считать, что Федосова выступала в Нижнем Новгороде не менее 20 раз. Нижегородские «сеансы» особенно значительны в историко-культурном

---

[1] См. Нижегородский Листок, 1896, № 152.

[2] В 1895—96 гг. некоторые западно-европейские и американские газеты сообщали о выступлениях Федосовой. В 1895 г. председатель англо-русского Литературного Общества в Лондоне д-р Казалета запросил у П. Т. Виноградова реферат об И. А. Федосовой для оглашения его на заседании Общества (См. «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, № 6; «Волж. Вестн.», 1895, № 134).

[3] В заявлении «Председательствующему в Отделении Русского Языка Императорской Академии наук» в 1902 году П. Т. Виноградов писал о том, что он в июне и июле 1896 г. жил на Всероссийской Выставке в Нижнем Новгороде, где более 4000 чел слушали Федосову. (Архив АН СССР, ф. 9, оп. I, № 80б).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

смысле. Здесь слушателями Федосовой были представители всех областей России, здесь она приобрела наиболее многолюдную аудиторию.[1] Кроме того, здесь в концертном зале Выставки произошла знаменательная встреча — 9 июня среди слушателей Федосовой был Алексей Максимович Горький. Великая народная поэтесса, наследница лучших традиций русского народного творчества и замечательный новатор в народном творчестве, встретилась с наследником лучших традиций русской классической литературы и великим пролетарским писателем, зачинателем новой советской литературы.

Горький и Федосова — проблема, заслуживающая специального рассмотрения, ей будет посвящена следующая (5-я) глава нашей работы.

В конце июля Федосова выехала в Петербург для того, чтобы снова, теперь более, чем на два с половиной года, поселиться в доме Т. И. Филиппова. С середины 1896 г. по весну 1899 г. сообщения о Федосовой пропадают со страниц печати.

* * *

Таким образом, в 1895—96 гг. газеты и журналы информировали своих читателей о 31 выступлении народной сказительницы в различных городах России. По далеко не полному подсчету за это время было написано и опубликовано около 200 статей и заметок о Федосовой. Разумеется, газеты и журналы сообщали лишь о важнейших публичных выступлениях.

Федосову слушали литераторы, музыканты, художники, учителя, сотни представителей молодежи. Ее мастерство вызывало восхищение слушателей, прочно входило в их сознание как образец высокого народного искусства, как свидетельство необычайной одаренности русского трудового народа. Социальная острота ее мировосприятия волновала их не меньше, чем «домашних», кузарандских слушателей. Народное слово, мысли, чувства русского народа становились достоянием слушателей Федосовой.[2]

---

[1] Нижегородская почта, 1896, № 43 (26 июня), стр. 3.

[2] См. в «Жизни Клима Самгина» А. М. Горького о «народе (имеются в виду слушатели концертов И. А. Федосовой в Нижнем Новгороде — *К. Ч.*), восхвалявшем Орину Федосову сказительницу древних былин Северного края» (Собр. сочинений, ГИХЛ, М., 1952, т. XIX, стр. 519).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Таким образом, выступления И. А. Федосовой в 1895—96 гг. — значительный факт в истории русской культуры. Не случайно описание выступления Федосовой оказалось включенным и в замечательную историческую эпопею А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина».

Статьи и заметки о Федосовой в современной ей периодической печати и воспоминания о ней, публикуемые нами в «приложении», дают неоценимый материал для изучения творчества Федосовой. Прежде всего, они значительно пополнили наши сведения о жизни Ирины Андреевны. Из них удалось извлечь больше двадцати дотоле неизвестных текстов.[1] Они дали нам возможность восстановить историю публичных выступлений Федосовой — незаслуженно забытую страницу в истории русской культуры, позволили мобилизовать новый материал, важный для правильного понимания значения выступлений И. А. Федосовой и их места в общем развитии русской общественной мысли, литературы и искусства. Они содержат интересный материал и для восстановления человеческого облика Федосовой. В большинстве статей дается описание ее исполнительского мастерства, ее поведения перед зрителями, наконец, ее внешнего облика. Наиболее значительны в этом отношении два великолепных очерка Горького — без сомнения, лучшие очерки о сказителях в русской фольклористической литературе.

Некоторые другие очерки мы уже цитировали. Большинство из них отмечает исключительную память Федосовой, легкость, с которой она воспроизводила огромные по своим размерам тексты, образное богатство ее речи. «Федосова, — писал анонимный автор статьи «Вопленица Федосова» в газете «Новости дня» — поражала всех своей памятью: стихи у нее лились свободно один за другим и совершенно не было видно, чтобы старушка проявляла какие-либо усилия вспоминать их».[2]

«Речь Федосовой, — писал в статье «Ирина Федосова» корреспондент «Всемирной Иллюстрации», — в высшей степени замечательна: пословицы, поговорки, шутки, прибаутки и рифмы так и сыплются на каждом шагу;

---

[1] См. приложение II, «Воспоминания о И. А. Федосовой», в которых рассыпаны ее шутки и поговорки.

[2] Новости дня, 189о, № 4515, 4 янв., стр. 3.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

словом, Федосова — поэтическая натура, такая, каких днем с фонарем нужно искать».[1]

Большинство корреспондентов отмечает ее спокойную уверенность в себе, сознание собственного достоинства, которое она не теряла ни перед шумными толпами ее слушателей, ни перед так называемыми «высокопоставленными особами». Газета «Волгарь» в статье от 10 июня 1896 г. писала: «Федосова уже пожилая женщина, маленького роста, довольно бодрая, с симпатичной ласковой улыбкой на лице. Держится она очень просто, поет, нисколько не смущаясь перед незнакомыми слушателями».[2] При первом знакомстве с Т. И. Филипповым в беседе участвовал и кн. Волконский — товарищ министра народного просвещения. Вельможи снисходительно расспрашивали о ее жизни. «— Я хорошо знаю твоего земляка Ивана[3] Рябинина — он тоже много песен знает, — говорит ей Т. И. Филиппов.

— Так, так... знаю и я его, ведь он ко мне еще ребенком хаживал»,[4] — отвечала ему как равная Ирина Андреевна.

В другой статье (газ. «Свет») сообщалось: «По окончании пения августейший президент[5] изволил расспрашивать старушку-певицу о ее происхождении и о песнях и причитаниях, которые она хранит в своей памяти. И. А. Федосова отвечала бойко, без всякого смущения».[6]

И, наконец, статьи и воспоминания дают возможность в значительной степени исправить наше представление о репертуаре народной поэтессы. Сообщения о публичном исполнении песен, былин, причитаний, сказок, собранные воедино, составляют замечательную картину богатейшего и чрезвычайно разностороннего репертуара Федосовой.

Федосова была далеко не только вопленицей-импровизатором, она была великолепным знатоком песен и творцом новых лирических песен.[8] Об этом вспоминает,

---

[1] Всемирная Иллюстрация, 1895, 21 янв., № 1356, стр. 79. См. о том же Нижегородский листок, 1896, № 152, и др.

[2] № 158, стр. 3.

[3] В статье ошибочно «Терентия».

[4] Новости и биржевая газета, 1895, № 9 (9 янв.).

[5] Великий князь Константин Романов, бывший президент Академии наук.

[6] Свет, 1895, № 10 (12 февр.).

[7] См. приложение II, «Репертуар И. А. Федосовой».

[8] См. приводившееся выше свидетельство В. Ф. Миллера.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

например, В. М. Комляков из д. Юсова Гора Кузарандского с/с: «Она не только повторяла, но была такая расторопная, сама много складывала».[1] О своем знании песен говорила и сама Федосова Барсову еще в 1868 г.: «Противу меня песеннице не быть; будет отвечать господу богу».[2]

Само собой разумеется, что ни слушатели Федосовой, ни корреспонденты газет и журналов, писавшие о ней, не были однородной массой. Писалось немало статей, в которых высказывались самые различные оценки творчества Федосовой вплоть до презрения к «неграмотной олонецкой старухе», которою неизвестно зачем «забавляется образованная публика». Так, например, выступления Федосовой явно раздражали речистого корреспондента петербургской газеты «Новости дня». В статье «В Соляном городке» он писал: «В Соляном городке на том самом месте, где г-н Боборыкин объяснял, что красота есть тайна,[3] вчера показывалась олонецкая «сказительница» и «вопленица» Ирина Федосова. Ей около 70 лет. Память у ней необыкновенная. Она знает 19 000 пар стихов, переложенных на музыку. Тут есть все, что полагается в обиходе народной поэзии: эпос про Добрыню, свадебная песня, подблюдная о том, как муж жену учил да приговаривал, о пивной ягоде, плач безутешной вдовы и пр. и пр. Старушка все это исполняет с замечательным разнообразием. У нее меняется и мимика и голос, а драматический плач вдовы хватает прямо за сердце.

Она больше «вопленица dramatique», нежели «сказительница-grand-coguette или «шутиха-ingenue». Вопль у нее удивительный, с взвизгиваниями, истерическими замираниями и голосистой трелью. Что ей давали за этот мастерский вопль? Полдесятка яиц, либо кринку молока? А тут она получила бенефис по повышенным и произвольным ценам». И для усиления эффекта продолжает тем же тоном: «Кстати о бенефисах. В воскресенье состоялся бенефис г-жи Андерсен, едва не сгоревшей в прошлом году. Под гримом она казалась все такою же

---

[1] См. приложение V, № 8.

[2] Барсов, т. II, стр. 263.

[3] За три дня до выступления И. А. Федосовой (5 января 1895 г.) П. Д. Боборыкин в том же зале Соляного городка читал лекцию «Что такое красота?» (газ. «Новости», 1895, № 5, 5 января).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

хорошенькой. Руки были затянуты в тельное трико...» и т. д.[1]

Некий Александр Олонецкий в «Олонецких Губернских Ведомостях» с глубокомысленным видом поддакивал столичному писаке: «Федосова знает более 18 тысяч стихов, разных песен, былин и причитаний, но это еще отнюдь не дает ей право не только на принятие ее в Члены Академии наук, но даже и на преподавание русской словесности в любой из наших гимназий».[2] Нередко сообщения о Федосовой и ее выступлениях помещались на последней странице и набирались петитом. Или, например, в «Новгородских Губернских Ведомостях» статья о Федосовой была напечатана в отделе «Разные Известия» вместе с заметкой «Целебные свойства яблок»[3] и т. д.

Однако гораздо важнее отметить не наличие положительного или отрицательного отношения к выступлениям Фёдосовой, а различие позиций авторов статей и корреспонденций, в равной мере положительно оценивших ее поездку по России. При рассмотрении всей массы печатавшегося о Федосовой под таким углом зрения вырисовывается интереснейшая и поучительнейшая картина борьбы за Федосову, аналогичная той, которую мы установили, анализируя рецензии и отзывы на I том ее сборника.

Если, с одной стороны, в 1895—96 гг. Федосова встречалась с Горьким, Римским-Корсаковым, Шаляпиным и другими представителями передового русского искусства, то, с другой стороны, следует помнить, что постоянным покровителем Федосовой в 90-е годы был Т. И. Филиппов — в прошлом «самый старый» в «молодой редакции» «Москвитянина», в 80-е годы — один из чиновных столпов монархии Александра III, государственный контролер и действительный тайный советник, мечтавший о возвращении России «ко дням Котошихина». Филиппов — чиновный меценат, покровительствовавший изучению старинных песен, один из организаторов «Песенной Комиссии при Русском Географическом Обществе» и бессменный ее председатель (1884—1899 гг.). Характер его интереса к народной поэзии вполне определенен. Он ценил

[1] Новости дня, 1895, № 416, (12 янв.), стр. 3.
[2] Еще об олонах, историко-филологические наброски, ОГВ, 1895, № 11, стр. 5.
[3] Новг. Губ., Вед. 1895, № 3 (8 января).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

в народном творчестве традиционность, видел в нем прежде всего любезную ему архаику. Для него Федосова — «обломок старины», как и для анонимного автора статьи с таким же названием в газете «Курьер Торговли и Промышленности». Совершенно ясно, что ни Филиппов, ни интересовавшиеся Федосовой Шереметьев и Победоносцев не хотели, да и не могли, видеть в творчестве Федосовой того, что увидели в нем Некрасов и Горький.

Попытки противопоставления Федосовой новому в народном творчестве и литературе, незакономерные потому, что Федосова сама была крупнейшим новатором и передовым народным художником своего времени, звучат во многих статьях, речах и корреспонденциях. Так, например, В. Ф. Миллер противопоставляет творчество Федосовой «фабричной песне».[1]

Следует сказать, что основной смысл статей правых и официозных газет — изображение Федосовой как «живой носительницы старинных сказаний и обычаев»,[2] перенесение интереса к ней в чисто этнографический план, архаизация ее творчества при полном игнорировании его социальной остроты и содержательности.

Из теоретических статей о Федосовой наибольший интерес представляют — речь В. Ф. Миллера (3 января 1896 г.), о которой мы уже упоминали, и статья А. Е. Грузинского, написанная десятью годами позже, но основанная на воспоминании Грузинского о вечере Федосовой 24 декабря 1895 г. на квартире у В. Ф. Миллера. Речь В. Ф. Миллера особенно интересна тем, что прозвучала за год до выхода в свет I тома «Очерков русской народной словесности» В. Ф. Миллера (М., 1897) — книги, давшей теоретическое обоснование нарождавшейся в те годы так называемой «исторической школе».

«Историческая школа», как известно, утверждала аристократическое происхождение русского эпоса. Былины в крестьянской среде, якобы, лишь разрушались и искажались. Народ не признавался творческой силой истории, ему отказывалось и в правах на авторство исторического эпоса. В. Ф. Миллер утверждал, что север-

---

[1] ОГВ, 1896, № 4, стр. 3.
[2] Нижегородская почта, 1896, № 22 (5 июня).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ные крестьяне, якобы, не создали ни одного былинного сюжета за исключением «подражательной» былины о Рахте Рагнозерском. Любые позднейшие изменения в былинах расценивались им как искажения. Казалось бы, И. А Федосова, творческий характер исполнения которой не может быть подвергнут сомнению, была живым отрицанием теории В. Ф. Миллера, и глава «исторической школы» должен был бы при первом же соприкосновении с нею почувствовать противоречие своей теории с реальной жизнью. Но В. Ф. Миллер, не скрывая сложности стоящей перед ним задачи («Вопрос в самой простой форме сводится к тому: чему нас может поучить Ирина Федосова, к чему могут нам послужить личные наблюдения над этой олонецкой старушкой крестьянкой?»), легко выходит из положения. Он признает выдающуюся одаренность Федосовой, признает ее произведения — творчеством, но объявляет ее без оговорок индивидуальной, личной поэтессой, не опирающейся на творчество коллектива и не выражающей идеологии породившего ее коллектива. Таким образом, подчеркивая творческий характер ее исполнения, он одновременно разрушает понятие народного творчества как творчества коллективного. Он говорит: «Ее бесхитростный и правдивый рассказ о том, как она слагала свои причети и песни, вводит нас в самый процесс народного творчества, который до сих пор облачен некоторым мистическим туманом. Мы обыкновенно слышим фразу — «коллективное народное творчество» и, прислушиваясь к ней, не отдаем себе отчета в том, как происходил в действительности этот таинственный процесс, неизвестный нашему времени. Мы склонны были думать, что каждый слагатель песни был выразителем коллективной мысли и чувства...». «В действительности же — говорит он далее — при ближайшем изучении народной поэзии, при наблюдении творчества таких лиц, как Ирина Андреевна, оказывается, что народная психика и творчество те же, что и в культурных классах», разница только в том, что «горизонт ее мысли и чувств уже, чем у поэта культурного класса, конечно, и поэтические мотивы и краски ее песен однообразнее, чем стихотворения культурных классов». Таким образом, творят «отдельные деревенские поэты», поэтому «понятие» коллективное творчество... исчезает при более пристальном наблюдении процесса сложения песен».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Следовательно, вывод, к которому направлял В. Ф. Миллер своих слушателей, прямо перекликался с основными мыслями о народном сказительстве, которые он высказал в I томе своих «Очерков». Следующим шагом, закономерно завершившим эту антинародную теорию, был известный тезис Д. Овсянико-Куликовского, вызвавший в свое время резкий отпор со стороны А. М. Горького: «Песни, былины, сказки и т. д. создаются не массой, а отдельными лицами, отдельными умами и талантами, обособившимися и вышедшими из рамок «сплошной» народной психологии и **воспринявшими продукты чужого творчества (чужого — в классовом, а также и в племенном смысле)**, созданные раньше»[1] (подчеркнуто мною — *К. Ч.*).

Статья А. Е. Грузинского «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова», о которой мы говорили, была написана им в 1906 г. и опубликована в 1908 г. в сборнике «Литературные очерки». Грузинский уже не первый раз писал о Федосовой. Еще до встречи с ней в Москве им была написана статья «Народные певцы», в которой, наряду с характеристиками других сказителей, давалась общая характеристика Федосовой (на основании материалов I тома ее сборника). Грузинский преследовал тогда чисто популяризаторскую цель — дать учителям доходчивый материал для занимательной классной беседы.[2]

В декабре 1895 г. он видел и слышал Федосову на описанном вечере у Вс. Миллера. Впечатление было настолько сильным, что спустя десять лет Грузинский с легкостью восстанавливал детали этого вечера. Прекрасное описание исполнительского мастерства Федосовой — одно из лучших в литературе о народной поэтессе, однако, не в нем был смысл статьи А. Е. Грузинского. Сопоставляя поэтическое творчество немецкой крестьянки Иоганны Амброзиус с творчеством русской крестьянки Ирины Федосовой, он отмечал несравненно большую одаренность последней. Но, заключал он, общественные условия таковы, что судьба талантливейшей женщины была по существу трагической — до конца дней своих

---

[1] Д. Овсянико-Куликовский, История русской интеллигенции, ч. 2-я, Соч., т. VIII, 1911, стр. 158.

[2] Десять чтений по литературе, М., 1895 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

она осталась неграмотной и темной олонецкой крестьянкой, известной сравнительно небольшому кругу любителей народной словесности. И если ее выступления имели успех, то тексты ее, запрятанные в тома сборника Барсова, попрежнему мало доступны широкой читающей публике. «Ее читателю — пишет он — надобен известный запас знания и расположенного внимания, чтобы за формами мужицкого олонецкого языка и бабьих причитаний рассмотреть что-нибудь побольше случайного курьеза».[1]

Судьба Федосовой, подчеркивает Грузинский, типична, но она навевает не только грустные раздумья, но и рождает надежды. Одаренность Федосовой — прямое свидетельство больших возможностей русского народа, а знать это особенно важно, «когда колесо нашей истории сходит с мертвой точки».

Даже при беглом знакомстве с этой статьей нетрудно заметить на ее строках отблеск великих событий первой русской революции (статья написана в 1906 г.). Однако демократизм ее автора совсем неглубок. А. Е. Грузинский не поднимается до идеологического осмысления творчества Федосовой, — в ней он видит только замечательно одаренную личность. Так, «легенда о Горе» рассказывается им без третьей части, раскрывающей социальное содержание всей легенды в целом, «плач о старосте» — без описания смерти старосты и т. д., т. е. социальная острота текстов Федосовой в значительной степени приглушается и замазывается им. Вместе с тем, следует еще раз подчеркнуть, что статья Грузинского выгодно отличается от большинства статей и корреспонденций о Федосовой, написанных в 90-е гг. прошлого века.

ГЛАВА 5

Среди всего написанного об И. А. Федосовой особое значение имеют работы А. М. Горького. Великий русский писатель, основоположник советской литературы, А. М. Горький был, как известно, замечательным знатоком

[1] Стр. 6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

народного творчества.[1] Особенную любовь и пристальное внимание вызывало у него устное творчество русского народа. «Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным»,— писал он. Статьи и письма Горького пестрят упоминаниями сборников и исследований по русскому народному творчеству. Среди них почетное место занимают книги, посвященные русскому Северу и, в первую очередь, бывшей Олонецкой губернии (Рыбникова, Гильфердинга и др.).

Еще молодым писателем, через четыре года после первого выступления в печати, Горький встретил Ирину Андреевну Федосову. Великий писатель не только увековечил образ талантливейшей русской сказительницы, но и дал первое научное истолкование ее творчества.

Все написанное А. М. Горьким о Федосовой — очерки в газетах «Одесские новости» и «Нижегородский листок»,[2] изображение ее выступления в I части «Жизни Клима Самгина», отдельные упоминания о Федосовой, рассыпанные в письмах и статьях, — занимает совершенно исключительное место в литературе о народной поэтессе.

Дискуссия о Федосовой в 90-е гг. явилась прямым продолжением спора о ней, завязавшегося в связи с выходом в свет I тома ее сборника в 1872 г. Как уже говорилось, оценка творчества Федосовой А. М. Горьким, Н. А. Римским-Корсаковым, Ф. И. Шаляпиным и другими представителями передового русского искусства резко противостоит высказываниям правых и официозных га-

---

[1] См. Пиксанов Н. К., Горький и фольклор, Сов. этнография, 1932, № 5—6, стр. 28—55; его же, Горький о фольклоре, Сов. фольклор, 1935, № 2—3; его же, Горький и фольклор, 1935, 2-ое изд., 1938; Соболев П., Горький и фольклор, Рабочий путь (Смоленск), 1932; № 226, 27 сент.; Бялик Б., Эстетические взгляды Горького. Л., 1939; его же, О Горьком. Статьи, М., 1947, гл. «Коллективное творчество народа», стр. 150—215 и др.; Красильников Н. В., Народная песня в творчестве М. Горького. Автореферат канд. дисс. Харьковский Университет, Харьков, 1952; Дмитраков И. П., Горький и народное творчество (Ранний период жизни), сб. «Вопросы советской литературы», вып. I, изд. Института Русской Литературы АН СССР (Пушкинский дом), М.—Л., 1953, стр. 324—359 и др.

[2] Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня; Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня. См. приложение к настоящей работе стр. 348—354.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

зет и реакционных фольклористов, изображавших Федосову как «живую носительницу старинных сказаний и обычаев», переносивших интерес к ней в чисто бытовой и обрядовый план, архаизировавших ее творчество при полном игнорировании его социальной остроты и содержательности.

А. М. Горький не только унаследовал, но и значительно развил и углубил точку зрения «Отечественных записок» начала 70-х гг. Очерки Горького в названных выше газетах — неотъемлемая часть большого публицистического цикла, сыгравшего важную роль в творчестве молодого тогда писателя. Цикл этот часто называют «выставочным», так как он составился из статей и корреспонденций Горького с Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки в Нижнем Новгороде, в концертном зале которой 9 июня 1896 г. произошла его встреча с Федосовой.[1]

Открытие Выставки, состоявшееся 28 мая того же года, сопровождалось грандиозной официальной шумихой. По замыслу правительства Выставка должна была превратиться в торжественную демонстрацию мощи русской промышленности, плодов «медовых» лет небывалого еще в России промышленного подъема. Захлебываясь от восторга и умиления, официальная и правая печать сообщала о шефстве «самого» С. Ю. Витте над Выставкой, о предполагаемом посещении Выставки Николаем II сразу же после коронации в Москве, о новой железной дороге, построенной специально для подвоза гостей к территории Выставки, и т. д. К этому же времени была приурочена не только годичная ярмарка, но и Первый всероссийский торгово-промышленный съезд, в котором должны были принять участие крупнейшие фабриканты во главе с Морозовым.

Горький приехал в Нижний Новгород в мае 1896 г., когда заканчивались последние приготовления к открытию Выставки. Он был приглашен в качестве корреспондента газетой «Нижегородский листок». Одновременно началось и его сотрудничество в «Одесских новостях».

«Нижегородский листок» был органом народнически настроенной земской интеллигенции. Основанный в

---

[1] См. Балухатый С. Д., Горький о Нижегородской Выставке, 1898 г. Уч. Записки ЛГУ, филологическая серия, 1948, вып. 13

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

1895 г. при участии В. Г. Короленко «Нижегородский листок» должен был, по мысли его организаторов, противостоять купеческому «Волгарю».[1] Однако «Нижегородский листок» был далеко не просто местной, провинциальной газетой. В первом номере его за 1896 г. было объявлено об участии в нем В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Н. К. Михайловского, К. М. Станюковича, С. Н. Южакова, К. К. Арсеньева, В. А. Гольцева и др. Большинство из них, правда, в дальнейшем фактически не участвовало в газете, но само уже объявление такой серии крупных имен было необычным для провинциальной газеты. Значение «Нижегородского листка» особенно возрастало в связи с открытием Выставки. Согласившийся на сотрудничество в «Нижегородском листке», Горький относился к нему, тем не менее, с холодком — его раздражал народнический либерализм его руководителей.[2]

Горький приехал в Нижний Новгород из Самары, где он сотрудничал в «Самарской газете». После тихой и застойной самарской жизни он попал в водоворот города, приковывавшего к себе в те месяцы внимание всей России.

Главными объектами внимания Горького-корреспондента, с мая по октябрь 1896 г., как подчеркивает Е. Э. Лейтнекер в своем комментарии к этому циклу,[3] были: художественный отдел, павильоны Врубеля[4] и Маковского, отделы художественной и кустарной промышленности, элементы прикладного искусства в других отделах, гастроли Малого театра, оркестр В. И. Главача, оперы Мамонтова и Малкиэля, оркестр хорватских студентов, хор русской песни Д. А. Агренева-Славянского, владимирские рожечники, музыкальные выступления в этнографических павильонах различных национальностей, цирк Никитиных, лекции по искусству А. Н. Карелина, эпизодические концерты, гастроли и пр., эс-

---

[1] См. Гриневицкая А. Д., Горький и Нижегородский листок, в кн. «М. Горький в Нижнем Новгороде», Н.—Н., 1928.

[2] О расхождении Горького с основной группой сотрудников «Нижегородского листка» см. И. Груздев, Горький и капитализм, Октябрь, 1934, № 2, стр. 170 сл.

[3] Горький об искусстве, М., 1940.

[4] Павильон Врубеля был построен по соседству с Выставкой вне ее территории.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

трады ресторанов, «синематограф Люмьера» и т. д. Все эти темы разрабатывались Горьким в связи и на фоне общественно-экономических условий помещичье-капиталистической России, демонстрировавшей на Выставке свое хозяйство. Таким образом, касаясь многих сторон и видов искусства, представленного на Выставке, Горький постоянно обращался к той социальной основе, на которой это искусство вырастало.

Весь цикл объединен одной, ясно выраженной программой, сильно отличавшей корреспонденции Горького от корреспонденций других, народнически настроенных литераторов «Нижегородского листка». Горький со всей резкостью ставит вопрос о трудовом народе — создателе всех ценностей, собранных на Выставке, о жизни и труде которого сама Выставка не давала никакого представления. Он подчеркивает катастрофический неуспех Выставки, превращенной ее устроителями в гигантскую витрину, всероссийскую рекламу, «универсальную лавочку» и т. д. Вместо технических достижений посетителям демонстрировалась нелепая колонна из стеариновых свечей двух аршин в поперечнике и восьми аршин высоты, или бюсты четырех императоров из мыла, ворота из гигантских бутылок вин трех цветов и т. д. Горький требует показа приемов и условий труда народа. «Кто эти художники?» — спрашивает он об екатеринбургских гранильщиках. «Очень хочется знать — пишет он в другой статье — кто, чем и как вытащил из земли эти десять тысяч пудов золота и дал государству за тридцать лет почти 300 000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы? Как они это делают и как при этом поживают?»

Внимательно присматриваясь к экспонатам отделов кустарной и художественной промышленности, Горький смело заявляет, что капитализм душит и уродует народное искусство. «Русская песня — пишет он в одном из очерков — уже является редкостью в деревне... то же самое творится с русским рисунком, со старым русским орнаментом. Обратите внимание на рисунки кружев, много ли среди них истинно русских, и посмотрите, как вышиты рубахи деревенских парней и фартуки девушек. Я видел на одном парне рубаху, на груди которой была вышита реклама фабрики Асмолова, на другой рубахе по

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

подолу были вышиты модели, тоже, очевидно, с какой-то рекламы».[1] Он отмечает ненародный, нерусский стиль выставочных павильонов — от «сусального прянички» à la mugique russe до западнического кривляния в стиле «рококо — знай наших». «Искусство», соответствующее стилю всей Выставки, — это не Малый театр и не опера Мамонтова, а кафе-шантанное шансонье Омона.

В одной из первых русских статей о кино (о «синематографе Люмьера») Горький с возмущением говорит о том, что фильмы демонстрируются в кафе-шантане Омона, «где пропагандируется и популяризируется только разврат».[2] Он указывает на несоответствие мирных, «буколических» сюжетов этих фильмов со всей обстановкой ресторации Омона. Он пишет: «Я уверен, эти картины заменят иным, более подходящим к общему тону концертного зала жанром. Дадут, например, картины «Она раздевается», или «Акулина, выходящая из ванны», или «Она надевает чулки». Можно также фотографировать бои канавинского мужа с женой и дать публике под названием: «Прелести семейной жизни». Да, это несомненно будет сделано. Буколика и идиллия не могут иметь место на всероссийском торжище, жаждущем пикантного и экстравагантного».[3]

Поэтому, описывая выступления Федосовой в очерке для «Нижегородского листка», Горький подчеркивает прежде всего ее чуждость выставочной публике. «Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до конца ботинок, — публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове». Или в конце очерка: «Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зданий, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далеких от истинно русского, — ей очевидно неловко, не по себе».

---

[1] Нижегородский листок, № 178, 30 июля.

[2] Там же, № 182, 4 июля.

[3] Там же, № 182, 4 июля. В этих строках А. М. Горький пророчески предвосхитил судьбу киноискусства капиталистического мира.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Та же тема звучит и в очерке, написанном для «Одесских новостей»: «Но этот возглас так оригинален, так не похож на все кафе-кабацкое, пошлое и утомительно-однообразное в своем разнообразии — на все то, что из года в год, изо дня в день слушает эта пестробрючная и яркоюбочная публика, воспитанная на родоно-омоно-тулонских былинах, что ее как-то подавляет этот задушевный голос неграмотной старухи».

В других очерках «выставочного» цикла Горький упоминает имя Федосовой обычно в этой же связи. Так, например, в «Нижегородском листке» от 10 июля (№ 188) мы читаем: «Русью запахло... Я это говорю без всякой задней мысли, имея в виду такие явления как вопленица Федосова с ее старинными русскими песнями и эпосом, как капелла Славянского, восстанавливающая XVII век своими боярскими костюмами и воскрешающая старую народную песню... И, наконец, владимирских рожечников». Или в «Одесских новостях» с явной иронией: «А чего же вы к нам не едете? У нас теперь такая масса платных и бесплатных развлечений: Славянский, Федосова, Главач, владимирские рожечники», и, с другой стороны, «негритянская опера на ярмарке, плохая опера в городе и шансонетка».[1]

Через 30 лет в I части «Жизни Клима Самгина» Горький возвращается к той же мысли: он называет Федосову «милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ».[2]

Горький противопоставляет Ирину Федосову как представительницу народного реалистического искусства лжеискусству разлагающегося капитализма. Он утверждает, что русское искусство не умерло. Оно продолжает свою героическую борьбу, продолжает служить народу, веря в его силы и призывая к борьбе за лучшее будущее. Это передовое искусство отвоевывает себе арену и на Выставке. Горький восторженно приветствует гастроли Московского Малого театра, реалистическую живопись Репина, Айвазовского и Маковского, реалистическую музыку, звучащую на концертах дирижера Главача, выступление хора сербских и хорватских студентов,

[1] Одесские новости, № 3693.
[2] Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

прославляющих борьбу своего народа за свободу и национальную независимость, оперу Мамонтова с Шаляпиным во главе, концерты хора русской песни Д. А. Агренева-Славянского и выступления И. А. Федосовой. Во всем этом Горький видит проявление народной культуры; это искусство, полное глубины и силы, народное по своей сути и героическое по своему характеру. Это искусство не по душе шумной, ярмарочной публике, «кафе-кабацким завсегдатаям, которым днем нечего делать и которые от скуки лезут всюду, куда их пускают, «интернациональным дамам» из гостиниц, одетым с резким шиком, экспонентам, тоже изнывающим от безделья»,[1] как пишет о них Горький.

Этой «публикой» была, например, холодно встречена картина Маковского «Минин».

«Картина не нравится, — пишет Горький от имени «публики». — А быть может потому нам не нравится, что она уже чужда нам, что слишком далека от наших дней, когда мы, раньше срывавшие последние рубахи для нужды страны, теперь собрались срывать рубахи с наших выставочных гостей?»[2]

Горький настойчиво подчеркивает истинность и непосредственность искусства Федосовой. Он называет ее «неграмотной, но истинной поэтессой».[3] Он пишет: «Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса».[4]

Искусство Федосовой для него не «экзотика простонародного» — это нечто настоящее, жизненное. Горький противопоставляет простоту, силу и народность импровизаций Федосовой разлагающемуся искусству декаданса: «А вопли, — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувства, искренности, силы — и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофа-

[1] Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.
[2] Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня.
[3] Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.
[4] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания».[1] «Стон» Федосовой «полон страшной боли», «силы страшной, рвущей сердце тоски». Он не имеет ничего общего с унылой, вялой и извращенной поэзией мятущихся индивидуалистов. «Стон» ее полон общественного содержания. «Федосова,— пишет Горький,— была пропитана русским стоном; около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая свое горе жизни в старых русских песнях».[2] Этот «стон» — непосредственное и сильнейшее выражение трагичности русской жизни той поры. «Храните старую русскую песню, — говорит он далее, — в ней есть слова для выражения невыносимого русского горя, от которого мы гибнем в кабаках, в декаденстве, в скептицизме и других смутах отчаяния».

Горький ясно видел огромную историко-познавательную ценность творчества Федосовой. Мысль эта чрезвычайно ярко выражена в известном горьковском тезисе: «Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей». Вместе с тем в творчестве русского народа Горький видит залог будущего. Народ не пассивный страдалец, он полон сил и любви к свободе, поэтому так мощна героическая поэзия русского народа.

Нет нужды напоминать о том, как важна была для молодого Горького героическая тема. Индивидуалистическому безволию символистской поэзии молодой Горький противопоставляет культ подвига, культ героя, сильного своей связью с коллективом, ведущего свой народ к счастью и свободе. Поэтому и в творчестве Федосовой Горькому особенно ценно героическое начало. Он с особенной любовью описывает исполнение ею былин: «В зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былину о Добрыне... На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто-поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, при-

[1] Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.
[2] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

встает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе, искания подвигов».[1]

Сила мастерства Федосовой потрясает даже «выставочную публику». «Публика аплодирует, хотя эта в большинстве своем публика, ищущая легких развлечений, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия... За каждую песню ей аплодируют все горячее... Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят «спасибо».[2] Или в другом очерке: «Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша — веселая и живая — блестит своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки, толпа кричит ей вперебой: «Хорошо, бабушка Ирина. Спасибо, милая!»[3]

Таким образом, в отличие от всех других статей, речей и очерков о Федосовой, написанных или произнесенных в 90-е гг., очерки Горького дают чрезвычайно четкую характеристику творчества Федосовой и значения ее выступлений. Очерки Горького дают основу научного понимания творчества Федосовой — он первый указал на его историческую обусловленность и социальную содержательность.

Творчество Федосовой анализируется Горьким в связи с конкретным состоянием русской общественной жизни и русского искусства конца прошлого века. В Федосовой Горький увидел воплощение лучших черт русской народной поэзии, той поэзии, которую он сам прекрасно знал, и которая должна была поддержать его в борьбе с декадансом, только что начинавшим распространяться среди некоторой части русских литераторов. Горький увидел в Федосовой живое свидетельство неиссякаемости творческих сил русского народа, самостоятельности и силы его поэтического и исторического мышления.

Очерки Горького дают в то же время прочную основу для правильного понимания творческой индивидуальности Федосовой. Высоко оценивая ее поэтическую одарен-

[1] Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня.
[2] Там же.
[3] Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ность, артистическое мастерство сказывания и поразительное богатство ее речи, Горький отмечает ее дар импровизации. Он называет ее «импровизаторшей», ее песни и причети «импровизациями». Чрезвычайно характерно, что в отличие от большинства корреспондентов, Горький называет Федосову не «вопленицей», а «народной поэтессой», иногда просто «поэтессой». Безусловно, это не случайное терминологическое различие. Горькому важно было подчеркнуть **творческую** природу народного искусства, противопоставить свое понимание фольклора отрицанию коллективности народного творчества, характерному для нарождавшейся в те годы «исторической школы». Подобно тому, как индивидуалистическому искусству декаданса Горький противопоставляет поэзию героического подвига личности, рожденной коллективом и совершающей подвиг во имя счастья народа, в трактовке творчества Федосовой для него оказывается чрезвычайно важным понять «истинную поэтессу» Федосову, как «истинную народную поэтессу», а ее творчество как социально-содержательное и исторически-определенное, как «стон, который создал народ, наша стомиллионная масса», как героическую поэзию народа, творящего героическую историю и имеющего героическое будущее. В этом смысле очерки о Федосовой — один из важных этапов борьбы Горького за утверждение творческой роли народа в истории мировой культуры и мирового искусства. Не случайно в «выставочный» цикл входят статьи о Врубеле и «Ответ А. Карелину», основной темой которых было разоблачение попыток Карелина вычеркнуть народ из истории искусства, истолковать творчество великих художников как творчество великих индивидуалистов. Через 12 лет, в 1908 г., в статье «Разрушение личности» Горький дал классическую формулировку мысли, занимавшей его с первых лет его творчества: «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».[1]

---

[1] «Разрушение личности» в кн. «Статьи 1905—1916 гг.», II, 1916, стр. 9, см. Собр. соч., ГИХЛ, М., 1953, т. XXIV, стр. 26.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Нельзя упускать из виду еще одно обстоятельство, которое усугубило остроту восприятия импровизаций Федосовой молодым Горьким. Великого пролетарского писателя, с первых дней его идеологического становления, постоянно волновала проблема человеческой судьбы, проблема человеческой активности, борьбы с естественным и социальным фатализмом. В предисловии к сборнику «Статьи 1905—1916 гг.» Горький писал: «Смысл двадцатилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни».[1]

Во второй половине 90-х гг. Горький, после аллегорического воплощения этой темы в сказках и легендах, выходит к созданию широких полотен социальной действительности, не теряя при этом связи с характером и смыслом трактовки этой темы в народном творчестве («Фома Гордеев», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и др.). Федосова, в творчестве которой огромное значение имело стремление к преодолению патриархального фатализма, к социальному переосмыслению традиционных представлений о Судьбе-Доле, не могла не заинтересовать молодого Горького, активно искавшего путей художественного воплощения этой темы.

Впоследствии Горький часто вспоминал о замечательной встрече 1896 г. В 1929 г. он писал о ней в цитировавшемся уже письме к селькору А. А. Агапкиной.[2]

В 1930 г. в очерке «На краю земли», посвященном новой социалистической Карелии, которую только что посетил Горький, он не забыл упомянуть и о Федосовой: «Вспоминаешь изумительную кудесницу Федосову, — писал он, — маленькую безграмотную олонецкую старушку, которая знала на память все былины северного края, 30 000 стихов — больше, чем в «Илиаде».[3]

---

[1] Стр. 3.

[2] Письмо к А. Агапкиной от 27 февраля 1929 г., см. А. Горький. Письма к рабкорам и писателям, Биб. «Огонька», № 55—56 (968—969), М., 1936, стр. 27; первоначальная публикация в газ. «Ленинский путь» (Рязань) от 30 июня 1936 г.; Агапкина — селькор, колхозница, с. Сентова, Касимовского р-на, Московской области.

[3] М. Горький. На краю земли, Наши достижения. 1930, № 1, стр. 11, см. также Карело-Мурманский край, 1930, № 2; Собр. соч., ГИХЛ, М., 1952, т. XVIII, стр. 243.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В письме к писателю Сергееву-Ценскому мы находим еще одно любопытное упоминание о Федосовой: «Сказительный стих я хорошо знал с малых лет от бабушки, час и более мог говорить этим стихом «бунтарские» речи... Любовь к этому стиху весьма подогрела Орина Федосова».[1]

Каждое из этих упоминаний, при всей их беглости, уточняет наше представление о горьковском понимании творчества Федосовой. Они еще раз свидетельствуют о высокой оценке одаренности и изумительной памяти Федосовой; письмо к Сергееву-Ценскому подтверждает активное восприятие Горьким ее сказительского мастерства.

Нам неизвестно, знал ли Горький сборник Барсова до встречи с Федосовой в 1896 г., однако, несомненно, что позднее он читал его неоднократно. Утверждать это дает нам право письмо к К. П. Пятницкому от ноября 1907 г., в нем Горький просит прислать ему крупнейшие фольклорные сборники: «Если Вам попадутся у букиниста или у знакомых книги по фольклору, например, сборники Барсова, Сахарова, Афанасьева, Кирши Данилова, давайте их мне. Купите, ибо летом я и Луначарский, вероятно, примемся за историю литературы для народа, и все эти вещи нужны».[2] Примечательно в этом письме упоминание сборника Барсова на первом месте в качестве важнейшего источника для «истории литературы для народа», которую Горький предполагал написать совместно с А. В. Луначарским.

Наиболее значительное свидетельство прочности воспоминаний о Федосовой и того значения, которое придавал Горький ее выступлениям и своей встрече с ней, — страницы, посвященные Федосовой в «Жизни Клима Самгина».

---

[1] См. Октябрь, 1940, № 6—7, стр. 283.

[2] См. Красная газета, вечерний выпуск (Ленинград), 1928, № 87. По свидетельству К. Чуковского, в 1919—1920 гг. сборник Барсова был в составе личной библиотеки А. М. Горького. Он пишет: «Перебирая книги в своем кабинете на Кронверском проспекте (в Ленинграде), он (т. е. Горький — *К. Ч.*) каким-то особенным, почтительным и ласкающим жестом брал с полок то ту, то другую книгу и говорил о ней певуче и страстно, гладя ее как живую: О Кирше Данилове (которого он знал наизусть), о «Плачах» Барсова, о тимирязевской «Жизни растений», о «Русской истории» Ключевского, о «Калевале», о «Мадам Бовари». — К. Чуковский, «Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания», М., 1940, стр. 89.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Эти страницы — один из «исторических эпизодов» повести. Горький заставил своего героя пережить все или более типичные события политической, экономической и культурной жизни России с конца 70-х гг. до Великого Октября 1917 г. Среди них — выступления Федосовой в 1895—1896 гг. в различных русских городах должны были занять свое скромное, но законное место.[1] Вместе с тем для правильного понимания горьковской оценки творчества И. А. Федосовой важно уяснить значение этого эпизода в художественной ткани романа.

«Жизнь Клима Самгина» — это «история пустой души», история «мещанина среднего качества». Столкновения с народом потрясли Самгина, вызвали в нем раздражение и растерянность. Такое же впечатление произвело на него и выступление Федосовой в концертном зале Художественно-Промышленной Выставки. Самгин почувствовал в мастерстве Федосовой большую непонятную силу, потрясшую его своей простотой. Индивидуалист, оторвавшийся от народа, он почувствовал в поэзии Федосовой чуждую ему силу творчества коллектива. Это было искусство народа и оно было не менее непонятно, чем сам народ.

Федосова поразила его, но Самгин остался Самгиным — в его пустой душе она не вызвала ничего, кроме мыслей о самом себе. Он возмечтал, что такими же устами «скажет история когда-то и о том, как жил на земле человек Клим Самгин. Затем Самгин почувствовал, что никогда еще не был он таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой, милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ».[2]

Былины, исполнявшиеся Федосовой, не могли быть правильно восприняты Самгиным — Добрыня чудится ему рыцарем на западный манер («стоит на коленях и держит меч на вытянутых руках, глядя покорными гла-

---

[1] В «Заметке для печати» Горький писал о «Жизни Клима Самгина»: «Автор вводит в ряд эпизодически действующих лиц: царя Николая II, Савву Морозова, некоторых художников, литераторов, что, по его мнению, и придает роману отчасти характер хроники» (Горьковские чтения. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького, М., 1951, стр. 28).

[2] Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

зами в лицо матери»). Былина о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром дала почувствовать мощь и самостоятельность исторического мышления народа, однако, в глазах Федосовой он увидел «острую ироническую усмешечку, отдаленно напоминавшую хитренькие и мудрые искорки глаз историка Василия Ключевского».[1]

Возвратившись домой и рассказывая Спивак о Выставке, Самгин усиленно старался «найти свою линию», по-своему рассказать о виденном и пережитом. Но случилось то, что обычно с ним случалось, — слова его гасили действительность. «Даже для Федосовой, — читаем мы во II части повести, — он с трудом находил те большие слова, которыми надеялся рассказать о ней, а когда произносил эти слова, слышал, что они звучат сухо, тускло. Но все-таки выходило как-то так, что наиболее сильное впечатление на Выставке всероссийского труда вызвала у него кривобокая старушка».[2] Так случилось и после Выставки. Ощутив мощь народа — создателя богатств, щедро представленных на Выставке, ощутив героическую мощь его искусства и самостоятельность его исторического мышления, Клим стал искать встреч с людьми, которые обладали бы «системой фраз», уводящей от неприятных размышлений. Такими людьми казались ему фельетонист местной газеты, яростный человеконенавистник Робинзон и реакционнейший местный историк Козлов, возводящий косность и пошлость обитателей родного ему городка в идеал. О русском народе Козлов говорит: «Народ у нас смиренный, он сам бунтовать не любит. Это разные господа, вроде инородца Щапова, или казачьего потомка Данила Мордовцева облыжно приписывают русскому мужику пристрастие к «политическим движениям» и враждебность к государыне Москве. Это — сущая неправда — наш народ казаки вовлекали в бунты».[3] И как бы имея в виду впечатление Самгина от былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, исполненной Федосовой, замечает: «Озоруют у нас от избытка сил, хвастун Садко дурит, неуемный Васька Буслаев кичится».[4] Из всего русского фольклора его осо-

---

[1] Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525
[2] Собр. соч., т. XX, стр. 7.
[3] Там же, стр. 35.
[4] Там же, стр. 37.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

бенно интересует «уцелевший от глубокой древности праздник в честь весеннего бога Ярилы и многие другие пережитки языческой старины».[1] Его возмущает лубочная картинка, найденная у одного из арестантов, — «Микула Селянинович, мужик-богатырь, сражается оглоблей со Змеем Горынычем; змей — двуглав, одна голова в короне, другая в митре, на одной подпись — Петербург, на другой — Москва».[2]

Таким образом, Горький прямо противопоставляет героику народного эпоса в исполнении Федосовой реакционной философии Козлова: «Кривобокая старуха Федосова говорила большими словами о сказочных людях, стоя где-то в стороне и выше их, а этот чистенький старичок рассказывает о людях обыкновенных, таких же маленьких, каков он сам, но рассказывает так, что маленькие люди приобретают некую значительность, а иногда и красоту. Это любовное раскрашивание буднишнего, обыкновенного нежными красками рисовало жизнь как тихий праздник с обедами, оладьями, вареньями, крестинами и свадебными обрядами, похоронами и поминками, жизнь бесхитростную и трогательную своим простодушием».[3]

Клим прекрасно понимал наивность и кустарность размышлений «чистенького старичка», но слушал его молча и почтительно, не чувствуя желания возразить, «наслаждаясь песней, слова которой хотя и глупы, но мелодия хороша»,[4] ибо именно это и нужно было ему, чтобы окончательно изгладились из его памяти «выставочные» впечатления.

Заключая этот спор в душе Самгина, Горький сталкивает его с большевиком Степаном Кутузовым, который прямо и смело решает недоступную разуму Клима проблему. Осуждая мещанское квасное понимание «народности», он говорит: «Особенности национального духа, община, свирели, соленые грибы, паюсная икра, блины, самовар, вся поэзия деревни и графское учение о мужицкой простоте — все это, Самгин, простофильство, — говорил Кутузов, глядя в окно через голову Клима. — Не отрицаю, и в этой плесени есть своя красота, но пора

[1] Собр. соч., т. XX, стр. 34.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, стр. 34.
[4] Там же, стр. 37.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

проститься с нею, если мы хотим жить. И с героями на час тоже надо проститься, потому что необходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны — отойдите в сторону».

Наконец, следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с темой «Горький и Федосова». В работах, написанных на эту тему, стало традицией ссылаться на страницы, посвященные народной поэтессе в «Жизни Клима Самгина», как на нечто документальное. Между тем, нельзя не учитывать художественную природу этого эпизода в повести. Несомненно, что выступление Федосовой на Выставке было само по себе типичным явлением русской жизни 90-х гг. XIX века (народное искусство на «всероссийском торжище»). Однако Горький не останавливается на простой констатации типичного факта, он подвергает этот реальный факт художественной типизации. Так, явно типизирован облик П. Т. Виноградова, превратившегося в повести в типичного буржуазного фольклориста, «выводящего» на публику сказительницу (ср. реплику Инокова — «этот, всегда глуп»; ср. мягкость всего облика Федосовой и «точно из листового железа склепанный пиджак» Виноградова, его «гулкий голос» и «певучий голос» сказительницы и т. д.). Особенно значительно в этом свете то, что в «Жизни Клима Самгина» Федосова исполняет былину о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, тогда как в действительности она этой былины не знала, а 9 июня 1896 г. исполняла былину «Добрыня и Алеша». Такая замена, несомненно, не случайна, она не может быть сведена к простой ошибке памяти. Из всего запаса русских былин Горький выбрал наиболее острую в социальном отношении, рассказывавшую об открытом столкновении любимого народного богатыря с князем.

Мысли, высказанные молодым Горьким в связи с его встречей с Федосовой, не потеряли своего значения и в наши дни. Понимание Горьким ее творчества и его исторической обусловленности, прямота, с которой он поставил вопрос о судьбе искусства, в частности народного искусства в эпоху капитализма, борьба Горького за реалистическое искусство, органически связанное с народом, звучат и теперь, через полстолетия, не менее актуально и значительно. Очерки Горького о Федосовой несомненно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

остаются и доныне в числе лучших очерков о сказителях в русской и мировой фольклористической литературе.

Итак, встреча с Федосовой оставила значительный след в сознании молодого Горького, сыграла заметную роль в формировании взглядов великого писателя на вопросы народного творчества, его общественную роль в эпоху капитализма и его значение в борьбе передового искусства с упадочным искусством декаданса.

Вслед за Некрасовым передовые деятели русского искусства конца века (Горький, Римский-Корсаков, Шаляпин, Балакирев и др.) способствовали превращению поэтического искусства замечательной народной поэтессы в неотъемлемую часть русской общественной жизни 90-х гг. XIX века. Творчество А. М. Горького, как и творчество Некрасова, явилось важнейшим каналом, по которому одно из лучших передовых достижений поэтического творчества трудового русского народа влилось в общенациональный фонд передовой демократической русской культуры.

ГЛАВА 6

Как мы уже говорили, после выступлений на Всероссийской Художественно-Промышленной Выставке в Нижнем Новгороде Федосова вернулась в Петербург и поселилась на два с половиной года в доме Т. И. Филиппова.

Характер взаимоотношений И. А. Федосовой и Т. И. Филиппова в эти годы не ясен — он не освещается известными нам документами того времени. Вполне возможно, что покровительство Федосовой было одним из барственных жестов меценатствовавшего сановника. С другой стороны, несомненен реакционный характер интереса Филиппова к «старинной песне». Мы уже говорили, что Т. И. Филиппов проповедовал идеи возвращения «ко дням Катошихина». Народные песни он ценил как художественные памятники культуры древней Руси, как выражение «коренных начал» русской жизни. Он был убежден в том, что «пора народного песенного творчества на Руси прошла и никогда уже не возвратится»; поэтому все новое в песне он расценивал как искажение.

Известно, что в 1895—1899 гг. Филиппов принимал деятельное участие в подготовке нового сборника текстов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И. А. Федосовой. История этого неосуществленного сборника не поддается восстановлению. Сам сборник пропал безвозвратно — следов его не удалось обнаружить ни в личном фонде Т. И. Филиппова в ЛОЦИА, ни в архиве Песенной Комиссии Географического общества; ничего не помнят о нем и родственники П. Т. Виноградова. Несомненно одно: сборник такой не только задумывался, но и была проделана значительная работа по его подготовке к печати. Зарождение его, очевидно, следует относить к июлю 1894 г. — времени первой встречи И. А. Федосовой с П. Т. Виноградовым. По крайней мере, в январе 1895 г. Виноградов сообщает о наличии у него уже значительного количества записей, в общей сложности — 2842 стихов.[1] Следующий цикл записей относится, повидимому, к февралю-декабрю 1895 г. Возможно, что в это время произошла передача записей Виноградова Т. И. Филиппову, так как в дальнейшем имя Виноградова не фигурирует.

В конце 1895 г. «Олонецкие Губернские Ведомости» сообщают: «Есть слухи, что готовится новое полное издание всего, так сказать, репертуара Федосовой, в которое войдет весь тот песенный запас, который она хранит в своей феноменальной памяти».[2] В марте 1896 г. та же газета говорит уже о трех томах записей от Федосовой и называет впервые цифру 30 000 стихов, постоянно повторяющуюся во всех статьях 1896 г.[3] Наконец, последнее свидетельство о сборнике Виноградова — Филиппова находим мы в корреспонденции А. М. Горького в «Одесских новостях»: «В скором времени, — пишет Горький, со слов П. Т. Виноградова, — государственный контролер Филиппов — любитель и знаток древней русской поэзии — выпустит четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных, обрядовых и игровых песен Федосовой».[4] Вполне вероятно, что завершению работы над сборником и изданию его помешала смерть Т. И. Филиппова (1899 г.).

---

[1] См. Новости дня, 1895, № 4156, стр. 3.

[2] ОГВ, 1895, № 85, в анонимной статье «К истории былевой поэзии», стр. 3—4.

[3] Там же, 1896, № 18.

[4] М. Горький, С всероссийской Выставки, гл. «Вопленица», Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июля.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Дальнейшие известия о Федосовой прерываются до весны 1899 г. По сообщению И. Благовещенского, весной 1899 г. Ирина Андреевна почувствовала себя нездоровой и решила вернуться в д. Лисицино.[1] Здесь она разболелась еще сильнее. 10 июля 1899 г. великой народной поэтессы не стало. И. А. Федосова была похоронена на кладбище при Кузарандской приходской церкви (у д. Юсова гора, на берегу Онежского озера).[2]

---

[1] И. Благовещенский ошибочно говорит о «д. Щельи». «Щельями» кузарандцы называют южную группу деревень Кузаранды, в которую входит и д. Лисицино.

[2] Точного места захоронения живущие ныне родственники И. А. Федосовой не помнят.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Часть II

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Творчество Ирины Андреевны Федосовой было трижды фиксировано собирателями — Е. В. Барсовым в 1867—1868 гг., О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1887 гг. и затем в 1895 г. писательницей А. Толиверовой. Записи Толиверовой, как говорилось выше, отрывочны — они были произведены со специфической целью — оживить, иллюстрировать очерк о Федосовой, задуманный для детского журнала «Игрушечка» — и поэтому, к сожалению, сравнительно мало обогащают наше представление об идеологическом смысле и художественных особенностях творчества Федосовой. Еще меньше дают они для характеристики специфических черт творчества Федосовой в 90-е годы по сравнению с 60-ми и 80-ми годами. Записи О. Х. Агреневой-Славянской несравненно богаче — два тома посвящены описанию свадебного обряда, в 3-м томе мы находим похоронные и рекрутские причитания, былины, исторические песни, баллады, духовные стихи, лирические песни, пословицы и величания-импровизации. К сожалению, качество записей Агреневой-Славянской значительно ниже качества записей Барсова.[1] Агренева-Славянская, повидимому, смутно представляла себе действительную жизнь причети, ее идеологическую и художественную специфику. Многое в этих записях говорит о том, что Федосова не импровизировала для собирательницы с такой же свободой как за

[1] Трудно сказать, в чем секрет неудачи собирательницы. Возможно, что основные ее усилия были направлены на запись мелодии. Записи же текстов небрежны — они плохо передают особенности восточно-заонежского диалекта, совершенно не отражают действительную структуру причети, так четко намеченную Е. В. Барсовым. Впрочем, по отзыву музыковедов (проф. Е. В. Гиппиус), и нотные записи стоят на невысоком уровне.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

двадцать лет перед этим для Е. В. Барсова. Стеснительные условия тверского барского поместья, в которых производилась запись, необходимость импровизировать на темы, предложенные Агреневой (хотевшей записать напевы именно к текстам, записанным Барсовым, которые Федосова не могла, конечно, вспомнить), связали творческую инициативу сказительницы-поэтессы.

Тексты Федосовой в записи Агреневой попрежнему отмечены печатью большого таланта, но среди них нет ни одного шедевра, достойного встать рядом с «Плачем о писаре», «Об убитом громом-молвией», «О старосте», «О потопших» и другими лучшими текстами в записи Барсова. Характерно, что наибольший интерес исследователей в «Описании русской крестьянской свадьбы» вызывают обычно былины, исторические песни и баллады, т. е. тексты, принадлежащие к наименее импровизационным жанрам. Это дает лишний повод предположить, что Агренева-Славянская действительно не сумела создать нормальные условия записи. Вполне вероятно, что Барсову посчастливилось встретиться с Федосовой в пору наивысшего расцвета ее дарования. Агренева, записывавшая через 20 лет после него, узнала Федосову уже старой женщиной. Можно было бы предположить, что народная поэтесса была уже не способна творить с прежней силой. Однако от такого предположения удерживают нас многочисленные и совершенно единодушные отзывы слушателей выступлений Федосовой в 1895—1896 гг., т. е. еще через десять лет после «кольцовских» записей.

Качество записей Толиверовой и Агреневой, таким образом, ограничивает возможности точного выяснения характера творческой эволюции, которую несомненно проделала Федосова с 60-х по 90-е гг. Поэтому нам придется сосредоточить анализ поэтического мастерства и идеологического содержания творчества Федосовой на материале записей Барсова (1867—1868 гг.), лишь эпизодически привлекая записи двух других собирателей для разрешения основных проблем ее творчества в 60-е гг. прошлого века. Отдельные предположения о дальнейшем его развитии будут допускаться лишь в редких случаях. Отдавая себе ясный отчет в ограниченности возможных результатов такого изучения, мы не видим, тем не менее, других его путей (до обнаружения новых дополнительных материалов).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ГЛАВА 1[1]

Итак, основные из известных нам текстов Федосовой записаны в 60-е гг. прошлого века.

60-е гг. XIX века — одно из самых бурных и совершенно исключительных по остроте политической ситуации десятилетий в истории русского крестьянства. Так называемая «освободительная реформа» 1861 г. вместо разрешения противоречий и умиротворения, которых жаждали ее авторы, принесла новое невиданное обострение политической жизни в стране. «Компромисс», о котором мечтали крепостники, явно не удался, он не остановил исторического развития. Началось бурное, полное противоречий развитие капитализма в России.

Как известно, реформа, проведенная крепостниками, не принесла крестьянам ни политического, ни экономического освобождения. «...«освободители» *так* повели дело,— писал В. И. Ленин, — что крестьяне вышли «на свободу» обобранные до нищеты... Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало».[2]

---

[1] Некоторые части этой и последующих глав изложены в нашей статье «И. А. Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода» в сб. «Русское народнопоэтическое творчество. Материал для изучения общественно-политических воззрений народа», Труды Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953, т. XX, стр. 90—126.

[2] Соч., т. XVII, стр. 65.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Своеобразие исторического развития Карелии в эту эпоху предопределялось тем, что в период феодализма частно-владельческая, помещичья форма крепостного права в силу ряда причин, анализировать которые не входит в нашу задачу, здесь совершенно не развивалась. Крестьяне Карелии в основной своей массе были «государственными крестьянами», т. е. находились в феодальной зависимости не у отдельных помещиков, а у феодально-крепостнического государства в целом, причем часть из них (Петрозаводский уезд) была приписана для несения феодальной повинности к Олонецким горным заводам. Вместе с тем, несомненно, что общий смысл «реформ» и общие закономерности пореформенного развития проявлялись и здесь с достаточной силой. Бывшие горнозаводские крестьяне вышли из реформы не менее, если не более, «ободранными», чем крестьяне других областей России. Реформа 60-х гг. «освободила» крестьян Карелии совершенно так же, как и крестьян центральных губерний, от земли. Закрепление за крестьянами определенных наделов и запрещение свободно пользоваться «лядинами» — подсечными запашками в казенных лесах — лишало олонецких крестьян значительной части земли, которую они фактически обрабатывали до «освобождения». Словом, при всем кажущемся различии, здесь прошла совершенно такая же «*помещичья* «чистка земель» для капитализма»,[1] о которой говорил В. И. Ленин.

На душу населения теперь приходилось здесь всего 4,4 десятины при среднем размере наделов в 5,8 десятин по 49 губерниям Европейской России.[2] Кроме того, следует учесть, что действительно пригодно к использованию было не более 17% всей закрепленной за крестьянами земли.[3]

Процесс передачи крестьян из горнозаводского ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было поставлено губернское по крестьянским делам присутствие, сопровождался постоянным ростом

---

[1] Соч., т. XIII, стр. 251.

[2] Некулин М. Г., Государственные крестьяне в Карелии в период реформы 1838—1861 гг. (рукопись), стр. 156. См. архив Карело-Финского филиала АН СССР.

[3] Молодьков С. Ф., Карелия во второй половине XIX в. Сборник документов (рукопись), стр. 1, см. там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

земских поборов, возраставших в эти годы с неменьшей быстротой, чем государственные подати. За десятилетие с 1857 по 1867 гг. увеличение оброчной подати производилось 5 раз — каждый раз на 5—10%.[1] К концу шестидесятых годов общая сумма обложения достигла 801 423 р. при официальной страховой ценности всех крестьянских дворов в губернии в 976 615 р. Ежегодные недоимки по губернии в эти же годы достигали 200 000 р. Следовательно, общая сумма годового обложения и недоимок превышала ценность крестьянского имущества в губернии.[2]

С каждым послереформенным годом положение крестьян становилось все тяжелее. Это усугублялось полосой недородов, начавшейся в 1861 г. и растянувшейся на 7 лет. Наибольшей силы голод достиг в 1867 г.[3] Даже чиновничьи «Олонецкие Губернские Ведомости» не в силах были скрыть размеры голода и откровенно назвали 1867 г. «страшным годом».[4] В утешение читателям они преподносили глубокомысленные «исторические» разыскания, которые должны были доказать неизбежность наступления голодной полосы (от 3 до 7 лет) каждые 20—30 лет: «В настоящем же столетии, как запомнят старики... хлебный недород был около 1810 г., затем в 1832, 33, 34 гг. и, наконец, с 1861 по 1867 гг. В этом минувшем (1867 г. — *К. Ч.*) году урожай был здесь по официальным данным меньше на 220 000 четвертей против 1866, также недородного года. **1867 г. был год страшный для Олонецкой губернии** (подчеркнуто мной — *К. Ч.*), к великому утешению, думаем мы, и последний в настоя-

---

[1] См. Ходский, Очерк развития земельных отношений бывших государственных крестьян, Русская мысль, 1889, ноябрь. Следует отметить, что с 1814 по 1862 гг. государственные денежные повинности ежегодно возрастали в среднем на 16% (История России в XIX в., изд. Гранат, т. III, стр. 187).

[2] Молодьков, там же, стр. 1 и 3.

[3] В 1867 г. голод распространился по большинству северных и северо-восточных губерний — это было одной из причин отставки Валуева и образования Правительственного комитета под пред. наследника; см. Корнилов А. А., Крестьянская реформа, СПб., 1905, стр. 193—194.

[4] О том же см. Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 3. «Тогда общество на минуту остановилось с праздным любопытством перед картиною предсмертной муки, умиравшего от голода, олонецкого «крестьянина».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

щем недородном периоде».[1] В одном из ближайших номеров «Ведомостей» о том же пишет корреспондент из Петрозаводского уезда Лавров, а вслед за ним местный учитель и этнограф К. М. Петров. Именно в этом году газета напечатала на своих страницах получивший печальную известность рецепт приготовления хлеба из исландского мха. Лицемерный совет уповать на бога и печь хлеб из мха и коры — лучшее, что могло придумать губернское начальство.

В центральных газетах начинают все чаще появляться статьи о бедственном положении крестьян Олонецкой губернии. На одну из них, в газете «Москва», губернатор счел нужным дать официальный ответ, в котором, вместе с признанием значительности размеров голода, рассказывал в успокоение читателям о «мерах», принятых губернским начальством.[2] Однако эти «меры» не достигали своей цели. С 1864 г. по 1869 г. посевные площади упали с 180 000 дес. до 172 000 дес. Таким образом; после неурожая 1867 г. в губернии пустовало около 8 тыс. десятин.[3] В 1868 г. крестьяне Шуйской и Салменижской волостей Петрозаводского уезда дважды (в апреле и мае) посылали ходоков к царю с прошением о выдаче им пособий, так как поля их оставались без посевов.[4] По ироническому замечанию Федосовой: «Стали крестьяна разживаться, а от семян земли оставаться» (стр. 323).

Еще одно несчастье постигло в эти годы олонецкое крестьянство — в 1862—1868 гг. резко усилилась эпизоотия сибирской язвы, не покидавшей губернию уже несколько десятков лет.[5] С наибольшей силой эпизоотия проявилась в том же 1867—1868 гг. В отчете за 1867 г. губернатор вынужден был признать: «Сибирская язва, появившаяся в 1867 г. в губернии, застала земство врас-

---

[1] Е. В. Барсов, О хлебных недородах, ОГВ, 1868, № 21. Содержательное описание бедствий олонецких крестьян в годы недорода (1861—1868 гг.) дал Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (1869), стр. 89—121.

[2] ОГВ, 1868, № 23 и 25.

[3] См. Приклонский С. А., Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 13.

[4] Никулин М. Г., там же, стр. 160.

[5] См. статьи и заметки о сибирской язве в Ол. Губ. Вед. 1841, № 30; 1849, № 31; 1853, № 28; 1860, №№ 28 и 30; 1861, № 33; 1863, № 28; 1865, №№ 19, 15, 32; 1867, №№ 30, 31, 33; 1868, №№ 28, 30, 37; 1869, №№ 52, 55.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

плох: на местах появления ее не было ни медиков, ни фельдшеров, ни медикаментов».[1]

В том же 1867 г. началась было эпидемия сыпного тифа — заболело 1120 чел. Дальнейшего распространения эпидемия, впрочем, не получила.

Разоренные реформой, недородом, эпидемиями и податями крестьяне в эти годы бежали из деревень в город — в надежде приработать, в леса — чтобы спрятаться от «начальства». Бежали куда глаза глядят. Число паспортов, выданных на отлучки, достигает к 1871 г. значительной для малонаселенной губернии цифры — 14 750. Не меньшие размеры приобретает и неофициальное бегство. Так, в № 25 «Губернских Ведомостей» за 1868 г. сообщалось о побеге крестьян «в числе нескольких сот человек» на юг. Беженцы были задержаны в Вологде и возвращены этапным порядком «для водворения на прежних местах жительства». Об аналогичной попытке более пятисот олонецких крестьян переселиться в южные губернии сообщает и Флеровский в главе, специально посвященной Олонецкой и Архангельской губерниям.[2]

Тяжесть положения разоренных недородом крестьян усугублялась еще и тем, что «реформа» растянулась почти на 20 лет, т. е. вдвое дольше, чем это было предусмотрено указом от 28 января 1863 г., и в 10 раз по сравнению с первым указом о реформе государственных крестьян от 8 марта 1861 г.[3] Исполнение «реформы» затягивало само правительство.[4]

Передача крестьян мировым учреждениям началась фактически лишь в конце 1866 г. «Олонецкие Губернские Ведомости» (№ 27, стр. 492) опубликовали официальное сообщение о правительственном указе. Одновременно было объявлено распоряжение губернатора об образовании мировых участков по всем уездам губернии. 27 августа последовало назначение мировых посредников по

---

[1] Гос. архив КФССР, фонд Губ. Статистического Комитета, связка 7/93.

[2] Флеровский, стр. 89 и сл.

[3] Никулин, там же, стр. 140.

[4] Административное «устройство» государственных крестьян началось по правительственному указанию лишь с 18 января 1866 г., земельное «устройство» — лишь с 24 ноября 1866 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

каждому участку. Вместо всевластия окружного начальника министерства государственных имуществ попечителем и по существу хозяином над государственными крестьянами становился мировой посредник из тех же чиновников. В обязанности мирового посредника входило не только посредничество при новом межевании земель и выдача уставных или владенных грамот. Он был наделен фискальными полномочиями, обладая при этом не только полицейской, но и судебной властью над крестьянами (опека над волостными судами). В официальном обзоре «хода крестьянского дела» в губернии чиновник Губернского Управления Ю. Булах писал: «Взыскание оброчных и казенных недоимок производилось волостным и сельским начальством с временнообязанных крестьян также довольно успешно под наблюдением мировых посредников, различная деятельность которых высказывалась тут более или менее наглядным образом, особенно в отношении оброчных недоимок».[1]

В Приложениях к «Олонецким Губернским Ведомостям» в эти годы постоянно публикуются красочные материалы судебных и ведомственных разбирательств «недоразумений», возникших в связи с деятельностью мировых посредников, «успешно» взыскивавших подати. Взаимоотношения между крестьянами и мировыми посредниками с первых же дней стали крайне напряженными.[2]

Учреждение института мировых посредников означало для крестьян Карелии начало нового этапа ограничения прав общины на самоуправление. Эти «права», особенно после реформы П. Д. Киселева 1838—1843 гг., были весьма относительными и по существу иллюзорными, но попрежнему высоко ценились олонецкими крестьянами. Реформа П. Д. Киселева, помимо целого ряда экономических мероприятий, включала и весьма значительные изменения системы местного самоуправления, которые

---

[1] См. Булах Ю., Краткий очерк хода крестьянского дела в Олонецкой губернии на 1 ноября 1863 г., Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 г., стр. 114 и др.

[2] Неудивительно, что Л. Н. Толстой, назначенный было мировым посредником в Тульской губернии и пытавшийся защищать интересы крестьян, был не только немедленно отстранен от должности, но и отдан под надзор III Отделения (см. С. Бычков, Толстой и проблема народа (50—60 гг.), в сб. «Историко-литературный сборник», М., 1947, стр. 409).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

были направлены на преодоление традиционной «самостоятельности» крестьянского внутриобщинного самоуправления путем превращения крестьянских выборных в правительственных чиновников. В конечном счете реформа П. Д. Киселева противопоставила общине — волость. Однако деревенские старосты формально оставались попрежнему ставленниками крестьян. Реформы 60-х гг. окончательно лишали общину административной самостоятельности.

Создание согласно реформе 40-х гг. окружных управлений параллельно с существующей земской полицией было фактическим уничтожением т. н. «самостоятельности» крестьянских общин и в вопросах внутриобщинного порядка. В 60-е гг. сдвоенная полицейско-судебно-фискальная власть мирового посредника и станового пристава довела начатое графом Киселевым до конца.[1]

Запрещение пользоваться «лядинами», увеличение поборов и систематическое вмешательство во внутренние дела общины затронули как бедняцкие слои, так и кулацкую верхушку деревни. Поэтому неудивительно, что мировые посредники, бесчеловечные исполнители всероссийского «обдирания до нищеты», нередко встречали единодушное сопротивление своим распоряжениям всего крестьянского «мира» со старостой во главе. Так, в отчете олонецкого губернатора за 1869 г. отмечалось 160 случаев сопротивления властям, за которые было осуждено 297 крестьян.[2]

Так, например, в 1869 г. разбиралось дело о предании суду лижемского сельского старосты Полозова по отношению мирового посредника второго участка Петроза-

---

[1] Бурджалов Э. Н., Яковлев Н. Н., Городецкий Е. Н., Минц И. И., История СССР. Учебное пособие ВПШ при ЦК ВКП(б), стр. 204—205. Параллельно с посредниками «действовало» полицейское управление, в волости — становой пристав. В результате земской реформы появилась земская управа. В волости над крестьянином стояли: волостной старшина, староста, волостной суд. После судебной реформы появились мировые судьи. Сложная система дореформенных и вновь возникших органов власти создавала в представлении крестьян большую путаницу. «Извольте объяснить крестьянину, в огромном большинстве безграмотному, различие властей волостного суда, старшины, станового пристава, мирового посредника, земской управы, мирового судьи, когда и наш брат с грехом пополам в состоянии усвоить себе эти тонкости» — писал «Современник» (там же, стр. 118).

[2] Архив КФ филиала АН СССР, стр. 69.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

водского уезда[1], в том же году слушалось дело о сопротивлении приставу и старшине в Пудожском уезде,[2] в 1870 г. — дело об отказе от уплаты податей крестьянами Пудожского уезда, на почве которого произошло столкновение крестьян с мировым посредником,[3] «дело об отказе от выполнения распоряжений начальства»[4] и т. д. Олонецкие крестьяне (подобно крестьянам других областей России), сталкивавшиеся в эти годы с действиями мировых посредников, видели в них представителей помещичьего государства, ничем существенным не отличавшихся от дореформенных чиновников, столь же беспощадно выколачивавших подати. Более того, действия мировых посредников воспринимались теперь, после объявления т. н. «воли», еще острее.

Об одном из таких случаев в Кузаранде и рассказала Федосова в «Плаче о старосте» (см. ниже).

«Ни в одной стране в мире, — писал В. И. Ленин, — крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России. Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».[5] С другой стороны, Ленин отмечал, что «реформа 1861 г. осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования».[6]

Особенно обострились взаимоотношения губернского начальства и крестьян в тяжкие годы недорода и введения нового земельного устройства, то есть в 1866—1869 гг.

По свидетельству «Олонецких Губернских Ведомостей» «после неурожайных годов 1867 и 1868 гг. и более или менее значительных потерь от сибирской язвы, недоимки по одним казенным окладам и неокладным сборам достигли в Олонецкой губернии 329 000 р., увеличившись

---

[1] Государственный архив КФССР, фонд Губернского по крестьянским делам присутствия, св. № 27/982.
[2] Молодьков, там же, № 58.
[3] Там же, № 59.
[4] Там же, № 60.
[5] Соч., т. XVII, стр. 65.
[6] Там же, стр. 90.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

против предшествовавшего 1866 г. на 136 000 р.».[1] Основные усилия мировых посредников в эти годы и были направлены на выколачивание возраставших недоимок.

Таково было положение олонецкого крестьянства в пору, когда Барсов отыскал Федосову в Петрозаводске и начал записывать от нее тексты, составившие впоследствии трехтомный сборник «Причитаний Северного края».

Таким образом, ситуация, создавшаяся в Олонецкой губернии во второй половине 60-х гг. XIX века, при всех ее специфических чертах была типичной пореформенной ситуацией. Следовательно, мы вправе ожидать, что в творчестве Федосовой встретимся с поэтическим отражением именно общих закономерностей развития мировоззрения крестьянства пореформенной поры (естественно в формах и образах, свойственных и близких олонецкому крестьянству).

ГЛАВА 2

Для правильного истолкования творчества Ирины Андреевны Федосовой в 60-е гг. необходимо прежде всего помнить, что все ее тексты, которые мы знаем по сборнику Барсова, записаны в «страшный» 1867 г. и следовавший за ним, немногим менее тяжелый для олонецкого крестьянства, 1868 г. Только при учете этой обстановки станет понятной та необычайная социальная напряженность, которая поражает нас при первом же знакомстве с текстами Федосовой. Только тогда получат свое объяснение и цензурные пропуски[2] в томе сборника, и то горячее одобрение, с которым руководители «Отечественных записок» — Некрасов и Михайловский — приветствовали его появление.

---

[1] Олонецкие Губ. Ведомости, 1875, № 40.

[2] Особенно I том изобилует выдержками, имеющими, очевидно, различное происхождение. Всего по тому мы насчитываем 21 выдержку, из которых девять явно цензурного происхождения стр. 104(2), 106, 122(2), 123, 185, 196, 214, 215, 220, 252, 258, 262, 264, 267, 282, 286, 287, 288, 297, 298, из них явно цензурные — стр. 106, 123, 193, 252, 262, 286, 287, 288, 297. Кроме того, обращает на себя внимание заголовок текста № 20 «*Из плача о писаре*». Таким образом, оправдывается предположение В. И. Ленина о том, что в действительности тексты И. А. Федосовой звучали с еще большей остротой, чем это следует из сборника Е. В. Барсова. К сожалению, восстановление этих пропусков невозможно, т. к. подлинники записей не сохранились.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ирина Андреевна Федосова не могла оставаться и не осталась в стороне от грозных и бурных событий, потрясавших в эти годы родную ей олонецкую деревню. Острый природный ум и дарование большого художника позволили ей, неграмотной олонецкой крестьянке, не только остро воспринимать происходившее, но и подняться до смелых и ярких поэтических обобщений, с большой силой выразить умонастроения, типичные не только для олонецкого крестьянства, но и для всего русского крестьянства второй половины 60-х гг. XIX века. Конечно, ясность осознания ею происходившего надо понимать относительно. Своим творчеством Федосова в равной степени отражала и сильные и слабые стороны крестьянского мировоззрения — именно поэтому и следует говорить об огромной историко-познавательной ценности ее творчества.

Со страниц I тома сборника И. А. Федосовой веет «страшным 1867 г.»:

Зло — несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным сокóлом,
Над крестьянами злодийно черным вороном;
Возлетат оно злодийно само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этых крестьян я доступило,
Не начáются обиды, накачаются;
Не надóются досады, принавúдятся».
Как со этого горя со великого
Бедны людушки, как море, колыбаются;
Быдто деревья стоят да подсушеныи;
Вся досюльщина куды да подевалася;
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
Не стоят теперь стóги перегодныи,
Не насыпаны анбары хлеба божьего;
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимних у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков;[1]
(стр. 292)

Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная невзгодушка;
Как по нынешним годáм да по беловым
Лучше нá свет человеку не родитися —
Много страсти-то теперь да много ужасти,
Как больши того великих пригрозушек;
(стр. 288)

[1] Здесь и дальше для облегчения чтения цитат из текстов И. А. Федосовой нами отмечаются все случаи отклонения ударений от норм, принятых в литературном языке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приведенный выше отрывок из «Плача о писаре» часто привлекался писавшими о Федосовой для демонстрации поэтичности изображения ею тягот крестьянской жизни вообще. Это несомненно справедливо, так как образ Горя возник в народной поэзии задолго до Федосовой, однако, обобщенность образа вовсе не противоречит конкретности его восприятия. Диалектика жизни и развития емких, обобщенных образов именно и состоит в том, что они оказываются близкими многим поколениям, но каждым поколением усваиваются по-своему. Поэтому нельзя игнорировать то обстоятельство, что записи Барсова от Федосовой были произведены именно в пореформенные годы. В приведенных строках для Федосовой и ее слушателей заключался совершенно реальный смысл. Образ вырвавшегося из заключения и бушующего Горя символизировал для них пореформенные бедствия русского крестьянства. Вместе с тем строка: «Не стоят теперь стоги перегодные» — явно имела в виду недород 1861—1868 гг.; «не насыпаны анбары хлеба божьего» — недород, нет хлеба, голод; «нет на стойлы-то у их да коней добрыих» — эпизоотия сибирской язвы и другие несчастья, вызвавшие падеж скота в эти годы и т. д. Не менее обобщенно и вместе с тем конкретно, должно быть, воспринимались и слова:

Вся досюльщина[1] куды да подевалася,
Вся отчевщина[2] у их нонь придержалася,

т. е. старина идет на убыль, «неправедные судьи» не считаются с «правами общины». Следующие затем строки подтверждают правильность нашего толкования. Федосова прямо говорит о виновниках крестьянских бедствий:

Ты порòсскажи, крестовый-милый кумушко,
Ты порòсскажи бладыке многомилосливу,
Што неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманию их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синём море;
Никуды от их злодиев не укроешься:
Во темных лесах найдут оны дремучих,

---

[1] Досюльщина, т. е. то, что было «досюль», в старину, т. е. старина.

[2] Отчевщина, т. е. то, что было при отцах, синоним «досюльщины».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Все доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле,
Во конец оны крестьян всех разоряют.
(стр. 292)

или

Наезжают-то судьи страховитыя,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки
До последней-то оны да лапотиночки.
(стр. 288—289)

Совершенно ясно, что «неправедные судьи», «судьи страховитые» для Федосовой и ее слушателей были собирательным понятием, обобщенным образом, означавшим мировых посредников, межевых чиновников, становых приставов — словом, всех, кто осуществлял правительственную реформу. Эти строки звучат прямой иллюстрацией к известным словам Ленина: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой».[1]

Повидимому и строки «Во темных лесах найдут оны дремучих» и т. д. не воспринимались слушателями Федосовой в качестве простой поэтической фигуры. В них вкладывался совершенно реальный смысл. Известно немало случаев бегства крестьян в леса от начальства, от податей, от непосильных земских повинностей. Бежали не только целыми семьями, но, иной раз, и целыми деревнями, селились в глуши, заводили там хозяйство, пока губернское начальство не открывало никому не известные селения и не ставило их в прежнюю зависимость от государства. Именно это и имела в виду Федосова в «Плаче о старосте»:

Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этих властей да страховитых!
(стр. 283)

За год до того, как Барсов записал эти строки от Федосовой, читатели «Олонецких Губернских Ведомостей» могли прочесть в «Дорожных заметках» некоего М. Г.: «Рассказывают же, что как-то однажды были от-

[1] Соч., т. XV, стр. 183.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крыты в лесах за непроходимыми чащами и болотами несколько деревень, выстроенных дезертирами[1] или укрывающимися раскольниками, никому не бывших известными и нигде не значившихся».[2] Напомним роман В. Г. Чехова «Возмутители»[3], в котором рисуются правдивые картины такого «залесного» поселения на родине Федосовой в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. О таких «бегствах» помнят еще и до сих пор кузарандские старики. И. А. Якушев из дер. Загорье Кузарандского с/совета рассказывал в 1948 г.: «Старики говорили, что наш народ был ссылочный на вечное поселение от царской власти, да еще населились беглецы, как раньше от власти бегали. А до нас тут был лес непроходимый, еловый. У нас есть в селении такие фамилии — Якушев, Аристов, Мошников, Матросов. Говорят, что эти люди беглые все. Матросов — от флота, Якушев, как рассуждают, что это польская фамилия Якушевский, Аристов, тоже разговор ведется, что человек арестованный был. Мошников — по лесам бродил и попутно много набил мошников, (глухарей — *К. Ч.*). Эти люди пришли в разное время. Так и поселились и стала сельга».[4] Того же происхождения и кузарандское название деревень за Яндомозером — Залесье, т. е. селение за лесом, в лесу.

Непосильная тяжесть податей в годы недородов, издевательства, которым крестьяне подвергались при их сборе, с особенной силой рисуются Федосовой в тех случаях, когда речь идет о судьбе многодетных вдов. Так, например, в «Плаче вдовы по муже» (№ 1):

Как после своей надежноей головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Иисусовой молитовки накланялась,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.
(стр. 16)

В «Плаче по дяде родном» (№ 12) всеобщий недород воспринимается вдовой как ее индивидуальное горе:

---

[1] Имеются в виду, конечно, не дезертиры из армии, а скрывающиеся от податей и «горных уроков».

[2] Олонецкие Губ. Ведомости, 1866. № 23—24.

[3] Чехов В. Г., Возмутители, Исторический роман, Петрозаводск, 1939; 2 изд. — Петрозаводск, 1948.

[4] Запись хранится в архиве автора.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

После милой надежноей сдержавушки,
Недород да все довольным этым хлебушкам,
Недорос да на лугах-травах шелкóвых;
Не дом теперь — житьe не разживается,
Жирушка победная скудáется;

(стр. 182)

Заплатить подать, вынести «тяготы казенные» вдова может только, продав скотину или заложив одежду — свою и своих детей. Как только Федосова включает в круг бедствий вдовы «судей неправосудных», требующих уплаты податей, — личное горе вдовы приобретает для слушателей Федосовой общественный смысл, отчетливое социальное звучание.

Как ответ держит сердечно мило дитятко:
. . . . . .
— Не к лицу тебе, родитель-рóдна матушка,
Што таскаться по избáм тебе по земскиим,
У стола стоять, родитель, у судебного,
Супротив стоять судей неправосудных.

(стр. 183)

В свете сказанного нельзя не вспомнить ошибочный вывод, сделанный акад. Л. Н. Майковым на основании цитированного выше текста: народ, якобы, охотно исполняет свои обязанности — «народ горюет только о том, что эти подати собираются иногда без снисхождения к временным нуждам и обстоятельствам крестьян».[1]

Следы «страшного года», следы пореформенного времени без особенного труда отыскиваются почти в каждом тексте Федосовой. Но рассмотрим, прежде всего, наиболее яркие, посвященные специально интересующим нас событиям, — «Плач о старосте» и «Плач о писаре». Тексты эти тесно связаны друг с другом.

«Плач о старосте» рассказывает об одном из столкновений кузарандских крестьян с мировым посредником. Такие столкновения, как уже говорилось, были особенно типичны для периода 1866—1869 гг. Плач чрезвычайно интересен тем, что в нем исключительно резко выражена оценка заонежскими крестьянами деятельности мировых посредников — основных проводников правительственной политики в олонецких деревнях в пореформенные годы.

---

[1] Майков Л. Н., Причитания Сев. края, собр. Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872, ЖМНПр, 1872, ч. CXIV (декабрь), стр. 398.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Возникновение «Плача о старосте» можно со всей определенностью отнести к августу-сентябрю 1867 г. Как уже отмечалось выше, передача государственных крестьян (в том числе и горнозаводских, к которым принадлежали крестьяне Толвуйской волости) в ведение мировых учреждений была объявлена в июле 1866 г.[1] 27 августа того же года последовало назначение колл. секр. П. П. Дротаевского мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда, в который входили волости — Петропавловская, Кижская и Толвуйская.[2] Это позволяет утверждать, что «Плач о старосте» мог возникнуть только между 27 августа 1866 г. и 25 ноября 1867 г., когда Барсов окончил работу над I томом. Можно предположить, что «Плач о старосте» возник именно в осенние месяцы 1867 г., так как обычно осенью, после сбора урожая, начиналось выколачивание податей и недоимок. Это предположение кажется верным еще и потому, что, с одной стороны, неурожай 1867 г., а с другой стороны, объявление добавочного сбора к оброчной подати на 1867 г. особенно обострили взаимоотношения крестьян и губернских властей в осенние месяцы 1867 г. Кроме того, «Плач о потопших», записанный одновременно с «Плачем о старосте», дает основание предполагать, что август 1867 г. Федосова провела в Кузаранде.[3]

Итак, «Плач о старосте» рассказывает о столкновении кузарандских крестьян с мировым посредником Дротаевским осенью 1867 г., т. е. в первый для мировых посредников сезон выколачивания податей. Однако, судя по всему, это уже не первая встреча крестьян с посредником. Крестьяне уже знают, с кем они имеют дело, они уже испытали на себе «дикий произвол... шайки благородных оборванцев», как назвал их В. И. Ленин.[4]

---

[1] Олонецкие Губ. Вед., 1866, № 27, 16 июля, стр. 492.

[2] Олонецкие Губ. Вед., 1866, № 33 от 27 августа, стр. 601. Дротаевский пробыл мировым посредником несколько лет. «Памятная книжка Олонецкой губ. на 1857—1859 гг.» называет его попрежнему мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда (стр. 19). Таким образом, становится известным виновник гибели старосты, оплаканного Федосовой и адресат ее гневных проклятий, процитированных Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо».

[3] О датировке «Плача о потопших» (№ 17) см. часть III, стр. 280.

[4] Соч., т. II, стр. 520.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным:
В темном лесе быдто звери-то съедучии,
В чистом поле быдто змеи-то клезучии.
Как наедут ведь холодны-голодны,
Оны рады мужеченка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют.

(стр. 285)

Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди;

(стр. 283)

Крестьяне называют их «судьи неправосудные», «судьи страховитые», «посредничек свирепый», «мировой да злой посредничек», «мироеды», «злодеи супостатные», «съедуба мироедная» и т. д.

Федосова рисует отвратительный облик распоясавшегося, но трусливого чинуши. Он кажется крестьянам нечистью, нехристем:

Как наидет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
. . . . . .
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной

(стр. 282—283)

Не брезгующий никакими средствами посредник —

Во потай у ведоростков он выведыват,
Уж нет ли где корыстного делишечка;

(стр. 283)

т. е. допытывается, не таят ли где крестьяне хлеб, не продавали ли они его на сторону до уплаты податей и т. д. Действия посредника, обрисованного Федосовой, кажутся согласованными с инструкцией губернатора Григорьева для сборщиков податей, опубликованной в «Олонецких Губ. Ведомостях» в 1884 году: «Уездный исправник и становые приставы должны хорошо знать,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

в какие именно времена года крестьяне, не только отдельных обществ, но каждой деревни имеют заработки или промысла, от которых они получают деньги и, не упуская этого именно удобного времени, настаивать, чтобы старшины, сельские старосты и сборщики пособий взыскивали с крестьян денежные сборы и отнюдь не пропускали бы этого времени; в противном случае крестьяне полученные от работ и промыслов деньги, потратившись на излишества, делаются поневоле несостоятельными к уплате податей в иное, неудобное для них время».[1]

Приезд мирового посредника в деревню воспринимается как стихийное бедствие:

...В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Сапрь-река, посредничек свирепой,
Быдто Ладожское великое, сердитое...
(стр. 284)

...Точно вехорь во чистом поле полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу порыкивае...
(стр. 283)

Крестьяне не знают, чем объяснить его приезд, но они не сомневаются, что от него можно ожидать только насилия и грабежа:

Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притоптаялися.
(стр. 284)

Яркими штрихами обрисовано поведение мирового посредника. Он врывается в земскую избу (которая, по рассказам стариков, была в д. Юсова гора), требует к себе старосту, кричит на него, «без разума рукой ему приграживае»:

Неподсудны мировому знать посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Штобы все были сейчас же на ём согнаны!
(стр. 283)

Староста созывает крестьян на сход, посредник неистствует, кричит на старосту:

Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете;

---

[1] Олонецкие Губ. Ведомости, 1884, № 85, стр. 834.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Хоть своей казной теперь да долагайте-тко
Да вы подати казенные сполняйте-тко![1]
. . . . . .
Уже так на мужика стане срыгáтися,
Быдто зверь да во темнóм лесе кидается;
Да он резвыми ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.
(стр. 284—285)
Он затопае ногама во дубовый пол,
Он захлопае рукама о кленовый стул и т. д.
(стр. 283)

Крестьяне едва сдерживают свое возмущение. От имени «мира» отповедь зарвавшемуся чинуше дает кузаранд-ский староста — герой плача-поэмы И. А. Федосовой:

Не давай спеси во блáдую головушку,
Суровьствá ты во ретливое сердетушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко —
Едины́ да все у бога люди созданы:
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай-сиди да ты за столиком дубовым;
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православныих!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься;
(стр. 285)

Ретивый посредник почувствовал грозную силу в старосте, в крестьянском «мире», едином в своем озлоблении. В страхе перед крестьянской расправой он уезжает.

В монологе старосты Федосова энергично утверждает человеческое достоинство крестьян. Словам посредника:

Неподсудны мировому знать посреднику?
. . . . . .
Вы даете все повольку мужикам-глупцам —

староста противопоставляет:

Да ты чином-то своим не возвышайся-тко,
Едины́ да все у бога люди созданы
. . . . . .
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь и т. д.

---

[1] Еще с XVI в., как пишет Р. Б. Мюллер в книге «Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв.», «старосты и другие выборные люди отвечали собственным имуществом за исправный сбор податей. Правительство поэтому требовало, чтобы старосты выбирались из «лучших» — наиболее зажиточных людей» (стр. 76).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Речь старосты звучит спокойно и уверенно — и именно в этом ее сила. Грозное, но сдержанное предостережение посреднику прекрасно характеризует настроение крестьян той поры. Это предвестие грозы, которая надвигалась, но не разразилась в середине 60-х гг. XIX века. Поэтому монолог старосты заключал в себе не меньший протест, чем резко отрицательное изображение мирового посредника и его бесчеловечной «деятельности».

Крестьяне одержали победу, но недолго длится их наивная радость. Мировой посредник отомстил старосте — за отлучку на неделю в Повенец для приработка,[1] он бросил его в тюрьму. По дороге домой староста умирает. Цензурные многоточия, следующие за этими строками, очевидно, скрывают рассказ Федосовой о тюремных злоключениях старосты (стр. 287).

Плач заканчивается скорбным и гневным аккордом — известным проклятием «судьям неправосудным», об использовании которого Некрасовым мы уже говорили:

Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Не на божью вы церковь, на строенице,
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатного,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже господи,
Штобы тлен пришел на цвётно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай же, боже господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!
(стр. 287—288)

Протест Федосовой против социальной несправедливости, против новшеств реформы, разорившей крестьян, достигает в этом плаче огромного напряжения. Конкретность и точность изображения событий не помешала Федосовой в изображаемом факте увидеть социально-типичное. Именно поэтому фигура самой вопленицы, резко

[1] Тоже характерная черта неурожайных лет — даже староста вынужден прирабатывать, чтобы «пропитывать сердечных малых детушек» (стр. 286).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

и четко оценивающей события, а не старостихи, оплакивающей свою личную потерю, выступает на первый план. Плач превращается в гневную обличительную речь, произносимую от имени крестьянского «мира». Речь эта полна гражданского пафоса, более того, она полна неожиданного, казалось бы, для «вопленицы» политического мужества.

Гибель старосты — крестьянского заступника — воспринимается как одно из многих бедствий пореформенного безвременья. Крестьянский «мир», кузарандская община потерпела еще одно поражение от ненавистного врага. Именно поэтому гибель старосты изображается как общественное событие, воспринимаемое Федосовой в совершенно конкретных социальных очертаниях.

Тема «Плача о старосте» продолжается и завершается в «Плаче о писаре» «легендой о происхождении Горя» — одним из высших поэтических достижений И. А. Федосовой. Конкретность восприятия социальной действительности и здесь не мешает ей мыслить обобщенно. В лихие годы жестоких бедствий, в годы непрерывного горя естественно было задуматься над тем, откуда же это несчастье взялось? «Как отколь в мире горе объявилося», говоря словами Федосовой.

Федосова не ограничивается при этом попыткой понять, откуда «объявилось» именно это «горе» — «горе» 1867 года. Некрасов справедливо отмечал, что речь идет о происхождении «Горя общественного», т. е. о происхождении социального зла на земле. О происхождении и сущности «Горя» Федосова размышляет в связи с конкретным фактом — смертью писаря. К сожалению, мы ничего не знаем о действительных причинах этой смерти, которая трактуется Федосовой подобно смерти старосты, как общественно-значимое трагическое событие. Весьма вероятно, что опущенная Барсовым часть текста повествовала именно об этом. Эта опущенная часть могла быть чересчур резкой для цензуры, так как в начале причитания писарь называется «заступой-заборонушкой», «стеной городовой», т. е. крестьянским заступником. О нем «вкупе» все «крестьяне сухотуют». Очевидно писарь, — крестьянский заступник, — подобно старосте, пал жертвой столкновения с начальством. Иначе не было бы повода для создания «легенды о происхождении Горя», имеющей при своей поэтической

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

обобщенности, как мы увидим, совершенно конкретный смысл.

«Легенда о Горе» делится на три, в композиционном отношении самостоятельные и замкнутые, части. Первая часть дает поэтическое изображение далекого времени, когда «жили люди во всем мире постатейные» и Горю не было места на земле». Вторая — рассказывает о том, как Горе вновь появилось на земле. Третья часть дает как бы конкретный комментарий к «легенде о Горе», растолковывает реальный социальный смысл опоэтизированного образа Горя, созданного Федосовой в первой и второй части легенды.

Легенда эта в том виде, в каком она читается в «Плаче о писаре», была несомненно в значительной мере плодом личного творчества Федосовой. Подобный сюжет неизвестен в доступных нам записях произведений русского народного творчества. Вместе с тем несомненно и то, что, создавая легенду о происхождении Горя, Федосова опиралась во многом на поэтические достижения народной традиции. Прежде всего, сам образ Горя-Доли у Федосовой органически связан с традиционным представлением о Горе-Доле-Судине (и через них с представлениями о смерти), знакомым нам по народным песням о Горе (ср. «Повесть о Горе-Злосчастии»), по сказкам, причитаниям и легендам.[1]

Образ Горя-Доли-Судины, каким мы его знаем по большинству записей, имел определенные устойчивые черты. Не задаваясь целью всестороннего анализа этого интересного и во многом сложного образа, отметим две его стороны: образ Горя, «лыком подпоясанного», «моча-

---

[1] См. В. Ф. Ржига, Повесть о Горе-Злосчастии и песни о Горе «Slavia», 1931, вып. 1 и 2; А. И. Соболевский, «Горе и Доля» в народной сказке, «Университетские известия», Киев, 1905, № 10; А. А. Потебня, О доле и сродных с нею существах, Труды Моск. Археолог. О-ва, т. I. Об интересе А. М. Горького к образу героя в народных песнях и сказах см. Б. Бялик, О Горьком, М., 1947, статью «Коллективное творчество народа», стр. 175—190. В письме В. Харциеву в 1912 г. Горький писал: «Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тщится одолеть судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле», и нет книги «Национальные представления славян о Доле и Судьбе» или иной какой-то заголовок.

Надо бы нам заняться изучением корней психики и мировоззрения народа-то нашего» («Литературная газета», 1937, 15 июня, № 32).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лами ноги приопутаны»,[1] был замечательным поэтическим обобщением тяжести жизни русского крепостного крестьянина. С другой стороны, Горе мыслилось мифическим существом, таинственной силой, фатально преследующей крестьянина от рождения до смерти. Социальные корни подобного рода фантастических представлений ясны; они были очень точно определены в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом:

«...Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленному разделением труда сотрудничеству различных индивидов, вследствие того, что само сотрудничество возникает не добровольно, а стихийно, — эта социальная сила представляется этим индивидам не как их собственная объединенная сила, но как некая чуждая, вне их стоящая сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которою, следовательно, они уже не могут овладеть, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не зависящий от воли и поведения людей, а даже эту волю и это поведение направляющий, ряд фаз и ступеней развития».[2]

Вместе с тем трактовка образа Доли-Горя у Федосовой во многом своеобразна и необычна. В «легенде о Горе» традиционные представления о смерти и ее происхождении, оживленные в памяти Федосовой смертью писаря, органически переплетаются с представлениями о Доле-Горе, мыслимом, однако, не как фатальная индивидуально-прирожденная «судина», а как коллективная доля крестьянства. Смерть писаря включается в общий поток крестьянских несчастий и дает толчок для осмысления всего этого потока в целом, — отсюда рассказ о происхождении «Горя общественного». В третьей части легенды максимально обобщенный и поэтизированный образ Горя раскрывается в единичной и социально-конкретной форме. Горе — это «судьи неправосудные», заполнившие Русь, те же судьи, которые проклинались Федосовой в «Плаче о старосте»; они приносят конец

---

[1] См. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», ГИХЛ, 1938, стр. 259—260. В записях из б. Олонецкой губ. см. Рыбников, 1, 35; Гильфердинг II, 90, 177, и др.

[2] Собр. соч., т. IV, стр. 24—25.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«досюльщине» — недород, язву, запустение,[1] они «сиротят» детей и «вдовят» жен.

С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эты хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людушках.
(стр. 291)

Следовательно, горе приносит людям не таинственная «Доля», от которой не уйти, которую если и можно обмануть, как это удается героям сказок, то и то на время. Враждебная сила реальна, она действует на земле, ее социальный адрес указан недвусмысленно, это уже не таинственная сила вне человеческого разумения. Такое «приземление» мифологического представления означало не только переосмысление традиционного фатализма, но по существу и наступление последней его стадии — вместо прирожденного горя намечен реальный социальный враг. Тем не менее следы старого еще ясны — неизвестно, можно ли освободиться от этой, пусть теперь социальной, но все еще фатально действующей силы.

Федосова вносит в традиционные представления еще одну чрезвычайно существенную поправку — Горе, оказывается, не всегда неистовствовало на земле. Было будто бы время, когда Горе не могло подступиться к людям, это был своеобразный «золотой век» идеальной социальной организации людей:

Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныя,
Они друг-друга люди не терзали;
Горе людушек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося и т. д.
(стр. 289)

Эта, чрезвычайно характерная социальная утопия, обращенная в прошлое, свидетельствует о почти полном изживании традиционного фатализма. Но последний шаг в этом направлении — шаг наиболее трудный; он еще далеко не по силам Федосовой.

Федосовская трактовка «Доли» закономерно завершает развитие этого представления в традиции. Русское представление о «Доле», генетически связанное с первобытным представлением о родовом духе-покровителе и с разложением рода, ставшее индивидуально-прирож-

[1] См. цитату на стр. 178.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

денной «Долей» (южно-слав. — роженица, среча, усуда; русская — судина, недоля, талан-участь и т. д.), все более и более осмыслявшееся как «Горе-Доля», т. е. по преимуществу, как непознанная фатальная злая сила, становится социальным понятием — крестьянская «Доля». Она олицетворяет осознанные социальные взаимоотношения людей, олицетворяет чуждую социальную силу и, тем самым, из объекта веры превращается в поэтическое обобщение, нуждающееся в реальном истолковании. Следовательно, даже сам объяснительный характер третьей части легенды сигнализирует о коренных изменениях традиционного представления о «Доле».[1]

Таким образом, И. А. Федосова не ставит себя вне традиции. Переосмысляя традиционный образ, Федосова тем самым закономерно развивает его. Социальная направленность этого переосмысления вызвана, разумеется, не какими-либо имманентными законами развития самого представления о «Судьбе-Доле», как это подчас изображали исследователи, а определяется совершенно конкретными историческими условиями, в которых развивалось творчество Федосовой. Эти исторические условия были не просто случайным стечением обстоятельств середины 60-х гг. Общая идеологическая эволюция крестьянства в «пореформенную, но дореволюционную эпоху», как называет эту эпоху В. И. Ленин,[2] получила яркое и многостороннее выражение в устном народном творчестве. Она сказалась, прежде всего, в резком усилении

---

[1] А. Н. Веселовский (см. Веселовский А. Н., Разыскания в области русских духовных стихов, сб. ОРЯС АН, т. XVI, § 6, статья XIII, стр. 253). В статье «Судьба-Доля в народных представлениях славян» специально остановился на анализе этой легенды у Федосовой. Как обычно, он подметил все, что связывает трактовку Федосовой «Доли» с традицией и совершенно игнорировал все, что отличает Федосову в этом отношении. Не удивительно, что при этом он как бы не замечает третьей части легенды, дающей ключ к правильному истолкованию всей легенды в целом. Идеологический смысл и социальная направленность «Плача о нисаре» его совершенно не интересует; поэтому его «исследование ограничивается академическим «сведением к традиции». Принципиальная ошибочность анализа Веселовского сказывается еще и в другом отношении: отсечение третьей части легенды приводит Веселовского к отрицанию поэтической природы «легенды о Горе» у Федосовой. «Горе» Федосовой анализируется как объект прямой веры, а не как художественное обобщение.

[2] Соч., т. XVI, стр. 295.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

остроты социального мышления и в быстром нарастании элементов протеста. Советским фольклористам, дорожащим этими драгоценными документами, которые показывают рост революционных настроений русского крестьянства, приходится преодолевать немалые препятствия. «Разумеется, — говорил А. М. Горький в статье «На краю земли», — песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравили из них меткое гневное слово, вытравили живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни».[1] Но даже доступные нам записи отчетливо показывают, как стихия социального осмысления врывается в мир сказки, былины, причитания, деформирует традиционные образы, наполняет их новым содержанием, полным жизни и борьбы.[2] Творчество Федосовой шло и в этом смысле целиком в русле общего развития русского народного творчества второй половины XIX века.[3]

Указание на непосредственных виновников крестьянских бедствий не снимало вопроса о причинах этих бедствий. Федосовой явно не под силу логически осознанная постановка этой проблемы. Однако ее поэтическое сознание ходом самих событий подготовлялось к этому.

Социальное переосмысление традиционного представления о «Горе-Доле-Судине» подводило Федосову вплотную к изживанию традиционного фатализма. Следует отметить, что дохристианское или лучше внехристианское представление о «Доле» уживалось в сознании современного Федосовой крестьянства с другим, не менее фаталистическим, христианским по своему происхождению, пред-

---

[1] Собр. соч., т. XVII, М., 1952, стр. 243.

[2] Более подробно об этом см. К. В. Чистов «Роль русского фольклора Карелии в русском нар. творчестве». Изв. КФ Базы АН СССР, 1948, № 3.

[3] Социальное осмысление образа Доли у Федосовой имеет некоторые аналогии в творчестве сказителей новейшего времени. Так, например, в сказке М. М. Коргуева «Север» (Сапоги-скороходы) Доля осмысливается аллегорически — богатый становится богатым потому, что он работает не сам, а заставляет работать на себя других. Его доля — это аллегорическое изображение батраков, приносящих богатому счастье. (Сказки Карельского Беломорья, т. I, стр. 21). См. также сказку «Про нужду» и записи от А. К. Новопольцева (Садовников, № 67), рассказ о своей жизни А. Е. Поповой (сб. «Печорский фольклор», Архангельск, 1939, стр. 132) и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ставлением. Под воздействием «учения» церкви о «первородном грехе», о фатальной греховности человеческой жизни в традиции северной причети сложился известный мотив — «смерть как расплата за грехи».[1] Причиной смерти объявлялась греховность покойного или, значительно чаще, греховность его родных, оставшихся в живых (обычно, самой причитывающей). Следует сказать, однако, что ко времени Федосовой этот мотив приобрел в значительной мере формальный характер.

Совершенно такой же характер имеет этот мотив и в творчестве Федосовой. Даже в «Плаче о писаре», в котором совершенно ясны и причины и виновники смерти писаря, Федосова говорит:

Много множество е в мире согрешения,
Как больши того е в мире огорченья;
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся.

---

[1] Однако и этот, в сущности единственный, мотив, порожденный церковно-христианскими представлениями, связан не столько с церковным толкованием смерти, сколько с церковным учением о неизбежной греховности человека и о грядущей расплате за эту греховность. Христианская церковь сулила эту расплату после смерти; сама же смерть, по ее учению, — лишь момент перехода в иной мир, мир искупления грехов. Еще со времен Ефрема Сирина (IV в.), Иоанна Златоуста (V в.) и других создателей церковного похоронного канона, окончательно установившегося к VIII—IX вв. церковь начала активную борьбу с материалистическим толкованием смерти, как печального конца радостной жизни. Похоронные гимны Ефрема Сирина изображают смерть как радостный конец печальной жизни. Смерть должна вселять радостную надежду на прощение грехов. За это и должны молиться оставшиеся в живых, памятуя о своей собственной греховности и каясь в ней. Но эта как-будто оптимистическая «радостная надежда» на будущую жизнь рождала безысходный пессимизм («лучше было бы не родиться, чем опоганить себя грехами»), против которого не могло не протестовать стихийно-материалистическое по своей природе, народное сознание.

Следовательно, мотив «смерть как расплата за грехи» был порожден церковным учением о фатальной греховности, однако, далеко не соответствовал церковно-христианским представлениям о смерти. Смерть здесь — зло, расплата, конец радостного земного существования, за которым «дорожка мутореловая» (т. I, стр. 5). И. Свенцицкий, исследовавший этот мотив причитаний, явно преувеличивает значение церковно-христианского мировоззрения в его развитии, он считает его (в отличие от основных мотивов причитаний, «языческих» по существу) целиком соответствующим церковному толкованию о смерти (см. И. Свенцицкий. Похоронные голосления церковно-религийна поэзия, ЗНТШ, 1910, кн. I и II).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И. А. Федосова после выступления в Русском Географическом Обществе (Петербург, 1895 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье.
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили оны рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельныи,
Повыпустили горюшко великое;
(стр. 291—292)

Пьяница в «Плаче об упьянсливой головушке» (№ 19) умирает от запоя. («Запивался-то ведь он в зелено вино» — стр. 276). Тем не менее, Федосова не может обойтись без упоминания традиционной «причины смерти»:

Уж богу-то надежа не молилася,
Со любимой семьей да не простился.

Механистичность использования ею этого мотива в причитании выступает особенно ясно в соседстве с другим мотивом, тоже объясняющим причину смерти пьяницы:

Знать, судинушка его да повзыскала,
Во царев кабак судьба да зазывала...

В «Плаче о потопших» (№ 17) гибель крестьян на Онежском озере вызывает у Федосовой размышление о «судьбе»:

Знать, судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.
(стр. 252)

Мотив «греха-причины» здесь заметно оттеснен на задний план. Однако Федосова не останавливается на этом. В замечательном «Плаче об убитом громом-молвией» (№ 16) (подобно тому, как представление о Горе-Доле-Судине было перенесено Федосовой в социальный план) традиционное представление о «грехе, как причине смерти» закономерно вырастает в проблему крестьянского «греха» — проблему крестьянской веры, т. е. проблему греха, поставленную социально. Крестьянин был убит молнией. По известному народному поверию[1] это значит, что им нарушен запрет Ильина дня, т. е. совершен грех, кроме того —

Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньица,
О души своей крестьянин не спахается,
Да он в тяжких грехах попу не кается.
(стр. 245)

[1] Подробнее об этом см. ч. III, стр. 272—273.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И еще один «грех» совершен крестьянином. Во время грозы, вместо того, чтобы пойти домой затеплить свечу и молиться, он остается на поле. Как же впал в такой «грех» крестьянин, о котором было известно, что

Он не вор, кажись, был не мошенничек,
Он не плут, кажись, был не разбойничек,
Не хлопотной был в суседях спорядовых;
(стр. 251)

Оказывается, что все «грехи» его сводятся к одному «греху» — он трудился, не зная ни праздников, ни будней.

Знаем-ведаем спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надеженька,
Вы не знали, спорядовыи суседушки,
Вы ни светлого христова воскресеньица,
Ни владычного господня божья праздничка,
Да вы в божью ведь церковь не ходили,
Да вы господу-владыке не молились,
Все ведь гнались за крестьянскоей работушкой...
(стр. 252)

Трагическая «вина» крестьянина в том, что он не молится, а трудится в поте лица своего — так Федосова приближается к раскрытию внутренней противоречивости христианства. Богу милы (по учению церкви) не голодные и забитые крестьяне, всеми силами борющиеся за свое существование, а тот, кто молится и спасает свою душу. Паразитическая по своей природе церковная идеология была всегда внутренне чужда трудовому крестьянству, и Федосова поэтическими строками замечательного причитания протестует против нее. Она не удовлетворена миром, полным зла и несправедливости. Она сетует на то, что Илья творит свое дело с ведома бога, но бог даже и не понимает, насколько Илья несправедлив. Совершенно так же в «Плаче о дяде родном» (№ 12) племянница покойного досадует на несправедливость богородицы — покровительницы семьи:

Я с досадушки, победная, зглянула,
На эту пресвяту мать богородицу...
Што ведь топится свеча до воску ярова?
(стр. 168)

Мысль о божьей несправедливости, по существу, снимает проблемы фатальной греховности человека. Бог неспра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ведлив: он несправедлив — это важно отметить — по отношению к трудовому крестьянству.

Федосова была безусловно религиозна, как и подавляющее большинство крестьян того времени, но она ощущала трагичность крестьянской веры, инстинктивно чувствовала ее противоречивость. Протест Федосовой против «божьей несправедливости» приближал ее к социальному осмыслению религии, несправедливость которой, как мы говорили, направлена специально на трудовое крестьянство.[1]

В связи со сказанным нельзя не вспомнить удивительное по своей исторической точности наблюдение Н. А. Добролюбова в статье «Черты для характеристики русского простонародья», опубликованной впервые в «Современнике» в 1860 г. (т. IX). Возражая против крепостнических по своему существу утверждений об извечной фаталистичности и пассивности крестьянского мышления, Н. А. Добролюбов ясно показал, что эти качества, усиленно прививаемые народу крепостниками, все больше изживаются крестьянством и, несомненно, уйдут в область прошлого вместе с крепостным правом. Он писал: «На разговор о том, как на свете правды не стало и как все в мире беззаконствует, можно в несколько минут навести всякую бабу. Правда, заключение разговора будет неотрадное: «все, дескать, это по грехам нашим, и видно уж так нам на роду написано, судьба наша такая несчастная, и ничего с нею не поделаешь»... Но говорится это больше по привычке и по бессилию; (а когда станешь продолжать разговор и предлагать средства для выхода из настоящего положения, то и окажется, что самая фаталистическая старуха не прочь бы ими воспользоваться, да только боится и не доверяется). У мужчин замечается тот же видимый фатализм, но это опять (не фатализм веры, а фатализм отчаяния)... (они отчаялись и смирились только видимо, а) внутри их непременно бродит желание и надежда выйти из этого положения».[2] Это на-

---

[1] См. близкие мотивы в сказке «Работник» в записи от А. К. Новопольцева (Садовников, № 87), в легенде, записанной М. М. Пришвиным от Г. Андрианова в 1904 г. (см. М. Пришвин «В краю непуганых птиц», ГИХЛ, 1934, стр. 132 и др.).

[2] Добролюбов Н. А., Собр. соч. в трех томах, т. III, ГИХЛ, М., 1952, стр. 105—107. В скобки заключено зачеркнутое цензором.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

блюдение Добролюбова не было отвлеченным рассуждением; оно отмечало совершенно конкретный этап развития крестьянской идеологии. Подтверждение этому мы находим в творчестве Федосовой.

Уместно отметить и характерное отношение Федосовой к духовенству. Механически повторяющаяся во многих текстах благодарность попам за исполнение требы обычно переплетается у нее с просьбой быть умеренными в назначении цены за требу, умерить алчность, так как крестьяне бедны:

Вам злата за то надо или сёребра?
Али красного вам надо да весь золота?
Али скатным возьмете да вы жемчугом?
(стр. 171)

Говорить стану печальная головушка,
Я вобче да всим попам—отцам духовным:
В золоту казну попы не забирайтесь-ко...
Хоть не вкрýте — помаленьку рассчитаемся;
(стр. 161)

С другой стороны, в «Плаче о попе — отце духовном» (№ 22) Федосова нарисовала свой идеал «попа—отца духовного» — «что нет, да такова попа не видно». Она верила в то, что может быть и «хороший поп». Это поп-крестьянин, работающий на земле наравне с другими крестьянами. По первому зову крестьян он готов в путь в ночь и в непогоду. Он выступает защитником крестьян от властей, когда крестьяне попадают в беду, противопоставляется «мироедным голопузым» — старосте и писарю, вымогающим взятку под угрозой учинить судебно-медицинское следствие и т. д.

Насколько «хороший поп» Федосовой отличался от официального церковного идеала, можно судить хотя бы по раздраженному тону главы «Поп — отец духовный» в статье Н. Покровского «Рассказы из крестьянского быта», о которой мы уже говорили. Недаром и преподаватель Олонецкой духовной семинарии Барсов во вступительной статье к тому с пренебрежением отзывается о «несложных и поверхностных чертах», «в которых рисуется тип примерного попа—отца духовного». Повидимому, и его раздражал чересчур крестьянский облик «хорошего попа» Федосовой. Итак, Федосова самим образом «хорошего», «крестьянского» попа протестует против остальных — «плохих» попов. Идеализированное представление о «крестьянском» попе, с которым мы

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

встретились в творчестве И. А. Федосовой, было выражением пассивного, исторически ограниченного по своей сути и по своей форме, протеста против классового характера церкви, столь характерного для русского крестьянства, в среде которого в середине прошлого века были популярны идеи раскола беспоповского толка аристовцев, бегунов и т. д.

ГЛАВА 3

Мысль Федосовой искала не только причин грозных бедствий, одолевавших олонецких крестьян в середине прошлого века, но и стремилась найти выход из мира социальной (и «божьей») несправедливости. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что при всей своей социальной конкретности мышление Федосовой, каким мы его знаем, было образным, поэтическим, а не политическим или философским мышлением.

Выше мы отмечали, что первая часть «легенды о происхождении Горя» из «Плача о писаре» рисует далекие времена, «золотой век» когда, как думалось Федосовой, социальная организация человечества была идеальной. Мы назвали эту социальную утопию, обращенную в прошлое, чрезвычайно характерной. Напомним в связи с этой идеализацией прошлого у Федосовой еще одно наблюдение Н. А. Добролюбова. Крепостники утверждают, — писал Н. А. Добролюбов, — что необходимость освобождения крестьян придумана «гуманными помещиками», в то время, как «мужик еще не созрел до настоящей (свободы), что он о ней и не думает, и не желает ее, и вовсе не тяготится своим положением, — разве уж только где барщина очень тяжела, и приказчик крут... Да и помилуйте, откуда заберется мужику в голову мысль о свободе? Книг он не читает (не только запрещенных, а и) вовсе никаких, (а ведь известно, что все это вольнодумство не от чего другого, как от книг происходит), с литераторами не знаком; дела у него довольно, так что утопий сочинять и недосуг...».[1]

Этому мракобесному рассуждению Н. А. Добролюбов противопоставляет убеждение в силе и разумности народной мечты о свободе, которая, подобно скрученной

[1] Добролюбов, там же, стр. 97.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«спиральной пружине», сдерживается только «посторонней силой».

Тема «золотого века» была устойчивой темой в творчестве Федосовой. В первой части «Плача о писаре» эта тема выражена отвлеченно и условно. Трудно предположить, что Федосова, художественное мышление которой было столь конкретным, могла бы удовлетвориться таким неопределенным поэтическим узором.

О поэтическом образе Горя, скрывающегося от людей, которые живут в мире и согласии, мы уже говорили:

Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны дý-друга люди не терзали;
Горе людушек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кадалося;
Но тут было горюшку не мѐстечко:
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не мѐстечко:
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилося;
Уже тут злое горюшко кидалося,
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося;

(стр. 289)

Если для текстов I тома характерно социальное осмысление семейного несчастья, либо коллективного горя деревенской общины как социального гнета, то во II томе семейное и «крестьянское горе» — рекрутчина и солдатчина — предстает как результат *государственного гнета*. Именно поэтому социальная утопия, с которой мы встретились в «Плаче о писаре», получает во II томе определенные «государственные черты» и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме».

Олонецкие крестьяне, потомки черносошных крестьян Обонежской пятины, сохранили память о новгородских временах, как о поре, когда государство относительно меньше вмешивалось в дела крестьянского мира. Усиление экономического и политического гнета в последующие века связывалось крестьянами с «падением Новгорода». Это привело к идеализации прошлого, к забвению реальной тяжести крестьянской жизни в новгородское время. Так создалось иллюзорное представление о новгородской вольности, имеющее весьма относительные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

исторические основания. Это представление питалось прежде всего идеализацией былой «самостоятельности» крестьянской общины, связанной с характерной неосвоенностью русского Севера Новгородским, а в XVI—XVII веках централизованным Русским государством.

Следует отметить, что в действительности крестьянская волость, община была относительно самостоятельнее как раз в первые века после вхождения новгородских земель в состав Русского централизованного государства, когда новгородские «боярщины» и часть монастырских владений перешли в собственность государства, т. е. боярина сменил не помещик (как это было в некоторых других местах), а само государство, и когда отсутствие помещика, стоящего между правительственными чиновниками и крестьянами вело к усилению роли и значения мирских организаций крестьян.[1] Следовательно, это надо еще раз подчеркнуть, воспоминания о «новгородской вольности» имели иллюзорный, условный характер. Всякое прошлое казалось лучше настоящего и считалось «новгородским».

Идеализация всего «новгородского» в творчестве Федосовой имеет глубокий и разносторонний характер. Любование «новгородским» образует специфический контрастный фон к изображению современных Федосовой тягот крестьянской жизни, оно проникает в лексическую ткань федософских строк, создавая своеобразный ряд идеализирующих эпитетов. Например:

И со правой руки подал да мни злачён перстень,
А от сердечка опояску *новгородскую*,
И со кармана он платок да лавантеровой...

(т. II, стр. 34—35, 103 и др.)

И на хороших на санках самокатных,
И на славном коври *новгородскоем*...

(т. II, стр. 51)

И сахарни тебе ествы приналажены,
И с *Новагорода* питья тебе доставаны...

(т. II, стр. 11) и т. д.

---

[1] См. Мюллер Р. Б., Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв., стр. 43. «Это не значит, конечно, — пишет Р. Б. Мюллер, — что карельский крестьянин освободился от феодальной эксплуатации. Но формы ее резко отличались от форм эксплуатации частновладельческих».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Новгород продолжает восприниматься как важнейший после Москвы политический центр, которым он перестал быть фактически уже в конце XV века.

И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостатыи,
И ведь думали-то турки окаянныи,
И оны въехать-то в Русию подселенную
И разорить Москву оны да все великую,
И да разбить да оны крепость в Новгороде
(т. II, стр. 222)

Мать рекрута у Федосовой с тоской вспоминает о тэм времени, когда можно было рекруту убежать в «города незнакомыи», за «крепости *новгородскии*». О ненавистном солдатском начальстве говорится:

И как начальничики стоят да там не русскии,
И как су́дьишечка ведь там не *новгородскии*;
(т. II, стр. 32)

И наоборот:

И я бы на̀шла писаречика разумного
Я разумна писаречика хитромудрого,
Хитроумна молодца̀ *новгородского*,[1]
(т. II, стр. 158)

В «Плаче по холостом рекруте» этот мотив «начальников не новгородских» развивается в весьма примечательную картину:

Как в досюльны времена да было годышки
И были людушки ведь ё да запростейшии,
Уж как прежний-то народ да был ведь спа́цливой,
И новгородскии крестьяна не бало́вливы,
И как судьи́ да в тую пору правосудливы,
И как власти́ да тогды были милосердныи,
И были вре́мечка в ту порушку спокойныи.
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што ведь времечко идет да ускоряется,
И пошли людушки ведь ё да все бало́вливы,[2]
И судьи-власти-то пошли да скрозекозныи,
И начальникиси пошли да белорукии,
У них дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме,

[1] Вариант: И вы бы нашли писаречка хитромудрого
И со своей стороны бы вы да с Новагорода,
(т. II, стр. 225)

[2] Имеются в виду нечестные комбинации деревенских кулаков при рекрутских наборах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И все белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, бессчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти;
И как от этого велика беззакония,
И как от ихнего теперь неправосудья,
И на часу́ да все законы составляются.
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добераются,
И их на́гладко бессчастных разоряют...

(т. II, стр. 49)

Здесь тема «новгородской вольности» дается в противопоставлении — тогда в «новгородское» время было не так, как теперь: народ был «спацливый» (т. е. ласковый, заботливый — см. т. I, стр. XVII «Словаря»), «запростейший», «судьи правосудливы», «власти милосердые», «времечка спокойныи», начальники не были «бездельниками», их жены — «белорукими» и т. д., словом, помимо очень общих и неопределенных сетований, говорится о все углубляющейся классовой дифференциации, при которой «власти», т. е. господствующие классы, все больше воспринимаются как «не русские» (см. выше).

С наибольшей полнотой «новгородская тема» выражена, естественно, в специальном плаче о тех временах, когда «Новгород ведь был неразореной и ко суду были крестьяне не приведены» (т. II, стр. XII). К сожалению, Барсов, возможно все по тем же цензурным соображениям, не опубликовал этот плач полностью. Отрывки из него дважды использовались Барсовым для иллюстрации его слащавых (в запоздало-славянофильском духе) рассуждений о «глубоких симпатиях заонежан к былому, древнерусскому быту» в статье «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии»,[1] и в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края».[2] В обеих статьях не указывается, от кого был записан этот текст. Однако, судя по всему, он принадлежит И. А. Федосовой. Об этом говорит прежде всего упоминание Толвуи в пересказе текста; кроме того, среди записей Барсова нет

---

[1] Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии, СПб, т. III, 1873, стр. 515—522.
[2] Стр. XII—XIII.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ни одного текста из Заонежья, записанного не от И. А. Федосовой.[1]

Барсов в обеих статьях привел четыре одинаковых отрывка из этого плача — всего 45 строк. По этим отрывкам, разумеется, трудно полностью реконструировать замысел Федосовой. В то же время не может быть сомнений в том, что это был один из наиболее резких в политическом отношении текстов, записанных Барсовым от нее.

В одном из этих отрывков с удивительным лиризмом рисуется тоска заонежан по «родной стороне» — Новгороду.

И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлетную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят они ведь есть да таково слово:
Где ведь жалобно-то солнце пропакае,
Там ведь прежняя, родима наша сторона,
Наша славна сторона новгородская.

(т. II, стр. XIII)

Крестьяне вспоминают о новгородских временах, когда будто бы все дела решались миром по «справедливым законам»:

Тыи времечка прошли да невидаются
Тыи годы скоротались, не слыхаются...
. . . . . .
Буде што да в прежни времена случалося,
Соберется три крестьянина хоть стоящих,
Промеж ду-другом они да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этым ли законам праведливыим.

(стр. XII)

Не менее интересен другой отрывок, в котором говорится о временах, когда крестьяне сами выбирали судей (здесь могли отложиться реальные «воспоминания о выборных крестьянских судейках» после земской реформы середины XVI века). Более того, в этих воспоминаниях видны следы действительно бывшего совпадения «выборных» должностных лиц со старшими в роде:

---

[1] Е. В. Барсов, насколько удается установить, в Заонежье не был — от Федосовой же он записывал, как известно, в Петрозаводске.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Были людушки тогда да не штука́выи[1]
Не штукавы оны были, — запростейшии;
Как судьи́ да в ту пору не моло́дыи,
Госжиты да мужики были почетныи,
Настойсливы оны да правосудливы.

(стр. XII)

Прошли эти времена — Новгород был разорен. В это время будто бы и вышли заонежане «в подсиверну сторонушку, на званы острова да эты Кижскии, во славное во обчество во Толвую». Здесь еще раз ясно проступает смешение исторической перспективы, т. к. заселение Заонежья, в действительности, не было связано с «разорением» Новгорода, как это представлялось Федосовой. Возможно, что переустройство новгородских земель после включения их в состав Московской Руси вызвало новый поток беженцев на север, подальше от «властей». Однако ясно, что в целом мы имеем дело с исторически неверной оценкой глубоко прогрессивного факта воссоединения «новгородских земель» с другими землями русского централизованного государства.

Выселение на Север ненадолго спасло заонежцев, — говорится далее в плаче, — власти и здесь добрались до них. Еще давно будто бы старики предсказывали:

Ух, как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земскии вси избы испражнятися,[2]
Скрозеко́зные судьи́ да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеныи —

(стр. XIII)

т. е. нарушатся «досюльные законы», «досюльное житье новгородское». Здесь нарушение «досюльных законов» снова выражено в конкретных формах событий середины XIX века — наступление на крестьянское самоуправление, учреждение института мировых посредников и преследование крестьян — староверов и сектантов старообрядческого толка, разорение староверческих «общежитий», келий, часовен (с новой силой вспыхнувшее именно в середине века — с 1859 г.). Заканчивается отрывок строками, говорящими о том, что это предсказание сбывается:

---

[1] Штукавые, т. е. чересчур ловкие.
[2] т. е. опустеют земские избы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут воспомнят ведь малы недоросточки:
Теперь нонь да времена-то те сбываются
Как у старых стариков было рассказано.
(стр. XIV)

Анализируя «новгородскую тему» в творчестве Федосовой, мы постоянно отмечали иллюзорность, условность воспоминаний о Новгороде, историческую ошибочность этих «воспоминаний». Действительная ценность рассмотренной темы, конечно, вовсе не определяется ее исторической документальностью. Важно не то, насколько «новгородские времена» Федосовой походили на историческое Новгородское государство. Значительно важнее понять, какую роль играли эти «воспоминания» в мышлении Федосовой — олонецкой крестьянки середины XIX века. Активизация новгородских воспоминаний, прочно вошедших в устную традицию Заонежья, последовательная идеализация «новгородского времени» непосредственно связаны с теми же «реформами» 60-х гг., о которых говорилось выше. «Новгородская тема» в творчестве Федосовой так же рождена этой ситуацией, как и всякая другая тема в ее творчестве этих лет. Идеализация новгородского времени, настойчивая апелляция к этому, созданному воображением, «золотому веку» — новгородской «досюльщине» — были выражением зреющего стремления к разрешению противоречий настоящего.

В статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс отмечал, что большинству общественных движений допролетарской эпохи в минуты напряженных общественных кризисов свойственно было прибегать к «заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствовать у них имена, боевые лозунги, костюмы»[1] для осмысления настоящего. Как показывают плачи Федосовой, русские крестьяне пореформенной поры также искали свой идеал в прошлом вместо того, чтобы сознательно добиваться его в будущем. Их идеал социального устройства еще не был политическим лозунгом, он был более мечтой о безвозвратно ушедшем «золотом веке», о

[1] Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избр. произв., т. II, Госполитиздат, 1941, стр. 253.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«божьей земле», как писал В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа».[1] Однако и эта мечта таила в себе огромные возможности. Вспомним, что в «легенде о Горе» из «Плача о писаре» ясно говорится о виновниках разрушения этой «досюльщины». Таким образом, при всей смутности крестьянская утопия, отразившаяся в творчестве Федосовой, является поэтическим выражением протеста пореформенного крестьянства против социального устройства России второй половины XIX века.

Чрезвычайно характерно появление этой крестьянской уравнительной утопии, мечты о прошлых временах, когда «жили люди во всем мире постатейныи» (т. е. были равными, не притесняли друг друга — «Едины да все у бога люди созданы»), именно в первые пореформенные годы, когда русское крестьянство особенно остро испытывало на себе всю тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными феодальными, крепостническими пережитками. В. И. Ленин, отмечая реакционность уравнительных идей в революции 1905 г., как «попытки искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции», вместе с тем писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. **Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков».**[2]

ГЛАВА 4

Основная тема II тома сборника И. А. Федосовой — рекрутчина и солдатчина.

Как уже говорилось в I томе, горе крестьянской семьи или общественное горе деревенской общины осмысливается как горе социальное, как результат **социального гнета.** Во II же томе семейное и «крестьянское» горе предстает как следствие **государственного гнета,** т. е. не

[1] Соч., т. XVII, стр. 98.
[2] Соч., т. XII, стр. 317 (подчеркнуто нами — *К. Ч.*).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

просто отдельные чиновники — «судьи неправосудные» или «начальники» — офицеры, но и все государство, включая главу государства — царя, осознается, как чуждая социальная сила. Это несомненно и обусловило исключительную политическую остроту текстов II тома, так высоко оцененных В. И. Лениным.[1]

Не случайно, только через 14 лет после встречи с Федосовой, Барсов решился опубликовать записи рекрутских причитаний. Барсову казалось, что прошел достаточный срок для того, чтобы эти тексты воспринимались как отражение далекого прошлого. После казни Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. официальная печать потратила немало усилий на создание легенды о «царе-освободителе», упорно замалчивая факты жесточайшего подавления русского общественного движения — расправы с крестьянами, не принимавшими «освободительной» реформы, гонения на прогрессивную печать, кровавую расправу с польским освободительным движением, «подвиги» Муравьева-вешателя и Лорис-Меликова, ссылку Чернышевского, аресты Михайлова, Писарева, Шелгунова и т. д. Официальная печать, а вслед за ней и значительная часть либеральной печати, насмерть напуганная мартовскими событиями, на все лады восхваляла «освободительные мероприятия» Александра II, искажая их действительный смысл, возводя казненного царя в ранг перворазрядного русского святого.

Барсов подписал вступительную статью II тома 1 марта 1882 года, т. е. в день первой годовщины «1 марта», когда восхваления Александра II в официальной печати вообще уже не имели никаких границ. В «восхвалительном» стиле написана и значительная часть вступительной статьи. Барсов пытался представить тексты Федосовой как иллюстрацию «освободительного значения» реформы Александра II. Об этом же свидетельствует и отзыв вполне официально настроенного П. Д. Голохвастова в письме к И. С. Аксакову: «Если успею, напишу статью о II томе барсовского сборника «Причитания рекрутские».[2] Том только что вышел, я читал его на же-

[1] См. Буденный С. М., Боец-гражданин, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 16. Говоря о «сказаниях и песнях», В. И. Ленин имел в виду, очевидно, не только причитания, но и рекрутские песни и «рассказы про беглых рекрут», помещенные в том же томе.

[2] Насколько нам известно, это намерение не осуществилось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лезной дороге и ушел в отдельное купе потому, что то и дело не мог от слез удержаться читая: совестно было сидеть и плакать в общем вагоне. Посвящение покойному государю, прекратившему эти ужасы, помечено 1 марта. Так и буду писать. Вот одна из его реформ, а его убили».[1]

В действительности же и посвящение и вступительная статья и отзыв П. Д. Голохвастова были в резком противоречии с текстами, звучавшими и после «военной реформы» Александра II (1863—1874 гг.) не менее актуально, чем до нее. Через 5 лет после выхода в свет II тома сборника Барсова, Агренева-Славянская записала совершенно аналогичные по своему идеологическому смыслу тексты, которые, однако, не были механическим повторением записанного Барсовым. В них слышатся отголоски военных событий 1876—1878 гг.[2]

Следовательно, Барсов не имел никаких оснований утверждать, как он это делает в «посвящении», будто «причеть рекрутская и завоенная отныне **прекратилась** с рекрутским обрядом».[3] Причеть вовсе не исчезла после «военной реформы» 1874 г., как не прекратился и сам «рекрутский обряд»,[4] более того, она не претерпела существенных изменений. «Военная реформа» сократила срок службы в армии, отменила наиболее зверские формы телесных наказаний, но не изменила жестоких армейских порядков и, тем самым, не могла изменить отношения народа к солдатчине. При относительной прогрессивности этих реформ все же армия сохранила старый крепостнический дух. Попрежнему офицерами были дворяне, а «серая скотинка», как дворяне называли солдат, бралась из крестьян, из «податного сословия».

Следует также отметить, что во вступительной статье и посвящении ко II тому Барсов замалчивает и другое важное обстоятельство — к 1868 г., т. е. году записи текстов, составивших сборник, Александр II процарствовал уже 13 лет и, следовательно, был в полной мере

---

[1] Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском Соборе», Русский архив, 1913, № 1, стр. 100.

[2] См. напр., «Плач матери об убитом на войне сыне» (№ 17) и т. д.

[3] 2 стр. посвящения.

[4] См. напр. запись рекрутского обряда у Агреневой-Славянской, т. III, стр. 71—76.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ответственен за те ужасы рекрутчины и солдатчины, которые изображаются Федосовой.

Как бы ни старался Барсов расписывать любовь народа к «своему царю»,[1] тексты, следующие за вступительной статьей, опрокидывают ее положения. Виновником страданий рекрута, солдата и несчастий сиротеющей семьи вместе с местными «властями» и «командерами» всегда называется и сам царь. Солдатчина иначе не именуется, как «грозна служба государева»,[2] «злодейна служба государева»,[3] «горе-служба государева»,[4] набирают рекрут по «указу государеву»,[5] ведут рекрут в «принём государев»[6] (призывной пункт), «жандармы государевы»,[7] измеритель роста в «принёме» называется «мера государева».[8] Горюющая мать или жена рекрута, проклиная «службу государеву»,[9] говорит о рекрутах:

И хоть не скованы да резвы у их ноженьки,
Только скована ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бе́лы рученьки,
И обрестованы **указом государевым.**

Рассуждения Барсова являют собою поучительный пример тенденциозного искажения смысла народного творчества, нередкого в практике буржуазно-либеральной науки. Наиболее сильный довод, к которому прибегает Барсов, это выражение «царь-бог руссийский», действительно употребленное Федосовой. Какое же значение придавала Федосова этому выражению? Внимательный просмотр II тома показывает, что оно встречается всего четырежды. Два раза — в связи с присягой, к которой приводится рекрут в церкви,[10] причем здесь выражение «царь-бог руссийский» звучит как прямая цитата из текста присяги. Например:

---

[1] Т. II, стр. XXVII.
[2] Т. II, стр. 1, 3, 24, 27, 37, 39, 46, 60 и др.
[3] Там же, стр. 14, 26, 28, 36, 37, 45, 46, 61, 66 и др.
[4] Там же, стр. 36, 74.
[5] Там же, стр. 2, 6, 50, 97, 105 и др.
[6] Там же, стр. 17, 214.
[7] Там же, стр. 13.
[8] Там же, стр. 12, 15.
[9] Там же, стр. 107, 117 и др.
[10] Там же, стр. 26, 75.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечноей;
И выше головы кресты они вздымали,
И свою сто́рону солдаты забывали,
И отца-матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу руссийскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасать будем Россею подселенную,
Мы оружьице держать да на право́м плече
И саблю вострую держать до во правой руке».

(т. II, стр. 75)

Третий и четвертый раз то же выражение встречается в речи наследника, приехавшего на фронт:[1]

И говорит да тут наследник умильну́ю речь:
«И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалийте-тко царя-бога руссийского,
Прогоните-тко злодия-неприятеля...»

(т. II, стр. 258)[2]

Крестьяне, изображаемые Федосовой, вовсе не молятся за царя, как утверждает Барсов, они ищут у бога защиты от царя, от исполнителей его воли, от его «указов» и его «службы».[3] И если в I томе можно было встретить:

Кабы ведали цари да со царицами...
Про бессчастную бы жизнь нашу крестьянскую! —

(стр. 293)

то в контексте II тома невозможна такая апелляция к царю, который мыслится одним из главных виновников несчастий рекрута и его семьи.

Федосова вырисовывает одну за другой поразительные по своей яркости и мастерской детализации картины жизни «казенного человека» (крестьянина, которому суждено служить в солдатах) — от его рождения до проводов в армию и от превращения его в солдата до возвращения домой, после «службы государевой».

---

[1] Повидимому, речь идет о Крымской кампании.
[2] См. также стр. 186.
[3] См. стр. 3, 10, 46, 60, 69, 98 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Историко-социальный смысл рекрутско-солдатской темы в творчестве Федосовой, как уже говорилось, заключается в истолковании семейного горя как горя социального, как результата государственного гнета.

«Военная реформа» Милютина 1874 г., как известно, не была единственным мероприятием царского правительства в этой области. Она явилась последним этапом реорганизации армии, начавшейся еще в 1862 г. Реорганизация армии проводилась крепостническим правительством крайне неохотно. В пору напряженнейшей политической ситуации в стране армия была жизненно необходимой опорой правительства. Поэтому к перестройке ее советники Александра II относились с особой осторожностью, старались затянуть ее на возможно более долгий срок. Однако, как бы проведение ее ни затягивалось, реформа была необходимой: в войне 1853—1856 гг. николаевская военная система доказала свою полнейшую несостоятельность. Кроме того, ярко выраженный крепостнический характер русской армии требовал преобразования ее в духе других реформ 60-х гг.

Военная реформа 1862—1874 гг.[1] была, как и все реформы этих лет, буржуазной реформой, проведенной крепостниками.

1862 г. принес мало облегчения и солдатам, и деревне, поставлявшей солдат. Офицерам попрежнему разрешалось бить солдат, николаевская муштра оставалась основой военной подготовки. В эти годы для солдат, обманутых ожиданием «воли», избиения и муштровка были не менее тяжелыми и оскорбительными, чем запрещенная теперь «зеленая улица» — сквозь строй. Сокращение срока службы, конечно, имело большое значение, однако срок ее — 15 лет — все же оставался достаточно долгим. Отслуживший солдатчину крестьянин возвращался в деревню физически сломленным человеком, его деревенское хозяйство за время его отсутствия при-

---

[1] Начало реформы было положено докладом Военного Министерства 15 января 1862 г.; 1 января 1874 г. — дата проведения в жизнь последней реформы, — «всесословной воинской повинности» — см. П. А. Зайончковский, Военные реформы 1860—1870 гг. в России, Издательство Московского университета, 1952.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ходило в совершенный упадок.[1] Кроме того, сокращение срока службы повело к резкому учащению рекрутских наборов — они стали почти ежегодными. Так, наборы с «обеих полос империи» (в том числе и в Олонецкой губернии) производились подряд в 1866, 1867 и 1868 гг.[2] Федосова сумела уловить эту особенную тяжесть солдатчины в годы затянувшейся военной реформы.

Более точная датировка текстов II тома представляет значительную трудность. «Плач по холостом рекруте» (№ 1) и «Плач по рекруте женатом» (№ 2), возможно, возникли в годы записи — в 1867—1868 гг. или незадолго перед этим. В этих двух текстах обращает на себя внимание частое упоминание Петрозаводска не только как пункта, куда родные отправляют рекрута, но и как места действия. В «Плаче о холостом рекруте» «соседка, у которой брат в солдатах», рассказывает о злоключениях рекрутов в Петрозаводске, о разгоне плачущих женщин и т. д.[3] Повествование это ведется с такими подробностями, которые не оставляют сомнения в том, что Федосова была очевидицей всех этих печальных событий. Следовательно, сообщая Барсову эти тексты, Федосова воспользовалась не только кузарандскими впечатлениями, но и своими наблюдениями в «петрозаводский период» (1864—1868) жизни.

Два других текста II тома — «Плачи при проводах солдата с побывки» (№ 3) и «Плачи при побывке солдата на смерть своего отца» (№ 4) — можно датировать более определенно. Они основаны на каких-то воспоминаниях Федосовой о событиях, происходивших между 1856 и 1863 гг. В «Плаче при проводах солдата с по-

---

[1] Напомним, что как раз в 1863 г. Некрасов написал «Орину, мать солдатскую». Сын Орины — Иванушка прослужил восемь лет, и этих восьми лет хватило, чтобы «выйти в бессрочные» «богатырского сложения здоровенному детинушке» и совершенно разориться его хозяйству. Некрасов, как нам кажется, не случайно называет половину нового срока службы в армии, показывая, что и его вполне достаточно. См. об этом в статье: К. В. Чистов, «Некрасов и народное творчество (задачи изучения)», в сб. «Некрасовский сборник», т. I, Л., 1951.

[2] См. опись фонда губернского по крестьянским делам присутствия (ф. 24—1), Гос. Архив КФССР, св. № 17, 20 и др.

[3] Т. II, стр. 31, 37, 55, 162, 169 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

бывки» рассказывается о приходе солдата домой после войны с турками:

И как на нашу-то Русию подселённую
И наступали-то злодии супостатныи,
И ведь думали-то турки окаянныи
И оны въехать в Русию подселенную и т. д.[1]

Царь, отпустивший солдат на побывку после того, как «война усмирилась», называется то «царем», то «наследником».

И милосердый-то наследник сжалова́лся;
Уже он дал нам билеты подомо́выи,
И отпускал да на родиму нас на родинку...[2]

Совершенно так же рассказывается о приезде «наследника» на фронт и во втором плаче.[3] Как известно, Александр II именно во время войны 1853—1856 гг. из «наследника» превратился в «царя». Кроме того, в «Плаче при побывке солдата на смерть своего отца» рассказывается об отпуске солдата на побывку после заключения мира и возвращения войск на родину.[4]

С другой стороны, события, изображаемые в обоих «плачах», не могли произойти позже 1863 г. В плаче № 3 рассказывается о солдате, который отпущен на год после 15-летней службы, следовательно срок службы еще 25-летний, как это было до 1863 г.[5] В этом же тексте рассказывается о запарывании насмерть и о проведении «сквозь строй», запрещенном в 1863 г.:

И на ученьице, родитель, на мученьице
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавыих,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, бессчастных нас, солдатушков
и т. д.[6]

Может показаться, что наши попытки датировать рекрутские тексты Федосовой напрасны. Могла ли, действительно, Федосова, которая, при всей своей одаренности, оставалась неграмотной олонецкой крестьянкой, знать, в

---

[1] Т. II, стр. 222.
[2] Там же, стр. 185.
[3] Там же, стр. 258—259.
[4] Там же, стр. 259.
[5] Там же, стр. 204.
[6] Там же, стр. 220.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

каком именно году были совершены те или иные преобразования в армии? Однако, по существу, это и не важно. Конкретность поэтического мышления Федосовой заставляет задуматься над каждым из текстов Федосовой, попытаться определить, когда мог произойти именно **тот случай**, о котором вспоминала Федосова, импровизируя Барсову для записи.

Таким образом, мы приходим к выводу, что тексты II тома в основном воспроизводят факты конца 50-х и 60-х гг. XIX в. Более ранние воспоминания Федосовой выступают с некоторым наслоением петрозаводских впечатлений; эти впечатления более поздних лет нисколько не противоречат социальному смыслу передаваемых Федосовой основных фактов, наоборот, они расширяют ее поэтические возможности, обогащая ее знанием того, что происходило с рекрутами в Петрозаводске после «забрития».

Однако Федосова умела изображать не только виденное глазами. Совершенно поразительна ее способность проникаться смыслом известного «понаслышке». Нужно было обладать действительно незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата с такой полнотой и с такими деталями, какие мы находим у Федосовой. Несмотря на то, что, как она говорит сама, она «не́ была во службы государевой, и не ходила по походам... солдатскиим»,[1] — в ее творчестве нашли свое отражение все основные моменты службы «казенного человека».

Например, солдат гонят на учение в зной и в холод:

И хоть студеная холо́дна эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобныи,
Хоть на улице — погода непомерная,
Хоть буйны ветры с снежко́м идут перистыим,
И столько нас бедны́х солдатушков бессчастныих —
И на ученьице нас гонят тут на улочку,
И на гладкое на чистое на полюшко;
. . . . . .
И на ученьице стоим да день до вечера,
И с руки на́ руку оружье перекладываем —
И с ноги на́ ногу ведь мы да переступываем,
И справа на́лево ведь мы да все повертываем,

[1] Т. II. стр. 37.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И выше головы оружье подымаем,
И поскорешёньку оружье заряжаем.
. . . . . .
И хоть оружьица у нас да все промáхнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не сóйдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят кумандеры-то ведь ротныи,
И по белу личу дают да нам затрещенье,
Аль по гóловы дают оны заушенье, —
Аль под белую-то грудь оны подтычину.[1]

Бессмысленная муштра соединяется с требованием внешнего лоска:

И наб в умы держать бессчастным тут солдатушкам:
И как начальству нам победнушкам явитися,
Штоб мондеры сукон серыих наглажены,
И как оружьице ведь были бы начищены,
И сабли вострыи ведь были бы насвéтлены и т. д.[2]

С такими же подробностями рисуются ею и походы, и ночное стояние на часах, и «сраженьице», на которое гонит солдат безжалостное начальство.

Вместе с тем Федосова с гордостью рисует высокие боевые качества русского солдата, его смелость и выносливость:

Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хóботы даем да по-лисиному;
И где нет пути-дороги, тут протáриваем,
И где мхи да болота — тут орлом летим.
И на злодея мы, солдаты, наступали,
И за горы́ да супостата прогоняли...[3]
. . . . . .
Тут одна рука не може, другая пали,
Тут одна нога упала, другая стои;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурлацкое ведь сердце не устéрпчиво:
И где ведь пулей неймём, там грудью берем,
А где грудь не берé, душу богу отдаем.[4]

Развернутое изображение тягот солдатской жизни неизменно сопровождалось у Федосовой четким осмыслением классового характера современной ей русской армии. Тяготы жизни «казенного человека» показываются Федосовой как прямой результат социального гнета, как

[1] Т. II, стр. 201—202.
[2] Там же, стр. 203, то же — стр. 39 и др.
[3] Там же, стр. 259.
[4] Там же, стр. 207.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

один из видов «скрозекозной» деятельности ненавистных «властей». Армейские командиры — представители того же класса, что и «судьи неправосудные», с которыми солдату приходилось иметь дело дома, в деревне.

Не только ненавистью, но и прямым презрением труженика-крестьянина к паразитическому классу «ярыг скрозекозных» звучат следующие строки Федосовой:

И начальнички пошли да все бездельныи,
У их женушки пошли да белорукии,
У их дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки и т. д.[1]
. . . . . .
И да што я скажу, победная головушка,
И я про этых злодиев супостатныих,
И я про этых вертунов да самохватныих,
И я про этых тонконог да вихреватыих;
И как бессчастны ведь, злодеи неталанныи;
И как у этыих хватóв — да подтяни нога,
И как у этих вертунов — да поссшиби рука,
И нету душеньки у их да во белы́х грудях;
И нету совести у их да во ясны́х очах;
И нет ума-то у их да в буйной го́ловы...[2]

Презренные бездельники «изъезжаются»[3] над солдатами, истязают их, запарывают их до смерти,[4] походя раздают «подушенья» и «подтыченья» без малейшей провинности:

И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавыих,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, бессчастных нас, солдатушков.
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут-то нас солдатушки бессчастныи;
И тут мы пáдем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
И мы не чувствуем ведь добрых-то людушек,
И мы сами́ себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых рубашечек[5]
и т. д.

Офицеры обдирают солдат как могут. Взяткой можно откупиться от службы,[6] добиться встречи с родными.[7]

[1] Т. II, стр. 49.
[2] Там же, стр. 225—226.
[3] Там же, стр. 37.
[4] Там же, стр. 37, 38, 41, 204 и др.
[5] Там же, стр. 220—221.
[6] Там же, стр. 50, 99.
[7] Там же, стр. 55.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В армии господствует воровство, поэтому солдат так плохо кормят.[1] Солдатам некому пожаловаться — их челобитная не дойдет до царя, командиры «обыщут солдатушков бессчастныих» и «изорвут гербовую бумажоньку».[2]

Нарисовав живую картину дореформенной армии и флота,[3] осмыслив тяготы «казенного человека» как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей,[4] она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов:

Быдьте прокляты злодии — супостатыи!
Вергай — скрóзь землю ты нехристь вся поганая;
. . . . . .
И кабы — мне да это бритва навостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рожденнем надрыгатися;
И распорола бы я груди этой некрести...
(II, стр. 74—75)

Если в «Плаче о старосте» Федосова гневно проклинала «судей неправосудныих», олицетворяющих в ее сознании бедствия пореформенных лет, призывала на их головы «божий гнев», страстно желала им всех несчастий, какие только может пережить человек, то здесь крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое предельное выражение. Строки, процитированные выше, могли быть начертаны на знамени любого крестьянского «бунта» 60—70-х гг. XIX века.

ГЛАВА 5

Во всех рассмотренных выше случаях социальные антагонисты крестьянства или определенных его групп выступают (или познаются) в качестве виновников несчастья — смерти, отправки в солдаты, страданий солдата, несчастий осиротевшей семьи и т. д. Индивидуальное, единичное несчастье осмысливается при этом как социально-типичное, характерное для всего крестьянства. Это, безусловно, основная линия развития социального

[1] Т. II, стр. 203.
[2] Там же, стр. 225.
[3] О флоте см. стр. 77—78.
[4] Там же, стр. 32.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

протеста в творчестве Федосовой, но она не исчерпывает всех сторон социального осмысления крестьянского горя в ее творчестве.[1] Власти — «судьи неправосудные», олицетворяющие социально-враждебную силу, подчас не только виновны в несчастьи, но и стремятся всячески воспользоваться несчастьем крестьянской семьи в корыстных целях. Мало того — они глумятся над горем осиротевшей семьи, бесчеловечно оскорбляют горюющих и т. д. Глумление «начальства» над несчастьем приобретает различные формы, но чаще всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, поражением молнией, смертью от запоя и т. д. Судебные и полицейские власти грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти совершенно ясна), нарочито подозревают горюющих в умерщвлении покойного, угрожают судебно-медицинским вскрытием тела и т. д.

Чуткое ухо Некрасова не могло не уловить предельной трагичности этой темы в творчестве Федосовой. В эпизоде «смерть Демушки» в главе «Крестьянка» эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, как уже отмечалось, обобщил эту тему Федосовой и довел ее разработку до логического конца, найдя для нее самостоятельное сюжетное воплощение.[2] Вместе с тем «смерть Демушки» — не только обобщение социального и психологического смысла этой темы у Федосовой, но и продолжение известной литературной традиции. В этом отношении эпизод с Демушкой перекликается с известным стихотворением Некрасова «Похороны» (1861 г.).

Укажу еще на один классический пример изображения выжимания взяток под угрозой следствия о «мертвом теле». В XV главе «Былого и дум» А. И. Герцен дважды рассказывает о подобных случаях: «Начнется следствие о мертвом теле какого-нибудь пьяницы, сгоревшего от вина и замерзнувшего от мороза, — пишет А. И. Герцен, — и голова собирает, староста собирает,

---

[1] Социальное осмысление рекрутчины и солдатчины в пору затянувшейся военной реформы 60—70-х гг. развивается не только в указанном плане, Федосова хорошо понимает и социальную роль рекрутчины в самой деревенской жизни. Этот аспект рекрутско-солдатской темы будет анализироваться нами в 5 главе.

[2] См. об этом ч. I, стр. 104.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мужики несут последнюю копейку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить да и жену содержать; советнику надобно жить да и детей воспитывать; советник — примерный отец...».[1] И далее рассказывается о том, как исправники и становые поступают в таких случаях: «Попадется ли мертвое тело исправнику со становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются».[2]

Постоянный страх перед судебным следствием преследует горюющих родственников во многих плачах Федосовой. Среди них следует прежде всего назвать «Плач об убитом громом-молвией» (№ 16), «Плач об упьянсливой головушке» (№ 19), «Плач о потопших» (№ 17) и «Плач о попе — отце духовном» (№ 22). Этим страхом пользуются «судьи неправосудные», запугивают крестьян, вымогают взятки.

Однако для Федосовой важно осудить не только вымогание взяток, но, прежде всего, оскорбление чувства горюющих допросом, невыносимое для них надругательство над дорогим телом покойного. Крестьянки в текстах Федосовой готовы откупиться всем, лишь бы избежать глумления. Поэтому в текстах Федосовой нет ни одного случая, когда бы они не откупались от грозящего следствия.

«Неестественная» смерть крестьянина грозит несчастьем всей общине. В «Плаче об убитом громом-молвией» (№ 16) овдовевшая возвращается в село и объявляет о своем горе:

Объявила тут суседям спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным,
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.[3]

То же и в «Плаче об упьянсливой головушке» (№ 19):

Удивились все спорядны суседушки,
Што незгода сочинилась вдруг великая;

[1] Герцен А. И., Былое и думы, ГИХЛ, Л., 1946, стр. 135. Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Утопленник»:
Суд наедет, отвечай-ка,
С ним я ввек не разберусь...

[2] Там же, стр. 141.

[3] Барсов, т. I, стр. 249.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Проклинают его добры эты людушки,
Што наделал суматохи он всему миру;
Беспокоится по темным наб по ноченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитущего,
Наб отправить объявленье во Петров город,
Наб преложить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому.[1]

Поэтому соседи не только из сострадания, но и из стремления предотвратить нежелательный для всей деревни приезд властей, советуют вдове откупиться, дать взятку начальству, предупредить начало следствия:

Приедут как судьи неправосудныи,
Будут пàтрошить надежную головушку,
По частям резать по мелкиим кусочкам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут то сердечушко ретливое,
У тебя тут у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий бедна любимоей покрутушки,
Заложи — снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Забери да золотой казны бессчетноѝ:
. . . . . .
Штоб надеженьку твою не патрушили,
Штоб белой его груди не пороли,
Штоб сердечушко его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы прйдали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья.
(стр. 249—250)

В «Плаче о потопших» (№ 17) оскорбительность допроса показана с особенной силой. Девушка, перенесшая гибель отца и брата, скитавшаяся по безлюдному острову в ожидании голодной смерти, спасена рыбаками и радуется своему возвращению. Но как только она появилась на берегу,

Все собралися суседи спорядовыи,
Объявили тут властям да оны сельскиим;
Приходили писаречки хитромудрыи,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать,[2] —

[1] Т. I, стр. 279.
[2] Там же, стр. 261.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

как случилось, что одна только она спаслась? Не потопила ли она утонувших? и т. д.

Протокол допроса отправляется «по инстанции», и несчастная девушка ждет приезда станового, она не знает за собой вины, но не уверена в исходе следствия:

Как приеде становой да все начальничек,
Он куды кладет победную головушку,
Меня сошлют со родимой, може, родимки,
Буду странствовать, победна, слезно плакать,
Уж как я бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по позорам,
По допросам-то пошла да по великим.[1]

Приезжает становой, и допросы начинаются заново. Против ожидания становой верит девушке и прекращает следствие. Это воспринимается как чудо.

В другом плаче «Об упьянсливой головушке» (№ 19) исход следствия также благополучен, но оскорбительно для вдовы само подозрение в отравлении покойного. Вдове кажется неожиданным и странным, что исправник

Не стращал... победну, — не полохал,

что он «рассудил по-хорошему» и т. д.

Та же тема «глумления» над несчастьем звучит в рекрутских причитаниях. «Начальство» не понимает происходящего в душе рекрута и провожающих, оно не дает им даже проститься при расставании:

И нам не дали-то судьи́ неправосудныи
И расставаться столько времечки на два́ часа
И постоять да нам победным подумать —
И посоветовать с любимыма семеюшкам;
И как лучиночку скорошенько сломили,
И так в поход бедны́х солдатов снарядили.[2]

Они не дают проститься с родными и солдатам, отправляющимся в поход.

И как на нас да на победных головушек
И быдто белочки солдатушки поглядают,
И быв упа́лы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то уда́лы добры мо́лодцы
И с ноги на́ ногу они да все пере́ступить
И скинуть ясных бессчастных своих о́чушек.[3]

---

[1] Т. I, стр. 261.
[2] Т. II, стр. 138—139, то же, стр. 17 и др.
[3] Там же, стр. 33.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосова рассказывает о возмутительном случае бессердечного издевательства над горюющими женами и матерями, произошедшем в Петрозаводске:

И поблизешеньку ведь нас не подпущают,
И как злодии — командеры скрозекозныи;
И нету душеньки у их да во белы́х грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белóй груди;
И невмоготу им умильно причитаньице,
И им по сердцу горючи наши слезушки;
И как приставлены судьи да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются;
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судышечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да все пожариных
И нас окачивать победных головушек,
И все тушить пожар в ретливых сердечушках.[1]

Воспоминание об этом случае вызывает у Федосовой взрыв негодования, который соединяется вместе с тем с характерным призывом к богу:

Ох, тошнехонько победным нам головушкам;
И невмоготу́, нам се-светное живленьице
И от этых властей да страховитых,
И все от этых судей да скрозекозных,
И суди, господи, злодиям супостатыим,
И за их тяжкии велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробныи,
И ты узри́ да наши слезы горегорькии![2]

Начальство глумится не только над горем провожающих, не менее бессердечно оно и по отношению к солдатам. Прогоняя их «мимо палату генеральскую», приказывают петь веселую песню.

И столько дается солдатушкам бессчастныим,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зя́блая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщицки,
И середи да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жалку оны писенку.
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступывают,
И ретливо сѐрдчѐ ведь кровью запечатано.[3]

[1] Т. II, стр. 32.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 34.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«Командеры» не верят, что солдаты и их родные переживают свое горе так же, как и все остальные люди:

И все не вирят-то судьи неправосудныи,
Не разумиют все власти немилосердыи,
Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек![1]

Это беглое замечание Федосовой делает честь ее уму и наблюдательности. Утверждая устами старосты, что

Едины да все у бога люди созданы,[2]

она отмечает, что «судьи неправосудные» не только сознательно используют в корыстных целях горе крестьянина, бесчеловечно глумятся над ним, они — люди иного мира, не понимают и не способны понять горе крестьянина.

Итак, тема «глумления начальства над крестьянским несчастьем» пронизывала значительную часть текстов Федосовой. Социальное осмысление этого глумления заставляло ее негодовать на бесчеловечность «судей неправосудных», стремящихся поживиться за счет горюющих, не понимающих и не желающих понять, как оскорбляют они тем самым их чувства. Трагическая сила этой темы в творчестве Федосовой, так чутко уловленная Некрасовым, заключалась не только в показе того, как социальный враг безжалостно наносил еще один удар в самые тяжелые для крестьянина минуты, но и в самом понимании того, что взаимопонимание между «судьями скрозекозными» («командерами») и народом по существу невозможно.

ГЛАВА 6

Как было показано в предыдущих главах, творчество Федосовой широко отразило взаимоотношения олонецкого крестьянства с представителями губернской бюрократии и воинских властей второй половины 60-х гг. XIX века. Эти представители (да и сама власть) рисуются в ее творчестве в виде единой социально-враждебной силы. Сталкиваясь с ними, «крестьянский мир» выступает тоже как единая сила (например, «Плач о писаре»). Антагонизм крестьян и государственной власти был ведущим,

[1] Т. II, стр. 56, то же, стр. 33 и др.
[2] Т. I, стр. 285.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

основным противоречием для областей русского Севера середины XIX века, но он, однако, не исчерпывал всех проявлений социальной борьбы в этих областях. Уже к концу первой четверти XIX века имущественное неравенство олонецких крестьян было весьма значительным.[1] На долю зажиточных, составлявших $^1/_5$ всех приписных крестьян, приходилось около $^1/_3$ пахотных и сенокосных земель, принадлежащих всем приписным крестьянам и более трети рогатого и тяглового скота. Из числа богатых семей особенно выделялись 32 семьи приписных крестьян, которые владели пахотными участками размером от 8 до 22 десятин[2] при среднем наделе ниже 3 десятин.[3] Односельчанин Федосовой Дмитрий Захаров засеял 180 четвериков (22 десятины) и имел 12 лошадей. Крестьянин соседней Вырозерской вол. Фока Фролов засевал 130 четвериков (16 десятин) и имел 15 лошадей. С другой стороны, продолжала расти категория обезземеленных и обнищавших крестьян, вынужденных покидать деревню в поисках заработка. По сведениям комиссии, обследовавшей в 1825 г. положение олонецких приписных крестьян, 46% крестьянских семейств запахивали в среднем по 1,8 десятины и косили около 1,7 десятины при 0,9 лошадей на семью.[4]

Таким образом, расслоение крестьян еще задолго перед реформой 60-х гг. было достаточно заметным. После реформы оно резко усиливается. Так, во второй половине XIX века сыновья упоминавшегося Захарова из Толвуйской волости стали купцами и владельцами лесопильных заводов, два другие крестьянина из той же волости Аристов и Ямщиков стали широко торговать хлебом, завели в селах Заонежья лабазы, кабаки и т. д.

---

[1] О расслоении олонецкого крестьянства в XVIII—XIX вв.: В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, Русская старина, 1879, № 1, стр. 29—32; № 2, стр. 264—265; № 3, стр. 393; Н. М. Дружинин, Государств. крестьяне и реформа П. Д. Киселева, 1946, стр. 74; Я. А. Балагуров, Положение олонецких приписных крестьян в 1-й четв. XIX стол., Изв. КФ НИ Базы АН СССР, 1948, № 1, стр. 119; Никулин, стр. 37, сл.; Г. Н. Богданова, Крестьяне Карелии во 2-й половине XVIII века, автореферат диссерт. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1953.

[2] Балагуров, стр. 119.

[3] Дружинин, стр. 318.

[4] Балагуров, стр. 119, кроме того, см. Никулин, стр. 37 сл.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Пауперизация беднейших крестьян достигает значительных размеров. Земляки Федосовой — кузарандские и толвуйские крестьяне — были известны не только в губернии, но и за ее пределами, как искусные столяры и плотники. Об их положении красноречиво говорят данные, собранные в сборнике «Кустарная промышленность и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии»: «77% кустарей и ремесленников принадлежат к беднейшему классу, у которого нет совсем хлеба или не хватает его на полное удовлетворение продовольственных и семенных потребностей в течение целого года».[1]

Имущественная дифференциация приводила к дифференциации социальной. Во второй половине 60-х гг. дифференциация крестьянства начала приводить к его разложению. Немалую роль сыграли и неурожаи этих лет.[2]

60-е годы — начало заключительного периода существования русского государственного феодализма как спе-

---

[1] Петрозаводск, 1905, стр. 17.

[2] В статье «Экономическое положение крестьян Кончезерской волости», опубликованной в Олонецких Губ. Вед. в 1869 г. (№ 33), некий «гласный от крестьян» И. Лавров так писал о состоянии олонецкого крестьянства после неурожайных лет: «Продовольствие крестьян Кончезерской волости, пострадавшей преимущественно от неурожаев прежних лет, можно определить, таким образом, разделив их на четыре категории. К первой принадлежат крестьяне, имеющие свой хлеб или занимающиеся разными ремеслами и торговлею, вообще люди состоятельные. Вторую составляли крестьяне, которые в минувшие годы имели хорошее хозяйство, достаточное количество скота, известны были в народе за людей довольно исправных, но в последние пять лет от неурожаев и сибирской язвы, также недостатка или малозначительности домашних промыслов, дошли до такого состояния, что своего хлеба нет, скот, по большей части, распродан, кидаются, как здесь говорят, во все стороны, утешаясь надеждою на ссуду муки от земства. К третьей категории принадлежат крестьяне, не получившие от своих полей в прошлое лето и месячного продовольствия: у редких из них одна тощая лошаденка да корова; всю зиму они кормились заработками или перевозкою разных материалов; с наступлением же весны продают единственную свою опору — двух дорогих для них животных, перебиваясь со дня на день в куске хлеба, а иногда положительно по суткам сидят голодом. Четвертую же, наконец, составляют крестьяне, не имеющие ничего, кроме детей и силы могучей, живут в работниках, равно и взрослые и дети, малолетние же и старики-отцы просят милостыню, не говоря уже о сиротах, для которых единственный путь к пропитанию в деревне — прошенный кусок».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

цифического уклада. На смену ему медленно, но верно надвигались «отношения чистогана» — капиталистические отношения. Для карельской деревни это означало резкое усиление того процесса, о котором Ленин в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» (1899) писал: «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса (разложения крестьянства — *К. Ч.*), но одной этой «дифференциацией» процесс этот отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».[1]

Федосова дала образное обобщение и этого процесса. В галерее крестьянских образов, зафиксированных поэтическим сознанием Федосовой, нашли свое место и бедные («маломочные») и богатые («полномочные») крестьяне,[2] крестьяне-торговцы[3] и крестьяне-батраки.[4] Современная Федосовой деревня знала сезонного батрака, коровницу, «сенокосца», «дроворубчика»,[5] батрака-«подворника»,[6] извозчика, «бурлака» (т. е. уходящего на заработки)[7] и, наконец, наемного рекрута.

Бедствия олонецкого крестьянства второй половины 60-х гг. особенно обострили отношения внутри «крестьянского мира» олонецких деревень. Вырождение крестьянского самоуправления было повсеместным, всероссийским явлением. Как показали современные исследования, славянофильская, а затем народническая идеализация северорусской сельской общины («мира») не имела под собой реальной почвы. Единственной отличительной осо-

---

[1] Соч., т. III, стр. 142.
[2] См. т. I, «Плач о брате родном» (№ 10). Кроме того, см. стр. 7 и т. II, стр. 6.
[3] См. т. I, «Плач о дяде родном» (№ 12).
[4] См. т. II, стр. 209.
[5] См. там же, стр. 132 и 209.
[6] См. там же, стр. 42.
[7] См. там же, стр. 16, 17 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

бенностью северорусской общины было ее замедленное развитие.

Расслоение крестьянства и давление бюрократии все больше и больше превращало сельскую общину в орудие деревенских богатеев и уездных чиновников. Сельский староста и сельский писарь были обычно ставленниками кулацкой верхушки и использовали свою власть в интересах как этой верхушки, так и личной наживы. «Вся обстановка крепостнического строя — примеры коренной администрации, действия деревенских кулаков, отсутствие всяких гарантий от произвола — воспитывали в выборных наклонность к беззаконию и стяжательству. Подавляющее большинство избранных на должности чувствовало себя независимыми от «мира» и третировало общину как формальную и маловлиятельную организацию».[1]

Действия подобных деревенских заправил рисует Федосова в «Плаче о попе—отце духовном» (№ 22). Подобно чиновному начальству, — выборное сельское начальство не брезгует ничем. В глазах Федосовой — это такие же «судьи неправосудные», «власть немилосердная», «мироеды голопузые», разве только меньшего масштаба. Их способы вымогательства не менее циничны и грубы. В названном плаче староста, писарь и рассыльный запугивают родителей внезапно погибшего ребенка, они угрожают: «донесем да мы начальству про то высшему», и откровенно требуют:

Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью,
. . . . . .
Мы забросим все дела да уголовныи.[2]

Образ старосты и писаря в этом причитании нимало не противоречит «Плачу о старосте» и «Плачу о писаре». Вообще говоря, это могли быть одни и те же лица. В одном случае («Плач о попе») — рисуются внутриобщинные отношения, в другом — столкновение представителей чиновничьей власти с «крестьянским миром» в пору реформенных потрясений. Оба случая одинаково типичны, а в сочетании друг с другом они с поразительной точ-

---

[1] Дружинин Н. М., Государственные крестьяне и реформа. П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 349.
[2] Барсов, т. I, стр. 297.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ностью рисуют социальную природу крестьянских выборных и всего общинного «самоуправления» олонецкой деревни второй половины 60-х годов прошлого столетия.

Тексты Федосовой дают нам право со всей определенностью говорить о широкой практике подкупов и наймов и при рекрутской жеребьевке в заонежских деревнях. Мы уже говорили о неоднократном упоминании «нанёмщиков», т. е. подставных рекрутов, которых нанимали деревенские богатеи вместо своих сыновей. Власти, определявшие ход жеребьевки, т. е. волостной старшина и его помощники, именуются наравне с государственными чиновниками «судьями неправосудными». О социальном характере их проделок можно судить по любопытному эпизоду из первого текста II тома: приезжают за рекрутом, чтобы отвести его на «принём» в Петрозаводск, «судьи» — «крестьяна полномочныи», т. е. деревенские богатеи. Рекрут говорит «судьям»:

И не знали меня добры эти людушки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И сколько знать да стали добры эти людушки
И примичать стали судьй да правосудныи,
И как брать надо во службу государеву.[1]

Новые взаимоотношения внутри общины, внутри группы родственников и внутри семьи определяют все поступки и чувства изображаемого Федосовой крестьянства. Узы родства и родственные чувства играют все меньшую роль, они явно подчиняются имущественным взаимоотношениям. В «Плаче о родном брате» (№ 10) крестьянка (сестра покойного) трагически переживает растущую отчужденность между богатым мужем и ее бедными родственниками. Эта отчужденность еще более усилилась, когда брат ее заболел и экономическое состояние его семьи пошатнулось:

Как во добром был он во здоровьице,
Почитали вы нас, белые лебедушки,
Нонь как сдйлась великая незгодушка,
Как сустигла нас злодийская кручинушка,
Отрекнулись вы, род племя любимое[2] —

пеняет ей невестка.

Добры людушки того да сдивовалися,
Што до нас ты сестрица сжаловалася;

[1] Т. II, стр. 7.
[2] Т. I, стр. 137.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Што повыбрала слободну пору́-времячко,
Што забросила крестьянску свою жирушку,
Ты не спацьлива до брата была милого,
Не желанна до сердечных была племняток.[1]

Сестра покойного раскрывает причины своего пренебрежения к родственникам. Даже на похороны брата муж едва отпустил ее на неделю «с ходами» (т. е. считая дни в пути) и, конечно, не пошел сам. Горюя об участи детей покойного, она уверена, что муж не позволит ей взять их к себе, не позволит помогать им:

Кабы вольная была мне-ка волюшка
От надежной любимой семеюшки (т. е. мужа — *К. Ч.*),
Я прибрала бы сиротных малых племняток
На свою да я победну приберегушку,
Я обула этых детушек, — одела бы и т. д.[2]

Ей остается только просить «суседей спорядовых»[3] не покидать сироток.

Центральная тема творчества Федосовой — горькая судьба вдовы и сирот, солдаток и солдатских детей.

---

[1] Т. I, стр. 138.
[2] Т. I, стр. 155.
[3] Попутно о термине «суседи спорядовые». Регулярное и однообразное употребление его в причитаниях несомненно свидетельствует о том, что обращение к «суседям спорядовым» было первоначально не формальным, а социально-содержательным моментом обряда. Известно, что термин «суседи» на русском Севере обозначал членов своего рода, артелей — «патронимий», образованных родственниками или, реже, путем вхождения посторонних лиц в родственные союзы (подобно сябрам, складникам и т. д.). Современные названия деревень в большинстве своем свидетельствуют именно о патронимальном их происхождении. В Кузаранде до сих пор не говорят «д. Коргачево», а просто «Коргачевы», не в «д. Коргачеве», а «у Коргачевых», «у Лисицыных», «у Жарких», «у Скорниных» и т. д. Даже о деревнях Юсова Гора и Беляева Гора говорят «у Юсовых», «у Беляевых», «к Юсовым», «к Беляевым» и т. д. Очевидно, что первоначально это были патронимии «Коргачевы», «Лисицины», «Жаркие», «Скорнины» и т. д. Это подтверждается и упоминаниями современных названий деревень (таких фамилий внутри деревень теперь нет) в качестве фамилий в юридических документах прошлого, например: в дозорной книге Обонежской пятины Заонежской половины письма и дозору Мины Дмитриевича Лыкова и подъячего Якова Гневышева 7128 г. (1620 г.) упоминается «двор государева крестьянина Кузарандские волости Киприянка Карагачева» (см. Воронов А., Толвуйский острог в 1820 г. ОГВ, 1891, № 100, стр. 1025). (Деревни же, более поздние по своему возникновению, сложившиеся уже вероятно как территориальные, а

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Для русских крестьянок — современниц Федосовой — смерть мужа (или уход его на долгие годы в армию) была жесточайшим экономическим ударом. Смерть мужа лишала крестьянку надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями крестьянской жизни. Со свойственной ей зоркостью Федосова ясно видит социальные последствия смерти (ухода на службу) крестьянина для его вдовы и детей. Семья не только теряет работника, но и становится бесправной, переходит как бы в иную социальную группу. Поэтому Федосова постоянно говорит о «бобыльской» (т. е. батрацкой) вдовьей жирушке, о том, что вдову перестанут считать своей и родственники и соседи.

Я того страшусь кручинная головушка,
Всегда имячко мне было со изотчиной,
Краснословьице было мне-ка отчимое;
За тобой жила надежной как головушкой,
Почитали спорядовы вси соседушки,
Поклон воздали жены мне-ка мужнии;
Теперь — ионь живу кручинная головушка,
Бояци хожу по шйрокой по уличке и т. д.

(стр. 186)

или:

Была в живности любимая семеюшка,
Маломошному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
И с суседями была да несговорная;
Не начаяла я горя, не надиялась,
Что разлукушка с законной со державушкой
Что останусь, сирота вдова бессчастная,
Я со этой станицей неудольиоей,
Со малыма, сердечныма детушкам

(стр. 7)

не родственные объединения, связаны с названиями местности — Загорье, Заболотье, Угольская, Великая и Малая Нива).

Несомненно, что ко времени оформления этого термина как термина, вошедшего в похоронные причитания, похоронный обряд отправлялся всеми членами патронимий. Мы ограничиваемся столь беглым замечанием, так как ко времени Федосовой термин «суседи спорядовые» обозначал уже только действительных соседей по деревне — односельчан, а обращение к ним было чисто формальным, сохранялось как ритуально-традиционное. Вдова и сироты едва ли могли рассчитывать на реальную помощь не только «суседей спорядовых», но даже и ближайших родственников мужа и отца и членов «отцовской большой семьи».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Даже вдова подторговывающего крестьянина («Плач о дяде родном» № 12) не может надеяться сохранить свое прежнее хозяйство.

Как нам жить буде печальным головушкам?
Вси отрекутся ноньсродчи милы сродначки,
Вси отступятся купцы твои приятели,
Вси отшатнутся попы — отцы духовныи;
Мимо пройдут оны нову эту горенку.
(стр. 169)

Горе вдовы осмысляется Федосовой как горе бесправнейшей среди бесправных крестьян.

Глубоко продуманным и поистине выстраданным звучит замечательный афоризм в «Голошении замужней сестры по родном брате» в записи Агреневой (№ 7):

Написано ноне в книге голубиныя
Про твое ли про несчастьице вдовиное,[1]

т. е. «вдовье горе — всем горям горе», будто бы так и записано это в книгу мироздания рядом с «окианом-морем», которое «всем морям море», с «Фавор-горой», которая «всем горам гора» и т. д.[2]

Судьба вдовы и сирот при полном отсутствии государственного попечительства (как это было во времена Федосовой) определялась взаимоотношениями родственников, т. е. в конечном счете, строем семьи, членами которой были вдова и ее дети. Поэтому сетования и размышления вдовы у Федосовой были бы совершенно неясны или заведомо модернизированы без предварительного анализа типа семейного общежития, господствовавшего в заонежских деревнях в середине прошлого столетия. Материалом такого анализа должны и могут служить в первую очередь тексты самой Федосовой. «Должны» — потому что мы не располагаем не только обстоятельным, но даже и беглым описанием заонежской семьи 60-х гг. XIX века. «Могут» — в силу специфической для Федосовой конкретности поэтического мышления. Мы уже неоднократно говорили о том, что, импровизируя для Барсова, Федосова каждый раз имела в виду реальный, действительно бывший случай. С другой стороны, ее обычно увлекал не отвлеченно-психологический, а со-

[1] Агренева, т. III, стр. 47.

[2] В записи от Федосовой см. «О книге голубиной», Агренева, т. III, стр. 96—99.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

циально-конкретный анализ происходившего, взаимоотношений между живыми в трагическую минуту смерти и похорон покойного либо проводов рекрута.

Материал этот оказывается особенно богатым в силу специфического состава первой части I тома «Причитаний Северного края», в которой, как уже отмечалось, Барсов и Федосова стремились исчерпать все темы родственных взаимоотношений — здесь дается: плач жены по мужу, родственницы (за мужа) по жене, дочери по отцу и по матери, матери по сыну, по дочери, крестной по крестнице, сестры по брату и по сестре, племянницы по дяде родном и двоюродном, сватьи по сватье и т. д.

Этот обширный материал для характеристики структуры современной Федосовой заонежской семьи, к сожалению, до сих пор не использован этнографами — историками семьи. В нашу задачу не входит всестороннее этнографическое обследование семейных взаимоотношений, отраженных в творчестве Федосовой, поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой.

В двадцати одном тексте причитаний, записанных от Федосовой в 1867—1868 гг. перед нами проходит более 20 семей, различных по своему составу, объединенных в творчестве Федосовой общностью переживаемого ими горя. Что же это за семьи? Из кого они состоят, какие взаимоотношения между их членами считаются нормальными, каков в них порядок наследования и т. д.?

В большинстве случаев — это семьи, состоящие из братьев, их жен и детей, живущих сообща. Иногда упоминается мать братьев, об отце же не говорится ни разу. Таким образом — это «большая семья», не разделившаяся после смерти отца. Один из братьев, обычно старший, называется «большаком», «настоятелем»[1] иногда «распорядчиком».[2] Общим у такой семьи является земля, скот и дом. Так, например, приглашая вдову за стол, один из братьев говорит:

Тоже дольщичка ведь ты да не подворница,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимоей скотинушки,
Половинщица хоромному строеньицу.[3]

---

[1] Т. I, стр. 14, 19, 25; т. II, стр. 211 и др.
[2] Т. I, стр. 43, 166, 172, 173, 182, 185, 225 и др.
[3] Там же, стр. 42.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

На общем поле вся «семья» работает сообща, сообща ухаживают за скотиной. Питаются, деля продукты и вообще доходы по количеству работающих (в «особину») или тоже сообща. В общем доме каждый из братьев имеет «пристройку» («не пристройщица хоромному строеньицу»[1] — говорит вдова) или «клеть» («С горя сойду в мелкорубленную клеточку»[2]), т. е. отдельное помещение. «Большак» с «большухой» занимают помещенье, в котором стоит общая печка (поэтому «согреваться у кирпичной твоей печеньки»,[3] значит: жить в доме, в котором ты «большаком»). Рабочими руками распоряжается «распорядчик», т. е. «большак». Его разрешения и спрашивает каждый отлучающийся из дома[4] (в отсутствие «большака» распоряжается «большуха»). Таковы внешние очертания наиболее распространенного типа семьи, изображенной Федосовой. Однако действительная жизнь «больших семей» была далека от начертанной нами юридической гармонии. Федосова рисует «большую семью» в последние годы ее существования. Внутри «большой семьи» уже вполне сформировались «малые семьи», преследующие свои корыстные интересы в ущерб общим. «Большая семья» была внутренне давно готова к взрыву, ее распад, по существу, искусственно задерживался установлениями и специальными мерами феодального государства, разрешавшими сегментацию (т. е. раздел «больших семей» на «большие» же), но не распад «большой семьи», чтобы сохранить платежеспособность оброчных единиц.[5]

С другой стороны, и для крестьянина окончательное расщепление «большой семьи» было экономически невыгодным, так как это усложняло несение податных и особенно натуральных (например, рекрутских) повинностей. Реформы 60-х и 70-х гг. сняли большинство этих искусственных ограничений распада «большой семьи», и ее разложение пошло катастрофически быстро.

---

[1] Т. I, стр. 220.
[2] Т. II, стр. 156.
[3] Т. I, стр. 226.
[4] Там же, стр. 231, 234 и др.
[5] См. Дружинин, стр. 27; В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. изд. 2, СПб, 1903; П. Е. (Ефименко), К истории семейных разделов, Киевская старина, 1886, 3; М. О. Косвен. Семейная община, Сов. этнография, 1948, № 3.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«Роль феодально-помещичьей власти в консервировании большой семьи наглядно обнаруживается и в том неоднократно отмечавшемся явлении, — пишет М. О. Косвен, — что как раз с падением в России крепостного права особенно усиленным темпом пошли разделы сохранившихся еще к тому времени больших семей».[1] Характерно, что тексты Федосовой, записанные от нее в 80-е годы Агреневой-Славянской, дают уже зарисовки быта малых семей. Так, например, в «Плаче по муже или отце» (№ 1) дочь умершего, обращаясь к брату-подростку, говорит о том, что ему теперь вести крестьянскую работушку, управлять «крестьянску жирушку», т. е. быть «большаком».[2] Случай, невозможный в большой семье, в которой «большаком» становился бы брат отца. «Дядюшка» тоже фигурирует в плаче, но он «входит в избу» (след. живет в другой избе), и обращение к нему — простое испрашивание поддержки, защиты «от злых-то людушек»[3], а не просьба обращаться ласково, не притеснять и т. д., как это обычно в текстах 60-х годов.

Какова же судьба вдовы (и солдатки) в заонежской семье 60-х гг. прошлого века, изображенной И. А. Федосовой? «Плач вдовы по муже» (№ 1) дает более или менее полное представление о типичной вдовьей доле того времени. До смерти покойного он, его вдова и их дети вели общее хозяйство с семьями братьев покойного, но доходы делили в «особину» и жили в обособленных помещениях внутри одного дома. После смерти мужа она не в силах быть попрежнему равноправной «дольщицей» с братьями мужа, ей придется пойти к ним в услужение. Родные же братья вдову не принимают — она не хозяйствовала с ними. Приходится выбирать «меньшее зло» — возвратившись с кладбища, вдова просит «братцев богоданных» (т. е. братьев мужа):

Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горюшицу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотщики,
Вы во летныи меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-тко,
Только грубыим словечком не грубите-тко,

[1] Там же, стр. 30. О массовых разделах в Карелии после 60-х гг., см. статью «К вопросу о семейных разделах», ОГВ, 1883, № 24 и др.
[2] Агренева, т. III, стр. 8.
[3] Там же, стр. 11.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ко дубовому столу меня да припустите-тко;
Не обидьте вы печальную головушку,
Не прошу да победна горепашеца —
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со поженьки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньица,
И не па́ю со любимоей скотинушки.
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подобрите победную головушку![1]

Таким образом, речь вдовы к братьям покойного мужа содержит вполне конкретное предложение держать ее в доме работницей, одевать и кормить ее и ее детей. Взамен она готова отказаться от своей законной доли в общем хозяйстве, стать из «дольщицы» «подворницей», т. е. батрачкой, «бобылкой», как она себя и называет.[2] Ее приход в семью «на иждивение» воспринимается братьями как приход «нахлебницы». Вдова прекрасно знает, что ее ждут только унижения. Дети ее будут забитыми и голодными, их будут попрекать куском хлеба. Каждое ее слово и каждое ее действие будет истолковываться как изъявление непокорности, желание увильнуть от работы:

Я приду да со крестьянской как работушки,
Я по вечеру приду бедна позднешенько;
Вся в собраньице любимая семеюшка —
Светушки да тут все братцы богоданныи
Со своима со любимыма семеюшкам,
Со сердечныма рожоныма со детушкам;
. . . . . .
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Тут я ставлю им столы да все дубовыи,
Да слажу им тут ужины вечерныя,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да светам братцам богоданным:
— «Скоро ль йдите за стол да хлеба кушать?»
Засвирипятся ветляны тут нешу́тушки
На меня да кручинную головушку, —
— «Што торопишься за ужину вечернюю,
Знать, спешишься на спокойну, темну ноченьку!»
Оны искоса ведь вси тут запоглядывают,
Со всей лихостью оны да разговор держа́т:

[1] Т. I, стр. 31—32, то же, см. т. II, стр. 119, 127 и др. (солдатка).
[2] Стр. 12, 251 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

— «Не устали твои белые там рученьки;
Не работушку сегодня работала ё.
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работушки вдова да в дом пришатится».
(стр. 40—41)

Так разлагающаяся «большая семья» все еще по-старому принимает вдову на иждивение, но совсем по-новому превращает ее в батрачку.

Типичность этого превращения равноправной (по отношению к другим крестьянским женщинам) крестьянки во вдову-батрачку была отмечена Некрасовым почти дословным перенесением наиболее ярких отрывков этого плача Федосовой в VI главу («Трудный год») второй части поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Положение солдатки по существу ничем не отличалось от положения вдовы, поэтому Некрасов был вправе судьбу вдовы из плача Федосовой приписать солдатке Матрене Тимофеевне. Недаром солдатка в «Плаче по рекруте женатом» (№ 8) завидует вдове, которой по крайней мере хоть известно, где лежит ее муж.

Федосова знает и более глубокие «большие семьи», в которых племянники живут с «дядями» («По дяде» № 12, «По брате двоюродном» № 13 и «По дяде двоюродном» № 14) и называют их совершенно архаично «родитель-дядюшка»[1] и «родитель — родна тетушка»,[2] крестник живет с крестной (тоже обычно из «дядиной родни») и т. д.[3] Наиболее сложная структура семьи зафиксирована Федосовой в «Плаче о дяде двоюродном» (№ 14). Здесь семья состоит из причитающей, ее родителей, двоюродного дяди с женой и детьми, незамужней двоюродной тетки и др. (см. схему на стр. 240), т. е. «большая семья»

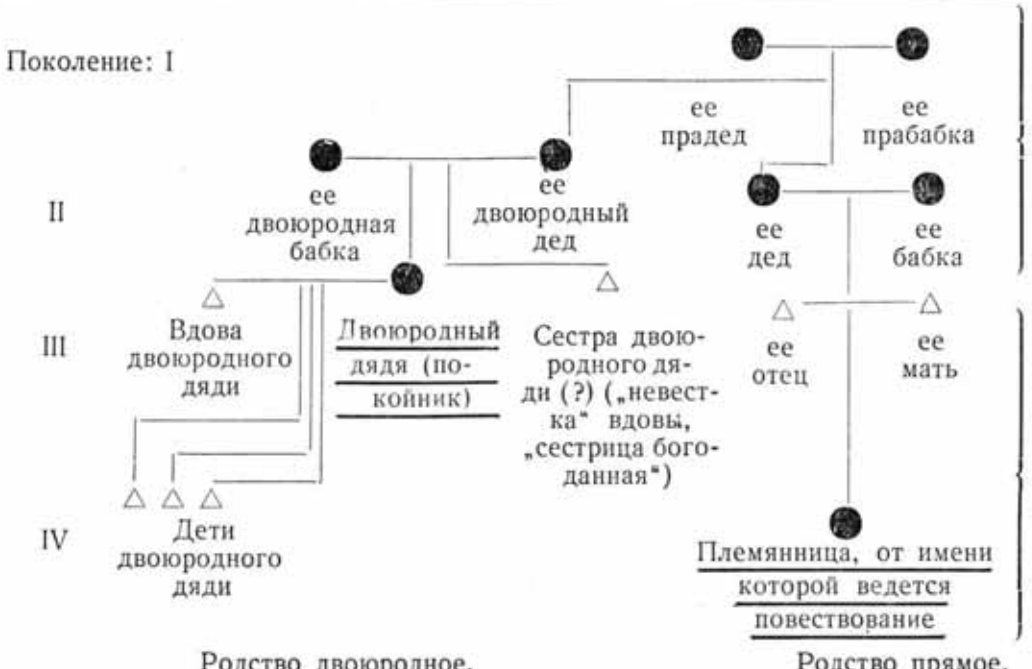
[1] Т. I, стр. 188, 189.

[2] Стр. 189, 190, 192, 223.

[3] Материалы биографии Федосовой дают нам совершенно аналогичные сведения: Федосова до замужества жила в семье, состоявшей из 22 человек (Барсов, т. I, стр. 314), в составе которой была, между прочим, и «хозяйка братова», т. е. жена брата. И. А. переехала в Петрозаводск, так как Яков Иванович, ее муж, и она не поладили со вдовой дяди, «большухой в семье» (т. е. женой старшего брата отца Якова Ивановича — Ивана), (См. Куликовский Г. И., Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве, ОГВ, 1896, № 4 (17 января) стр. 2).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Схема „большой семьи“ по „Плачу о дяде двоюродном“ (№ 14)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

оказывается неразделившейся даже в третьем и четвертом поколении. «Большаком» в семье был «двоюродный дядя» (очевидно, старший из мужчин), после его смерти «большаком» становится отец причитывающей. Вместе с тем, перестает быть «большухой» и жена «покойного», судьба которой оказывается в центре внимания Федосовой. Покойный заботился о племяннице больше, чем ее родители, поэтому симпатии причитывающей на стороне его вдовы. Вдова сетует на то, что во-время не отделилась (делиться после смерти мужа она, очевидно, не имеет права), подумывает, нельзя ли ей возвратиться к своей родне, но там она тоже будет «не гостьей, а подворницей».[1] Ей приходится оставаться на «мужнем поместице», подчиняться новой большухе, работать теперь наравне со всеми, не претендуя на равную долю дохода, так как она вдова. Таким образом, и бывшая «большуха» архаичной «большой семьи», не распавшейся в третьем и четвертом поколении, разделяет судьбу «обычной» вдовы — она должна стать «бобылкой», которую кормят из милости.

Федосова знает и типичные «малые семьи» и с равной силой обобщает судьбу вдов в семьях такого типа. В том же «Плаче вдовы по муже» (№ 1) соседка молодой вдовы, поучая горюющую, рассказывает о своей собственной судьбе. После смерти мужа она одна несет все тяготы крестьянской жизни и превратилась в такую же «бобылку», как и ее молодая товарка, и если «бобыльство» молодой, так сказать, внутрисемейное, то «бобыльство» одинокой вдовы — «бобыльство» на людях — батрачество:

И мне куды, бедной горюше, подеватися,
И наживать да где довольны эти хлебушки,
И мне задаться хоть (к) крестьянину богатому
И мне во летины хоть, горюше, во работнички,
И мне во зимыни, горюше, во коровнички.[2]

«Семейную» вдову гнетет семейство, родственники; одинокая — остается один на один с социально-враждебной силой — «властями»: она — «податная единица». Поэтому:

Как посли своей надежноей головушки
Я по земским избам да находилася,

[1] Т. I, стр. 226.
[2] Т. II, стр. 132.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Иисусовой молитозки накланялась,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.[1]

В таком же положении, как уже говорилось выше, оказывается и вдова «сермяжного купца», торговавшего и продолжавшего пахать землю:

Надо дом вести крестьянска эта жирушка,
На работе большаком слыть настоятелем,
Во домы да наб большухой подомовой,
Распорядок на крестьянской надо жирушке,
Наб разряд (т. е. «распорядчика» — *К. Ч.*) да ведь
сердечным малым детушкам;[2]

С удивительной нежностью и щемящей тоской вырисовывает Федосова отчаяние одинокой вдовы, вынужденной заставлять малых детей работать в поле, а недоростка-племянницу — хозяйничать у печки. Разбуженные непривычно рано дети отправляются на пожню и там, пригретые утренним солнцем, засыпают под кустиком, не скосив ни травинки. Мать бранит их, плачет над ними, обещает им подарки и принимается вместе с ними за работу. Все усилия вдовы не спасают ее от разорения; приходит время платить подати, а она вынуждена распродавать нажитое с мужем:

Говорить стане сердечно мило дитятко:
— Да ты слушай же, родитель, моя матушка,
— Со двора продать любиму наб скотиночку,
— Со конюшенки продать да коня доброго;
. . . . . .
— Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
— Што таскаться по избам тебе по земским,
— У стола стоять, родитель, у судебного,
— Супротив стоять судей неправосудных...[3]

Таким образом, смерть мужа и отца — начало злоключений вдовы и сирот — осмысляется Федосовой как факт социальной значимости. Вдову (или солдатку) после смерти мужа «власти», «крестьянский мир» и сами родственники дружно загоняют в ряды батраков, бесчеловечно поглощают хозяйство, а с ними и убогие «права» вдовы (солдатки). Федосова поднимается до социального

[1] Т. II, стр. 16.
[2] Стр. 182.
[3] Стр. 183.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

осмысления волнующей ее общественной несправедливости, но она знает, что ее смелый протест безрезультатен, вдовы обречены на разорение, а их притеснители наказаны не будут. Напрасно она взывает к справедливости, напоминает «братьям богоданным» или «суседям спорядовым» о добре, которое творил для них покойный. Даже когда солдат пришел на побывку и пеняет братьям:

Когда ж в грозну меня службу отправляли,
И вы заклятье-то ведь мни да полагали:
«И не сбидим мы сердечных твоих детушек,
И не огрубим ведь твою да молоду жену»;
И прозабыли, светы братьица родимыи,
И вы заповедь свою да ведь заклятье,[1] —

все знают, что он уйдет и все останется по-старому.

Мы видим, что Федосова отобразила не только горе женщины, вызванное смертью близкого ей человека в общем психологическом плане, но дала поэтическое изображение трагической судьбы вдовы (солдатки) во всей социальной конкретности этой судьбы на исторически определенном этапе жизни русского крестьянства.

Наш обзор социальных противоречий внутри крестьянства, как их изображает Федосова, оказался бы неполным, если бы мы не коснулись еще одной темы, развитой Федосовой в рекрутских причитаниях. Судьба рекрута, или, лучше, судьба родившегося быть рекрутом и впоследствии ставшего им, определяет особые имущественные взаимоотношения его с родственниками. «Рекрут» до ухода в армию содержится как бесплатный работник,[2] братья стремятся не женить его, чтобы не выделять ему доли, а если он женился, после его ухода «обатрачить» его жену. Приход солдата на побывку пугает братьев, они становятся приветливыми только, когда он заверяет:

Не убоитесь, светы братьица родимыи,
И к вам не пахарем на чисто пришел полюшко,
Не сенокосцем на луговыи на поженки,
Не рыболовушком на сине на Онегушко;
И на один пришел учетный столько годышек,
Я до спросу-то пришел да государева.[3]

Судьба рекрута осмысливается Федосовой как история вытеснения его братьями из доли:

---

[1] Т. II, стр. 187.
[2] Там же, стр. 22—24.
[3] Там же, стр. 184.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Как мои да светы братьица родимыи
Изживают миня, бёдна добра мóлодца,
И быдто лютого зверя́ да из темна́ леса́
И быдто лютую змею да из чиста́ поля.[1]

Рекрутские причитания показывают все ту же «отцовскую большую семью», искусственно сохраняемую, но вполне готовую к внутреннему взрыву. Члены ее уже подготовлены к обособлению в «малые семьи», их идеология противоречит окостеневшему строю «большой семьи».

Таким образом, в творчестве Федосовой противоречия внутри «крестьянского мира», внутри группы родственников и, наконец, внутри «большой семьи» выражены с неменьшей полнотой, чем общий антагонизм крестьянства и представителей чиновничьей и военной власти. Однако этот последний все же играет в ее творчестве ведущую роль, рождает наиболее глубокие и поэтически законченные обобщения, в то время, как внутренняя противоречивость крестьянской жизни находит свое выражение в серии социально осмысленных бытовых зарисовок. Вместе с тем несправедливость «крестьянского мира» по отношению к отдельным его представителям, вызывая возмущение Федосовой, не толкает ее на активный протест и не вызывает у нее гневного возмущения, подобного проклятию судьям в «Плаче о старосте» или проклятию командирам в «Плаче о холостом рекруте». Протест Федосовой выражается здесь как бы косвенно, им наполнена каждая строка, но ему не посвящено ни одной строки специально. Для нее это скорей общая оценка жизни, общая оценка людской несправедливости. Протест же против бесчеловечных действий властей — это протест против чуждой и внешней силы, врывающейся в «крестьянский мир» и приносящей непоправимые разрушения. Он звучит смело и властно, он полон гражданского пафоса именно потому, что это ведущее противоречие крестьянской жизни той поры.

ГЛАВА 7

Характеристика основных черт крестьянского мировоззрения в пореформенный и предреволюционный период была дана с исключительной точностью и замечательной глубиной В. И. Лениным. Она повторялась им неодно-

[1] Т. II, стр. 44.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

кратно, особенно в статьях, посвященных пятидесятилетию падения крепостного права (1910—1911 гг.),[1] восьмидесятилетнему юбилею, а затем смерти Л. Н. Толстого (1908—1911),[2] отразившего в своем творчестве идеи и настроения патриархального русского крестьянства. Ленин писал, что века крепостного гнета и десятилетия пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости, породили стремление смести до основания и церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян. В то же время В. И. Ленин отмечал незрелость социальных идеалов, говоря о «мягкотелости патриархальной деревни»,[3] «политической невоспитанности»[4] крестьянства, о том, что «монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию... порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса».[5] И если в революции 1905—1907 гг. «все же, в общем и целом, крестьянство как масса боролось именно с помещиками, выступало революционно...»,[6] то настроения крестьян в 60-е годы характеризуются В. И. Лениным по-иному: «...века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...»[7].

Классическая ленинская характеристика крестьянского мировоззрения блестяще подтверждается материала-

---

[1] «По поводу юбилея», «Пятидесятилетие падения крепостного права», «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «Сила и слабость русской революции» и др.

[2] «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Не начало ли поворота?», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Герои «оговорочки», «Л. Н. Толстой и его эпоха».

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 184.

[4] Там же, стр. 185.

[5] Т. 17, стр. 98.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 96.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ми народной поэзии, в частности всем творчеством Федосовой. Основные черты ее социального протеста как нельзя лучше характеризуются ленинскими словами: «...многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».[1] Протест Федосовой при всей своей силе был «не освещен никаким политическим сознанием». Более того, говоря о нем, следует помнить, что мы имеем дело со стихийно-реалистическим художественным творчеством, с мышлением поэтическими образами, которое при всей своей социальной конкретности, не обладало ясностью социального сознания. Ленинская характеристика крестьянского мировоззрения относится в основном к крестьянству в десятилетие, предшествовавшее революции 1905—1907 гг. и во время нее. Социальный протест крестьянства 60-х гг., с большой широтой отраженный в творчестве Федосовой, был еще менее осознанным и еще более противоречивым. За пятьдесят лет крестьянство проделало огромный путь, но для нас важно, что началом этого пути явились 60-е гг. Именно в 60-е гг. начало вызревать то, что дало свои плоды в 1905—1907 гг. В этом именно смысле В. И. Ленин говорил, что «1861 год породил 1905», имея в виду не только общий характер экономического развития России во вторую половину XIX века, но и эволюцию мировоззрения трудовых масс России.

Анализируя тексты Федосовой, мы стремились показать, насколько глубок и сложен характер ее социального протеста, показать, что означало для нее практически «ненавидеть хозяев современной жизни», показать, как тяга к новым формам общежития, с одной стороны, и «мягкотелость патриархальной деревни», ее «политическая невоспитанность», о которых говорит Ленин, — с другой, приводили к «незрелой мечтательности» об иллюзорной новгородской «досюльщине», о некоем «золотом веке без определенных жизненных очертаний». Нельзя забывать и того, что протест Федосовой выражен в форме причети, правда, значительно переставшей уже старые рамки и границы, но все еще остававшейся причетью. «Апелляция к духу» (для Федосовой просто к богу), о

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 323.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

которой говорит Ленин, в достаточной мере была свойственна и Федосовой. Проклиная «судей неправосудных» в «Плаче о писаре», она заканчивает гневную тираду обращением к богу:

Слышш, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых![1]

В «Плаче о писаре», негодуя на «властей», она не забывает вложить в уста кумы просьбу к покойному рассказать о крестьянских несчастьях богу (может быть, он заступится).

В иллюзорной «божьей земле», новгородской «досюльщине», утверждает Федосова, люди жили по божьим законам:

По суду ли-то теперечко по-божьему...[2]

Таким же воздыханием о «божецкой жизни», о котором говорит Ленин, является и федосозское возмущение войной:

И пораздумаюсь бессчастным умом-разумом;
И для чего ж да божьи церкви-то ведь строятся,
И для чего ж попы-отцы духовные ведь ставятся?
. . . . . .
И мы живем да точно гуси заблудящии;
И как за наше, знать, велико прегрешение
И понапрасное живет да кроволитье.[3]

С другой стороны, Федосовой, как уже отмечалось, свойственно задумываться над «справедливостью божьей».

Читая заключительные строки «Плача о писаре» Федосовой, нельзя не вспомнить замечания В. И. Ленина о «монархических иллюзиях» крестьянства.

Кабы ведали цари да со царицами...
...про бессчастную бы жизнь нашу крестьянскую.[4]

Хотя вина за рекрутчину и солдатчину возлагается и на царя, протест Федосовой, главным образом, направлен против непосредственных виновников крестьянских несчастий. Федосова мечтает о возможности «бить челом... царю да благоверному», рассказать ему о проделках «властей», хотя и знает, что до царя «не допустят»:

---

[1] Т. I, стр. 288.
[2] Т. II, стр. XII.
[3] Т. II, стр. 293.
[4] Т. I, стр. 293.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И тут раздумаюсь бессчастным умом-разумом:
И скрозекозны эти судьи страховитыи,
И штуковаты эти властй немилосердныи;
И нету страху у злодиев в ретлизом сердче,
И нету совесто у их да во ясных очах,
И не допустят-то прошеныща бессчастного,
И как до этого царя да до великого,
И все до матушки-царицы милосердоей;
И оны с ду-другом, злодии, увидаются,
И тут изорвут-то гербовую бумаженьку;
И тут обыщут ведь солдатушков бессчастных,
. . . . . .
И горевать, видно, бессчастным век и по-веку.[1]

Мы уже говорили о том, что при всей четкости конкретного осознания враждебной социальной силы, при всей энергичности протеста против нее, власть представляется Федосовой «фатальной силой». В этом отношении не случайна последняя строка только что приведенной цитаты:

И горевать, видно, бессчастным век и по-веку.

Федосова осознала глубину крестьянского «горя», она знала, кто виновник его, ненавидела этих виновников, но она не видела и не могла видеть путей освобождения. Жизнь научила ее ненавидеть социальных противников, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В этом сказалось во всей полноте ограниченность сознания крестьянских масс той поры.

Следует отметить, однако, что элементы социального протеста, т. е. сильные стороны мировоззрения Федосовой, явно брали верх над слабыми сторонами ее мировоззрения, о которых только что говорилось. Федосова всем своим творчеством отразила начало того процесса, о котором Г. В. Плеханов писал: «Мало-помалу масса расстается с тем квиэтизмом, который привлек к ней горячие симпатии Толстого».[2] Поэтому не случайно творчество Федосовой привлекало внимание Некрасова и Горького, в то время как Л. Н. Толстой так же не случайно встретился с земляком и современником Федосовой В. П. Щеголенком (д. Боярщина), творчество которого характеризуется стремлением к «христианскому квиэтизму», к усилению религиозных мотивов в русском эпосе.

---

[1] Т. II, стр. 225.
[2] Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XXIV, стр. 248.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Необходимо отметить, что сама И. А. Федосова, повидимому, ясно сознавала остроту текстов, которые она диктовала Е. В. Барсову. Недаром она ему говорила: «Не сошли меня на чужедальную сторонушку».

* * *

Подведем некоторые итоги. Анализ исторических условий, в которых родилось и созрело поэтическое мастерство Федосовой, дает возможность утверждать не только историческую закономерность ее идеологии, но и поставить вопрос обо всем ее творчестве, как поэтическом обобщении мировоззрения русского крестьянства в исторически конкретный момент его существования — во вторую половину 60-х годов XIX века. Ценность творчества Федосовой в необычайно сильном и полном отражении не только реальных событий, реальных классовых взаимоотношений и реальных черт крестьянского быта, но прежде всего самой идеологии крестьянства, выраженной в художественных образах, близких всему русскому крестьянству той поры.

Острота социального мироощущения Федосовой находит свое объяснение в крайней сложности, напряженности социально-политической ситуации пореформенной России. Поэтическое сознание Федосовой, пораженное непрерывным потоком бедствий «страшных» реформенных лет, упорно искало виновников и причин этих бедствий, поднимаясь до сознания «конкретного горя», как «горя социального». Социальный враг — источник всех крестьянских несчастий — был узнан и определен ею. Отсюда — сильнейший социальный протест, «неожиданный» для неграмотной олонецкой крестьянки гражданский пафос и мужество.[1] Федосова искала, но не находила выхода из окружающего ее мира социальной несправедливости. Сам этот социальный протест созревал и развивался на путях, типичных для русского крестьянства второй половины XIX века и нес на себе бремя характерной незрелости, противоречивости, политической неосознанности.

---

[1] Недаром Н. К. Михайловский в своей рецензии на I том говорит о «гражданских мотивах» в творчестве Федосовой, см. Отеч. зап. 1872, № 11, стр. 149—175.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Таким образом, Федосова с большой полнотой отразила в своем творчестве сильные и слабые стороны крестьянской идеологии середины XIX века.

Социальная острота и поэтическая сила текстов Федосовой, по достоинству оцененная В. И. Лениным, А. М. Горьким и Н. А. Некрасовым, обеспечили народной сказительнице не только значительность ее воздействия на современную ей крестьянскую аудиторию, но и позволяют оценить ее творчество как значительный вклад в историю русской культуры.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Часть III

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ГЛАВА 1

«Реформы» 60-х гг. XIX века поставили русское крестьянство перед новыми и сложными общественными проблемами. Чуткая к требованиям времени И. А. Федосова насытила свое творчество богатым социальным содержанием. Прекрасный знаток традиционного русского народного творчества (естественно, прежде всего в его севернорусских образцах) — былин, сказок, песен, причитаний, пословиц и поговорок и т. д., Федосова активно опиралась на него, продолжала и развивала лучшие его традиции, во многом следовала его выдающимся образцам, созданным в период феодализма.

Глубокие изменения, произошедшие после реформы 60-х гг. в самом базисе русского общества, оказали значительное воздействие на весь ход развития идеологии различных классов, в том числе и крестьянства. Значительные изменения претерпевало и крестьянское поэтическое творчество. Необходимость выражения новых общественных идей рождала и новые средства их художественного выражения. Вместе с тем поэтические образы и приемы, выработанные русским народным творчеством за долгие века феодализма, не могли внезапно потерять свою ценность и актуальность в первые же пореформенные годы. Прежде всего, многие поэтические образы были широкими, емкими, замечательными по своей силе художественными обобщениями, имеющими глубокий общечеловеческий смысл. О них мы вправе сказать словами Ф. Энгельса: «Они неисчерпаемы: каждая эпоха может, не изменяя их существа, усвоить их себе».[1]

[1] См. «Немецкие народные книги», Собр. соч., т. II, стр. 26—34.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Могучее и открытое выражение протеста (не только против феодальных форм угнетения, но и против всяких форм угнетения, равно ненавистных народу), которое слышится в песнях, рожденных великими крестьянскими движениями прошлого (прежде всего в песнях так называемого разинского и пугачевского цикла); мечта о таком человеческом устройстве, при котором люди ценились бы не по их принадлежности к тому или иному классу, не по размерам «накопленного» богатства, а соответственно их уму, трудолюбию и душевным качествам, которая слышится в русской волшебной и бытовой сказке; великие патриотические идеи былин и исторических песен; поэтическая мечта народа об усовершенствовании и ускорении процессов труда; наконец, яркие и волнующие образы лирических любовных песен, свадебных песен и похоронных причитаний; большая житейская мудрость, накопленная вековым опытом народа и отлившаяся в народных пословицах и поговорках — все это, дорогое нам и поныне, несомненно, было близко и дорого любому русскому человеку — современнику Федосовой, в том числе и ее землякам-крестьянам и ей самой.

Однако вместе с тем важно подчеркнуть, что далеко не все, созданное в эпоху феодализма, воспринималось в первые же пореформенные десятилетия только как художественное наследие прошлого. Капиталистические отношения, порожденные и узаконенные «реформами» 60-х гг., выступали в причудливом и противоречивом сочетании с многочисленными пережитками феодальных отношений, игравшими значительную роль на протяжении всех последующих десятилетий вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Это своеобразие пореформенного развития России, о котором неоднократно писал В. И. Ленин,[1] определило и своеобразные черты мировоззрения и художественного творчества русского крестьянства этого периода. Несомненно, что целый ряд важнейших поэтических обобщений, образов, типов, сложившихся в русском народном творчестве в эпоху феодализма, продолжали, особенно в первые пореформенные десятилетия, отражать существенные стороны русской действительности.

---

[1] См. «Развитие капитализма в России» и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приведем некоторые примеры. Общеизвестно, что временнообязанные крестьяне должны были выйти из феодальной зависимости от помещиков лишь через 25 лет, лишь после выплаты определенной суммы, причитавшейся с них согласно Манифесту 19 февраля 1861 г., за «освобождение». «Барин» попрежнему властвовал над крестьянами во многих областях — фискальной, судебной, полицейской и, само собой разумеется, экономической и политической. Совершенно ясно, что в таких общественных условиях меткие сатирические сказки о барине и мужике не могли не быть и в эти годы попрежнему непосредственно и прямо актуальны. То же следует сказать и об образах попа, чиновника (судьи и др.), генерала и, тем более об образах купца и крестьянина-кулака и, уж несомненно, о положительном образе русских сказок — образе униженного, но неизменно побеждающего героя, бедного, но умного, ловкого, находчивого мужика и т. д. и т. п.

Это не значит, разумеется, что все, что усваивалось мастерами русского народного творчества эпохи капитализма от предшествующего периода, усваивалось и повторялось ими механически. Творческая жизнь народной поэзии непрерывна. Старые образы, типы, поэтические приемы, в одних случаях, воспринимались как пригодные для изображения прошлого, к которому сохранился живой интерес (или для отражения проблем современности в образах прошлого), — в таком случае они продолжали повторяться, шлифоваться и совершенствоваться. В других случаях традиционные типы и образы осмыслялись как пригодные для изображения современной действительности или самого недавнего прошлого. В таком случае обобщенный и условный мир сказки и песни, если и не превращался в реалистическую картину современной действительности в полном смысле этого слова (как в бытовой сказке и ряде песен), то приобретал некоторые существенные черты этой действительности (как в волшебной сказке, былине и большинстве лирических песен). Сами традиционные образы при этом в большей или меньшей степени подвергались переосмыслению и творческой переработке.

Наиболее отзывчивыми жанрами, с наибольшей полнотой и прямотой отражавшими современную действительность, были, несомненно, песня, частушка, устный

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

рассказ и причеть. Из всех этих жанров, в рамках настоящей работы, для нас наиболее интересна причеть, на основе которой развивалось творчество И. А. Федосовой.

Причеть, в силу ее импровизационности, в силу ее назначения непосредственно откликаться на совершенно конкретное происшествие — традиционный жанр, живо отражавший современность.

Пореформенная действительность породила новые социальные условия, новые взаимоотношения крестьянства с чиновничьей бюрократией, новые взаимоотношения внутри села и внутри семьи. На этом новом социальном фоне и развивалась трагедия крестьянской семьи, потерявшей труженика, трагедия, разнозидности которой и были основной темой импровизаций народной поэтессы. Как было показано в предыдущей главе, в минуты трагической напряженности крестьянской жизни в причетях Федосовой с особенной отчетливостью обнажались характернейшие и острейшие противоречия эпохи.

Таким образом, художественное мастерство Федосовой развивалось в условиях сложных и внутреннепротиворечивых. Таким же был и ее стиль, под которым мы понимаем определенную систему художественного выражения мировоззрения.

Особенности художественного метода отражения действительности, который был свойственен И. А. Федосовой, обусловливались ее мировоззрéнием. Они проявлялись прежде всего в определенном выборе тем и в опоре на определенный жанр, имевший выработанный круг поэтических средств и специфическое назначение. В произведениях Федосовой, известных нам, нет картин будничных, ненапряженных, медленно текущих тягостных дней, которыми была полна тогдашняя однообразная крестьянская жизнь. Федосова стремится рассказать о крестьянской жизни в минуты ее трагической напряженности, в момент смерти труженика — главы патриархальной семьи, в момент, когда противоречия внешнего мира и внутрисемейные противоречия обостряются до предела, в момент, когда разгораются страстные конфликты, когда в сознании вдовы рушатся миры и обнажается страшная пустота ее существования.

Поэтическим подвигом Федосовой было то, что в эти тяжкие минуты она стремилась увидеть в горе осиротевшей семьи возможную долю любой семьи, судьбу всего

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крестьянства или, иными словами, она стремилась выявить не только черты, индивидуально присущие положению той или иной семьи, но, прежде всего, выявить общезначимое (типическое) и имеющее отношение ко всему «страдному крестьянству». Ее задача облегчалась тем, что перед лицом несчастья все вдовы были равны, будущее грозило им такими же бедами. Общее в их судьбе выявляла сама жизнь. Страстным желанием поэтессы было запечатлеть происходящее в поэтических образах и, тем самым, помочь людям разобраться в случившемся. Разумеется, Федосову и ее близких волновал не вопрос о путях исторического развития России в его теоретической форме, а судьба каждого крестьянина, судьба вдовы, солдатки и ее детей, судьба всего крестьянства в новых, пореформенных условиях.

Круг поэтических образов, которые использовала или создавала И. А. Федосова, был сложен по своему составу и своей структуре. Он определялся, как было показано выше, не только и не просто индивидуальными художественными вкусами и склонностями самой сказительницы-поэтессы, но и сложными взаимоотношениями традиционного и нового, которые были характерны для всего пореформенного поэтического творчества русского крестьянства. В творчестве Федосовой — в силу ее таланта и в меру избранного и близкого ей жанра импровизационного сказа — причитания — все эти особенности проявлялись в ряде случаев ярче и выразительнее, но они несомненно были характерны и для других мастеров русского народного творчества этой эпохи — сказителей былин, известных по записям второй половины XIX века,[1] песенников, мастерство которых было зафиксировано в эти же годы в сборниках Шейна, Линевой, Истомина, таких сказочников как А. К. Новопольцев, Е. С. Плутанский или славная в истории русской культуры бабушка А. М. Горького — А. И. Каширина.

---

[1] См. А. М. Астахова, «Русский былинный эпос на Севере», Петрозаводск, 1948; Р. С. Липец, Былины промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века, сб. «Славянский фольклор». Труды Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XIII, М., 1951 г.; К. В. Чистов, Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве, «Известия Карело-Финской Научно-Исследовательской Базы Академии наук СССР», 1948, № 3 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосова была замечательным новатором, однако, новаторство ее заключалось вовсе не в отказе от традиции, а в ее развитии и продолжении и, вместе с тем, в преодолении тех элементов, которые сковывали творческую инициативу лучших мастеров народной поэзии, стремившихся не к простому повторению унаследованного, а к отражению современной им действительности во всеоружии замечательных образов, выработанных их предшественниками, и тех новых образов, поэтических приемов, типов, которые подсказывались их стремлением выразить идеи, порожденные новыми социальными отношениями, новыми историческими условиями.

Произведения Федосовой возникли на основе бытовой традиции плачей, связанных с обязательным в прошлом оплакивании покойников при похоронах, рекрутов при их проводах в армию, невест на свадьбах и т. д. Бытовая традиция, творившаяся тысячами талантливых русских женщин, глубоко переживавших горе осиротевшей семьи, тоску невесты, оплакивавшей свою «гражданскую смерть» (Горький), создала замечательные образцы искренней и истино поэтической элегической лирики.

Вместе с тем, бытовая традиция имела и оборотную сторону — известные приемы становились ритуально-обязательными, привычными, застывшими. Продолжая в значительной мере эмоционально соответствовать мыслям и чувствам горюющих, они в то же время ограничивали творческую инициативу вопленицы, толкали их на путь варьирования, т. е. применения привычных уже приемов к индивидуальным особенностям обстоятельств смерти покойника, положения осиротевшей семьи и т. д.

И. А. Федосова обобщила в своем творчестве лучшие поэтические достижения традиции. В то же время из плакальщицы, сосредоточенно оплакивающей смерть близкого, Федосова превратилась в народную поэтессу, горюющую и протестующую от имени всего «страдного крестьянства», поднялась, как было показано, до широких социальных обобщений. Причина этого несомненно не только в замечательной одаренности народной поэтессы. Глубокие политические и экономические потрясения, которые переживала русская деревня в 60-е годы XIX века, приводили к стремлению осознать происходящее. Федосову не удовлетворяли причитания, выражавшие узколичные чувства горюющих. Каждая «беда» крестьян-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ской семьи воспринималась ею как результат этих потрясений. Поэтесса стремилась объяснить произошедшее своим слушателям, помочь им разобраться в их собственных чувствах и мыслях, растолковать им причины «беды» и предсказать ее последствия.

Она создавала обширные импровизированные поэмы, поэтически воспроизводящие и истолковывающие судьбу крестьянской семьи, поэмы, в которых традиционная лирическая «заплачка» играет второстепенную подчиненную роль. Реалистическое воспроизведение действительности, изображение крестьянской жизни в момент ее трагической напряженности стало основной целью ее творчества. В поэмах-сказах Федосовой рисуется широкая и полная противоречий картина внутренней жизни русского крестьянства той поры и его взаимоотношений с другими классами.

Итак, то новое, что вносилось ею, было связано со стремлением ярче и полнее выразить мысли и чувства ее современников — русских крестьян, переживавших одно из самых трудных в своей истории десятилетий.

ГЛАВА 2

Во второй части уже говорилось о некоторых важных поэтических образах в произведениях И. А. Федосовой. До сих пор они интересовали нас, главным образом, с точки зрения выраженной в них идеологии. Естественно, что анализируя ту или иную идею, обнаруженную в произведениях Федосовой, мы не могли, вместе с тем, отвлечься от того, что идея эта выражена в форме поэтического образа, поэтического обобщения. Именно поэтому анализ идейного содержания таких образов как «Горя-Доли», «судей неправосудных», «командеров-начальничков», образов, посредством которых нарисована «новгородская утопия», образов вдовы, ее детей и ее добрых и жестоких родственников, рекрута и его ближних, старосты, писаря, мирового посредника, попа, девушки, выкинутой кораблекрушением на безлюдный остров огромного, как море, Онежского озера, пьяницы, пропившего свой «живот», крестьянина-труженика, убитого молнией во время работы на поле и т. д. и т. п. был неизбежно и анализом их поэтической природы, их художественной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

специфики. Однако отдельные наблюдения такого рода не были обобщены, сопоставлены друг с другом, не были объединены единой системой анализа художественного метода Федосовой.

Для того, чтобы избежать возможных ошибок при этом анализе, мы должны прежде всего отдать себе ясный отчет в некоторых особенностях записи причитаний и возникших на основе причитаний стихотворных сказок-поэм.

При внимательном анализе записей причитаний вскрывается их значительное отличие от записей былин, сказок, песен и ряда других жанров народного поэтического творчества. Исполнение сказок, былин и песен для записи, при известном опыте собирателя, может ничем не отличаться от обычного исполнения в естественных условиях, так как текст былин, сказок, песен относительно устойчив и легко повторим, а само исполнение с большей или меньшей ясностью (в зависимости от жанра) осознается искусством. Поэтому тексты былин, сказок, песен и т. д., которые мы находим в соответствующих сборниках, несомненно являются воспроизведением действительно бытующих или бытовавших текстов в самом буквальном смысле этого слова.

Традиция же причитывания, несмотря на то, что она непрерывно рождала значительные идеологические и художественные ценности, являлась традицией, стоящей на грани быта и искусства и ставившей перед собой не осознанно-эстетические, а бытовые, ритуально-обрядовые цели (оплакать покойника, рекрута, невесту). «Естественное» исполнение причитания возникает по совершенно определенному поводу и имеет специфическую эмоциональную атмосферу, неповторимую не только в условиях записи, но и при следующем причитании. Поэтому и текст причитаний принципиально неповторим. Даже если иметь в виду только общие формулы, выработанные традицией и ставшие ритуально-обязательными, то и в таком случае следует признать, что при каждом новом исполнении рождаются, по существу — импровизируются, индивидуальные и неповторимые сочетания привычных ритуально-обязательных элементов, новые оттенки и черточки, вызванные конкретными очертаниями легшего в их основу факта. Отсюда прямо следует, что вне проводов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

рекрута немыслимо исполнение рекрутского причитания, вне похорон — похоронного причитания и т. д.

Неповторимость текста создает большие трудности для собирателя. Об этом писали многие собиратели, хотя и не все ясно осознавали причины своих затруднений и объясняли их по-своему.

Исполнение причитаний для записи, таким образом, не столько исполнение в смысле повторения, сколько **воспроизведение, воссоздание.** Обычно собиратели не устанавливают, какой срок прошел со дня первого исполнения до дня записи. Кроме сборника М. М. Михайлова, в котором обычно сообщается точная и предположительная дата «первого» исполнения, известен только один случай датировки прионежских текстов «Заплачка о братьях семинаристах, утонувших в Онеге-озере», записанная Е. В. Барсовым от Марии Федоровой из Каргополя[1] и снабженная комментарием собирателя, из которого следует, что трагический случай произошел в 1855 г. (очевидно, тогда же возник и первоначальный текст). Следовательно, запись была произведена через 12 лет после «первого» исполнения. В сборнике М. М. Михайлова этот срок колеблется от 3 месяцев (№ 42) до 30 лет (№ 2).

М. М. Михайлов (в примечаниях) и Г. С. Виноградов (во вступительной статье) говорят об отклонениях (стр. 8) или о «приплакивании» отдельных новых строк при записи (стр. 313, примеч. 52). Однако дело не только в том, что прошел некоторый срок и что-то могло забыться или претерпеть изменения. Дело в том, что акт исполнения-воспроизведения принципиально отличен от акта первого исполнения. Акт воспроизведения требует еще раз пережить пережитое, воплотить его в слове и поэтому представляет едва преодолимую трудность для рядовой исполнительницы. В лучшем случае она создает поминальный плач, т. е. впервые исполняет новый и вполне «законный» текст. В худшем случае (если собиратель не отдает себе ясного отчета в возможностях исполнительницы, заставит ее покинуть четкие рамки плача-поминания и попытается натолкнуть ее на полное восстановление словесной ткани когда-то прозвучавшего причитания) возникает текст, в котором спутываются воедино

[1] ОГВ, 1867, № 30.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

мотивы, случайно выхваченные из разных моментов обряда.

Совсем по-другому справляется с трудностью воспроизведения поэтически одаренная исполнительница, хорошо понимающая, что во время похорон или проводов рекрута причитание — только один из элементов обряда, что каждое ее слово имеет непосредственную эмоциональную опору во всем происходящем, что это слово, сказанное «по поводу» и «во-время». Текст вне событий, с которыми он тесно связан, вне обряда, сопровождающего эти события, необычайно тускнеет, теряет значительную долю своего поэтического воздействия, становится сухим до отвлеченности. Поэтому одаренная исполнительница не может не попытаться восстановить доступными ей средствами поэтическую силу и психологический смысл причитания. Отсюда — прямой путь к изображению самих событий, в связи с которыми возникло и которые сопровождало причитание. Она восстанавливает в своей памяти не только факт, послуживший когда-то поводом к возникновению причитания, но и всю обстановку, в которой оно когда-то возникло, снова «вживается» в психологическую суть происшедшего и имитирует действительное причитывание, т. е. воспроизводит действительность. Запись от нее — это уже не непосредственная эмоциональная реакция в пределах традиции; по всем своим качествам это — творческий акт, это уже искусство, сознательно поставившее перед собой цель эстетическую в широком смысле этого слова. В этом отношении вопленица ничем не отличается от творца былины, сказки, песни или от поэта, творящего в литературной традиции. Подчеркиваю еще раз, что речь идет лишь о природе творческого акта, как акта образного воспроизведения действительности.

Следовательно, каждая запись отражает не только саму традицию, но и одаренность исполнительницы, и даже, в известной мере, опытность собирателя.

Крупные вопленицы — явление сравнительно редкое, поэтому так редки тексты, правильно отражающие действительное причитывание. Следует сказать, что большинство текстов, записанных не от Федосовой (около 75%), дают или поминальный плач в его чистом виде или поминальный плач со вкрапленными в него элементами, свойственными другим видам плача, либо вовсе случайное

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

сочетание разнородных мотивов из различных частей похоронного чина.

Все сказанное нисколько не опорачивает «записанные» тексты по сравнению с исполнявшимися во время обряда, тем более, что в момент «первого» исполнения запись по многим причинам невозможна и до сих пор никому не удавалась. Задача состоит не в том, чтобы принизить значение хотя бы одной из существующих записей, а в том, чтобы точно определить, что может дать запись по сравнению с естественным исполнением — от этого зависит надежность последующих наблюдений и выводов, четкость решения конкретных вопросов творчества И. А. Федосовой.

Анализ текстов Федосовой подтверждает сказанное выше. Так, например, это стремление к восстановлению первоначальной обстановки причитывания ясно проявляется в ее «Плаче о свате». Плач начинается характерной прозаической экспозицией: «Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. Сказали: «Сватушка живого нет»; «Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал». «Большак, спусти на похороны, сватушка похоронить, в последний раз проводить до церкви божьей; доброй был!» Снарядилася, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать...» (стр. 231). Следующие затем заплачка сватьи-невесткиной матери и «отвапливание» сватьи-свекрови возможно передают действительно звучавшие причитания.

В «Плаче о брате двоюродном» (№ 13) заплачка начинается лишь со 129 строки. Ей предшествует описание ситуации, сложившейся к моменту, с которого начинается текст. Отчетливо формальный характер имеют строки, связывающие вступление с самой заплачкой:

Ноньпройду да я во светлу нову горенку
. . . . . .
Воскликать стану тут я братца сдвуродимово...
(стр. 191)

Анализируемое явление с наибольшей ясностью проявляется в рекрутских причитаниях. Четыре огромных текста, составляющих II том сборника И. А. Федосовой, представляют собой, по сути говоря, четыре поэмы или, лучше, четыре части одной поэмы, рисующей жизнь «казенного человека» от его рождения до возвращения из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

армии. Совершенно ясно, что эти тексты не просто повторяют то, что когда-то звучало в «первом исполнении», более того, бытовое исполнение этих текстов «голосом» невозможно хотя бы потому, что оно заняло бы несколько дней с утра до вечера.

Присмотримся к отдельным текстам. Текст № 3 назван Е. В. Барсовым «Плачи при проводах солдата с побывки». Весьма выразительны прежде всего ремарки, членящие текст на отдельные части:

1) «Вопит жена:» (59 строк)
2) «Приходит солдат; жена встречает:» (913 строк)
3) «Мать:» (31 строка)
4) «Солдат к суседям:» (74 строки)
5) «Солдат к матери:» (52 строки)
6) «Мать к солдату:» (206 строк)
7) «Солдат к матери:» (115 строк)
8) «Мать к солдату:» (139 строк)
9) «Мать к суседям:» (42 строки)
10) «Мать к солдату:» (75 строк)
11) «Мать к солдату:» (263 строки)
12) «Мать к дочери:» (80 строк)
13) «Сестра к солдату:» (32 строки)
14) «Мать к суседям:» (81 строка)
15) «Мать к дочери:» (31 строка)
16) «К суседям:» (19 строк)
17) «Солдат становится на колени и просит у матери благословения:» (6 строк)
18) «Мать благословляет:» (13 строк).

Характерно, что в этом тексте даются далеко не только «плачи при проводах», но и «плачи» до прихода солдата на побывку и **во время** его прихода, рассказ солдата о солдатчине, о его пути домой, о его встрече с родными, и только заключительные строки, действительно, относятся к проводам солдата с побывки. Таким образом, текст охватывает события, начиная с ожидания возвращения солдата домой до его действительных проводов в армию. Действия никакого не происходит. С момента прихода солдата он, его жена и его мать попеременно обращаются друг к другу, о чем-нибудь рассказывая. Следовательно, членение текста, с одной стороны, вовсе не соответствует членению обряда, так как, собственно, никакого обряда и не происходит; с другой стороны, текст состоит из отрывков, далеко не однородных.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Ремарки Барсова не только условны, но и в большинстве своем случайны. Присутствующие в избе рассказывают о себе, о солдате, о соседях. В эти рассказы вкраплена прямая речь, непосредственное описание действий и в необходимых местах как бы вмонтированы тексты заплачек. Заплачки при этом не играют композиционно-организующей роли, они занимают в общем повествовании совсем не центральное место. Основное для Федосовой — воспроизведение действительности, изображение жизни солдата и его семьи, взаимоотношений родственников, раскрытие социального смысла солдатчины и ее роли в жизни заонежской деревни, обрисовка психологического состояния солдата и других «действующих лиц» в момент прихода солдата на побывку. Само собой разумеется, что это воспроизведение действительности достигается доступными и привычными для Федосовой средствами, и все же — это уже далеко не причитание, **это — сказ о солдатской жизни, выросший из причитаний в условиях исполнения вне обряда (здесь: вне «быта»).**

Примерно так же строятся и остальные тексты II тома и большинство текстов I тома.

О том, что рекрутские тексты II тома представляют собой нечто большее, чем просто «заплачки», писал еще в 1885 г. акад. Л. Н. Майков: «И действительно, — отмечал он, — причитания Ирины Федосовой мало назвать даже сводом нескольких плачей: из отдельных плачей она сложила целую поэму, и даже не одну, на тему рекрутского обряда. Мы уже отметили в первом из записанных от нее плачей то место, где вопленица от излияния чувств выводимых ею лиц переходит прямо к описанию одного из эпизодов рекрутского обряда. Нечто подобное содержит в себе и третий плач Ирины, рисующий целую картину побывки солдата на родине, и еще более — четвертый плач, изображающий частный случай такой побывки, когда отпускной солдат не застает уже своего отца в живых: весь последний плач ведется в форме рассказа от лица вопленицы».[1] Правильно подметив своеобразие текстов Федосовой, Л. Н. Майков, тем не менее, не сумел его объяснить.

---

[1] Майков Л. Н., Причитания Северного края, т. II, М., 1882 г., Отчет о 28-м присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1885, стр. 74.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Итак, необходимо учитывать, что записи Барсова или Агреневой-Славянской дают нам не совсем то, что в действительности звучало в устах Федосовой перед крестьянской аудиторией. Однако это не должно нас обескураживать.

В записях от нее, несомненно, отражено и действительное бытовое причитывание и индивидуальная манера Федосовой в «естественных условиях», хотя, вместе с тем, они дают и нечто большее, родившееся в условиях записи. Это появление новых качеств в условиях записи уже само по себе характеризует творческие возможности Федосовой с важной для нас стороны. Действительно, почему же Федосова так заботливо восстанавливала события, в связи с которыми когда-то возникла причеть в ее первой редакции? Откуда она черпала средства для этого? Ответ может быть один — очевидно, и в «естественных условиях» причеть Федосовой содержала в себе воспроизведение действительности. Мы знаем, что причитывание Федосова считала своим общественным призванием. Изображая действительность и истолковывая ее, помогая людям выразить свои чувства, она стремилась помочь им разобраться в причинах произошедшего и понять, что их ожидает впереди. Этому основному стремлению подчинены все художественные средства импровизаций народной поэтессы — композиция, средства выразительности, образы, язык, словом, вся стилистическая система ее творчества.

* * *

Заметным отличительным качеством текстов Федосовой является их сюжетность. Лучшие из них — это одновременно и наиболее сюжетные, дающие в системе бытовых зарисовок и кристаллизующихся из них социально-значимых образов широкую и полную противоречий картину внутренней жизни крестьянства той поры и его взаимоотношений с другими классами.

Сюжетность причитаний Федосовой обычно объясняется влиянием былин, даже утверждается, что ею создан «если не новый, то вполне своеобразный жанр, синтетически объединяющий былину и плач»,[1] «плачи-

[1] Н. Андреев и Г. Виноградов, Русские плачи, вступит. ст. к сб. «Русские плачи (причитания)», изд. Библиотеки поэта. 1937, стр. XXV.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

былины».[1] Путь к такому слиянию подготовлен будто бы развитием «элемента похвалы», дающего возможность Федосовой рисовать «малоприметные при жизни подвиги местного героя».[2] С другой стороны, «важность и торжественность минуты смерти и похорон» будто бы заставляют ее брать «высокий тон» былины.

Несостоятельность такого объяснения очевидна. Не говоря о том, что «элемент похвалы» вообще чрезвычайно редок в севернорусских причитаниях, в том числе и в причитаниях Федосовой (недаром в цитированной статье не приводится ни одного примера), невозможно усмотреть даже отдаленное сходство между сюжетами причитаний Федосовой и сюжетами русских былин ни в жанровом, ни в композиционном, ни в любом другом отношении. Сюжетность причитаний Федосовой связана с ее стремлением к реалистическому изображению жизни «олонецкой» деревни пореформенного времени и явилась результатом использования и развития сюжетных возможностей, заложенных в самих причитаниях.

Какие же методы построения сюжета были свойственны Федосовой? Как известно, рекрутский, свадебный или похоронный обряд сопровождается несколькими отдельными и в художественном отношении вполне самостоятельными причитаниями, приуроченными к конкретным моментам обряда и звучащими с большими перерывами на протяжении нескольких дней. Отдельные «заплачки» и «обидные стихи» обычно содержат изображение некоторых действий, они динамичны, однако, «сюжет» содержится собственно в самом обряде в целом. Кроме того, следует подчеркнуть, что в причитаниях рядовых исполнительниц и сами действия изображаются довольно схематично, их отбор и описание устойчивы и повторяются совершенно так же, как любая другая общая формула. Это не значит, разумеется, что эти формулы бессмысленны. Так, например, в рекрутских причитаниях говорится о запрягании лошади, на которой должен уехать рекрут; в свадебных причитаниях — о расплетании косы невесты, в

---

[1] В. Базанов, Избранные причитания, Петрозаводск, 1945, стр. 12.

[2] Единственный текст И. А. Федосовой, действительно связанный с «мотивом похвалы» — «Плач о попе—отце духовном». Однако и здесь «похвала» построена более на желательном, чем действительном (см. часть II, стр. 200—201).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

похоронных — о внесении гроба в избу, о зарывании могилы и т. д. Эмоциональная сила этих формул в том, что они подчеркивают трагическую неизбежность неумолимого хода обряда, которая потрясает исполнительницу и ее слушателей. Они подчеркивают наступление нового этапа обряда и усугубляют чувство невозвратимости потери.

Можно было бы ожидать, что Федосова пойдет по пути создания сюжетных поэм, опирающихся на этот содержащийся в самом обряде трагический сюжет. Однако в отличие от многих других мастеров причети (Пашковой, Конихиной, Ланевой и др.) она вовсе не стремилась к созданию поэм, описывающих похороны или проводы рекрута сами по себе. Она ощущала, повидимому, что сложные взаимоотношения «ближних» и дальних, горюющих, сочувствующих или повинных и глумящихся, которые обнаруживаются в трагические минуты, требуют более широкого изображения. Поэтому и изображение событий, непосредственно связанных с самим ходом проводов рекрута или похоронами мы так редко находим в плачах-поэмах Федосовой. Внимание Федосовой значительно больше занимает жизнь близких покойного до его смерти и ожидающая их судьба. Так, например, даже в «Плаче о потопших», где речь идет о событиях, казалось бы, непосредственно связанных с самой смертью утонувших, Федосова интересуется прежде всего судьбой единственной оставшейся в живых девушки, выкинутой бурей на безлюдный остров. Утонувшим, поискам их трупов и похоронам посвящено лишь несколько скупых строк.

Как уже говорилось, Федосову интересуют прежде всего взаимоотношения живых, которые воспринимаются особенно остро, потому что в момент, ею изображаемый, они освещены как бы грозовым разрядом трагического события. Мысль Федосовой упорно доискивается причин сложившихся отношений, а если обстоятельства смерти необыкновенны — причин самой смерти. В связи с этим Федосова стремится рассказать о событиях, предшествующих смерти и характерных для взаимоотношений основных «действующих лиц». При этом она несомненно опирается на традицию. исходит из традиции, однако, в то же время многое в ней преодолевает.

Причитания возникли в ту пору, когда смерть не была еще осознана как закономерный результат физиоло-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

гических процессов, происходящих в самом человеческом организме, а мыслилась как следствие внешнего вторжения в организм, результат насилия над организмом человека. В связи с этим возникла потребность в пределах плача-оповещения[1] объяснить смерть, найти ее виновников, рассказать о том, как это произошло, тем самым — рассказать как бы «предисторию» смерти:

Ты, невестушка моя, вдовица бесталанная,
Чем же братец мой родимый изнемогся?
Ты скажи-ко мне, невестушка, не бойся,
Ты сидела ли к ему, к победному, близешенько,
Ты ходила ли за ним да хорошошенько?
(А.—С., стр. 48)

Эта потребность удовлетворялась подчас традиционным и, по существу, формальным указанием на грехозность родственников.[2]

Видно, много тяжкого греха я согрешила,
Уж я господа владыку разгневила,
Пять годов я в церкви не бывала,
И воскресных обедень не служила,
Воску ярого свещей я не топила... и т. д.
(А.—С., стр. 27)

Если смерть произошла вне дома, то обычно она объяснялась так:

Со любимоей семьей да не простился,
Как поехал путем широкой дороженькой.
(стр. 281)

Потребность в объяснении причин смерти создала и традиционные приемы этого объяснения — традиционный сюжет «борьбы со смертью», известный большинству исполнительниц.[3] Федосова не только восприняла этот условный сюжет, но и дала образцы блестящего исполь-

---

[1] В ходе обычного похоронного обряда первая по времени исполнения заплачка-оповещение, исполнявшаяся обычно сразу после прихода родных, уже знающих о случившемся. Поэтому обычное ее содержание — сообщение родным о случившемся.

[2] См. «Плач об упьянсливой головушке» № 19, «Плач о потопших» № 17 и др.

[3] Птица-вестник, предвещающая смерть; смерть в образе то птицы, то маленького зверя, то чужого человека (а то и без ясных очертаний) тайно проскальзывает в избу и похищает больного. Бдящие родные стараются не пустить смерть, обмануть или подкупить ее, но неудачно — и в этом как раз и заключается причина смерти — прозевали или не сумели (не смогли) уберечь умирающего (иногда их бессилие фаталистично), см. напр., т. I, стр. 128.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

зования его. В первом же причитании, с которым знакомятся читатели I тома («Плач вдовы по мужу» № 1), этот сюжет разрабатывается Федосовой полнее и ярче, чем обычно.[1] Но Федосова не только разрабатывает традиционный сюжет, она развивает и углубляет традицию.

Так, например, в «Плаче по сыне» (№ 7) выдвигается одна за другой три причины смерти: 1) тетка прозевала, 2) мать прозевала, 3) мать не лечила. Здесь характерно даже расположение сменяющихся «причин» смерти. Первая и вторая заведомо риторичны, третья дает уже реалистическую мотивировку.

Рядовые вопленицы обычно отклоняются от условного сюжета, о котором мы говорили, только при каких-нибудь необыкновенных обстоятельствах смерти. Но и в таких случаях они подчас ограничиваются простым указанием на эту необычную причину. Такие лаконичные указания можно встретить и у Федосовой. В «Плаче по дочери» (№ 8) в качестве причины она называет невнимание матери к тяжелой беременности дочери:

Было совестно сказать да во добры люди,
Што грузна, больна белая лебедушка...

Естественно, что с особенной яркостью это стремление к восстановлению «предистории» смерти покойного, т. е. события, лежащего в основе всего жанра, проявляется в тех плачах-поэмах Федосовой, в которых речь идет о вмешательстве в «мир» деревни чуждых крестьянству социальных сил. Так, например, в основе «Плача о старосте» лежит рассказ о столкновении крестьян с посредником. Сюжет этого произведения Федосовой возник в связи с остро ощущавшейся народной поэтессой необходимостью рассказать об этом столкновении, без чего непонятны были бы и обстоятельства смерти старосты, и причины горячего соболезнования всей деревни,[2] и сам факт выступления Федосовой от имени старостихи, и, наконец, ее гневные проклятия «судьям непра-

[1] См. стр. 3—5; ср. напр., Рыбников, т. III, стр. 411 и др.
[2] См. в начале текста от имени старостихи:
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку... и т. д.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

восудным», которыми завершается эта великолепная импровизация.[1]

Пафос социального обличения, с необыкновенной силой сказавшийся в этом причитании, обусловил и гармоничность целого и предельную яркость каждой поэтической детали.[2] Точность передачи фактических событий, породивших это причитание, не подлежит сомнению, но в то же время в каждом эмпирическом факте Федосова сумела вскрыть его социальную типичность, передать событие, легшее в основу причитания, с предельной значимостью и определенностью. «Предистория» смерти старосты не только выясняет ее причину, но и выливается в широкую картину жизни пореформенной деревни.

К «Плачу о старосте» непосредственно примыкает и не уступающий ему по своим художественным достоинствам «Плач о писаре». Знаменательно уже само заглавие, данное причитанию Барсовым — «**Из** плача о писаре». Есть все основания предполагать, что в действительном виде этот текст дал бы нам замечательный материал для выяснения конкретных черт социального мышления Федосовой. В этом причитании рассказ о событиях, предшествовавших смерти, вырастает в грандиозную попытку всеобщего объяснения возникновения горя на земле. Так была создана легенда «О происхождении Горя», заинтересовавшая Некрасова и совершенно точно определенная им как легенда «О происхождении Горя общественного».[3] Реалистический анализ причин смерти привел к тому, что абстрактная категория — «горе вообще» — обернулась социально-конкретной — «судьи-власти».

Нам неизвестны обстоятельства смерти писаря, оплаканного Федосовой; вопленица сообщает лишь, что он был «заступой-заборонушкой» и «стеной городо́вой» крестьянам, что у него по «делам-судам» душа была «праведна». Очевидно, что писарь этот был так же дорог

---

[1] Эту особенность композиции текстов Федосовой совершенно не уловила Э. Малер, упрекавшая ее в «гипертрофическом развитии зачина» — см. E. Mahler, Die russischen Totenklage. Yhre rituelle und dichterische Deutung, Leipzig, 1935, стр. 69.

[2] Анализу идеологической ценности этого текста было отведено подобающее ему место во второй части.

[3] См. главу «Некрасов Н. А. и Федосова И. А.», ч. I, стр.102—104.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крестьянам, как и староста из «Плача о старосте». В обоих случаях Федосова вывела традицию причитывания далеко за пределы семейного круга — недаром мы ничего не узнаем здесь о последствиях смерти старосты и писаря для их семей, ничего не узнаем о «прошлых» взаимоотношениях покойного старосты и старостихи, писаря и оплакивавшей его кумы. При первом исполнении эти плачи должны были, несомненно, иметь большое общественное значение.

Совершенно своеобразно построен «Плач об убитом громом-молвией» (№ 16). На первый взгляд может показаться, что анализ причин смерти не играет здесь сюжетообразующей роли или, по крайней мере, имеет некоторое отношение лишь к так называемому «прологу в небесах». Однако в действительности выяснение причин смерти, «предистория» ее, играет весьма важную роль в структуре этого причитания. Характерно существенное противоречие, легко обнаруживающееся в этом тексте. Федосова рассказывает о том, что крестьянин нарушил запрет ильина дня и был поражен за это молнией Ильи-пророка (в «троицу»). Разрешение наказать «дерзкого ослушника» испрашивается у бога

...о светлом бладычном божьем празднике,
На ранной на заутрены воскресной,

т. е. в пасху. В действительности же этого не могло быть, т. к. самая поздняя троица не может быть позже ильина дня (20 июля). Следовательно, реального нарушения ильина дня не было.[1] Тем не менее, в соответствии с распространенным поверием,[2] пораженный молнией казался Федосовой непременным нарушителем ильина дня. Отсюда путь к дальнейшей реконструкции: Илья должен был испросить разрешения бога, причем он мог рассчитывать на успех именно во время любезной богу пасхальной заутрени. Так создался фантастический сюжет с «прологом в небесах», который для Федосовой был, очевидно, совсем не так уж фантастичен. Сюжет, родившийся из стремле-

[1] «На этот день не косят и не убирают сена, потому что в противном случае св. Илья за непочтение назначенному ему празднику, убьет громом или сожжет накошенное сено молнией». См. Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 473 (ссылается на Воронежские Губ. Вед., 1851, № 11 и др.).

[2] О работе в ильин день и о наказании за это см. Афанасьев, Легенды, № 10; в 1867 г. троица была 4 июня.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ния выяснить причины смерти, получил свое продолжение в замечательном описании поисков убитого женой, а затем в описании ее горя. Поэтическое воображение Федосовой, воссоздавшее предисторию смерти убитого молнией, как уже говорилось, рисует исключительную по своей глубине коллизию, отражающую безысходную трагичность крестьянской веры. Фантастический сюжет, вырастающий на основе поверия, оказался возбудителем значительной религиозно-этической проблемы.

Так, сюжетность произведений Федосовой, вырастающая на основе анализа причин смерти, теснейшим образом связана с ее стремлением понять причины происходящего, т. е. тем самым выйти к широким социальным обобщениям.

Разумеется, сказанное не следует понимать узко. Мы уже говорили о том, что Федосову не просто и не столько интересует причина смерти, как таковой, сколько причины сложившихся человеческих взаимоотношений, которые особенно ясно обнаружились в тяжелую минуту.

Напомним еще «Плач о родном брате». В нем Федосовой необходимо было рассказать о том, как героиня вышла замуж за богатого крестьянина, который стал гнушаться ее бедной родни, о том, как ее мучила совесть, как она тревожилась за здоровье брата и т. д. Без рассказа обо всем этом была бы совершенно неясна вся сложность взаимоотношений героини и семьи ее покойного брата, которая обнаружилась при их встрече, изображаемой в этом сказе-поэме. Совершенно так же построен и известный «Плач об упьянсливой головушке».

Таким образом, стремление к выяснению предистории и, тем самым, причин сложившихся взаимоотношений действующих лиц к моменту смерти покойного побуждало Федосову к созданию сюжетных повествований, органическим моментом которых становилось изображение дней проводов рекрута или похорон с звучащими в эти дни «заплачками».

Легко заметить, что в большинстве текстов, на которые мы ссылались, смерть покойного является кульминационным пунктом развития сюжета, моментом, когда взаимоотношения действующих лиц напрягаются до предела, и их внешней развязке, казалось бы, препятствует подчас только желание соблюсти приличие обряда. Действительно сюжеты многих сказов-поэм Федосовой, в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

частности тех, на которых мы только что останавливались, лишены развязок, и в этом состоит их своеобразие и отличие от других сюжетных жанров русского народного творчества. Горестное и гневное чувство поэтессы как бы не находит себе выхода, успокоения, конца, разрешения. Поэтому ее произведениям свойственен предельный эмоциональный накал, кстати говоря, в такой же мере свойственный и массовой бытовой традиции причитывания. Если продолжать это сравнение, то следует сказать, что «градус» этого «накала» всегда зависит от индивидуальных особенностей и одаренности исполнительницы, но стремление к пределу всегда лежало в основе причитаний, и это объединяет сказы-поэмы Федосовой с причитаниями любой вопленицы любой из областей старой Россйи, как бы они ни были различны во многих других отношениях.

Может показаться, что сказанное нами об отсутствии развязок в сюжетных сказах-поэмах Федосовой относится лишь к некоторым из них (например, к разобранным выше), т. к. народная поэтесса в своих произведениях очень часто обращается к молодой солдатке или вдове с рассказом о том, что ее ожидает впереди («обидные стихи»),[1] и рассказ этот имеет подчас вполне определенное развитие — сюжет. Однако в действительности это не так.

«Обидные стихи» наименее традиционный вид причитаний, так как последствия смерти или ухода рекрута имели всегда индивидуальные черты, определяющиеся экономическим положением семьи, взаимоотношениями родственников и т. д., т. е. черты, стоящие в зависимости от внеобрядовых факторов. Поэтому всякая рядовая исполнительница не только могла, но и должна была импровизировать значительную часть «обидных стихов». Однако и здесь долголетняя традиция выработала и сделала привычным сюжет, который условно можно было бы назвать «весна без пахаря».[2] Из причитаний Федосовой можно было бы извлечь значительное количество

[1] В северной традиции размышления о будущем вдовы или солдатки в отличие от «заплачки» обычно называются «обидными стихами».

[2] «Придет весна, крестьяне выедут пахать, а кто у нас будет пахать и сеять...» и т. д. (иногда этот вопрос задается от имени детей).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

примеров творческого использования этого сюжета, однако, в основном Федосова опиралась на опыт тех вопленниц, которые свободно создавали сюжетные повествования, используя некоторые общие приемы построения «обидных стихов».

Во II части мы специально говорили о судьбе вдовы в пореформенной деревне. Все материалы, привлекавшиеся в этой главе («Плач вдовы по муже», «Плач дочери по отце», «Плач о дяде двоюродном» и др.), были связаны именно с сюжетными повествованиями, возникшими из стремления И. А. Федосовой поразмыслить над судьбами крестьянских семей, помочь осиротевшим понять, что их ожидает впереди.

Так, яркой иллюстрацией сказанного может служить «Плач по дяде родном», в котором Федосова от имени вдовы описывает ожидающие ее трудности, с удивительной трогательностью рассказывает о том, как будет ей мучительно жаль поднимать детей-недоростков с зарей и посылать на сенокос наравне со взрослыми. Ей придется быть бессердечно строгой. Дети уйдут на поле и, разморенные утренним солнцем, лягут под «малиновый кусток».

Быв как зайки под ракитовым под кустышком,
Горностали под малиновым под прутиком;
(стр. 181)

Она побранит их, пообещает им подарков, если они будут хорошо работать, и они, все трое, плача примутся за работу. Осенью их ожидает недород —

Тут мне скажут еще власти поставленыи:
«Припасай золоту казну бессчетную,
Ты отдай нам все тягости казенныя».
(стр. 182—183)

Исход один — продать скотину, продать одежду, которая береглась для сына, и сын скажет сам:

Мне не честь-хвала, родитель, молодецкая,
Што ведь подати казенные не плачены,
Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
Што таскаться по избам тебе по земскиим,
У стола стоять, родитель, у судебного,
Супротив стоять судей неправосудныих...
(стр. 183)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Совершенно так же заканчиваются и «обидные стихи», вложенные в уста соседки-вдовы в «Плаче вдовы по мужу»:

Как посли своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася...
(стр. 16)

Интересен «Плач по жене, если дитя останется ребенком» (№ 6). Здесь повод, вызвавший причитание — смерть матери — окружен сюжетными повествованиями. Восстанавливается история семейных взаимоотношений до смерти матери и, вместе с тем, рассказывается о том, что произойдет с ребенком и его отцом в дальнейшем. Постоянные ссоры с семьей до смерти матери, вынужденное унижение отца, просящего родных взять ребенка на воспитание, поиски мачехи ребенку, нежелание девушки стать мачехой, потому что даже и добрые поступки мачехи всегда истолковываются криво. И, наконец, — отец женится, и любимый ребенок превращается в пасынка, которому и в праздник не найдется гостинчика.

Однако и эти «рассказы о последствиях» по существу не являются развязками потому, что речь идет о затяжном состоянии горя, из которого нет выхода. Борьба за существование продолжается, пока живы сами осиротевшие. Более того — их беды все нарастают и нарастают и близятся к своему пределу. Таким образом, смерть крестьянина-труженика, поддерживавшего былое благосостояние семьи в этих «рассказах о последствиях» играет скорее роль завязки. Впрочем, дело не в схоластическом определении. Дело в том, что Федосову крайне тревожили эти последствия и будущее казалось неумолимым и неизбежным. Выхода из создавшегося и глубоко возмущавшего ее положения она не видела. Естественно, что и сюжеты ее повествований не могли иметь развязок, тем более благополучных развязок, традиционных в сказах и былинах, потому что в ее сказах-поэмах действие развивалось не в сказочном царстве, а в русской деревне пореформенной поры по законам, соответствующим этому историческому этапу развития русского общества. Эти законы в их теоретическом выражении,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

конечно, не были известны народной поэтессе, но их действие она ощущала очень остро на себе и своих земляках.

Два важнейших метода построения сюжетов, которые использовала Федосова — «рассказ о прошлом» («рассказ о причинах») и «рассказ о последствиях» — использовались ею в плачах-поэмах на различные темы неравномерно. Характерно, что в тех произведениях, где речь идет о столкновении с социально чуждыми силами — «мировыми посредниками», «командерами», «судьями неправосудными», с обобщенным, но социально понятным Горем-Долей, даже с Ильей-пророком и богом, на первый план выступает, главным образом, «рассказ о причинах». Объясняется это, очевидно, прежде всего тем, что внутрикрестьянские противоречия в ту пору еще не были столь глубокими и острыми, чтобы конфликты, ими вызываемые, были столь трудно разрешимы и смертоносны, говоря иначе, основным конфликтом эпохи, как уже отмечалось во II части, был антагонизм крестьян и капитализировавшегося феодально-помещичьего государства.

Характерно, что в «Плаче о писаре», «О старосте», «Об убитом громом-молвией», «О потопших» Федосову почти не занимает вопрос о последствиях произошедшего, по крайней мере он не стоит в центре ее внимания. Судьбы всего «страдного крестьянства» заслоняют в ее сознании индивидуальные судьбы отдельных действующих лиц. Острота столкновения заставляет ее доискиваться причин грозных бедствий, подсказывает ей значительные поэтические обобщения.

Деревенские же, «домашние», конфликты в силу относительной неразвитости противоречий внутри пореформенной деревни познаны ею значительно поверхностнее, они кажутся ей не беззаконием, а скорей «нормальной» человеческой несправедливостью, поэтому осознаются более в психологическом, чем социальном плане.[1] Личное — индивидуальная судьба вдовы — поэтому выдвигается в ее сознании на первый план («рассказ о последствиях»), а «предистория» обертывается обычно не анализом «причин смерти», т. е. причин смертоносного

[1] Исключение — «Плач о дяде родном» и «О попе—отце духовном».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

конфликта, а средством познания (углубления изображения, обоснования изображения) сложных взаимоотношений действующих лиц в трагическую минуту. Сказанное не означает вместе с тем, что произведения Федосовой такого рода имеют узколичное, индивидуальное значение. В них Федосова, как говорилось во II части, поэтически обобщила судьбу вдов и сирот, т. е. беднейших из бедных, обездоленнейших из обездоленных пореформенной деревни. Ее размышления о бедах, предстоящих овдовевшим и осиротевшим, ее «рассказ о последствиях» был не фантазией, оторванной от действительности, а поэтическим обобщением жизненного опыта. Вдову или солдатку постигала судьба, в которой проявлялись общие закономерности.

Традиция причитывания возникла в глубокой древности и, как мы говорили во «Введении», использовалась подчас для создания произведений, общественное значение которых выходило далеко за пределы их основного жанрового лирического назначения. Однако каждая историческая эпоха обусловливала своеобразные черты не только идейного содержания, но и теснейшим образом связанной с ним художественной формы его выражения.

Не подлежит никакому сомнению, что сама сюжетность причитаний Федосовой и свойственные ей два основных метода создания сюжетных повествований («рассказ о причинах» и «рассказ о последствиях») были обусловлены совершенно определенными историческими условиями и исторически закономерными особенностями сознания Федосовой. Годы реформы и пореформенные годы были периодом огромных перемен в жизни русского крестьянства, в жизни всей России. Сочувственно цитируя Л. Н. Толстого, В. И. Ленин пишет о пореформенной эпохе: «У нас теперь все это переворотилось и только укладывается» — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 гг. То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо каждому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения».[1]

---

[1] Собр. соч., т. XVII, стр. 29.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосова была талантливой представительницей русского крестьянства, т. е. именно этой самой широкой массы населения, которой было «совершенно незнакомо, чуждо, непонятно» столь многое в пореформенной действительности. Отмеченное Лениным особенно ярко проявлялось, естественно, в первые пореформенные годы, когда все только «переворачивалось», когда возникали новые общественные условия и крестьянство сталкивалось с новыми силами, выходящими за рамки многовековых крепостнических отношений, когда в самой деревне внутри общины и даже внутри семьи возникали совсем новые взаимоотношения, т. е. возникали совершенно новые «причины» и «последствия», рассказать о которых, помочь понять которые при посредстве поэтических образов и обобщений так горячо стремилась народная поэтесса.

ГЛАВА 3

Круг тем, выбор жанра и определенный метод построения сюжета, о которых говорилось в предыдущих главах, не исчерпывают всех средств художественного выражения мыслей и чувств, волновавших И. А. Федосову. Для изучения ее художественного метода большое значение имеет **выяснение приемов и способов создания образов героев** (действующих лиц), которыми она пользовалась.

Поэтическое мышление Федосовой было всегда конкретным. При каждой импровизации она имела в виду совершенно определенные факты. Герои ее произведений не просто имели прототипов, а были поэтическими портретами совершенно определенных исторически существовавших лиц — земляков и односельчан поэтессы, их друзей и врагов, их родственников и детей и т. д.

Ее вдовы действительно вдовели, солдатки были солдатками и стали ими именно при тех обстоятельствах, о которых рассказывала нам И. А. Федосова. Взаимоотношения их родственников были именно такими или, по крайней мере, по мнению и сведениям Федосовой, были такими, какими она их рисовала. Мы говорим не просто о правдивости ее творчества. Герои и события ее импровизаций не просто **могли** быть такими, а именно **такими и были.**

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Доказать сказанное для каждого текста разумеется трудно. Однако в некоторых случаях удается установить факты, легшие в основу той или иной импровизации, и это очень важно, т. к. помогает выяснить, как в ее творчестве действительность претворялась в поэтические образы.

Вспомним, что в основе «Плача о старосте» лежит факт столкновения кузарандских крестьян с мировым посредником П. П. Дротаевским в сентябре-октябре 1867 г. в деревне Юсова Гора Кузарандского общества. Характерно, что официальная печать и губернские архивы, сохранившие имя мирового посредника, ничего не говорят нам о действительных героях, воспетых Федосовой, — о старосте, старостихе и крестьянах Кузарандской волости. Несомненно, что если бы из «Плача о писаре» не была изъята его наиболее острая часть, мы смогли бы с такой же точностью установить факт, который лег в основу и этой поэмы И. А. Федосовой.

Случай сохранил нам документальное подтверждение того, что совершенно определенный факт лег в основу «Плача о потопших».

30 сентября 1867 г. «Олонецкие Губернские Ведомости» (№ 39, стр. 711) сообщили о необычайном происшествии: «Крестьянин Петрозаводского уезда, Ругозерского о-ва, Василий Радионов, вместе с сыном своим Андрианом Васильевым, дочерью Марьею и крестьянином Василием Петровым, в последних числах августа, отправились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбас-губе для сбора мху. На возвратном пути, 28 августа, их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в 4-х верстах от д. Шуровой. Здесь Радионов и сын его Андриан сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Королевской Иваном Андриановым». Случай, о котором рассказывается в этом сообщении, произошел в нескольких километрах от Кузаранды, где жили родные Федосовой. Несомненно, что именно этот факт и лег в основу «Плача о потопших»; об этом говорит полное совпадение всех деталей плача с приведенным выше сообщением.

В тех же «Олонецких Губернских Ведомостях» в номере от 25 ноября 1867 года (№ 47) сообщается об окон-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

чании работы Барсова над I томом сборника И. А. Федосовой. Таким образом, время между первым исполнением и записью исчисляется не более, чем в 2—2½ месяца. Возможно, что это самый поздний по возникновению плач в I томе сборника. Трагический случай был еще необыкновенно свеж в памяти Федосовой. Это не могло не сказаться при создании плача и, действительно, Федосова творила его в полную силу своего замечательного таланта.

Гибель на озере сама по себе не была для заонежской крестьянки чем-то необычным. Осенние выпуски «Олонецких Губернских Ведомостей» пестрят сообщениями о разбитых бурей судах, опрокинутых лодках и утонувших рыбаках. На памяти Федосовой была трагическая гибель ее родных при подобных обстоятельствах за 3 года перед происшествием в Тимбас-губе. «Олонецкие Губернские Ведомости» 1 августа 1864 года писали: «Полицейский сотский Петрозаводского уезда Кузарандского о-ва, Михаил Федосов, с соседями своими — крестьянином Касьяновым, крестьянками Афанасьевою и Антоновою и крестьянкою девицею Андреевою, 28 июня отправились в лодке, нагруженной зерновым хлебом, через Онежское озеро, в д. Тубу, туда не проезжали и обратно не возвращались» (№ 30, стр. 238). Характерно, что в происшествии особенно поразила Федосову судьба девушки, чудом спасшейся от гибели и заброшенной волнами на безлюдный и незнакомый ей остров:

Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по крутому по бережку,
Я глядеть стану на все на три-четыре на сторонушки;
Примечать стану печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану́ по ветрышку,
Я по облачкам глядеть стану́ ходячиим,
В день по красному смотреть буду по солнышку,
С какой сто́роны ведь ветры развеваются,
Куды темныи леса да нагибаются,
В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу,
Далеко ль моя родимая сторонушка;
(стр. 257)

Относительно других текстов Федосовой мы не имеем столь достоверных сведений, однако, и за другими текстами совершенно ясно чувствуются реальные происшествия, живые, невымышленные люди. Именно это дало нам возможность по ряду характерных черт датировать тек-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

сты «рекрутского» тома,[1] говорить о формах семьи и социальном облике и составе современной Федосовой заонежской деревни[2] и т. д.

Одним словом, можно с уверенностью сказать, что если бы в XIX веке велась летопись политической, экономической и семейной жизни русского крестьянства, то в ней мы без труда нашли бы имена **всех** героев и даты **всех** событий, о которых народная поэтесса рассказала в своих произведениях. Однако летопись такая не велась и вестись не могла, потому что официальные «летописцы» — чиновники так называемых губернских статистических комитетов[3] не интересовались трудами и днями простого русского люда. Эту задачу своими средствами выполняла великая русская литература, давшая глубокие по смыслу и выдающиеся по своей выразительности картины жизни русских крестьян XIX века в произведениях Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского и др. В ряду этих произведений стоят и поэмы талантливой русской крестьянки И. А. Федосовой, замечательные по своей правдивости и имеющие наряду с огромным художественным значением несомненную силу исторического документа.

Конкретность поэтического мышления Федосовой подтверждается и воспоминаниями современников. Ученый секретарь Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии В. В. Богданов вспоминал, как на заседании этого общества в январе 1896 г. Федосова по просьбе присутствующих импровизировала на заданные темы — о смерти отца одного из членов общества и на бытовую тему — о ссоре матери с дочерью. Перед импровизацией она подробно расспрашивала обо всех обстоятельствах «действующих лиц» — о составе их семей, об имени, возрасте и роде занятий, даже одежде, привычках каждого из них, об их взаимоотношениях, т. е. буквально обо всех деталях происшествия вплоть до мелочей.[4] Следовательно, Федосовой важно было пред-

---

[1] См. часть II, стр. 215—217.

[2] См. там же, стр. 234—242.

[3] Мы не имеем в виду, разумеется, таких «губернских чиновников» как ссыльные демократы П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко, Н. А. Иваницкий и др.

[4] См. приложение IV.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ставить происшествие со всей отчетливостью реально виденного факта.

Поэтическое воображение Федосовой было, как правило, восстановлением, поэтической реконструкцией былого, на основе жизненного опыта. В этом смысле «Плач об убитом громом-молвией» не составляет исключения, так как Федосова безусловно верила в существование Ильи, в его возможность распоряжаться молнией да и в правдоподобность самого «пролога в небесах», имевшего для нее самый прямой, а вовсе не аллегорический или сказочный смысл. Образ Горя в «Плаче о писаре» тоже не был для Федосовой выдуманным образом, плодом ее собственной фантазии — он был традиционным олицетворением непознанной внешней фатальной силы.

Конкретность, невымышленность, непосредственность связи образа и реального факта, лежащего в его основе, и т. д. — все эти качества поэтического мышления Федосовой не противоречат обобщенности, более того, типичности создаваемых ею образов.

Нельзя не обратить внимания на то, что Федосова, согласно воспоминаниям В. В. Богданова, перед импровизацией расспрашивала обо всех или по крайней мере многих обстоятельствах происшествия, даже о тех, которые ей явно не могли понадобиться для текста. Узнав (с ее точки зрения) **все,** она **отобрала необходимое** для художественной лепки образа. Повидимому совершенно так же она поступала и при импровизациях у себя в деревне. Она вспоминала, очевидно, обо многих обстоятельствах многолетней жизни ее героев в прошлом, однако, далеко не все могло ей понадобиться при создании «рассказа о прошлом» (о причинах), а только то, что выразительно характеризовало их взаимоотношения, проявившиеся в трагические дни. Следовательно и в этом случае вступал в силу **отбор** — важнейшая и, вместе с тем, первая ступень поэтического обобщения, типизации, лепки типичного художественного образа.

Сам по себе отбор не был, разумеется, индивидуальным изобретением Федосовой. В конечном счете он присутствует в каждых воспоминаниях, ибо каждый человек в силу определенного мировоззрения, в силу свойственного ему понимания жизни одни жизненные факты забывает, а другие помнит, и среди тех, которые помнит, — одни считает важными, а другие — несущественными. Воз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

можность поэтического обобщения содержится по существу в каждом воспоминании, т. к. это всегда воспроизведение жизни (прошлого) с определенной точки зрения. Однако для того, чтобы воспоминание было именно **художественным** поэтическим обобщением, воспроизводимые образы должны выражать определенную идею, т. е. сами жизненные факты должны предстать как частные конкретные проявления этой идеи, отражающей существенные стороны действительности, должны стать деталями (средствами выражения) единого художественного целого. Они должны волновать всех или, по крайней мере, многих, а не одного автора воспоминаний, т. е. они должны быть общественно значимы. Именно так и бывает, например, с народным устным рассказом, в основе которого тоже часто лежит реальный факт, действительное происшествие.[1] Мы не случайно упомянули народный устный рассказ. Путь претворения жизненного факта в художественный образ в «рассказах о прошлом» совершенно такой же.

Так, например, в «Плаче по крестнице» (№ 9) из всего прошлого крестницы выбираются именно такие моменты, которые наилучшим образом объясняют сложность чувств крестной матери после смерти крестницы. Рассказывается о том, что крестная жалела сиротку, ей хотелось, чтобы она ничем не отличалась от других — ни одеждой, ни приданым; однако это воспринималось «общественным мнением» деревенских сударушек как стремление поскорее сбыть ее с рук, выдать замуж и т. д. Она опасалась дрешать своей воспитаннице слишком часто ходить на девичьи вечорки, потому что

> Подивуют того добры людушки:
> Видно, девушка она самовольная,
> Без грозы растет желанного без батюшка,
> Нет начала-то желанной у ей матушки...
>
> (стр. 132)

---

[1] Ср. устный народный рассказ, послуживший основой стихотворения Н. А. Некрасова «Орина, мать солдатская». Его же стихотворный рассказ «Про холопа примерного — Якова верного» из «Кому на Руси жить хорошо» основан на крестьянском устном рассказе, переданном Некрасову А. Ф. Кони; рассказ «Психологическая задача» основан на крестьянском рассказе, переданном Некрасову М. С. Щепкиным и др. В советское время народные устные рассказы стали записываться регулярно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И, с другой стороны, она опасалась оставлять ее по вечерам дома за работой, чтобы не подумали, что она принуждает сиротку слишком много работать и т. д. Все это рассказывается, так как крестная подозревает, что пришедшие на похороны не поверят, что она искренно горюет по умершей. Федосова умело выбирает яркие по своей внутренней противоречивости факты, которые в сознании слушателей легко располагаются в определенную систему, т. е. становятся фактами художественными, выражающими определенный замысел поэтессы.

В так называемых «рассказах о последствиях» Федосова создает поэтические обобщения другим путем. Здесь неизбежно вступает в силу поэтический вымысел. Будущее вдовы или солдатки было неизвестно Федосовой в том смысле, в каком ей было известно их прошлое. Однако она обладала определенным жизненным опытом, т. е. судьбы ее героев были для нее неумолимой неизбежностью, говоря иными словами, — она хорошо ощущала типическую судьбу вдовы и солдатки в пореформенной деревне. «Рассказы о последствиях» и построены целиком на основе представления о типическом, о вдовьем горе, которое «всем горям горе».

Во второй части было показано, что для Федосовой типическая судьба вдовы вовсе не была голой логической схемой. Прежде всего в этой судьбе было много нового — первые же пореформенные годы принесли новую налоговую систему, новые поземельные отношения, бурно начавшийся распад «большой семьи», обострившуюся социальную дифференциацию деревни и т. д. Именно поэтому так остра была потребность Федосовой рассказать осиротевшей семье о том, что ее ожидает впереди, заранее укорить безжалостных родственников, в сознании которых «отношения чистогана» все более и более заслоняли родственные чувства, свойственные когда-то, как ей казалось, «большой семье», и тем самым предупредить наиболее жестокий из возможных вариантов. Заслуга Федосовой и заключалась в том, что она ясно видела всю новизну складывавшихся отношений и в то же время уже поняла их силу и неизбежность. Судьба вдовы представлялась поэтически мыслившей Федосовой в конкретных образах, в живых проявлениях, вымышленных, «увиден-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ных» ею с поразительной яркостью. Это была не беспочвенная фантазия, а именно реалистический художественный вымысел, прямо продолжавший действительность по законам вероятности. «Рассказы о последствиях» прямо вытекали из верно понятых взаимоотношений действующих лиц, они их логически завершали. Несомненно, что героини Федосовой переживали впоследствии многое подругому. Детали могли не совпадать, могли быть исключения и т. д. Однако Федосова была права **в целом,** как прав бывает всякий поэт-художник, заставляющий своих героев поступать так, как они **могли бы** поступить (а не так, как они обязательно поступят, если оживут), переживать не то, что они реально во всех деталях переживут, а то, что **могли бы** пережить и должны пережить как художественные типы, т. е. заставляет их совершать и переживать типическое и характерное. Именно поэтому творчество народной поэтессы было жизненно активным, имело значительное общественное воздействие на сознание современников — от заонежских крестьян до посетителей ее выступлений во время поездок, до Некрасова и Горького, Шаляпина и Римского-Корсакова.

Следовательно, Федосова знала два метода обобщения, свойственных реалистическому искусству. В «рассказах о прошлом» своих героев и в рассказах об их взаимоотношениях в трагические дни она шла от единичного реального факта к установлению общего в единичном, т. е. к представлению единичного в образно-обобщенной форме. С другой стороны, в «рассказах о последствиях» она рисовала общее, типическое в его приложении к единичным судьбам отдельных семей, т. е. шла от общего к его выражению в образно-единичной форме.

Обобщение, типизация у Федосовой заключалась в том, что она умела отдельный частный факт осмыслить как социально-типичный, осмыслить его в связи с другими. Конкретное горе каждой семьи выступает у нее как часть общекрестьянского горя пореформенного безвременья. Это было особенно естественным в годы напряженнейшей политической ситуации, когда каждый факт резко обнажал свое социальное естество. Само собой разумеется, что процесс художественного обобщения был у Федосовой более эмоциональным, стихийным, чем теоре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

тически осознанным, однако эта стихийность не снимает важности достигнутых ею результатов.

* * *

В каждом художественном произведении основная, центральная идея выражена не в отдельном образе, а во всей совокупности образов, т. е. в системе образов. Поэтому большое значение для понимания отдельных образов и для понимания художественного метода И. А. Федосовой в целом имеет вопрос о том, как строится в ее произведениях сама эта система образов.

Мы говорили уже о том, что «рассказы о прошлом» и «рассказы о последствиях» по-разному сочетаются в различных текстах Федосовой. Однако во всех текстах в центре внимания поэтессы трагические дни проводов рекрута или похороны умершего труженика. Эти дни — узел, от которого протягиваются все нити и в прошлое и в будущее.

В трагические дни герои как бы сводятся воедино, они предстают перед поэтессой, и она вдумывается в их чувства и поступки. Поэтесса задает себе основной вопрос: как каждый из ее действующих лиц относится к смерти покойного (уходу рекрута), к его вдове (солдатке), ее сиротам и другим связанным с ними лицам? Качества, которыми обладают герои произведений Федосовой, т. е. их характеры раскрываются, таким образом, в сопоставлении их переживаний и поступков, они раскрываются в сопоставлении отношения героев к основному факту — к смерти покойного (уходу рекрута) и к жизни его близких в дни, когда ломаются судьбы и возникают новые взаимоотношения, в трагические дни похорон и проводов рекрута.

В центре повествования стоит судьба вдовы (солдатки) или лица аналогичного, поэтому и образ ее — всегда образ центральный, ее переживания волнуют Федосову в первую очередь, на ее стороне все сострадание народной поэтессы. Остальные образы как бы располагаются вокруг нее. Они положительны или отрицательны прежде всего в зависимости от того, повинны они или нет в трагической судьбе вдовы и как они будут влиять на ее судьбу в дальнейшем.

Причитания — жанр лирический по своей природе. Это его важнейшее качество Федосова сохранила и в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

своих импровизациях. Совершенно так же, как в массовой традиции, в плачах-поэмах Федосовой, как бы они ни были сложны и динамичны, поступки и чувства действующих лиц описываются со страстной заинтересованностью. В отличие от эпических жанров, где повествование ведется от автора, где личное отношение автора к происходящему раскрывается косвенно через развитие сюжета, способ характеристики действующих лиц и т. д., в плачах-поэмах Федосовой каждая деталь повествования пронизана открыто личным отношением.

Так же, как в бытовой традиции, Федосова никогда не говорит от своего имени, от имени автора, она всегда говорит от имени одного из действующих лиц. Воплощаясь то в молодую вдову, то в ее дочь, потом в ее соседку — старую вдову, затем в кого-нибудь из родственников и затем снова в молодую вдову, она рассказывает о поступках, чувствах и взаимоотношениях всех действующих лиц, вне зависимости от того, получают ли они или не получают слово в этом непрерывном обмене монологами. При этом неверно было бы говорить о драматизации сюжетов Федосовой. Персонажи, в которых она воплощается, произносят именно монологи; они не спорят друг с другом, не отвечают друг другу, а самозабвенно высказывают **свои** чувства и мысли, рассказывают о **своем** отношении к чужим поступкам и чувствам, рассказывают обо всем, что каждую из них волнует, страстно оценивают происходящее, осмысляя его при помощи рассказов о прошлом и будущем, о которых мы уже говорили. Сюжетные повествования и рождаются именно как составные части этих монологов. Так, рассказ обо всех событиях, предшествовавших смерти старосты, ведется от имени старостихи. Это не значит, разумеется, что все дело сводится к личному отношению старостихи ко всем этим событиям. Из ее чувств отбирается то, что представляет общественную ценность. Старостиха обращается к своим односельчанам, горячо сочувствующим ей, поэтому ее речь **объективно** воспринимается как мнение всей деревни, более того — всего русского крестьянства (см. «Вкупе все да мы крестьяна сухотуем» в «Плаче о писаре»). Это не противоречит тому, что это мнение высказывается в субъективной, личной форме. Поэтому в «Плаче о старосте» одной из центральных фигур остается сама старостиха. Ее образ возникает из всего ее монолога в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

целом, он создается при помощи передачи всего строя ее мыслей и чувств, т. е. прежде всего путем выяснения **ее** отношения к старосте, мировому посреднику, крестьянам и т. д.

Как мы говорили, далеко не все действующие лица «получают слово». Федосова воплощается преимущественно в образы самой вдовы и ее ближайших родственниц. Она говорит **всегда от имени женщин,** и это еще раз обнаруживает, насколько прочно опиралась Федосова на массовую традицию, исключавшую исполнение причети мужчиной.

Следовательно, ей свойственны два основных метода создания образов героев. Образы вдовы (солдатки, дочери, племянницы, крестницы и т. д.) и сочувствующих ей женщин, произносящих монологи, создаются всем содержанием и строем их монологов. Другие действующие лица — «безгласные» — изображаются через призму сознания горюющих. Вместе с тем те и другие объединены их отношением к основному трагическому событию, лежащему в основе всего произведения.

Итак, система образов в каждом из плачей-поэм Федосовой возникает из сопоставления отношений действующих лиц к основному трагическому событию, к судьбе центрального героя (героини) — вдовы (солдатки или лица им аналогичного). Поэтому в ее импровизациях нет ни одного образа, который не служил бы основной цели — понять и объяснить судьбу вдовы (солдатки и т. д.) и ее детей. Образы героев создаются и располагаются в определенную систему столь же целеустремленно, как и все другие элементы произведений Федосовой, которых мы касались ранее. Следовательно, и эта сторона ее творчества возникла совершенно естественно и явилась талантливым развитием народной традиции. В монологах горюющих женщин очень много общего — обычно это монологи положительных героинь, их точки зрения близки, их оценки событий в главнейших моментах сходны. Отдельные различия идут, главным образом, по линии психологических оттенков, обусловленных обстоятельствами. В целом же язык этих монологов, их синтаксический строй, лексика и т. д. являются основной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

стилистической стихией, определяющей общую тональность всех произведений народной поэтессы.

Уже говорилось о том, что о поступках, мыслях и чувствах «безгласных» действующих лиц рассказывается в этих же монологах горюющих. «Безгласными» этих действующих лиц можно назвать весьма условно. Им не принадлежат монологи, однако, когда одна из горюющих женщин в своем монологе рассказывает о них, она нередко передает сказанные ими слова прямой речью, и сам характер этой прямой речи интересен для понимания круга средств, при помощи которых Федосова создает образы своих героев. Особенно заметно выявляется это в речи персонажей, принадлежащих не к крестьянству, а к другим социальным слоям (мировой посредник, «судьи», «командеры», поп и т. д.). В их речи встречаются, разумеется, слова, характерные для их социального облика. Так, например, мировой посредник употребляет слова: «непокорны», «неподсудны», «мужики-глупцы», «бездельники», «казна» и т. д.; поп: «рукописание», «дите мое духовное»; командиры-начальники командуют: «Марш!»; доктора в рекрутском приеме кричат: «Лоб!»[1] и т. д. Мировой посредник, писарь, становой начальник и др. говорят крестьянам «Вы» — черта, характерная и метко подмеченная Федосовой, если иметь в виду, что в XIX веке крестьянской речи такое употребление второго лица множественного числа было совершенно чуждо.[2]

Однако лексическая характеристика, как осознанный прием, не была свойственна и не могла быть свойственной Федосовой, которая силой исторических обстоятельств была прикована к лексике своего диалекта и выходила за пределы его только при посредстве некоторых общенародных наддиалектных форм, свойственных всему

---

[1] Т. е. «годен!», «забрить!».

[2] См. «О старосте», стр. 284, «О потопших», стр. 261 и др. Характерно, что староста отвечает мировому посреднику — «Хотя же рьян да **ты**, посредничек, уходишься», допрашивающий представитель властей говорит девушке сначала вежливо и сухо: «Где тонули ведь **вы** ё до во синем море», а потом, раскричавшись, грубо: «Да **ты** как, красна девица, оставалася, на синем море **ты** в лодке схоронялася?» (стр. 261). Совершенно такой же переход от «Вы» к «ты» и в речи «властей», шантажирующих родителей погибшего ребенка в «Плаче о попе — отце духовном» (стр. 296—297).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И. А. Федосова в доме Т. И. Филиппова
(1895—1899 гг.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

устному народному творчеству.[1] Словарь чиновников, попов, офицеров был чужд и недоступен и ей и ее односельчанам. Не трудно заметить, что во всех приведенных выше примерах фигурировали слова, не специально чиновничьи, поповские и т. д., а слова, в равной степени близкие и знакомые крестьянам. Они вложены в уста героев в прямой связи с содержанием их речей. Вместе с тем речи «безгласных» персонажей звучат вполне естественно, т. к. они являются органическими элементами монологов героинь — крестьянок, они крестьянками были восприняты и запомнились. Это особенно подчеркивается тем, что горюющая обычно прямо и открыто оценивает и смысл и тон речей изображаемого ею лица («Тут стращать стали крестьянина, сполохать» — стр. 297, или «И по фатерушки судьи да все похаживают и добра молодца оны все понаряживают» (т. е. потирапливают) — т. II, стр. 4 и т. д.). Как уже говорилось, в «Плаче о старосте» бушующий перед крестьянами мировой посредник сравнивается с бурей, внезапно налетевшим вихрем, тон его речи характеризуется чрезвычайно выразительно:

Уже так на мужика стане срыга́тися,
Быдто зверь да во темно́м лесе кидается,
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.[2]

Сама эта характеристика тона речей посредника становится чрезвычайно важным средством лепки образа распоясавшегося чинуши, потому что в самом тоне уже выявляется в значительной мере отношение действующего лица к основному трагическому событию, т. е. выявляется важнейшая для Федосовой черта его образа.

Передача тона речи действующего лица, особенно социального противника, вообще очень важна для Федосовой. Он выявляется ею не только в прямых оценках тона, но и закрепляется в сознании слушателей интонациями самой прямой речи.

В том же «Плаче о старосте» Федосова с поразительным искусством, одними ритмико-интонационными

---

[1] См. об этом А. П. Евгеньева, Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв., Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Л., 1950, или главу о языке устной поэзии того же автора в книге «Русское народное творчество», т. I, Л., 1953, стр. 118—140.

[2] Стр. 284—285.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

средствами передает тон речи мирового посредника, старосты и крестьян. Первая речь мирового посредника кажется сплошь состоящей из выкриков и угроз:

Вы даете все пово́льку мужикам-глупца́м,
Как **бездѐльникам** ведь вы да **потака́ете;**
Хоть **своѐй** казной теперь да **долага́йте-тко.**
Да вы подати казенные споляйте-тко.

(стр. 284)

Основные ударения в каждой строке речи ярко выделяют подчеркнутые нами слова, окруженные словами, почти утратившими ударение, практически превращенными в энклитики, создающими своеобразный нервозный «взвинченный» ритм.

В противоположность этому речь старосты звучит спокойно и сильно, основные ударения распределены четко, слова стоят тесно:

Не **дава́й спѐси** во **бла́дую голо́вушку,**
Суровьства́ ты во **ретливое сердѐчушко,**
Да ты **чином-то** своим не **возвыша́йся-тко —**
Едины́ да все у **бо́га лю́ди созданы.**

(стр. 285)

Особенно выразителен конец речи старосты. Предостережение посреднику звучит грозно и, вместе с тем, сдержанно. Характерно в нем ритмическое выделение глаголов, несущих основную смысловую нагрузку:

Хотя ж рьян да ты, посредничек, **уходишься;**
Хоть спесив да ты, начальник, **приусядешься...**

(стр. 285)

На фоне этой речи совершенно приниженно и робко звучат последние слова оробевшего посредника:

Да вы счастливы **крестьяна** деревенскии,
Што ведь ста́роста у вас да преразумной.

(стр. 285)

Возмущенные крестьяне после отъезда мирового посредника ругают губернское начальство. В их речи Федосова очень умело сочетает ритмическое выделение наиболее важных в строке слов то в начале, то в конце строки:

Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В те́мном лесе быдто **звери-то съедучии,**
В чистом поле быдто **змеи-то клевучии,**
Как наедут ведь **холодныи, голодныи...**

(стр. 285)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Сопоставление поступков, мыслей и чувств действующих лиц в их отношении к основному трагическому событию, к судьбе вдовы, солдатки или «казенного человека» (рекрута), которое лежит в основе художественного метода Федосовой, приводило народную поэтессу к **углубленному показу психологии основных героев,** к внимательному изображению борьбы чувств и душевных движений.

Разумеется «психологизм» Федосовой не был следствием отвлеченного внесоциального интереса к человеческой психологии. Наоборот, он рождался из конкретных потребностей выражения нового социального содержания крестьянской жизни 60-х гг. прошлого века. Общее обострение социального сознания крестьянства, дальнейшая дифференциация общины, особенно распад «большой семьи» неизбежно несли за собой индивидуализацию сознания ее членов. Если в условиях старой «большой семьи» отношения между родственниками лишь в некоторой степени определяли судьбу вдовы и ее детей, то в период распада «большой семьи» трагическая судьба вдовы стала целиком от них зависеть. С другой стороны, вдова (причитывающая за нее вопленица) становилась и сама все более самостоятельной (отграниченной, думающей только за себя) социальной единицей, человеком, которому не на кого было надеяться, который остался один на один со своей судьбой, своим горем, своими трудностями.

Следует подчеркнуть, что в центре внимания Федосовой — переживания ее героев именно с ее **собственной** точки зрения. Это приводит к тому, что голос поэтессы как бы двоится — монологи произносятся от имени одного из «действующих лиц», вместе с тем сама поэтесса обычно «знает» больше, чем любой из ее героев, она знает, как воспринимаются монологи горюющих, искренни ли они, что было с «действующими лицами» до момента произнесения монолога и что неизбежно произойдет с ними после.

Такое выделение сознания сказительницы-поэтессы, не просто имитирующей голоса «действующих лиц», но стоящей над их сознанием и имеющей свою точку зрения, было неразрывно связано с развитием психологизма. В то

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

же время только такое выделение сознания поэтессы способно было превратить ряд лирических заплачек в нечто цельное, воспроизводящее действительную жизнь **с точки зрения самой поэтессы.**

Уже говорилось о том, что в произведениях Федосовой взаимоотношения героев раскрываются подчас не в сопоставлении их действий, а в сопоставлении их переживаний.[1] Разумеется, в центре внимания Федосовой неизменно оказываются трагические переживания самой вдовы («По дяде родном», «По муже», «Об упьянсливой головушке», «Об убитом громом-молвией» и др.) во всей их психологической сложности, именно поэтому ее тексты не просто однопланово лиричны, они рисуют подчас развернутые и сложные психологические коллизии, борьбу чувств и душевных движений. В отличие от традиционной причети или лирической песни в них господствует не одно чувство, а подчас целый комплекс противоречивых чувств.

Остановимся на некоторых характерных примерах. В «Плаче о потопших» (№ 17) горе девушки, потерявшей отца и брата, сплетается со страхом голодной смерти на безлюдном острове, радость спасения — с ужасом, который она испытывает перед предстоящим допросом станового и т. д. В «Плаче по жене, если дитя останется ребенком» (№ 6) вдовец вынужден резко изменить свое отношение к сестрам, на попечение которых он отдает ребенка, но они все же не могут заменить матери. Вдовец решает жениться. Девушки не хотят идти за вдовца. Ребенка ожидает невеселое детство, но и будущая мачеха тоже горюет: как бы она ни была хороша, любое ее действие истолкуется криво. Такая же примерно ситуация и в «Плаче по крестнице» (№ 9), о котором мы уже говорили: хорошее отношение крестной к крестнице воспринимается окружающими как хитрость.

Федосова мастерски изображает мучительную для вдовы необходимость говорить и делать не то, что она думает, жестокую необходимость жить «скрепя сердце» («По дяде двоюродном» № 14), скрывать от посторонних раздоры в семье («По жене, если дитя останется ребенком» № 6, «По муже» № 1 и др.), причитывать, когда горе столь велико, что слова не идут на ум (т. II,

[1] Поэтому сам термин «действующие лица» не приложим к персонажам федосовских текстов. Мы берем его в кавычки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

стр. 43—44), сдерживать притывание, когда оно не по сердцу окружающим (там же, стр. 199). Она умеет нарисовать разудалое гуляние рекрута на людях и его слезы тайком от людей (там же, стр. 50—51), жестокость «начальства», понуждающего рекрутов, горюющих после разлуки с родными, петь веселые песни (там же, стр. 32) и т. д.

Вместе с тем, Федосова — замечательный мастер изображения самих душевных движений. Сила и точность ее поэтического рисунка в ее лучших импровизациях поразительны. Так, например, «В плаче об убитом громом-молвией» (№ 16) после «пролога в небесах», в котором решилась участь крестьянина, открывается картина внезапно налетевшей грозы. Крестьяне спешно расходятся по домам, затепляют свечи перед образами и с ужасом ждут страшного удара. И только один из них не испытывает никакого страха —

Все ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Торо́ко́м[1] да пройде темна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку... —
(стр. 247)

но его и тут настиг удар молнии. Небо снова проясняется, снова «печет» красное солнышко. Жена убитого, которая в страшную минуту забыла обо всем, вспоминает о муже и торопится в поле. Вне себя она бежит по пашне, предчувствуя недоброе —

Вдруг увидела ступи́стую лошадушку,
Добро́й конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужа́хнулось ретли́вое сердечушко,
Не видать да все надежноей голозушки.
Тут глядеть стала по чистому по полюшку
Как сглянула ва курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь в щепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено
Тут бросилася к кудрявой деревиночке,
Как л жит ейна надежная половушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце все молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты.
(стр. 248)

Удивительный поэтический такт И. А. Федосовой сказывается в приведенном отрывке в полной мере. Жена погибшего видит «лошадушку», которая стоит, понуря го-

[1] Торок — порыв ветра (примеч. *Е. В. Барсова*).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лову, а мужа — нет; она бежит дальше — дерево расколото молнией и «ко сырой земле приклонено», мужа все еще не видит; в отчаянии бросается к дереву и находит, наконец, убитого. Используя распространенный в русском народном творчестве прием расщепления действия на три этапа, на три ступени, Федосова объединяет эти три этапа единым стержнем — единой линией возрастающего предчувствия, разрастающегося ужаса, который охватывает душу ее героини, превращает этот прием в средство реалистического изображения психологического состояния героини.

В «Плаче по дяде двоюродном» (№ 14) скупыми штрихами рисуется ночное бдение причитывающей у постели умирающего. Бдящая по традиции «сторожит смерть», но картина умирания совершенно необычна. Бессонная ночь утомляет племянницу; под утро она выходит на крыльцо освежиться. Возвратившись в избу, она находит дядю умирающим. Последние минуты его борьбы за жизнь совпадают с восходом солнца — поют петухи, меркнет лучина, гаснут свечи... В отличие от традиционного описания смерти, построенного обычно на метафоре «умер — солнце закатилось», здесь рисуется нечто прямо противоположное. Смерть в действительности произошла во время восхода солнца — от этого реального факта Федосова не может отвлечься, и поэтому традиционная схема оказывается сломанной. Вместе с тем сложившийся контраст не только увеличивает впечатление необычности, неожиданности происходящего, но и дает ей возможность глубже вскрыть переживания присутствующих.

Наконец Федосова умеет рисовать психологическое состояние «действующих лиц» и не вдаваясь в подробности —

Не дай, господи, на сем на белóм светý
Поостаться от родителя от матушки;
Надо ластушкой летать да кругом людушек,
Надо плеточкой круг их да обвиватися,
Точно белочке в глаза да им посматривать.

(стр. 66)

Стремление к истолкованию психологической сути происходящего проявляется с равной силой и в былинах, записанных от Федосовой. Нам известны тексты только

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

двух былин, исполнявшихся ею («Добрыня и Алеша» и «Смерть Чурилы»), но и они настолько своеобразны и необычны, что их с трудом можно назвать вариантами — правильнее считать их пересказами былин, известных народной поэтессе. В то же время отличие пересказов Федосовой не внешнее и не случайное. Можно со всей уверенностью констатировать сознательную творческую переработку, идущую, в основном, по трем линиям — углубление и обострение социальных характеристик, напряженный интерес к психологическому анализу поступков и переживаний героев и особенное внимание к женской доле, женской судьбе. Некоторые приемы, выработанные Федосовой в процессе создания плачей-поэм применяются ею и тут. Так, например, в былине «Добрыня и Алеша», рассказывая о прощании Добрыни с родными, Федосова в отличие от большинства заонежских сказителей создает два самостоятельных эпизода — прощание с матерью и прощание с женой. Для нее важно выявить разницу переживаний жены и матери при отъезде Добрыни, сопоставить их отношение к основному событию — отъезду Добрыни. С другой стороны, вопрос жены —

А когда тебя домой-то ждать, надежа наша,
Что надежа ли, Добрыня сын Микитович? —

психологически подготавливает дальнейшее развитие сюжета. Федосова своеобразно истолковывает этот вопрос. Он звучит как желание жены знать, когда она будет свободна от обязательств, — и поэтому оскорбителен для Добрыни:

И спроговорит Добрыня сын Микитович:
— Как не милая б была семья мне, не любимая,
Так казнил бы буйную твою я го́лову
За твои за речи неумильныя.

(т. III, стр. 129—130)

Продолжая тенденцию тех вариантов, в которых основная вина возлагается на Владимира, Федосова фактически превращает Алешу Поповича во второстепенное действующее лицо. Ее былину следовало бы назвать «Добрыня и Владимир».

Владимир становится законченным отрицательным персонажем. Обманом и угрозой вынуждает он Настасью Тимофеевну выйти за Алешу Поповича. Поэтому Добры-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ня обращает свой гнев прежде всего на Владимира. Выбирая место в свадебном тереме, он грозно спрашивает Владимира:

— Тáко ль молвишь, стольный князь киевский?

Обнаружив себя, он снова обращается к Владимиру:

— Кто же из вас Настасью Тимофеевну подговаривал,
За смелого Алешу за Поповича?

Гости разбегаются, и Владимир рад, что его «бог унес» от добрынинои расправы.

Трусость и коварство Владимира особенно заметны в сравнении с подчеркнутым героизмом Добрыни, сражающегося за родину.

Как наехали поганы люди, супостатые,
Они режут, бьют моих собратиев...
Не сидится здесь мне без работушки,
Им помочь идти — одна заботушка,
Заботушка моей ли буйной вот головушки!

Подчеркивание героизма Добрыни и отрицательных качеств Владимира делает былину Федосовой чрезвычайно содержательной и социально и психологически. Недаром она заслужила высокую оценку Горького, слышавшего ее в зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки в Нижнем Новгороде: «Самая подлинная история правды добра и правды зла... должна и умеет говорить о прошлом так... одинаково любовно и мудро о гневе и о нежности, о неутолимых печалях матерей и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь».[1]

Не менее интересна другая былина — «Смерть Чурилы». Сравнение двух записей ее (1867 и 1886—1887 гг.) дает некоторое представление о ходе творческой переработки этой былины в сознании сказительницы. Запись Барсова (1867 г.) — довольно обычный «женский» вариант этого сюжета с характерной смягченной развязкой — Бермята расправляется с Чурилой и, уступая слезам Катерины, соглашается ее помиловать. Ко времени записи Агреневой былина эта совершенно преобразилась. Две записи, разделенные двадцатью годами, объединены по существу только некоторыми общими формулами, лишь некоторыми деталями словесного орнамента. Инициатива теперь оказывается на стороне Катерины.

[1] Собр. соч., т. XIX, стр. 525.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Бермята не только молится в церкви — он назван попом. Развязка былины дается иная: Чурила после выволочки изгоняется Бермятой, которому «во дому казнить не хочется», Катерина только пристыжена, казнена же корыстолюбивая «девка черная» —

А не знала бы чужих как мужних жен ли доводить!
(стр. 141)

При сравнении с другими прионежскими вариантами[1] выясняется следующее: первичный текст былины, которым Федосова владела в 1867 г., обогатился мотивами других вариантов, которые Федосова могла слышать в 60—70-е гг. В частности, заметны следы использования некоторых формул тех вариантов, в которых расправе подвергаются и Чурила и Катерина и девка-чернавка. Однако это не механический сплав разнородных элементов. Совершенно очевиден сознательный замысел и последовательное творческое переосмысление, стремление к созданию образа женщины, рвущей путы патриархального быта. Протест Катерины неглубок — сам сюжет былины не давал сказительнице повода для более глубокого решения затронутой ею проблемы. Вместе с тем, нельзя не признать, что само направление переработки сюжета характерно для Федосовой, всем своим творчеством активно утверждавшей общественные права и достоинство женщины, опутанной патриархальными обычаями. Былина о Чуриле—не единичный случай подобного переосмысления. Можно указать, например, на балладу «Василий и Софья» (тоже имеющуюся в двух записях), где появляется новая мотивировка смерти влюбленных, «Стих о книге голубиной», претерпевший не меньшие изменения и т. д.

* * *

Углубленный показ психологии основных героев, внимательное изображение борьбы чувств и душевных движений, о которых мы говорили, естественно вырастали из стремления народной поэтессы не только выяснить отношение героев к основному трагическому событию, но и объяснить, как сложились их взаимоотношения, показать их прошлое и причины их возникновения, влияние их

[1] Библиографию записей см. Астахова А. М., Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 641.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

взаимоотношений на дальнейшую судьбу вдовы (солдатки и т. д.). Взаимоотношения героев в дни проводов рекрутов или похорон покойного рассматривались Федосовой в связи с прошлым и будущим, т. е. как определенный **момент развития этих взаимоотношений.** Борьба противоречивых чувств и душевных движений, которые привлекали пристальное внимание Федосовой, осознавалась ею как результат развития сложных взаимоотношений героев. Лирическая стихия традиционных причитаний приобрела в ее творчестве сюжетную динамичность. Все это позволило Федосовой преодолеть одноплановую статичную лиричность традиционной причети и, с другой стороны, создать сюжетные произведения, в которых образы героев рисовались путем углубленного раскрытия их психологии, их чувств и т. д., чего, как правило, не знали традиционные эпические жанры эпохи феодализма — былина, сказка и др. (недаром былина, в отличие от сюжетной лирической песни, и сказка совершенно не знают так называемых «внутренних монологов», не прибегают к изображению действительности с точки зрения одного из героев, изображают действительность подчеркнуто объективно, избегая прямых оценок и лирических отступлений).

Традиционные эпические жанры, изображая поступки героев и не углубляясь в их переживания, давали четкую и резкую классификацию героев на положительных и отрицательных, располагали героев контрастно, сосредоточивая на одном полюсе все, что составляло положительный идеал и на другом все, что этому идеалу абсолютно противостояло, прямо и открыто противополагалось. Ни былина, ни сказка периода феодализма, как правило, не знают противоречия характера и обстоятельств. Их положительные герои обнаруживают свои качества не в связи с обстоятельствами, а как бы вопреки любым обстоятельствам, никогда не изменяясь с их переменой.

Показ взаимоотношений героев в их развитии позволяет Федосовой в ряде случаев подойти вплотную к проблеме характера и обстоятельств и, тем самым, преодолеть принцип деления героев только на положительных и отрицательных, теперь оказавшийся неспособным с достаточной глубиной выразить новые взаимоотношения, новые идеи, новое понимание людей и жизненных обстоятельств.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Разумеется, сказанное требует значительного уточнения. Образы социальных врагов у Федосовой резко отрицательны. Мировой посредник, «командер-начальничек», «судья неправосудный» и т. д., сталкивавшиеся с крестьянами, не вызывали у Федосовой желания присмотреться и поискать в них что-то положительное, человеческое. Противоречия, лежавшие в основе взаимоотношений крестьян и представителей власти помещичьего государства, были настолько остры, что каждый мировой посредник был для крестьян одним из мировых посредников-«нехристей», «мироедов», которые

...рады мужиченка во котле варить,
Оны рады ведь живова во землю вкопать.

Следовательно — отрицательные герои в произведениях Федосовой совершенно и до конца отрицательны. Именно это и позволило Федосовой при создании образа мирового посредника использовать некоторые традиционные черты эпического врага (Соловья-разбойника, Змея и т. д.).

С другой стороны, характерно, что фигуры представителей деревенских властей — старосты, писаря, сотского и т. д. рисуются Федосовой то положительными, то отрицательными. В известных специальных плачах-поэмах, в которых рассказывается о столкновении крестьян (всех крестьян, крестьянского «мира») с представителями губернского начальства, староста и писарь — целиком на стороне крестьян. Образы их — это образы героев, крестьянских заступников. В некоторых других текстах («О попе — отце духовном», «О холостом рекруте» и др.) речь идет о внутрикрестьянских взаимоотношениях, о противоречиях внутри крестьянства. Здесь староста и писарь обнаруживают себя ставленниками деревенских богатеев, интересы которых противоположны интересам деревенской бедноты. Естественно, что староста, писарь и др. оказываются в этом случае отрицательными персонажами, т. е. персонажами, для которых характерно отрицательное по своим последствиям влияние на судьбу вдовы, солдатки, «казенного человека» и т. д. Таким образом, наличие значительных пережитков феодализма, заставлявших крестьянство выступать против определенных мероприятий властей единой социальной силой и, с другой стороны относительная неразвитость внутрикрестьянских противоречий в первые пореформенные годы обусловили-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ла сложность и противоречивость образов представителей «деревенских властей» в творчестве Федосовой. Несомненно и то, что речь должна идти не о противоречии в творчестве Федосовой, а о противоречии современной ей действительности, отраженном в ее поэтическом творчестве. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Федосова не создала ни одного текста, где бы представители деревенских властей обнаружили **одновременно** и положительные и отрицательные качества. Это свидетельствует о том, что ей было чуждо стремление примирить положительное и отрицательное, враждебное и дружественное беднейшему крестьянству, выразительницей интересов которого она была.

Мы говорили о том, что Федосова поднимается над классификацией на абсолютно положительное и абсолютно отрицательное, имея в виду, прежде всего, некоторые случаи трактовки образов горюющих крестьянок, в которых явственно выступает противоречие между характером героини (ее стремлениями) и обстоятельствами, в которые она поставлена. Так, уже отмечалось сложное переплетение положительного и отрицательного в переживаниях вдовы из «Плача об упьянсливой головушке». В этом плаче-поэме рассказывается о том, как в праздник муж собирается в гости, оставляя дома жену, которая обязательно хочет ехать с ним для того, чтобы удержать его от пьянства. Оставшись дома, она мучается в предчувствии беды, жалеет мужа и вместе с тем бранит его и в сердцах даже желает ему смерти. К вечеру соседи возвращаются домой, но ее мужа все нет и нет. Далее изображается ее бессонная ночь, полная тревожных предчувствий и, вместе с тем, угрызений совести. Наконец, утром она слышит скрип саней, выбегает на улицу и видит свою лошадь и свои сани — «пятисотский» привез тело опившегося мужа, и горе вдовы, искренно любившей покойного, снова борется с охватившим ее чувством облегчения.

> Хоть нет пахаря на чистом этом полюшке,
> Разорителя в хоромном нет строеньице.

В «Плаче по родном брате» рисуется противоречие между стремлением сестры помочь брату, навестить его, наконец, придти на его похороны и необходимостью подчиняться мужу-богатею, гнушающемуся бедных родственни-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ков и заставляющему ее прекратить с ними сношения. Брат и семья брата считают, что она делает это по своей воле, вместе с тем она упрекает себя за малодушие, но просит их понять, что при таких обстоятельствах она не могла быть одновременно и хорошей женой и хорошей сестрой.

И, наконец, еще один пример. В «Плаче по жене, если дитя останется ребенком» рисуется противоречие между стремлением мачехи заменить ребенку мать и «нормальными» взаимоотношениями патриархальной семьи, вынуждающими ее стать мачехой в самом отрицательном смысле этого слова.

Итак, развитие капиталистических отношений в деревне, сопровождавшееся разложением крестьянства и резким обнаружением «внутридеревенских» противоречий, вело к осмыслению крестьянства как среды сложной, рождающей и положительное и отрицательное, как среды, в которой стремления отдельных людей могут вступать в противоречия с обстоятельствами, в которые они попали (причем речь шла об обстоятельствах внутрикрестьянских взаимоотношений, а не о взаимоотношениях крестьянства с другими классами). Характерно, что взаимоотношения крестьянства с представителями помещичьего государства находили и в пореформенные годы яркое и сильное выражение в образах, построенных по-старому, в соответствии с традицией, унаследованной от эпохи феодализма.

ГЛАВА 5

Поэтический язык русских причитаний и вместе с тем поэтический язык плачей-поэм, которые создавались лучшими мастерами русской причети XIX—XX вв. — народными поэтессами И. А. Федосовой, Н. С. Богдановой-Зиновьевой, А. М. Пашковой и др., изучен недостаточно. Если некоторые его общие отличительные особенности по сравнению с другими жанрами могут считаться проясненными[1], то проблема истории поэтического языка причитаний до сих пор не поставлена. Эта задача может

[1] Чрезвычайно ценные наблюдения содержатся в статьях А. П. Евгеньевой «Язык устной поэзии (Синонимия)». «Тр. отд. др. русской лит. ИРЛИ», т. 7, 1949, стр. 118—214 и «О некоторых особенностях русского устного эпоса 17—19 вв. (постоянный эпитет)». там же, т. 6, стр. 154—189.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

быть решена только совместными усилиями языковедов и литературоведов-фольклористов.

Не ставя перед собой задачи дать сколько-нибудь полное и широкое описание поэтического языка произведений И. А. Федосовой, остановимся лишь на некоторых моментах, которые кажутся важнейшими для понимания общих особенностей ее поэтического стиля.

Поэтический язык русских причитаний, как и большинства других жанров устного народного творчества, отличается большой отработанностью, гармоничностью и целеустремленностью всех средств выразительности. В целом он характеризуется значительно большей эмоциональной напряженностью, чем язык сказок, былин, лирических песен. Об эмоциональной напряженности причитаний и возникших на их основе плачей-поэм И. А. Федосовой говорилось уже неоднократно. Сейчас же нам важно выяснить, как эта особенность выражается в поэтическом языке.

Язык произведений Федосовой во многом близок к языку традиционной причети. Так, например, важнейшей отличительной особенностью синтаксиса причети является его постоянное тяготение к вопросительным, восклицательным и вопросительно-восклицательным конструкциям. Прямым выражением предельного эмоционального напряжения, в котором постоянно находится импровизирующая исполнительница, служит прием повторения, нанизывания, как бы нагнетения синтаксически, интонационно и семантически сходных (обычно названных выше) конструкций. Например:

Разнадежинка мой, мил сердечный друг!
Уж куда ты снарядился,
Уж куда же ты сподобился,
Уж во какую ты путь-дороженьку?
Уж и что же ты не скажешься?
Уж на что же ты на нас сердился?
Уж на что же ты очень прогневался?[1]

Известны случаи, когда все причитание (например, цитированное выше) от первой до последней строки строится на вопросительных и восклицательных оборотах.

---

[1] См. «Русские плачи (причитания)» в сер. «Библиотека поэта», Сов. писатель, 1937, стр. 211. Запись В. И. Чернышева от П. Я. Будаговой (д. Шустиково, Завалинской вол., Покровского у., Владимирской губ.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Казалось бы, что в отличие от традиционных лирических заплачек сюжетные плачи-поэмы Федосовой должны в основном пользоваться менее напряженными, повествовательными конструкциями. Однако тексты Федосовой не подтверждают этого предположения. Уже говорилось о том, что сюжетные повествования в произведениях Федосовой являются органическими составными частями монологов, которые произносятся горюющими женщинами. Монологи эти служат страстным выражением **своих** мыслей и чувств и **своего** отношения к чужим поступкам, речам и чувствам. Поэтому для них характерна такая же эмоциональная напряженность и такое же стремление к максимальному нагнетению восклицательных и вопросительных конструкций, как и для традиционных заплачек. Рассказ о происходящем постоянно прерывается страстными лирическими отступлениями, да и сами действия героев отличаются резкостью, за которой ясно ощущается большое напряжение их чувств. Посредник, как вихрь, налетает на деревню, кричит, топает ногами, угрожает. Описание его приезда в деревню прерывается неоднократно цитировавшимся отступлением:

Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белы́х грудя́х,
Нету совести у их да во ясны́х о:ах,
Нет креста-то ведь у их да на бело́й груди.
Уж не бросить же участков деревенскиих,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этыих властей да страховитыих!

(стр. 283)

Староста, посланный посредником собирать крестьян,

...бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается

и т. д.

Даже рассказ старосты крестьянам о приезде посредника обильно насыщен вопросительно-восклицательными конструкциями:

Аль казна его **бессчетна придержалася**,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притоптались?

В тех случаях, когда употребление вопросительно-восклицательных конструкций невозможно, Федосова ак-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

тивно пользуется так называемыми «усилительными частицами» — да, все, ведь, еще, как, тут и др.

...**Как** у этых мировых да у посредников
. . . . . .
Как наехала судья неправосудная
. . . . . .
Как на стойлы конь копытом призастукае
. . . . . .
Как уедет тут судья да страховитая
. . . . . .
Как наедут ведь холодный-голодныи
. . . . . .
Как безумыще во буйну бы головушку.

В «Плаче о старосте», из которого мы выписали несколько примеров эмоционального усиления посредством частицы **«как»**, подавляющее большинство предложений являются либо восклицаниями, либо начинаются с усилительной частицы и развиваются (от 2 до 6 строк) путем нанизывания сходных конструкций:

Как наедет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по писаному,
Не до того это начальство добирается и т. д.
(стр. 282—283)

Эмоциональное усиление достигается и многими другими средствами. И. А. Федосова как бы стремится каждое чувство, каждый изображаемый ею предмет прорисовать предельно сосредоточенно, резко, четко. Поэтому используя и совершенствуя традиционную лексику причети, она постоянно прибегает к употреблению уменьшительных и увеличительных суффиксов не только при образовании существительных, что характерно для многих жанров русского народного творчества, но даже при образовании прилагательных и наречий (людушки, ествушки, векушко, маханьице, посиделище, смелугище, суровешенько, поранехоньку и т. д.), усилительных приставок при глаголах и прилагательных (**испро**молвить, **по**хаживать, **по**оставить, **об**законить, **запо**свистывать, **под**омовый, **за**напрасный, **за**военный, **раз**молодый, **раз**несчастный, **при**старший и т. д.), семантически насыщенных отглагольных существительных и прилагательных (съедуба, холостьба, гульба, спорыданье, гульливый, упьянсливый,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

улыбчатый, заблудящий, плящий, поскакучий и т. д.) и др.

Слабая изученность заонежского диалекта середины XIX века и заонежской традиции причети этой поры исключает возможность точного определения того, что в этом потоке словообразования принадлежит лично Федосовой, какие слова являются ее неологизмами и какие принадлежат бытовой или поэтической традиции. Однако совершенно несомненно, что многие из приведенных выше слов могли возникнуть и жить лишь в пределах причети и образуют лексический слой, характерный для стилистической стихии именно этого жанра. Кроме того, и это еще важнее, сама насыщенность причети подобного рода словообразованиями (иногда известными по записям произведений других жанров, например: размолодый, разнесчастный и др., употребительные в лирической песне) в сочетании с другими приемами эмоционального усиления в высшей степени характерна для всего жанра причети вообще. И. А. Федосова не только активно опиралась на все эти приемы, выработанные ее предшественницами и современницами, но и положила их в основу языка созданного ею своеобразного жанра плача-поэмы.

Эмоциональная напряженность в плачах-поэмах Федосовой подчас достигает огромной силы, приводит к взрыву, экспрессии, подобной «проклятью судьям неправосудным» из «Плача о старосте» или гневному лирическому отступлению из «Плача по холостом рекруте» («Будьте прокляты злодеи-супостатыи»[1] и т. д.), о которых говорилось неоднократно. Такие эмоциональные взрывы были заостренным выражением ненависти крестьян к угнетателям и, несомненно, имели большое общественное значение.

Помимо синтаксических, морфологических и лексических средств эмоционального усиления, играющих огромную роль в создании общей стилистической окраски плачей-поэм Федосовой, народная поэтесса охотно прибегает к гиперболе — стилистическому приему, популярному в ряде жанров русского народного творчества. Вполне вероятно, что относительно частое употребление ею этого приема (в сочетании с «сюжетностью») и побудило неко-

[1] Т. II, стр. 74—75.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

горых исследователей сближать ее плачи-поэмы с былинами. Однако такое сближение ошибочно. Гипербола в плачах-поэмах Федосовой очень мало напоминает гиперболу в русских былинах и по своему происхождению несомненно связана с гиперболой традиционной причети. Как известно, традиционная причеть знает гиперболу именно как средство поэтического изображения основного трагического события — смерти, набора рекрутов или стихийного бедствия (бури, пожара, недорода), вызвавшего целый ряд несчастий в семье горюющей. Так построено, например, анализировавшееся выше описание бури в «Плаче о потопших». Приезд мирового посредника в деревню описывается как грозное стихийное бедствие («Быдто Свирь-река, посредничек свирепый, быдто Ладожско великое, сердитое»). Поэтическая гипербола лежит в основе описания грозы в «Плаче об убитом громом-молвией»:

Наставала туча темна, неспособная,
Со громо́м да эта туча со толкучним,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этыим огнем да она плящим;
На горы шла туча на высокия,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатилися;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучим,
Леса к зе́ни[1] с этой тучи приклонилися,
По ко́решку они все приломалися;
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися;
Становилась туча темна на синём море,
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелося;
С л;ды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялися,
По своим стана́м рыбы разметалися[2]

и т. д.

Столь же гиперболизованно изображается и одно из сражений, в котором довелось участвовать «казенному человеку» — герою «Плача при проводах солдата с побывки»:

[1] Т. е. к земле.
[2] Т. I, стр. 246—247.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

И как сраженьице у нас да сочинялось,
И от солдатских слез земля да подгибалась,
И от обильюшки следочки заплывалися,
И темны лесушки к земи́ да приклонялися,
И звери лютыи от страсти разбегалися,
И в перепо́лоху тут птиченьки попадали;
И мы ж, солдаты, тут стояли не пугалися,
И мы палили, тут уза́лы, не дроби́ли ведь,
И тут сраженье да было презеликое,
И кроволитье да тут было приужасное:
И от дыму-то не видно свету белого,
И мы ходили-то, солдаты, по колен в крови;
И мы плавали, солдаты, на плота́х-тела́х[1]
и т. д.

И, наконец, отметим еще один характерный тип гиперболы в плачах-поэмах И. А. Федосовой, связанный не с изображением трагического события, а с лирическими отступлениями, в которых звучит голос самой народной поэтессы, страстно желающей преодолеть трагический ход событий. Один из наиболее замечательных примеров такого страстного порыва, выраженного в поэтической форме гиперболы, содержится в «Плаче о потопших»:

Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звериная,
Потягй да у мня были лошадиныя,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила б я славное Онегушко,
На сине́м море волна бы не мутилася,
Со желты́м песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лодок не шатала бы,
Тонких белых паруса́ не обрывало бы,
Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужних бы жен да не слезило бы,
Сирот малых детей не оставляло бы!
(стр. 266)

Исследователями уже отмечалось не только богатство и разнообразие эпитетов в причитаниях по сравнению с другими жанрами, но несомненно ведущая роль эпитета среди других поэтических средств этого жанра.[2] Помимо общих для всех жанров русского народного творчества так называемых «постоянных эпитетов» (типа «белый свет», «сине море» и т. д.), в причитаниях есть круг своих постоянных эпитетов: «колода белодубова», «тонки-белы

[1] Т. II, стр. 206—207.
[2] См. указанную выше статью А. П. Евгеньевой «О некоторых поэтических особенностях... и т. д.», стр. 159—166.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

саваны», «трудная постелюшка», «скорая смеретушка» и т. д. Кроме того, как отмечает А. П. Евгеньева, своеобразие эпитета в причитаниях заключается еще в том, что «в предмете или понятии вопленица видит не один «существенный признак», а несколько... она выделяет «существенный признак» в зависимости от обстоятельств, от времени, и в этом случае «постоянство» эпитета ограничивается темой и даже произведением. Так, в плаче «О потопших»: «малогребна, мала, утла лодочка», «напрасная смерть», «непомерная погода», «туча темна, неспособная». В «Плаче об убитом громом-молвией»: «туча темна, грозна, неспособная», с «громом толкучим», «свистучей молнией», в плаче «О жене», если ребенок сирота, то о нем говорится: «болезно», «прозябло, мало дитятко»; «камышек неподвижный, синий» и «белый, катучий».[1]

Эпитет в причитаниях не всегда указывает типический признак, как это характерно для былины или лирической песни, он направлен обычно на выявление **ряда** признаков явления или предмета, выражающих богатство оттенков какой-нибудь стороны явления. Поэтому у существительного в причитаниях может быть одновременно два, три и даже четыре определения (например, «тайны, милыя, советны, дружны подружки»[2]).

Опираясь на эту особенность традиционной причети, И. А. Федосова дала замечательные примеры разнообразия эпитетов, применяемых к существительному в зависимости от конкретных обстоятельств. Следует подчеркнуть, что и эта особенность ее стиля связана с общей эмоциональной напряженностью ее плачей-поэм, со стремлением сосредоточиться, рассмотреть и обрисовать предмет или явление с различных сторон. Подсчет, произведенный А. П. Евгеньевой, показал, что одно существительное может в плачах-поэмах Федосовой иметь до тридцати определений. Например, существительное «дети» имеет определения: сиротны, малы, милы, рожоные, божоные, любезные, сердечны, взрощенные, обидные, бессчастные, беспокойные, хлопотливые, болезные,

---

[1] См. указанную выше статью А. П. Евгеньевой «О некоторых поэтических особенностях... и т. д.», стр. 166.

[2] Т. I, стр. 121.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

глупые, прозяблые, игривые, дурливые, желанные, бедные, жадобные и т. д.[1]

Отмеченные нами особенности поэтического языка произведений И. А. Федосовой, как показал их краткий разбор, целиком определяются и обусловливаются назначением и идейным содержанием ее импровизаций. Богатство и целеустремленность всех средств ее поэтического языка, разумеется, следует объяснять не только индивидуальной одаренностью народной поэтессы, но и теснейшей ее связью с народной устной традицией — многовековой талантливой и сознательной коллективной работой поэтической мысли ее предшественниц и современниц — выразительниц горя народного.

* * *

Чрезвычайно сложные и в большинстве своем огромные по размерам тексты Федосовой являются в то же время строго слаженными, гармоничными организмами, и если некоторые из них с трудом воспринимаются современным читателем, то это следует объяснить прежде всего медленным развитием сюжета, сосредоточенным вниманием к малейшим душевным движениям «действующих лиц». Тягостное однообразие и трагическая ограниченность современной Федосовой крестьянской жизни порождали и внешне однообразную и тягостную, но чрезвычайно сильную, богатую эмоциями и глубокую по своей сути поэзию.

Мы говорили о том, что в основе художественного метода Федосовой лежит сопоставление переживаний «действующих лиц». При этом Федосова чрезвычайно умело распределяет между ними монологи, избегая повторений. Известно, что записи причитаний, в которых вопленицы имитируют голоса нескольких (даже двух) «действующих лиц», чрезвычайно редки. Попытки навести вопленицу на этот путь импровизации обычно кончаются воспроизведением отдельных, не только не связанных друг с другом, но и в значительной мере повторяющих друг друга текстов.

Такие повторения у Федосовой, как правило, не встречаются. Ей свойственно, как и всякому большому худож-

[1] См. А. П. Евгеньева, «О некоторых поэтических особенностях... и т. д.», стр. 160.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

нику, чувство гармонии целого, чувство места и функции художественной детали в общем потоке импровизации.

Так, например, в «Плаче о потопших» Федосова трижды вкладывает в уста горюющей девушки описание бури, кораблекрушения и ее приключений на безлюдном острове, однако, каждый раз это описание дается по-новому в зависимости от того, к кому и в какой связи обращается девушка. Первое описание (стр. 253—254) является прямым изображением ее несчастья. Девушка как бы снова переживает все пережитое. Описание пространно, в него входят все детали происшествия, как они запомнились девушке. Героиня борется со смертью, она потрясена случившимся, воспринимает свое спасение как чудо. Характерно, что об отце, брате она вспоминает, только почувствовав себя в безопасности. Она бродит по пустынному берегу, всматриваясь вдаль, пытается по различным приметам установить, в какой стороне ее «родима родинка», не появятся ли вблизи острова лодки рыбаков и т. д. Описание занимает более 200 строк. Появление «малогребной лодочки» ловцов и дальнейшие события прямо продолжают ее рассказ о буре и странствиях. В ходе этого рассказа девушка должна дважды повторить свое описание — ловцам при встрече с ними и представителям властей при допросе. Можно было бы ожидать, что подобное троекратное повторение превратится, как это бывает подчас в былине или сказке, в простое повторение одного и того же отработанного «общего места», устойчивой формулы. Если бы Федосова пошла по этому пути, то это означало бы, что она отказалась от основного для ее художественного метода принципа создания образов героев путем сопоставления их переживаний в связи с основным трагическим событием. Троекратное повторение описания бури и последующих приключений девушки необходимо поэтессе для того, чтобы сопоставить отношение крестьян, к которым обращается девушка и на сочувствие которых она надеется, «ловцов», удивленных внезапным появлением девушки на безлюдном острове, и «властей» — подозрительных, допрашивающих сухо и безжалостно, оскорбляющих своим допросом исстрадавшуюся героиню. Девушка, по представлению Федосовой, и не может одинаково рассказывать о своем горе и тем, и другим, и третьим. «Ловцам» она объясняет прежде всего, как она попала на остров, по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

этому ее собственные переживания отступают на задний план. «Властям» она рассказывает о самом событии и о смятении, в которое подвергает ее оскорбительный допрос.

Описания бури встречаются и в других текстах Федосовой. В «Плаче о сыне» (№ 7), который был создан, по-видимому почти одновременно с «Плачем о потопших», Федосова снова обращается к этой же теме. Однако в **этом** тексте описание бури — лишь незначительный эпизод, не играющий заметной роли в развитии сюжета. Поэтому буря рисуется короткими, сжатыми строками:

Стане буря на мо́ре подниматися,
Малогребна стане лодочки шата́тися,
От ветра паруса да обрызаются,
Дубовые веселышки ломаются;
Тут нас бросит в острова да незнакомыи,
Во эты берега да не в бывалыи...
(стр. 92)

И, наконец, с описанием бури мы встречаемся в I тексте «рекрутского тома» («По холостому рекруту»), здесь оно связано с рассказом о тяготах матросской службы. Буря разыгрывается в море, по которому плывут «матросики молодыи» на «четырех больших кораблях».

И буйны ветры в чистом поле развиваются,
И непомерная погода подымается,
И на сиием море волна да околыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны корабли ведь в море раскачаются,
И мачты о воду со брызгом ударяются...
(т. II, стр. 77)

Здесь же говорится о возможности быть выброшенными к «островам не к бывалыим». Соседка советует солдату поступать так же, как поступила девушка в «Плаче о потопших»:

И ты по бережку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по поднебесью,
И выше год гляди, наш светушка, высокиих,
И вровень с облачкой гляди да ты ходячей...
(т. II, стр. 78)

Но делать это советует не для того, чтобы выяснить, в какой стороне родной дом (как в «Плаче о потопших»), а для того, чтобы приметить «малу птиченьку» и послать с этой «птичкой» весточку родимым. Так реалистическое

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

описание бури и кораблекрушения совершенно свободно и естественно переплетается с традиционным мотивом «птица-вестник».

И таким образом, тема бури совершенно различно разрабатывается во всех перечисленных случаях, каждый раз в зависимости от ее роли и места в общей композиции текста.

Приведем другой пример. В крупнейшем из текстов I тома — «Плаче вдовы по мужу», составляющем 1198 строк, в уста овдовевшей вкладывается около $^3/_4$ всего текста. Однако, распределяя отдельные заплачки по моментам обряда и адресуя их различным родственникам и соседям вдовы, Федосова ни разу не разрешает себе повторить какой-нибудь мотив, какую-нибудь мысль в том же виде. Если отдельные мотивы и повторяются, то каждый раз вносятся новые оттенки, гармонирующие с общим развитием текста. При этом чувствуется, что, начиная импровизировать, Федосова имеет в виду совершенно определенный замысел, выполнение которого диктует ей специфическое, экономное использование художественных средств, находящихся в ее распоряжении. Высказывая горе вдовы в начале причитания (стр. 6—7), она помнит о том, что вдове еще предстоит вернуться с кладбища после похорон мужа (стр. 20) и что именно в этот момент она и должна осознать свое горе до конца. Там уже не будет места воспоминаниям, горе подавит вдову; в ее сознании не останется места другим чувствам. В соответствии с этим поэтесса и разрабатывает каждое из упомянутых мест.

Нечего говорить, что в лучших текстах Федосовой принцип художественной целесообразности, чувство гармоничности целого воплощены особенно ярко. Так, в «Плаче о старосте» образ мирового посредника — виновника крестьянских несчастий (в том числе и смерти старосты) — рисуется не только посредством рассказа о его столкновении с крестьянами, но и при помощи прямых оценок действий мировых посредников крестьянами. К этим прямым оценкам Федосова обращается трижды — до приезда посредника, после столкновения с ним и, наконец, в конце плача-поэмы. Эти прямые оценки звучат как лирические отступления поэтессы, целиком согласной с крестьянами и, вместе с тем, как этапы все ширящегося и углубляющегося поэтического обобщения. Резкость их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

возрастает по мере развития событий и завершается известным проклятием «судьям неправосудным». Таким образом, лирические отступления-оценки подчеркивают типичность происходящего, помогают его истолкованию, подчеркивают не эмпирическое, а общее, поэтическое значение основного события, они связаны с самой сутью замысла Федосовой, ясно выявляют свойственное ей чувство художественного целого.

ГЛАВА 6

Подведем некоторые итоги. Обзор важнейших особенностей художественного мастерства И. А. Федосовой показал, что ее стиль — явление сложное и что эта сложность была обусловлена специфическими особенностями самого крестьянского сознания первых пореформенных десятилетий, сочетанием в нем старого и нового, унаследованного от эпохи феодализма и порожденного новыми пореформенными общественными отношениями. Как говорилось, пережитки феодализма (не только в сознании людей, но и в реальных общественных отношениях той поры) обусловливали жизнеспособность ряда образов, созданных русским народным творчеством задолго до реформ 60-х гг. Так, например, Федосова при создании образов социальных врагов крестьянства — «судей неправосудных» (т. е. представителей администрации помещичьего государства), командеров-начальников» и др. — использует некоторые черты традиционного образа «врага» (Соловья-разбойника, барина, судьи и т. д.), при создании образа «казенного человека» активно использует образ рекрута и солдата, известный по рекрутским и солдатским песням и причитаниям; при создании образа вдовы и солдатки опирается на многовековую традицию причети; опираясь на традиционный образ Горя-Доли в русских сказках и песнях, создает свою «легенду о происхождении Горя». Разумеется, традиционные образы и мотивы предстают в ее произведениях в творческой переработке, они становятся поэтическими средствами изображения современной действительности. Именно это и обусловливает новизну и остроту их восприятия. Вместе с тем, Федосова, сохраняя и совершенствуя наследие, естественно, не могла им ограничиться. Новые взаимоотношения внутри крестьянства,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

внутри общины и внутри семьи, новые беды, ожидавшие вдову (солдатку) и ее детей, требовали новых поэтических средств, обусловили и новизну самого жанра плача-поэмы, избранного Федосовой, и его сюжетность, и своеобразную систему образов героев, и стремление к углубленному изображению психологии героев, и все другие особенности поэтического стиля Федосовой, о которых мы говорили.

Ломка старых общественных отношений, явственное ощущение того, что «все... переворотилось», и невозможность для талантливой, но неграмотной крестьянки понять, как все будет «укладываться», каков выход из нарастающих бед и несчастий, каковы перспективы преодоления горя «страдного крестьянства», — приводил и к тому, что одной из основных категорий ее поэтики стало постоянное противопоставление прошлого настоящему и будущему, стремление к идеализации прошлого для оттенения «беззакония», несправедливостей настоящего. В трагические минуты проводов рекрута или смерти крестьянина-труженика недавнее прошлое его семьи представало в идеализированном свете потому, что будущее представлялось непрерывным и безысходным горем.

Характерно вместе с тем, что в тех плачах-поэмах, в которых речь шла о столкновении крестьянства с представителями властей, «беззаконию» настоящего противопоставляется **давнее** прошлое, отделенное от современности несколькими столетиями и казавшееся Федосовой как бы «доисторическим». Разумеется, это не спасало воображаемое давнее прошлое от идеализации.[1] Однако важно подчеркнуть, что недавнее прошлое, т. е. общественные отношения эпохи кризиса феодализма, которые были у всех в памяти, не идеализировались и не могли идеализироваться русским крестьянством, выразителем интересов которого была И. А. Федосова. Слишком сильна ненависть крестьян к крепостническим порядкам, пережитки которых ложились тягостным бременем на крестьян и в пореформенное время.

Идеализируемое прошлое противопоставляется в творчестве Федосовой не только настоящему, но и будущему.

---

[1] Об этом уже говорилось в главе, посвященной т. наз. «новгородской утопии» в творчестве Федосовой. См. стр. 201—209.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Эта черта ее поэтического мышления должна быть сопоставлена с отмечавшимся уже отсутствием развязок в сюжетных поэмах Федосовой. И та и другая особенность ее художественного метода ясно говорит о том, что в ее творчестве в полной мере сказалась историческая ограниченность крестьянского мировоззрения той поры. Федосова, подобно другим русским крестьянам — ее современникам, разумеется, не владела и не могла владеть научным пониманием истории, пониманием того, что крестьянское движение само по себе без союза с пролетариатом, руководимым марксистской партией, не может привести к освобождению трудового народа из-под гнета эксплуатации. Неумение искать впереди выход из создавшегося положения, естественно, приводило к идеализации прошлого, к мечте о возврате к созданному воображением времени, когда не было в мире беззакония, жили на земле люди «постатейные», и Горю не было среди них места.

Мы возвращаемся еще раз к этому вопросу не для того, чтобы еще раз упрекнуть И. А. Федосову в исторической ограниченности, а для того, чтобы еще раз показать, как важнейшие особенности художественного метода народной поэтессы обусловлены идейным содержанием ее творчества.

Сложность художественного стиля и художественного метода Федосовой вовсе не исключает его цельности. Вполне естественно было ее стремление к созданию нового жанра, способного вместить в себя все эти подчас разнородные элементы, объединить их в единое художественное целое. Эту задачу не смог бы выполнить ни один из старых жанров в отдельности: ни причеть, ни сказка, ни былина, ни лирическая песня.

Как уже говорилось, И. А. Федосова создавала обширные импровизационные поэмы, поэтически воспроизводящие и истолковывающие судьбу крестьянской семьи, общины, наконец, всего «страдного крестьянства». Эти поэмы, изображающие крестьянскую жизнь в моменты ее трагической напряженности, опирались во многом на традицию бытовой причети, однако сама традиционная заплачка играет в них явно второстепенную, подчиненную роль. При создании своих плачей-поэм Федосова должна была обращаться и к другим, хорошо известным ей жанрам русского народного творчества для

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

того, чтобы черпать в них необходимые для нее и уже выработанные поэтические приемы.[1]

Вместе с тем, значительному изменению подвергались и многие традиционные, ритуально-обязательные мотивы причитаний. Так, например, один из наиболее распространенных мотивов — «птица-вестник» получает у Федосовой подчас необычное развитие, неожиданное реалистическое обоснование: птица, принесшая печальную весть, лишь приснилась овдовевшей, т. е. это уже не примета, а предчувствие, воспринимаемое реалистически (например, стр. 26—27 и др.), в другом случае (т. II, стр. 77—78), «птица-вестник» перестает быть вещей птицей и превращается в простого «почтового голубя» (кукушку), приносящего под «правым крылышком» письмо — «скоролисчатую грамотку» от солдата его родным.

В «Плаче по дяде двоюродном» (№ 14) «мнимое возвращение» покойного воспринимается тоже как сон возбужденной горем племянницы (стр. 218—219). В «Плаче по дяде родном» (№ 12) вдова вместо традиционного:

Мне живой в могилу наб вкопатися —

произносит:

Мне живой беднóй в могилу не вкопатися;
Отложить надо тоску мне-ка великую,
Надо дом вести крестьянска эта жирушка,
На работы большаком слыть, настоятелем,
Во домы да наб большухой подомовой,
(стр. 182)

т. е. невозможность уйти по «дорожке муторсливой» вслед за покойником мотивируется необычно реалистически. В «Плаче по родном брате» (№ 10) традиционный мотив «кабы крылышки» выражает не обычное в рекрутских причитаниях желание отправиться на поиски родного «казенного человека», а желание сестры, торопящейся на последнее свидание с братом, поскорее пройти длинную дорогу:

Кабы крылышки, горюше мне, гусиныи,
Да другии мне, горюше, лебединыи,

[1] Напомним, что И. А. Федосова была прекрасным знатоком русских лирических песен, былин, сказок, пословиц и т. д., большинство из которых осталось не записанными собирателями, см. приложение II. «Репертуар И. А. Федосовой».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Подымалась бы, горюша, выше лесушку,
Выше горушек, победна, я толкучих,
В две минутушки дорогу пролетела бы,
В один час да я на родинку поспела бы...
(стр. 149)

Подобные примеры реалистического истолкования традиционных, ритуально-обязательных мотивов десятками встречаются в каждом тексте Федосовой. Народная поэтесса смело черпала свои художественные средства в традиции, преобразовывая их по-своему. При этом в поле ее зрения, как уже говорилось, оказывалась далеко не только традиция бытовой причети. Федосова активно использует поэтические достижения былин, сказок, лирических, свадебных, солдатских и др. песен, пословиц и поговорок и т. д. Особенно обильны случаи использования былинной фразеологии. Приведем несколько примеров:

Я со стойлы-то даю да коня доброго,
С гвоздя даю те у́здицу тесмяную,
Я седелышко дарю тие черкасское,
Золотой казны даю тие по на́добью...
(4)
Не честь-хвала тебе буде вдовиная...
(стр. 28)
Мне крест да класть, горюше, по писаному
Мне поклон вести, победной, по-ученому...
(стр. 89)
Он уж доброго коня да расседлает,
На конюшню он во стойлу убирает,
И бело-яровой пшены он насыпает...
(стр. 89)
Не заходят к нам добры людушки,
Серый заюшко туды не проскакивать,
Малая птичка не залетывает,
Извощики к нам не заезживают,
Перехожии калики не прохаживают...
(стр. 91)
Приоседланы ступистые лошадушки,
Во седелышка у них да во черкасскиx...
(стр. 102)
Уж день за день, как река течет...
(стр. 115)
И во какой орды, наш свет, да во какой земли?
(т. II, стр. 29)

Выбор «дороженьки», обычный для надмогильной заплачки, нередко приобретает у Федосовой черты сказочно-былинных «трех дорожек»:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Пришло три пути широких — три дороженьки:
Уж как первый путь — широкая дороженька —
Во улички она да во рядовыя,
Во лавочки она да во торговыя;
Вот другая путь — широкая дороженька —
Во церковь эту божью посвященную;
И как третья путь — широкая дороженька —
На эту на могилушку умёршую —
Ко моей она надежноей головушке.
(стр. 25)

Встречаются и прямые использования сказочных образов, вроде —

Жар как птицю опустила я со клеточки...
(стр. 61)

Нередки песенные реминисценции:

И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мо́лодец кручиной убивается...
(т. II, стр. 4)
И полоса ль моя полосушка непаханная,
И без меня бедна́ солдата новобранного...
(т. II, стр. 234)

В «Плаче по холостом рекруте» (стр. 72—73) мотив «птицы-вестника» развивается по аналогии с известным циклом лирических и семейных песен, построенных на этом же мотиве.

Особенно часты случаи использования ритуально-обязательных мотивов рекрутских и свадебных причитаний в похоронных и наоборот. Так, например, мотив, вполне органичный именно для рекрутских причитаний —

И в бесталанный час по вечеру родила,
И когды ку́знецы во ку́зницах стояли,
И как булат — это железо розжигали,
И ко оружьицам замки да прилагали;
И на роду служба ему, свету, написана.
(т. II, стр. 20)

т. е. мотив, основанный на примете: мальчик-новорожденный будет тем, чем занят отец или кто-либо другой из ближайших родственников-мужчин во время его рождения[1], используется Федосовой в текстах I тома весьма своеобразно. Так, в «Плаче вдовы по мужу» (№ 1) он

[1] См. напр., Г. Иванова, Приметы и поверья, относящиеся к беременности и рождению детей, Этнограф. Обозр., 1897, № 1 (кн. XXXII), стр. 23 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Е. В. Барсов записывает от И. А. Федосовой
(Москва, 1896 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

превращается в развитую метафору, совершенно освобожденную от связи с породившей ее приметой. Молодая вдова говорит старой вдове:

Как во ту пору́ родитель спородила,
Когда ку́знецы во ку́знечах стояли,
Часовые на часы да прибиралися,
Как булат — это железо разжигали,
Как железны эты о́бруши ковали
На наши на бессчастные сердечушка,
На нашу на победную утробушку.
(стр. 10)

Обычная формула свадебных причитаний, сопровождающая выход невесты к столу, используется Федосовой в монологе родственницы, пришедшей в избу. Условный прием свадебного причитания истолкован буквально:

Порастроньтесь-ко народ да люди добрыи,
Дайте мистечка теперь мне не сомношечко,
Не коием пройти горю́шище проехать,
Не орлом птичей мне-ка про́лететь;
Единой пройти печальной мне головушке,
Со одну дайте дубовую мостиночку... и т. д.
(стр. 80)

Подобные примеры можно было бы привести и из свадебных и из рекрутских текстов.

Встречаются единичные реминисценции и из духовных стихов, например:

Ноньо раздумаюсь печальным своим разумом
Не выращивать древа суховерхова...
(стр. 219)

Все приведенные примеры подтверждают мысль, высказанную нами выше: Федосова активно использовала поэтические достижения многих жанров русского народного творчества. Не отрываясь от традиции, она активно воздействовала на нее, содействовала ее развитию.

* * *

Уже неоднократно говорилось о том, что художественный метод Федосовой был методом реалистическим. Об этом свидетельствуют и свойственные ей приемы претворения фактов действительности в художественные образы, и метод создания образов и системы образов, и, разумеется, прежде всего — правдивость выражения ею

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

крестьянского мировоззрения пореформенной поры, и общественное значение ее произведений, опубликованных Е. В. Барсовым, и популярность ее выступлений во время поездки по России в 1895—1896 гг. Однако признание ее метода реалистическим само по себе еще ровно ничего не дает. Известно, что русское народное творчество испокон веков было реалистическим. Вместе с тем это не значит, что художественный метод русского народного творчества не претерпевал никаких изменений, не развивался, не углублялся и не совершенствовался, т. е. не имел никакой **истории**. Воссоздание истории художественного метода русской народной поэзии — одна из актуальнейших и, вместе с тем, одна из сложнейших задач советской фольклористики, которая может быть решена после накопления значительного числа монографических исследований отдельных эпох и периодов, отдельных жанров, творчества отдельных мастеров, наконец, отдельных сюжетов и поэтических приемов. С другой стороны, пока не прояснена общая картина развития художественного метода русского народного творчества, сильно затрудняется и исследование художественного метода отдельных мастеров народной поэзии. Именно поэтому мы и решались говорить лишь об общих чертах художественного метода, свойственного творчеству И. А. Федосовой, сопоставляя их с традиционными чертами художественного метода бытовой причети, унаследованной от эпохи феодализма.

Основная трудность исторического осмысления (не этих отдельных черт, а всего художественного метода в целом) заключается в том, что предшествующая история причети очень мало прояснена и совершенно недостаточно изучена ее последующая история. Вместе с тем, основное зерно несомненно можно выделить уже и сейчас, т. к. Федосова творила в переломную эпоху, когда в русском народном творчестве начали вырабатываться новые приемы изображения действительности.

Подчеркнем еще раз те особенности реалистического метода Федосовой, которые нам кажутся важнейшими и наиболее ясно отражающими новые черты ее сознания, порожденные пореформенной эпохой. К ним относится:

1) Стремление Федосовой осознать каждый факт в связи с его предисторией («рассказы о прошлом»), с перспективой его развития («рассказы о последствиях»),

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Это сопоставление нам важно сейчас лишь для подтверждения того, что художественный метод, свойственный творчеству И. А. Федосовой, может быть и должен быть (в меру общей разработки этой проблемы в советской фольклористике) осмыслен исторически. Оно подтверждает, что пореформенные годы знаменовали новый этап развития русского народного творчества, одним из первых проявлений которого было творчество **замечательной народной поэтессы XIX века Ирины Андреевны Федосовой.**

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество И. А. Федосовой — одно из значительнейших художественных явлений русской народной поэзии XIX века. Оно обобщило важнейшие стороны мировоззрения русского крестьянства первых пореформенных лет и лучшие достижения поэтической традиции середины XIX века.

Расширение содержания и обострение социального протеста, значительное изменение композиции обрядовых причитаний, связанное с изменением структуры похоронного, свадебного и рекрутского обрядов под влиянием разложения общины и «большой семьи», тенденция к превращению причитания в социально-бытовую поэму по мере насыщения ее социальными и бытовыми мотивами, характерная для творчества Федосовой, были типичными для развития всей русской причети второй половины XIX—начала XX века.

В ряде текстов, записанных во второй половине XIX в., мы находим прямые переклички с отдельными мотивами творчества Федосовой. Одна из основных ее тем — судьба вдовы в капитализирующейся деревне — составляет основное содержание всех опубликованных текстов этой эпохи. В подавляющем большинстве случаев записи причитаний дают уже зарисовки быта «малых семей». Встречаются и частные совпадения. «Плач о потопших» Федосовой в известной мере перекликается с «Заплачкой об утопших в Онеге-озере», записанной в 1867 г. Е. В. Барсовым от М. Федоровой.[1]

[1] См. Олон. Губ. Вед., 1867, № 30.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Федосовская тема «судей неправосудных» находит свое продолжение в гневных строках причитания С. Ю. Тараевой, записанного А. А. Шахматовым в 1884 г.[1] о «злодейных грозных начальниках», которые так же, как смерть отняла мужа, отнимут у овдовевшей «рожоных детушек», в обличении судей-взяточников, у которых правду могут найти только богатеи, из причитания Лукерьи Ланевой, записанного в 1903 г. Н. С. Шайжиным:

Ведь судьи судя за денежки,
А начальство за подароцьки, —
У моего-то у жадобного
Нет грошев да ниньку старыих,
Нету денежек лежалыих.
Не отдарище видно бедному.[2]

Просматривая записи причитаний этой поры, мы встретим характерные зарисовки бедственного положения вдовы и сирот в капитализирующейся деревне. Так, например, в одном из причитаний выдающегося мастера этого жанра Н. С. Богдановой привычная тема прихода первой весны после смерти покойного получает глубокое и поэтичное толкование:

Полянушки у нас да не запашутсе,
Поженьки у нас не покосятце,
Водушки у нас да не наловятце,
Опустеет наше житье-живлёньице,
И опустеет хоромное строеньице,
Все застынет у нас да захолóнеет.
Как после тебя-то теперь, родитель-батюшка,
Кирпичная печенька не топлена;
В одном уголочику пушистые снежочики,
А во другоем морозушки трескучии,
Все пустым у нас стало теперь пустешенько,
Холодным да холоднешенько.
Мы сидим-то тут победныи головушки,
Бытто зимнии упáлы малы заюшки,
Дожидаем все кормильца домой батюшка.[3]

Здесь уже нет речи о поддержке овдовевшей «большой семьей», нет даже речи об обатрачивании вдовы и ее детей членами «большой семьи», как мы это отмечали

---

[1] См. Фольклорные записи А. А. Шахматова, ред. А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Каплан, Петрозаводск, 1948, стр. 46.

[2] См. Олон. Губ. Вед., 1903, № 48.

[3] Русские плачи (причитания). Ред. текстов и примечания Г. С. Виноградова, в сер. «Библиотека поэта», Советский писатель, 1937, стр. 114.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

для 60-х гг. по текстам Федосовой. Поэтому в причитаниях этой поры с особенной силой звучит мотив вдовьего и сиротского одиночества, поэтически выраженный в образе пустой избы, непаханных полос и нескошенных покосов.

Причитывающая прежде всего озабочена судьбой детей:

Так во том углу пустешенько,
Во другом да порознешенько,
На середочки сироточки,
Глупы малы недоросточки.[1]

Особенно ярки бытовые картины в поминальных и близких к ним внеобрядовых бытовых причитаниях, таких, как плачи о рыбаке, утонувшем во время бури,[2] об умершем от опоя,[3] о муже, убитом в пьяном скандале,[4] о нечаянно застреленном сыне,[5] плачах на ужбище наваг,[6] на сенокосе[7] и др.

Предчувствия вдовы трагичны, потому что она знает, как живут другие сиротки в деревне:

Как у сиротских наших детушек
По колен да ножки трескались,
По локóткам ручки грязные,
На каждой волосиночке
По горючей по слезиночке.[8]

Социальное разложение деревни и пауперизация беднейших слоев крестьянства приводили к массовому уходу крестьян на лесоразработки, на фабрики, на заводы, на городское строительство. Характеризуя этот процесс, В. И. Ленин писал: «В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п.,

---

[1] См. М. М. Михайлов, «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, стр. 62. Текст является воспроизведением дореволюционного причитания (см. «Примечания», стр. 311).
[2] Там же, стр. 105. Запись текста, возникшего до 1917 г.
[3] См. напр. записи от У. А. Бакановой о муже и сыне, там же № 19 и 20; то же воспроизведение дореволюционных причитаний (см. «Примечания», стр. 312).
[4] Русские плачи, стр. 11—116.
[5] М. М. Михайлов, стр. 16.
[6] М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, № 61.
[7] М. М. Михайлов, № 17.
[8] Там же, № 18.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

без того, чтобы не искать «подсобных», сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы крестьянства в ряды пролетариата».[1]

Уход в «бурлаки» (так на русском Севере назывался уход на заработки), «бурлачество», «бурлакушки» — становятся популярным мотивом причитаний пореформенной эпохи.[2]

Теснейшую связь с процессами капитализации деревни имеют причитания по умершим и погибшим на отхожих заработках. Можно назвать причитания о муже, убитом деревом на лесозаготовках,[3] о сыне, раздавленном лесами при ремонте петербургского дворца,[4] и др. С этой же темой связано известное причитание Н. С. Богдановой «По муже, погибшем на Киваче при сплаве леса».[5] Причитание Н. С. Богдановой во многом напоминает плачи-поэмы И. А. Федосовой. В нем подробно, со множеством деталей, рассказывается трагическая история крестьянина, вынужденного подрядиться на весенний сплав для того, чтобы избежать разорения, и погибшего из-за своей неопытности в этой опасной, сопряженной с огромным риском, но «доходной» работе. В поэме с мастерством обрисовано психологическое состояние женщины, провожающей мужа на сплав, ее ожидание «весточки», ее страстное желание не верить печальному известию, горе по поводу того, что муж похоронен в чужом неприютном месте, печаль по умершем, страх перед будущей вдовьей долей и т. д. Н. С. Богданова подчеркивает, что муж ее **вынужден** был отправиться на сплав. Причина случившегося несчастья — не легкомыслие человека, не послушавшегося предостережения, а экономический гнет, крайняя степень нищеты и разорения русской деревни начала XX века, острое ощущение

---

[1] Соч., т. III, стр. 131.

[2] См. напр. «Олонецкая неделя», 1913, № 12, стр. 12; Михайлов, «Русские плачи Карелии», стр. 106 и др.

[3] Михайлов, № 15.

[4] Соколовы Б. и Ю., Сказки и песни Беловерского края, СПб, 1915.

[5] Русские плачи, стр. 121—127; Н. С. Богданова-Зиновьева (1861—1937) — выдающаяся сказительница конца XIX — начала XX вв., родом из Заонежья, большой знаток и мастер исполнения былин, сказок, причитаний. Подробные сведения о ней см. А. М. Астахова, Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 45 сл.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

экономической неустойчивости («быдто в полюшке шатучи деревиночки»). Наконец, плач-поэма Н. С. Богдановой представляет значительный интерес еще одной своей стороной. С большой художественной силой изображает сказительница ужасающие условия труда на сплаве, ясно свидетельствующие о том, что лесопромышленники, выжимая максимальную прибыль, совершенно не заботились об охране труда. Вместе с тем Н. С. Богданова, горюя о гибели мужа, воспринимает разорение деревни и жестокую эксплуатацию на лесопромыслах как нечто фатально-неизбежное, она не поднимается до серьезного социального обобщения и протеста:

Видно, богом-то смеретка им да су́жена,
Да сами́ ихны головушки на суд пришли.

Н. С. Богданова — большой мастер причети, она хорошо умеет передавать психологическое состояние своих героев, с большой отчетливостью видит детали изображаемого. Нарисованный ею случай, несомненно, типичен и воспринимался слушателями как обобщение, порожденное самой жизнью. Однако Н. С. Богданова уступает своей старшей современнице и землячке И. А. Федосовой в умении вскрыть социальную природу трагического события, в решимости протестовать против невыносимой тяжести угнетения. Именно поэтому в ее плачах есть несомненные натуралистические элементы.

Судьба вдовы, какой ее рисуют Богданова и ее современницы Конихина, Ланева, Белоусова, Денисова и др., типична для предреволюционных лет так же, как судьба вдовы, поэтически запечатленная Федосовой для 60-х гг. XIX века.

Для капитализирующейся деревни пореформенной и предреволюционной поры наряду с массовым уходом крестьян на отхожие заработки чрезвычайно характерным был рост **батрачества**, усиление противоречий между бедняцкой и зажиточной частью деревни.

Батрачество также широко отразилось в причети. Вопленицы изображают тяжесть батрачества, издевательства кулаков над батраками. В этом отношении очень характерен батрацкий плач М. Ф. Павковой, воспроизведенный ею в советское время по просьбе собирателя — М. М. Михайлова. Батрачившая в предреволю-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ционные годы, М. Ф. Павкова[1] живо вспоминает пережитые ею несчастья в плаче по сыне, умершем в дореволюционное время:

Как пойду белна́ горюшица
В лес на трудную работушку
По солнцеста́ву солнца красного,
К богачам пойду на трудную,
Я за гривну, за двугривенный,
А к закату солнца красного
До того доработа́юся,
Что едва домой шатаюся.[2]

Тяжкая, отнимающая все силы батрацкая работа не обеспечивала даже минимального заработка. Единственный сын батрачки вынужден нищенствовать:

Он везде у нас шатается,
Он везде у нас скитается,
В чужи крыльца наставается,
Себе поесть насобирается.[3]

Н. С. Богданова рисует не менее выразительную картину. Она оплакивает дочь, надорвавшую здоровье на батрацкой работе:

Будили-то по утрышку раненько
Все тебя до праведного солнышка
И разряжали на крестьянскую работушку,
Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу тебе оны заботушку:
Гди работушка та им не прилюбиласе,
Да тогда оны тобой да замежилисе,
Огрубляли тебя грубыми словечкамы,
Ударяли-то ударамы ведь больныма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горюшицу.[4]

Эту же тему разработала и А. М. Пашкова в плаче, звучавшем впервые в 1913 г. («Плач сироты по дяде»).[5] Беломорская плачея Е. А. Петухова в причитании на ужбище наваги с глубокой грустью говорит о том, что детям вдовы, повидимому, не избежать участи батраков.

Батрацкие причитания особенно интересны ясностью понимания причин и виновников несчастий батраков. Богданова, Павкова и другие мастера предреволюцион-

[1] В советское время М. Ф. Павкова — жнеделегатка, участница Всекарельского съезда женщин. К моменту записи — ее сын был старшим агрономом МТС.
[2] Михайлов, стр. 100.
[3] Там же, стр. 101.
[4] Русские плачи, стр. 102.
[5] Михайлов, № 5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ной причети с ненавистью говорят о бесчеловечности кулаков. Богданова упрекает себя в том, что не протестовала во-время против жестоких притеснений, которым подвергалась ее дочь. Пашкова рисует кулаков жадными, скупыми и несправедливыми.

Замечательное выражение ненависти к кулакам звучит в одном из причитаний талантливой пудожской сказительницы Н. В. Конихиной. Она говорит о том, что кулаки отняли у бедняков все, даже солнце. Солнце светит только богатым.

. . . . . .

Как на мое-то на сердецушко
Не пекáло солнце красное,
На ём ли на бесцясноем,
Во всяку пору-времяцко
Е заносы снегу белого,
Погребоцьки ледку ярого...

В порыве гнева она хочет уйти от этого мира, в котором все — на потребу кулаков, уйти, —

Шоб ветрушки не веяли,
Меня людушки не видели.[1]

Характерно, что причитание Конихиной записано в 1905 г. — в год революции, крестьянских волнений и возмущений, широко разлившихся по всей стране. Вместе с тем, в нем сказывается и неясность крестьянских идеалов, неприятие капиталистической действительности, стремление к изменению ее и непонимание реальных возможностей и путей ее изменения, о которых говорил В. И. Ленин.

В причитаниях, особенно в рекрутских, отразились и крупнейшие исторические события предреволюционных лет — русско-японская война[2] и первая мировая война.[3] Однако в записанных текстах слабо сказались взгляды

---

[1] Олон. Губ. Вед., 1905, 15 окт., № 109, стр. 3.

[2] См. «Приплач вдовы по муже, убитом на Дальнем Востоке», Олон. Губ. Вед., 1905, 15 окт., №№ 107 и 109; «Плач об ушедших в солдаты» из публикации А. Суворовского, Этнограф. Обозр., 1907, № 3, стр. 90—91 и др.

[3] Зимин М. М. и Нефедов Ф. Д., Плачи по призванным на военную службу. (Из записей в Ковернинском крае Костромской губ. в 1916 г.), Второй этнограф. сб. Костромского научн. общ. по изучению края, Кострома, 1920, стр. 1—10 и 11—20; Ульянов И. И., Обрядовые причитания при проводах солдат на войну, Петроград, 1915; Базанов В. Г., Поэзия Печоры, Сыктывкар, 1943, стр. 62, (запись от М. Б. Поздеевой).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

передового крестьянства той поры. Для них более характерен пассивный пацифизм, «неохочее, слезливое настроение» (Ленин), чем боевые, революционные наступательные настроения, которыми отличались песни и частушки этих же лет. Вместе с тем знаменательно, что все исполнительницы причетей воспринимают и ту и другую войну, как войну за чуждые народу интересы.

* * *

Итак, причитания второй половины XIX — начала XX вв. отразили важнейшие события крестьянской жизни этой эпохи — крестьянские настроения пореформенной поры, важнейшие явления, связанные с капитализацией деревни, нарастание противоречий между беднейшими слоями крестьянства и деревенской буржуазией, русско-японскую и первую мировую войну. Вместе с тем, причитания не только отразили настроения крестьянства, они несомненно сыграли крупную общественную роль, способствовали прояснению социального сознания крестьян, осознанию ими важнейших жизненных явлений и противоречий. Причитания этой поры, как и любого другого периода истории русского трудового народа, не были ведущим жанром народной поэзии. Они существовали рядом и развивались параллельно с песней, частушкой, устным народным рассказом, сказкой, былиной, пословицами и поговорками, народной драмой и другими жанрами. Поэтому и значение наследия Федосовой, естественно, не ограничивается и не определяется силой ее воздействия на дальнейшее развитие русской причети. Оно было значительно шире и, несомненно, влияло на умонастроения слушателей и читателей ее произведений на всем протяжении ее поэтической деятельности, способствовало прояснению их классового сознания, укрепляло в них ненависть к угнетателям и стремление к социальной справедливости, воспитывало любовь и уважение к русской женщине, несшей на своих плечах двойную тяжесть социального и семейного гнета, — следовательно, влияло на развитие многих жанров русского народного творчества. Оно продолжало жить и в сознании читателей, знакомых с творчеством Некрасова и Горького, деятельностью Шаляпина и Римского-Корсакова, оно, наконец, помогло Д. Бедному создать одну из первых русских советских

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

массовых песен, вошедшую в золотой фонд советской поэзии («Проводы»).

Творчество Федосовой — вершина поэтического развития русской причети. Характерно в то же время, что в ее творчестве на почве причети возникает новый жанр, («плач-поэма»), связанный с началом нового этапа в развитии реалистического изображения действительности в русской народной поэзии. Творчество Федосовой было вершиной поэтического развития русской причети, не только в силу изумительной одаренности этой простой крестьянской женщины-поэтессы. Оно было таким потому, что возникло на гребне все возраставшей в пореформенные годы ненависти русских крестьян к их угнетателям, отразило остроту политической ситуации первых пореформенных лет (см. у В. И. Ленина о силе гнева и ненависти к поработителям, которая отразилась в творчестве И. А. Федосовой — по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, на которые мы неоднократно ссылались). В то же время следует признать закономерным, что в позднейшую пору в этом жанре русского народного творчества не выдвинулось фигуры, подобной и равной И. А. Федосовой. Это несомненно объясняется тем, что с каждым годом и каждым десятилетием пореформенного развития русский трудовой народ все более и более ясно осознавал, что путь революционный есть единственный возможный путь освобождения. Революция 1905—1907 гг. и победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция показали, как далеко ушел передовой русский крестьянин, руководимый русским пролетариатом и его партией от того «бунта на коленях», который, по меткому выражению В. И. Ленина, был для него характерен еще в пору «реформ» 60-х гг. XIX в. В эпоху трех революций «гнев и ненависть к поработителям» уже не прорывались «сквозь жалобы, стон и попытки найти утешение в религии», а выражались в открытых революционных действиях и рвавшейся из подполья боевой революционной песне. Причеть, столь характерная для крестьянского творчества первых пореформенных лет, была естественным ходом исторических событий низведена до положения жанра второстепенного, периферийного, выражающего лишь некоторые стороны крестьянского сознания.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Сказанное требует некоторого уточнения. Разумеется, и в годы, когда творчество Федосовой развивалось особенно активно, русский народ помнил и исполнял песни о Разине и Пугачеве и других вождях крестьянских восстаний, хранил антикрепостнические устные рассказы и устные рассказы о крестьянских «возмущениях» в годы осуществления «реформ», героические былины и сатирические сказки и т. д. Однако следует помнить, что в силу определенных исторических причин, о которых неоднократно писал В. И. Ленин, реформы остались только реформами и революционная ситуация предреформенных лет не привела ни к революции, ни к крестьянской войне, подобной крестьянским войнам XVII—XVIII веков. В силу тех же причин и в русском народном творчестве этой поры не родилось песен, подобных песням, связанным с крупнейшими народными движениями прошлого. Именно поэтому мы и говорили о типичности творчества И. А. Федосовой для первых лет пореформенного развития России, о типичности появления в ее творчестве в эту пору жанра «плача-поэмы», связанного с причетью и в то же время стремившегося к широкому отражению социальной действительности.

И, наконец, из сказанного не следует, что причитания как специфический жанр совершенно сошли со сцены ко времени революции 1905—1907 гг. Они жили и продолжали развиваться, однако перестали быть одним из ведущих и характерных жанров русского народного творчества на этой исторической ступени его развития.

Вместе с тем, старая, дооктябрьская причеть остается и всегда будет для советских людей художественным наследием прошлого, поэтическим памятником трагически тяжкой жизни русского народа в далеком прошлом, его стремлений к счастью и свободе, его ненависти к угнетателям, ко всем формам унижения человеческой личности. В этом наследии почетное место принадлежит творчеству одной из одареннейших народных поэтесс прошлого — замечательной русской женщине Ирине Андреевне Федосовой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И. А. ФЕДОСОВОЙ [1]

(1831 — 1899)

1831 — родилась в д. Сафроново, Вырозерского общества, Толвуйской вол., Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии (ныне КФССР). Отец — Андрей Ефимович, мать — Елена Петровна Юлины.

См. Барсов Е. В., Причитания Сев. края, 1872, т. I, стр. 314; Поездка И. А. Федосовой в Москву, «Этнограф. Обозр.», 1895, кн. 4, т. XXVII; П. П. (Певин?), Олонецкая вопленица и сказительница, «Олонецкие Губ. Ведомости», 1895, № 4; Куликовский Г. И., Олонецкая народная поэтесса Ир. Федосова в Москве, там же, 1896, № 4; Благовещенский И., И. А. Федосова (некролог), там же, 1899, № 73; «Всемирн. Иллюстр.», 1895, № 1356.

1844 — начало деятельности Федосовой как вопленицы и «правительницы свадьб». См. Барсов, стр. 315; Куликовский Г. И., там же; «Всемирн. Иллюстр.», там же.

1850 — вышла замуж за Петра Трифоновича Новожилова, крестьянина д. Сидорово, Кузарандского о-ва. См. Барсов, стр. 316 и след.; Русская вопленица. «Нижегор. листок», 1898, № 154; «Всемирн. Иллюстр.», там же; Толиверова А., Ирина Андреевна Федосова, «Игрушечка», 1895, № 8 и 9.

1863 — 25 декабря смерть П. Т. Новожилова. См. Барсов, стр. 320; «Этнограф. Обозр.», там же; Куликовский Г. И., там же; «Всемирн. Иллюстр.», там же.

[1] В тех случаях, когда даны только названия газет и журналов, сообщение заимствовано из отделов — «Хроника», «Смесь», «Вести из Петербурга» и т. п.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

1864 — 15 ноября	второй раз вышла замуж (муж Яков Иванович Федосов, крестьянин д. Лисицино, Кузарандского общества). См. Барсов, стр. 320.
1865 —	переезд в г. Петрозаводск.
1865—1866	встреча с П. Н. Рыбниковым в Петрозаводске. См. Куликовский Г. И., там же; Барсов Е. В., Ирина Федосова и ее песнопения, «Моск. листок», 1896, № 14 (Прилож.).
1867 — март	первая встреча с Е. В. Барсовым; запись былин, исторических песен, баллад и духовных стихов; первая публикация текстов в «Олонецких Губернских Ведомостях». См. Барсов, стр. 315; ОГВ, 1867, № 11—14, 16; Архив ГИМ, № 52 074, л. 2—3.
3 июня — 25 ноября	запись причитаний, вошедших впоследствии в I том. См. Барсов, стр. 313—314; письмо Е. В. Барсова — О. Ф. Миллеру, 11 мая 1868; (Журн. Мин. Нар. Просвещ., 1912, VI, стр. 317); Архив ГИМ, там же, ОГВ, 1867, № 23 и 47.
1868 —	продолжение записей причитаний и завершение II тома. См. Барсов, т. II, предисловие; ЖМНПр, там же.
1870 —	отъезд Е. В. Барсова из Петрозаводска в Москву. См. автобиограф. заметка «Е. В. Барсов» в альбоме М. И. Семевского «Знакомые», СПб, 1888, стр. 235 и сл.; Архив ГИМ, там же.
4 августа —	статья Е. В. Барсова «Олонецкая плакальщица» в «Современных Известиях» (перепеч. в ОГВ). См. «Совр. Изв.», 1870, № 212 (4 августа); ОГВ, 1870, № 62.
1872 —	выход в свет I тома «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым».
1882 —	выход в свет II тома «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым».
1884 —	смерть Я. И. Федосова; переезд в Кузаранду (д. Лисицино). См. «Этнограф. Обозр.», там же; «Всемирн. Иллюстр.», 1895, № 1356; Толиверова А. Н., там же; ОГВ, 1895, № 4.
1885 —	публикация материалов III тома «Причитаний» в III и IV кн. «Чтений в О-ве Ист. и Древн. Российских при Моск. университете».
1886 — весна	запись Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем (на пароходе на Онежском озере) свадебной песни

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«Пивна ягода». См. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, Песни русского народа, СПб, 1894, IV, 7; Истомин Ф. М., О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ., «Жив. Стар.», 1892, II; Истомин Ф. М., И. А. Федосова, олонецкая стиховодница, «Нива», 1895, № 5, стр. 122—123.

Осень 1886 — 1888 — поселяется в тверском имении Агреневых-Славянских Кольцове. О. Х. Агренева-Славянская записывает от Федосовой свадебный обряд (с напевами), причитания, былины, песни, пословицы, духовные стихи и величальные экспромты. См. Агренева-Славянская О. Х., «Описание русской крестьянской свадьбы», Москва—Тверь, 1887—1889, т. I—III; Истомин Ф. М., «Нива», там же.

1887—1889 — выход в свет трех томов «Описания русской крестьянской свадьбы» О. Х. Агреневой-Славянской. Большинство текстов и напевов записано от Федосовой.

1888 — возвращение в Кузаранду.

1894 — приезд П. Т. Виноградова (учитель петрозаводской гимназии) в Кузаранду. Начало записей П. Т. Виноградова. См. ОГВ, 1894, № 64 и 65; «Всемирн. Иллюстр.», 1895, № 1356.

27 августа — речь П. Т. Виноградова на торжественном акте в Петрозаводской Мариинской женской гимназии «Похоронная причеть Олонецкого края» (о Федосовой). См. Акт в Мариинской женской гимназии, ОГВ, 1894, № 65.

декабрь — председатель Лондонского англо-русского литературного об-ва д-р Казалета обратился к П. Т. Виноградову с просьбой о предоставлении реферата о Федосовой. См. «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, № 6; «Волж. Вестн.», 1896, № 134.

1895 — **4 января** — приезд в Петербург с П. Т. Виноградовым по приглашению Русского Географического Об-ва. См. «Нов. время», 1895, № 6772; «Новости», 1895, № 5; «Свет», 1895, № 5; «Уф. Губ. Вед.» 1895, № 15.

8 января — первое публичное выступление в большой аудитории Соляного городка (среди публики предс. песенной комиссии Этнограф. отд. Р. Г. О. Т. И. Филиппов), Н. А. Римский-Корсаков делает первые записи мелодий от Федосовой. См. «Нов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

время», 1895, № 6776; Ирина Федосова, «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, прилож. к № 7; Чествование сказителя былин, «Новости дня», 1895, № 4156; П. П. (Певин?), Олонецкая вопленица и сказительница, ОГВ, 1895, № 4; «Волгарь», 1895, № 9; «Уф. Губ. Вед.», 1895, №№ 15 и 19; «Новости», 1895, № 9; В. В. Ястребцев, Мои воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове, вып. 2, П., 1917, Запись 9 и 13 янв., 1895.

10 января — выступление на заседании Акад. наук в малом конференц-зале. Награждена серебряной медалью с дипломом. См. «Свет», 1895, №№ 6, 8 и 10; в Соляном городке, «Новости дня», 1895, № 4161; ОГВ, 1895, №№ 4 и 5.

вечером — второе публичное выступление в Соляном городке. Н. А. Римский-Корсаков продолжает записи от Федосовой. См. «Новости дня», 1895, № 4161; П. П. (Певин?), Олонецкая вопленица и сказительница, ОГВ, 1895, №№ 4 и 5; «Нов. время», 1895, № 6777; В. В. Ястребцев, там же.

11 января — заседание Русского Географического Общества, посвященное Ф. Вступительные речи Ф. М. Истомина и П. Т. Виноградова. См. отчеты Р. Г. О., 1895, стр. 31 (или «Этнограф. Обозр.», 1896, XXIX—XXX, стр. 330); «Новое время», 1895, №№ 6778 и 6780; «Новости», 1895, №№ 11 и 13; «Свет», 1895, № 6; ОГВ, 1895, № 5; Истомин Ф., И. А. Федосова, олонецкая стиховодница, «Нива», 1895, № 5.

8—11 января — весна 1899 поселяется в доме председателя песенной комиссии Р. Г. О. Т. И. Филиппова (Петербург, Мойка, 74). См. «Новости», 1895, №№ 18, 20; Куликовский Г. И., там же; Фаресов, Памяти Т. И. Филиппова, «Ист. Вестник», 1900, XXIX, февр., стр. 670; ОГВ, 1895, № 5.

15 января — пение на годичном заседании Археологического Института. См. «Новости», 1895, № 15; «Свет», 1895, № 13; ОГВ, 1895, № 9.

20 января — через объявление в газ. «Новости и биржевая газета» Ф. выражает готовность выступать с исполнением причитаний, былин и песен в частных домах Петербурга. См. «Новости», 1895, № 20.

23 января — выступление в Рождественской женской гимназии. См. «Новости», 1895, № 21 и 24; ОГВ, 1895, № 9. (Кроме того, между 8 и 23 января И. А. приглашалась для выступлений в доме

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Т. И. Филиппова, К. А. Победоносцева, гр. Шереметьева и др. На одном из вечеров в доме Т. И. Филиппова Федосову слушал Ф. И. Шаляпин. См. Ф. Шаляпин, Страницы из моей жизни, 1926, стр. 183—184.)

25 января — записи мелодий С. Рыбаковым. См. «Русская беседа», 1895, апрель, стр. 184.

июль — встреча с писательницей А. Н. Толиверовой. См. Толиверова А. Н., «И. А. Федосова», «Игрушечка», 1895, №№ 8 и 9.

декабрь — выезд с П. Т. Виноградовым в Москву. См. «Русск. Ведомости», 1895, № 356; Обломок старины, ОГВ, 1896, № 1.

24 декабря — выступление на собрании московских литераторов и этнографов на квартире акад. В. Ф. Миллера. См. «Русск. Слово», 1896, № 4; «Этнограф. Обозр.», там же; Куликовский Г. И., там же; Грузинский А. Е., Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова, в кн. «Литературные очерки», М., 1908.

1896 — 3 января — выступление на заседании Об-ва Любителей Естеств., Антропол. и Этнографии при Московском университете в зале Политехнического музея; вступительные речи акад. В. Ф. Миллера и Е. В. Барсова; награждение второй серебряной медалью. См. Отчет о деятельности Этнограф. отд. О. Л. Е. А и Э. за 1895—1896 гг., «Этнограф. Обозр.», 1896, XXIX—XXX, стр. 322; «Русск. слово», 1896, № 3; Вопленица Федосова, «Новости дня», 1896, № 4515; Куликовский Г. И., там же; Московская печать о вопленице Федосовой, ОГВ, 1896, № 2; «Моск. листок», 1896, №№ 3 и 6.

4 января — выступление на заседании славянской комиссии Московского Археологического Об-ва. Реферат акад. А. Е. Крымского «Причитания Северного края». См. «Курьер Торг. и Пром.», 1896, № 861. Отчет Московского Археологического Об-ва за 1895—96 гг., «Древности». Труды Московского Археологического Об-ва, М., 1900, XVII, стр. 234; ОГВ, 1896, №№ 3 и 5; «Моск. листок», 1896, № 6.

5 января — Запись от Ф. на фонограф музыковедом Ю. И. Блоком, «Моск. листок», там же.

6 и 7 января — два публичных выступления в аудитории Исторического музея; возвращение в Петербург. См. Куликовский Г. И., там же; ОГВ, 1896, № 4; «Моск. листок», там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

11 января — присуждение диплома О. Л. Е. А. и Э., ОГВ, 1896, № 17.

3 марта — приезд в Петрозаводск. См. ОГВ, 1896, № 17.

6 марта — публичное выступление в зале Мариинской женской гимназии; выезд в Кузаранду к родным. См. ОГВ, 1896, №№ 18 и 19.

24 мая — выезд из Петрозаводска в Петербург. См. ОГВ, 1896, № 36 (в разделе «Выбывшие из г. Петрозаводска»).

май — приглашена посетить Америку; отказ по болезни. См. Русская вопленица-поэтесса, «Нижегор. листок», 1896, № 152.

5 июня — приезд с П. Т. Виноградовым в Нижний Новгород для выступлений в концертном зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки. См. «Волгарь», 1896, № 154; «Нижегор. почта», 1896, №№ 21—23; «Нижегор. листок», 1896, № 152.

9 июня — первое выступление в выставочном зале; среди слушателей А. М. Горький, знакомство с ним. См. Горький М., С Всероссийской выставки, «Вопленица», «Одесские Новости», 1896, № 3660; Pacatus У. М. (А. М. Горький), С выставки, «Нижегор. листок», 1896, № 159; «Русск. Слово», 1896, № 155; «Нижегор. почта», 1896, № 27; «Нижегор. листок», 1896, № 156; «Волгарь», 1896, № 158; ОГВ, 1896, №№ 46 и 49.

11 июня — второе выступление в Нижнем Новгороде. См. «Нижегор. листок», 1896, № 171; «Казанский телеграф», 1896, 13 июня, № 1031.

12 июня — приезд в Казань, «Волжск. Вестник», 1896, № 134; «Камско-Волжск. край», 1896, № 138.

15 июня — выступление в зале Казанского реального училища для учащихся и преподавателей средних учебных заведений. См. «Олонецкие Губернские Ведомости», 1896, № 46; «Казанский телеграф», 1896, № 1034; «Волжск. Вестник», 1896, № 137; «Камско-Волжск. край», 1896, № 139.

16 июня — выступление в зале Казанской городской думы. См. «Камско-Волжск. край», 1896, № 141.

17 июня — третье выступление в Казани, «Казанский телеграф», 1896, № 1035.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

18 июня —	возвращение в Нижний Новгород; «Сеансы» каждое воскресенье, в будни (несколько раз) — бесплатные публичные выступления в зале реального училища. См. «Волгарь», 1896; ОГВ, 1896, № 49.
23 июня —	«последнее» выступление в выставочном концертном зале. См. «Волгарь», 1896, № 71; «Нижегор. почта», 1896, № 40.
26 июня —	сообщение газет о продолжении сеансов на весь июль. См. «Нижегор. почта», 1896, № 43.
конец июня —	выезд в Петербург. См. «Нижегор. почта», там же.
1899 — весна	нездоровье, выезд в д. «Щельи» (д. Лисицино)[1] к родным. См. Благовещенский И., И. А. Федосова (некролог), ОГВ, 1899, № 73.
10 июля —	смерть; погребена на кладбище при кузарандской приходской церкви. См. Благовещенский И., там же.

[1] «Щельи» — название группы деревень, в которую входит и д. Лисицино.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение II

РЕПЕРТУАР И. А. ФЕДОСОВОЙ

I. Плачи-поэмы и причитания

1. Вдовы по муже, Барсов, т. 1, № 1;
2. Дочери по матери, там же, № 4;
3. По жене, там же, № 6;
4. По сыне, там же, № 7;
5. По дочери, там же, № 8;
6. По крестнице, там же, № 9;
7. По родном брате, там же, № 10;
8. По сестре, там же, № 11;
9. По дяде родном, там же, № 12;
10. По брате двоюродном, там же, № 13;
11. По дяде двоюродном, там же, № 14;
12. По свате, там же, № 15.
13. По убитом громом-молвией, там же, № 16;
14. О потопших, там же, № 17;
15. Об упьяисливой головушке, там же, № 19;
16. О старосте, там же, № 20;
17. О писаре, там же, № 21;
18. О попе—отце духовном, там же, № 22;
19. По холостом рекруте, Барсов, т. II, № 1;
20. По рекруте женатом, там же, № 2;
21. При проводах солдата с побывки, там же, № 3;
22. При побывке солдата на смерть своего отца, там же, № 4;
23. По муже или по отце, Агренева-Славянская, т. III, № 1;
24. По умершем деревенском писаре, там же, № 2;
25. По сестре, там же, № 3;
26. Замужней сестры по родном брате, там же, № 7;
27. Племянницы по дяде, там же, № 8;
28. По холостом, не старом, дальнем родственнике или споровечничке, там же, № 9;
29. Матери по убитом на войне сыне, там же, № 17;
30. Матери над телом утопленника-сына на берегу озера, там же, № 18;
31. Кумы на поминках по умершем от опоя, там же, № 19;
32. При проводах новобранца, там же, отдел II, № 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

II. Свадебные причитания

Полный цикл свадебных причитаний записан дважды — Барсовым (т. III) и Агреневой-Славянской (тт. I и II).

III. Песни

1. Не ясен сокол с тепла гнезда слетает (рекрутская), Барсов, т. II, стр. 264;
2. И как по славному по Невскому прошпекту (солдатская), там же, стр. 264—265;
3. Собирайтесь, бедны ребятушки, на зеленый луг (солдатская), там же, стр. 265;
4. Полно солнышко из-за лесу печи (солдатская), там же, стр. 267;
5. Тебе полно, Ваня, по лужку ходить (солдатская), там же, стр. 268;
6. При последи провожу дружка́ мила (солдатская), там же, стр. 269;
7. Еще што, братцы, за мисяц (солдатская), там же, стр. 269;
8. Из-за гор было (беседная), Агренева-Славянская, т. I, № 7;
9. Полно, солнышко (сговорная), там же, № 8;
10. Сидела Катенька в новом высоком терему (беседная), там же, № 9;
11. Ай, у нашего соседа (хороводная), там же, № 10;
12. Травка, муравка, зеленая моя (хороводная), там же, № 11;
13. Вдоль да по травке (хороводная), там же, № 12;
14. Как по улице по шведской (свадебная), там же, № 13;
15. Право, матушка, мне тошненько (протяжная), там же, № 14;
16. Ах ты, мать ли моя, мать (хороводная), там же, № 15;
17. Сердце замерло уныло (беседная), там же, № 16;
18. Вдоль по рябинке (плясовая), там же, № 17;
19. Во чистом поле рос сырой-то дуб (свадебная), Агренева-Славянская, т. II, № 13;
20. При последнем-то при денечке (свадебная), там же, № 14;
21. С терема на терем Марья шла (свадебная), там же, № 15; «Русская беседа», 1895, стр. 181—184.
22. Пивна ягода по сахару плыла (свадебная), два варианта, там же, № 16;
23. Из-по сухому по дереву (свадебная), там же, № 16;
24. По край бережка часовенка стояла (свадебная), там же, № 24;
25. Во городе кровать (свадебная), там же, № 25; «Русская беседа», 1895, стр. 181—184;
26. Завтра в день прекрасный (свадебная), Агренева-Славянская, т. II, № 26;
27. Во Китай во крепком городе (свадебная), два варианта, там же, № 27;
28. Сяду я, младенька, под окошечко (беседная), Агренева-Славянская, т. III, отдел IV, № 1;
29. Все суседушки девушку ругают и бранят (беседная), там же, № 2;
30. Молодость, молодость-младость (протяжная), там же, № 3;
31. Не сидит-ко Дуня (беседная), там же, № 4;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

32. Калинушка с малинушкой (беседная), там же, № 5;
33. Во чистом поле (беседная), там же, № 6;
34. Из долины, из лесочку (беседная), там же, № 7;
35. Я вчерашним днем милова провожала, (беседная), там же, № 8;
36. Натялась на меня злодей-жена (беседная), там же, № 9;
37. Уж ты хмель ли моя, хмель (беседная), там же, № 10;
38. Всю я ноченьку, млада, просидела (беседная), там же, № 11;
39. Эко сердце, эко белиенько мое (беседная), там же, № 12;
40. Что, Катенька, бела̀ ходишь (беседная), там же, № 13;
41. Был я в городе Кронштадте (беседная), там же, № 14;
42. Несчастная красна девушка (протяжная), там же, № 15;
43. Судьба, судьба моя несчастная (протяжная), там же, № 16;
44. На молодца тоска-горюшко, горе нападает (протяжная), там же, № 17;
45. Вдоль да по речке, вдоль по Казанке (беседная), там же, № 18;
46. Головка-головушка победненькая (сиротская), там же, № 19;
47. Уж ты Катя-Катерина (хороводная), там же, № 20;
48. Пойду я, добрый молодец, пойду — загуляю (хороводная), там же, № 22;
49. Уж ты девица-красавица (хороводная), там же, № 23;
50. Во поле гуляет казак молодой (хороводная), там же, № 24;
51. Дуня белая румяна (хороводная), там же, № 25;
52. Я поеду ли, поеду, в Нову-Ладогу гуляти (игровая), там же, № 26;
53. Женатый—чорт проклятый (хороводная), там же, № 27;
54. У Танюшки по Ванюшке головушка болит (плясовая), там же, № 28;
55. Все не мило, все постыло (плясовая), там же, № 29;
56. Из-под дуба, из-под вяза (плясовая), там же, № 30;
57. Был селезень, был мо́лодец (плясовая), там же, № 31;
58. По улице мостовой (плясовая), там же, № 32;
59. Заинька беленький (плясовая), там же, № 33;
60. Ах, во поле-поле (шуточная), там же, № 34;
61. Как и было нас у батюшки десять сынов (шуточная), там же, отдел IV, № 1;
62. Во лузях, «Игрушечка», 1895, №№ 8—9; «Русск. беседа», 1895, апрель, стр. 181—184;
63. Колыбельная, «Игрушечка», 1895, №№ 8—9.

IV. Величальные песни-экспромты

1. Д. А. Агреневу-Славянскому, там же, приложение, № 1;
2. О. Х. Агреневой-Славянской, там же, № 2;
3. Н. Д. Агреневой-Славянской, там же, № 3;
4. Приветствие на дорогу, там же, № 4;
5. Д. Д. Агреневу-Славянскому, там же, № 5;
6. Е. Д. Агреневой-Славянской, там же, № 6;
7. Е. Д. Агреневой-Славянской, поздравительная, там же, № 7;
8. О. Д. Агреневой-Славянской, там же, № 8.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

V. Былины

1. Добрыня и Алеша, Агренева-Славянская, т. III, отд. III, № 14; «Русск. беседа», 1895, апрель, стр. 181—184;
2. Смерть Чурилы, ОГВ, 1867, № 16; Агренева, там же, № 15.

VI. Исторические песни

1. «О гневе Грозного на сына», (запись не сохранилась), свидетельство, «Новости дня», 1895, № 4156; «Новости и биржевая газета», 1895, № 5.

VII. Баллады

1. О братьях-разбойниках, ОГВ, 1867, № 14 и Агренева-Славянская, т. III, отд. III, № 11;
2. Василий и Софья, ОГВ, 1867, № 14 и Агренева, там же, № 6;
3. Казань-город, ОГВ, 1867, № 16 и Агренева, т. III, отд. IV, № 21.

VIII. Сказки

1. Волк и лисица, «Игрушечка», 1895, №№ 8—9;

По свидетельству газ. «Новости дня» И. А. Федосова знала «несколько сказок» (1895, № 4156).

IX. Пословицы и поговорки

Всего зафиксировано 127 пословиц и поговорок, в том числе находится в I т. Барсова — 41, во II т. — 38, в III т. Агреневой-Славянской — 48.

X. Духовные стихи

Всего зафиксировано — 10. См. ОГВ, 1867, №№ 11—14 и повторные записи — Агренева-Славянская, т. III.

Всего записано от И. А. Федосовой 124 текста + свадебный обряд + 127 пословиц и поговорок.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение III

А. М. Горький

С ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

Вопленица

Давно я не переживал ничего подобного.

В чистеньком концертном зале, полном аромата смолистого, свежего дерева, было сначала очень скучно. Публики было мало, и публика была все плохая — кафе-кабацкие завсегдатаи, которым днем нечего делать и которые от скуки лезут всюду, куда их пускают, «интернациональные дамы» из гостиниц, одетые с резким шиком, экспоненты, тоже изнывающие от безделья, кое-где среди них скромно ютятся серенькие фигуры учителей и учительниц, два-три студента, несколько журналистов с утомленными лицами и рассеянными взглядами... В общем — менее половины зала. На эстраде — высокий человек с черной бородой и в скверном сюртуке стоит, неуклюже облокотясь о что-то, вроде кафедры, и тусклым языком, ломаными, угловатыми фразами, скучно, длинно, бесцветно рассказывает о том, кто такая Ирина Андреевна Федосова. Это учитель Олонецкой гимназии Виноградов, человек, который знакомит Русь с ее неграмотной, но истинной поэтессой.

— Орина, — усердно надавливает он на «о», — с четырнадцати лет начала вопить. Она хрома потому, что, будучи восьми лет, упала с лошади и сломала себе ногу. Ей девяносто восемь лет от роду. На родине ее известность широка и почетна — все ее знают, и каждый зажиточный человек приглашает ее к себе «повопить» на похоронах, на свадьбах, а иногда и просто так, на вечеру... на именинах, примерно. С ее слов записано более 30 000 стихов, а у Гомера в «Илиаде» только 27 815!..

Он с торжеством специалиста осматривает публику и продолжает:

— Стих у нее — пятистопный хорей. Первый, кто ее открыл для России, — преподаватель Петрозаводской семинарии Барсов. Он еще в 1872 году издал сборник ее стихов и причитаний, и этот сборник был удостоен Уваровской премии. Славянская-Агренева тоже издала два тома ее воплей, и в скором времени государственный контролер Филиппов, любитель и знаток древней русской поэзии, выпустил четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных, обрядных и игровых песен Федосовой. В ней — неисчерпаемый запас старины, и она еще многое перезабыла. На-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

певы ее воплей — самые характерные — записаны фонографом и хранятся в императорском географическом обществе...

Кажется, он кончил. Публика не слушала его.

— Орина Андреевна! — кричит он. Где-то сбоку открывается дверь, и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжелые, грубые башмаки. Лицо — все в морщинах, коричневое... Но глаза — удивительные! Серые, ясные, живые — они так и блещут умом, усмешкой и тем еще, чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом.

— Ну вот, бабушка, как ты, петь будешь или рассказывать? — спрашивает Виноградов.

— Как хочешь! Как угодно обществу! — отвечает старуха-поэтесса и вся сияет почему-то.

— Расскажи-ка про Добрыню, а то петь больно долго...

Учитель чувствует себя совсем как дома: плюет на эстраду, опускается в кресло, рядом со старухой, и, широко улыбаясь, смотрит на публику:

Вы послушайте-тка, люди добрые,
Да былину мою — правду-истину!.. —

раздается задушевный речитатив, полный глубокого сознания важности этой правды-истины и необходимости поведать ее людям. Голос у Федосовой еще очень ясный, но у нее нет зубов, и она шепелявит. Но этот возглас так оригинален, так не похож на все кафе-кабацкое, пошлое и утомительно однообразное в своем разнообразии — на все то, что из года в год и изо дня в день слушает эта пестробрючная и яркоюбочная публика, воспитанная на родоно-омоно-тулонских былинах, что ее как-то подавляет этот задушевный голос неграмотной старухи. Шопот прекращается. Все смотрят на маленькую старушку, а она, утопая в креслах, наклонилась вперед к публике и, блестя глазами, седая, старчески красивая и благородная и еще более облагороженная вдохновением, то повышает, то понижает голос и плавно жестикулирует сухими, коричневыми маленькими руками.

Уж ты гой еси, родна матушка! —

тоскливо молит Добрыня, —

Надоело мне пить да бражничать!
Отпусти меня во чисто поле
Попытать мою силу крепкую
Да поискать себе доли-счастия!

В зале носится веяние древности. Растет голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле. И, как будто позабыв на время о «королевах бриллиантов», о всемирно известных исполнительницах классических поз, имевших всюду громадный успех, — публика разражается громом аплодисментов в честь полумертвого человека, воскрешающего последней своей энергией нашу умершую старую поэзию.

— Теперь «Вопль вдовы по мужу»... — говорит Виноградов. Публика молчит. Откашлявшись, Федосова откидывается в глубь кресла и, полузакрыв глаза, высоко поднимает голову.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Лю-убимый ты мой му-уженька-а-а...

Сила страшной, рвущей сердце тоски — в этом вопле. Нота за нотой выливается из груди поэтессы. В зале тихо... Смерть, кладбище, тоска...

— Я не могу этого слышать... не могу... — шепчет сзади меня дама в желтой шляпе и, когда я оборачиваюсь взглянуть на нее, прячет в раздушенный платок взволнованное бледное лицо...

Потом вопила девушка, выдаваемая замуж. Федосова вдохновляется, увлекается своей песнью, вся поглощена ею, вздрагивает, подчеркивает слова жестами, мимикой. Публика молчит, все более поддаваясь оригинальности этих за душу берущих воплей, охваченная заунывными, полными горьких слез мелодиями. А вопли, — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувства, искренности, силы — и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания...

Федосова вся пропитана русским стоном, около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая горе своей жизни в старых русских песнях. Когда она запела «Соберитесь-ка, ребятушки, на зеленый луг» — по зале раздался странный звук — точно на кого-то тяжесть упала и страшно подавила его. Это вздохнул человек — ярославский купец Канин, мой приятель, один из экспонентов выставки.

— Ты что?

— Хо-орошо! Так хорошо — слов нет! — ответил он, мотая головой и конфузливо отирая слезы с глаз. Ему под пятьдесят лет, — это фабрикант, солидный господин. Узнал свое старое, брошенное, и расчувствовался старик.

Слов нет! Русский человек часто употребляет эти два слова, и в этом факте есть предупреждение нам. Он говорит: «Храните старую русскую песню: в ней есть слова для выражения невыносимого русского горя, того горя, от которого мы гибнем в кабаках, в декадентстве, в скептицизме и других смутах отчаяния». Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей.

Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей, горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша — веселая и живая — блестит своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки; толпа кричит ей вперебой:

— Хорошо, бабушка Ирина! Спасибо! Милая!..

Я спросил у нее портрет, намереваясь послать его вам для газеты, — оказалось, нет готовых...

Нас попросили разойтись — нужно было очистить зал; в 4 часа назначен концерт Главача.

(Собрание сочинений, ГИХЛ, М., 1953, т. XXIII, стр. 230—234)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

А. М. Горький

НА ВЫСТАВКЕ

В воскресенье я чуть-чуть не превратился в ярого самобытника по вине «вопленицы» Федосовой, Маковского и Главача. Федосова — это олицетворение старой русской народной поэзии, она и сама, по внешности своей, — старая, спетая песня. Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до концов ботинок, — публика была изумлена, видя пред собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове.

Она вышла, в пояс поклонилась публике, села в кресло — и на ее коричневом, морщинистом лице вдруг вспыхнули два ясные огонька, ее живые, вдохновенные глаза. И вслед за ее взглядом на зал — в зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былину о Добрыне. Голос старческий, еще довольно ясный, хотя отсутствие зубов у Федосовой заставляет ее шепелявить. На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, привстает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе и искания подвигов.

Она — рапсод. Она живая легенда, и, полуумирающая, — она всеми остатками своей жизненной энергии воскрешает перед публикой умершую эпическую поэзию. Голос то повышается, то понижается, и глаза сияют все ярче. Ее антрепренер — останавливает ее... Публика — аплодирует, хотя это, в большинстве своем, публика, ищущая легких развлечений, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия...

— «Вопль вдовы по муже», — возглашает «выводящий» Федосову господин Виноградов.

Раздается этот вопль и заставляет публику своей тоскливой, *невыразимо простой* и в то же время не уловимой ухом мелодией, рыдающей, полной страшной боли, — вздрогнуть. Слышен какой-то общий вздох. Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса. Потом вопит невеста, выходя замуж. Этот вопль оплакивает гражданскую смерть личности, и он так же трогательно прост, как и силен чувством тоски, вложенным в него. За каждой песнью Федосовой ей аплодируют все горячее...

Она поет еще веселую свадебную песнь и солдатскую. Последняя прямо поражает своей мелодией, похожей на византийский рисунок, изобилующий тоскливо удалыми выкриками, ахами, эхами, оттягиваниями нот и бесконечными вариациями на основной мотив. Песнь так звучна, хороша, так народна. Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят «спасибо». Она сыплет направо и на-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

лево прибаутками, пословицами, поговорками, и ее живые глаза сияют удовольствием.

В концерте Главача я сижу рядом с ней и господином Виноградовым. Он говорит о том, что публики было мало, но расходы по дороге и публикациям окуплены.

— Все на меня расходы, — вздыхает старуха и, помолчав, добавляет: — Туфли мне вот бы...

Ей обещают купить. Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зданий, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далеких от истинно русского, — ей, очевидно, неловко, не по себе...

(Собрание сочинений, ГИХЛ, М., 1953, т. XXIII, стр. 188—189)

„ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА"

ч. I

На эстраду вышел большой, бородатый человек, в длинном и точно из листового железа склепанном пиджаке. Гулким голосом он начал говорить, как говорят люди, показывающие дрессированных обезьян и тюленей.

— Я, — говорил он, — я-я-я! — все чаще повторял он, делая руками движения пловца. — Я написал предисловие... Книга продается у входа... Она — неграмотна. Знает на память около тридцати тысяч стихов... Я... Больше, чем в Илиаде. Профессор Жданов... Когда я... профессор Барсов...

— Ничего, — успокоительно сказал Иноков. — Этот — всегда глуп.

На эстраду мелкими шагами, покачиваясь, вышла кривобокая старушка, одетая в темный ситец, повязанная пестреньким заношенным платком, смешная, добренькая ведьма, слепленная из морщин и складок, с тряпичным, круглым лицом и улыбчивыми, детскими глазами.

Клим взглянул на Инокова сердито, уверенный, что снова, как перед пушкой, должен будет почувствовать себя дураком. Но лицо Инокова светилось хмельной радостью, он неистово хлопал ладонями и бормотал:

— Ах ты, милая...

Это было смешно, Самгин несколько смягчился, и, решив претерпеть нечто в течение десятка минут, он, вынув часы, наклонил голову. И тотчас быстро вскинул ее, — с эстрады полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские, старинные слова. Голос был бабий, но нельзя было подумать, что стихи читает старуха. Помимо добротной красоты слов было в этом голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое, магическая сила, заставившая Самгина оцепенеть с часами в руке. Ему очень хотелось оглянуться, посмотреть, с какими лицами слушают люди кривобокую старушку? Но он не мог оторвать взгляда своего от игры морщин на измятом, добром лице, от изумительного блеска детских глаз, которые, красно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

речиво договаривая каждую строку стихов, придавали древним словам живой блеск и обаятельный, мягкий звон.

Однообразно помахивая ватной ручкой, похожая на уродливо сшитую из тряпок куклу, старая женщина из Олонецкого края сказывала о том, как мать богатыря Добрыни прощалась с ним, отправляя его в поле, на богатырские подвиги. Самгин видел эту дородную мать, слышал ее твердые слова, за которыми все-таки слышно было и страх и печаль, видел широкоплечего Добрыню: стоит на коленях и держит меч на вытянутых руках, глядя покорными глазами в лицо матери.

Минутами Климу казалось, что он один в зале, больше никого нет, может быть, и этой доброй ведьмы нет, а сквозь шумок за пределами зала, из прожитых веков, поистине чудесно долетает до него оживший голос героической древности.

— Ну, что? — торжествуя спросил Иноков; расширенное радостной улыбкой лицо его осовело, глаза были влажны.

— Удивительно, — ответил Клим.

— То ли еще будет! Заметьте: она — не актриса, не играет людей, а людями играет.

Эти странные слова Клим не понял, но вспомнил их, когда Федосова начала сказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо, ласкаемый мягким блеском неугасимых глаз. Умом он понимал, что ведь матерый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил, и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешечки, отдаленно напоминавшей хитренькие и мудрые искорки глаз историка Василия Ключевского.

Но, вспомнив о безжалостном ученом, Самгин вдруг, и уже не умом, а всем существом своим, согласился, что вот эта плохо сшитая ситцевая кукла и есть самая подлинная история правды добра и правды зла, которая и должна и умеет говорить о прошлом так, как сказывает олонецкая, кривобокая старуха, одинаково любовно и мудро о гневе и о нежности, о неутолимых печалях матерей и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь. И, может быть, вот так же певуче лаская людей одинаково обаятельным голосом, — говорит ли она о правде или о выдумке, — скажет история когда-то и о том, как жил на земле человек Клим Самгин.

Затем Самгин почувствовал, что никогда еще не был он таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой, милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ.

Чувствовать себя необыкновенным, каким он никогда не был, Климу мешал Иноков. В коротких перерывах между сказами Федосовой, когда она, отдыхая, облизывая темные губы кончиком языка, поглаживала кривой бок, дергала концы головного платочка, завязанного под ее подбородком, похожим на шляпку гриба, когда она, покачиваясь вбок, улыбалась и кивала головой восторженно кричавшему народу, — в эти минуты Иноков разбивал настроение Клима, неистово хлопая ладонями и крича рыдающим голосом:

— Спасибо-о! Бабушка, милая, — спасибо-о!

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Он был возбужден, как пьяный, подскакивал на стуле, оглушительно сморкался, топал ногами, разлетайка сползла с его плеч, и он топтал ее.

Остаток дня Клим прожил в состоянии отчуждения от действительности, память настойчиво подсказывала древние слова и стихи, перед глазами качалась кукольная фигура, плавала мягкая, ватная рука, играли морщины на добром и умном лице, улыбались большие, очень ясные глаза.

(Собрание сочинений, ГИХЛ, М., 1952, т. XIX, стр. 523—526)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение IV

В. В. Богданов[1]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭТЕССЕ ИРИНЕ АНДРЕЕВНЕ ФЕДОСОВОЙ

Об Ирине Андреевне Федосовой мною была напечатана краткая заметка без подписи в «Этнографическом Обозрении» за 1895 г. № 4, кн. XXVII, стр. 190—191. С замечательным поэтическим талантом Ирины Андреевны впервые познакомил русское образованное общество Елпидифор Васильевич Барсов, издавший в 1872—1882 гг. в двух томах «Причитания Северного края». Продолжение «Причитаний» было им напечатано в «Чтениях» Об-ва Истории и Древностей Российских, 1885 г., кн. 3 и 4. Эти «причитания» вошли на страницы учебников и хрестоматий. В этих изданиях Ирина Андреевна и другие наши северные поэтессы запечатлены были как вопленицы по покойникам, как свадебные «плакальщицы» по горюющей девушке, выдаваемой в чужую семью. При ближайшем знакомстве с Ириной Андреевной в Москве это представление о ней рассеялось, как весьма одностороннее. Она явилась в кругу московского образованного общества во всей полноте своих поэтических дарований и своего замечательного характера, воспитанного в среде таких самостоятельных, «деликатных» и в то же время «гордых», по выражению П. Н. Рыбникова, русских крестьянских поэтов, как знаменитый Трофим Григорьевич Рябинин, Леонтий Богданович с Шуй-Наволока и многие другие.

Здесь следует привести несколько строк из «Заметки» П. Н. Рыбникова (в III томе его сборника «Песен», 1864 г.). О кижанах он выразился так: «Такой радушный откровенный народ эти кижане, что меня так и потянуло побывать у них в Заонежье» (XV стр.). Говоря о «гордом и неподатливом» характере Т. Г. Рябинина, Рыбников рассказывает, как Рябинин отказался от оплаты за свой поэтический дар, и как сейчас же после подарка Рыбникова его боль-

[1] В. В. Богданов — известный этнограф, б. секретарь О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете; в советское время — сотрудник Института Этнографии Академии наук СССР (ум. в 1949 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

шухе, Трофим Григорьевич отдарил Рыбникова своим подарком и при этом объяснил: «Когда, Павел Николаевич, приятели расстаются надолго, то у нас в обычае дарить друг другу на память даровья».

«Слово гордость, — говорит Рыбников, — не исчерпывает характера Рябинина: к ней прибавляется деликатность, так что это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и к другим». Такова была и Ирина Андреевна Федосова, насколько я и все другие узнали ее в Москве. Ирина Андреевна была далека от материальных интересов, но очень ценила внимание, оказанное ей присуждением медали Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, а также медали Русского Географического общества. Она, как и Рябинин, видела в этом высокое признание ее поэтического служения народу.

Эти «гордые» поэты русского Севера с таким же самоуважением держали себя перед властями. Рыбников рассказывает, как один из полицейских чиновников требовал взятку от Рябинина, а тот ему ответил: «Ты, ваше благородие, это оставь. Я по этим делам никому еще должон не оставался». В такой атмосфере самоуважения и, может быть, поддерживаемое высокопринципиальной идеологией своих поэтов, все северное русское крестьянство было таким же по «гордости» и «деликатности», как Рябинин, Федосова и другие. В 1899 году это подтвердил мне архангельский губернатор А. П. Энгельгардт, испытавший крестьянскую «гордость» на самом себе. Он не подал руки пришедшему к нему крестьянину. А этот «северный медведь», по выражению губернатора, заметил ему: «Ненадобен я тебе, — и ты мне ненадобен». Повернулся и ушел из губернаторского дома. «С тех пор, сказал губернский аристократ, пришлось подавать крестьянам руку».

Все это — черты русского северного крестьянства, весьма не безразличные для свободного художественного творчества крестьянских поэтов.

Ирина Андреевна Федосова приехала в Москву перед самым рождеством 1895 года в сопровождении преподавателя Петрозаводской гимназии П. Т. Виноградова. Первое ее выступление перед московским обществом происходило в неофициальной обстановке в квартире Всев. Фед. Миллера 24 декабря 1895 года. Собрались многие обычные и случайные или специально приглашенные гости широко известных в то время «воскресений у Миллеров». Между прочим, насколько помню, на этот раз были: Фед. Евг. Корш, Ив. Ив. Янжул, Петр Дмитр. Боборыкин, Елпид. Вас. Барсов, П. Т. Виноградов, молодой композитор Арсений Никол. Корещенко, известный специалист древних церковных песнопений Степан Вас. Смоленский, Ю. И. Блок с фонографом, из других профессоров — Ал-р Ив. Чупров, Пав. Ник. Милюков (виртуозный скрипач), Дм. Ник. Анучин и многие другие.

Ирина Андреевна держала себя просто и свободно. Такое многолюдное собрание ее не смущало. «У нас на свадьбах больше бывает»,—говорила она. Ей в это время было 75 лет, немного сгорблена, роста небольшого, ее седая голова была покрыта обычным старушечьим головным чепцом. На морщинистом лице ясно светились умные живые глаза, и все ее лицо было своеобразно-интеллигентное, выразительное. Одета была в простое крестьянское платье темного цвета.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В этот вечер Ирина Андреевна исполнила, по указанию Барсова, некоторые из тех причитаний, которые он записал от нее для своего сборника. Исполняла также некоторые свадебные песни. Наконец, импровизировала на предлагаемые ей сюжеты по умершим, по выходящим замуж, по уходящим на войну и т. д.

Академик Фед. Евг. Корш следил за ритмом ее причитаний и время от времени заносил заметки в записную книжку. Арс. Ник. Корещенко делал также свои записи и временами советовался со Смоленским. Был здесь один преподаватель искусства речи (кажется Булдин), читавший лекции в драматическом училище. Он восхищался дикцией Ирины Андреевны, ясной и всегда хорошо слышимой, а также удивительной ритмичностью ее причитаний. Фед. Евг. Корш, обратясь к этому профессору речи, сказал: «Хорошо бы многим нашим косноязычным профессорам поучиться у Федосовой». А на это Ив. Ив. Янжул заметил: «Да она и самого Василия Осиповича Ключевского за пояс заткнет».

Надо пояснить, что Вас. Осип. Ключевский собирал в университете огромную аудиторию студентов со всех факультетов. Их привлекал не только оригинальный и для того времени довольно «смелый» курс русской истории Ключевского, но и его красноречие. Оно тоже было оригинально. Ключевский страдал в слабой степени заиканием. Чтобы скрыть этот недостаток, он говорил особым размеренным говорком, а как только подходил к слову, которого сразу произнести не мог, он повторял два-три предыдущих слова и затем снова свободно лилась его размеренная речь. Эти «заикающиеся» повторения производили на слушателей впечатление большого искусства речи.

За чайным столом и за ужином Ирина Андреевна рассказывала непринужденно о своей жизни, о своем крае. Она родом из села Кузаранды, Петрозаводского уезда. Грамоте не училась и читать не умела. Была два раза замужем. 19-ти лет она вышла, по собственному желанию, за 65-летнего старика и жила с ним, как сказала, «счастливо» 13 лет, до самой его смерти. После того вышла вторично за молодого (даже моложе, чем она), за Федосова, с которым благополучно жила 20 лет. Овдовев вторично, Ирина Андреевна осталась без средств. Но ее «причитания» и «вопли» сделали ее профессиональной вопленицей, и этим она зарабатывала. Однако вынужденная бедностью профессия вопленицы не погасила в ней свободного творчества. Не говоря уже о том, что многие ее «вопли» великолепны по красоте содержания, по форме и ритму, в них вложила она и много своей импровизации. Эту особенность своего таланта она ярко обнаружила на большом Торжественном заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии 3-го января 1896 года, под председательством Президента Общества проф. Дм. Ник. Анучина, при Председателе Этнографического отдела общества Всев. Фед. Миллере, в присутствии многочисленных членов разных отделов и отделений общества, не исключая физиков, зоологов, химиков и других; присутствовала большая группа сторонних посетителей. Большой зал Политехнического музея был переполнен.

Ирина Андреевна спокойно сидела за столом президиума и внимательно слушала вступительное слово Всев. Фед. Миллера о характере и значении поэтического таланта Федосовой. Он, обобщая грустное содержание причитаний и воплей Федосовой, назвал их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

«народными элегиями» и отметил в них глубокое поэтическое вдохновение и свободную импровизацию. Если не ошибаюсь, он сравнил ее также с талантливым драматическим артистом, который в рамках готового текста драмы творит свое, ему лично свойственное, изображение или воплощение действующего в драме лица.

После Вс. Фед. Миллера выступил Елпидифор Васильевич Барсов, который рассказал о своем первом знакомстве с Ириной Андреевной, которая при этом часто поворачивалась к нему и приветливо улыбалась. Барсов рассказал также некоторые воспоминания из ее жизни и закончил характеристикой поэтического творчества северорусских крестьянских поэтов и особенно Федосовой.

Затем выступила Федосова.

— Ты уж скажи-то, Елпидифор Васильевич, что причитать, что сказывать?

Барсов напомнил ей из своих записей несколько причитаний.

— Да теперь я тех покойников не помню. Ничего причитать о них не могу.

Но по просьбе Барсова, она стала импровизировать старые причитания «по-новому». Затем она исполнила несколько свадебных причитаний с характерными всхлипываниями. Кое-кто из публики попросил Ирину Андреевну причитать по том или другом умершем, о котором Федосова расспросила подробно, также как и о его семье. Эти импровизации произвели сильное впечатление на аудиторию.

Наконец, одна немолодая дама попросила Федосову излить ее горе и ее тоску по дочери, которая не умерла, но рассталась с матерью. Федосова подробно расспросила о матери, о дочери и о разных обстоятельствах и причинах разлуки.

Получив после этого спроса нужный ей сюжет для элегии, Ирина Андреевна, стоя на некотором возвышении около кафедры, начала своим ровным, чистым и громким голосом импровизацию элегии на заданный сюжет. Минут пятнадцать, если не больше, сказывала Ирина Андреевна эту в ритм устроенную вдохновенную элегию. Уже на средине сказа послышались всхлипывания, потом плач, и не только самой героини элегии, но и других. Когда окончилась элегия, та дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке. Эта демонстрация поэтического творчества Ир. Андр. Федосовой произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Сама Ирина Андреевна тоже не казалась спокойной.

В это время Всев. Фед. Миллер выразил ей искреннюю благодарность от имени всего собрания и преподнес ей от Этнографического Отдела подарок — серебряные часы. «По старому обычаю, — сказал Всев. Фед., — друзья обмениваются подарками на память. Вы, Ирина Андреевна, подарили нам свои прекрасные песни и причитания, а мы вам отдариваем этим серебряным подарком».

Федосова долго пожимала своей старческой, но еще бодрой рукой руки Анучина, Миллера, профессора Ивана Флоровича Огнева, который, будучи по специальности гистологом, обожал русскую народную песню, и в этот вечер говорил: «Она меня заворожила, — до конца жизни буду вспоминать это совершенство русского поэтического творчества».

Москва, 4 декабря 1948 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение V

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. ФЕДОСОВОЙ, ЗАПИСАННЫЕ В АВГУСТЕ 1948 г.

№ 1

(Записано со слов преподавателя Карело-Финского Государственного Кооперативного техникума в г. Петрозаводске **Федора Ильича Прохорова,** бывшего учителя Кузарандской школы. Гор. Петрозаводск, Комсомольская ул., д. 10.)

Учительствовал в Кузаранде 10 месяцев в 1895 и 1896 году. Видел Ирину Андреевну Федосову в 1896 году, когда она приезжала домой на побывку. В этот приезд она пожертвовала 300 рублей на постройку школьного здания. По тем временам это были огромные деньги, вполне достаточные на оборудование школы. До 1896 г. школа в Кузаранде не имела специального здания, для занятий нанимали частные дома.

Ирина Андреевна была старушка невысокого роста, хромая. Я ходил к ней благодарить за пожертвование на школу. Встретила она меня очень любезно, приветливо. Побеседовали о школе — расспрашивала, сколько учеников, как учатся, как родители относятся к школе. Была недовольна, что мало девочек учится, говорила: «Ты девочек, девочек больше учи». А школа была в то время маленькая. Когда я приехал — в школе училось 12 человек и ни одной девочки. (Дикаревский, который учительствовал до этого, сильно пил, детей ему боялись отдавать учиться). Я ходил по деревням, собрал около 50 человек. Она меня хвалила за это.

От крестьян я слышал, что Ирина Андреевна отличалась большим остроумием. Жила она в домике в два окна. Жила одна. Сидит бывало под окном и кто из соседей пройдет или проедет, она про каждого скажет и очень остроумно. По всему чувствовалось, что она выше других. Богатый природный ум. Про каждого умела точно сказать, подметить недостаток или достоинство. Крестьяне относились к ней очень хорошо, ставили ее высоко.

Слышал, что она причитывала на свадьбах и похоронах, но самому слышать не довелось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

В эти годы приезжал в Кузаранду и Виноградов, Павел Тимофеевич. Говорил со мной около часа. Советовал записывать былины и передавать ему. Очень интересовался. Пожалуй был единственный в губернии. Впрочем интересовалась этим делом и сестра его жены Анна Михайловна Солнышкова — учительница словесности женской гимназии. Сама исполняла былины и выступала с их пением.

Виноградов специально объезжал Заонежье, беседовал с учителями и врачами, возбуждал интерес к народному творчеству.

№ 2

(Записано со слов колхозницы д. Лисицино, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Федосовой Анны Федоровны**, 70 лет.)

Я приходилась ей невесткой, вышла за ейного племянника Ивана Тимофеевича, который у ней воспитывался. Она считала его за сына. Он взят был еще в Петрозаводск.

Родилась Ирина Андреевна от Сафроновых,[1] Вырозерского сельсовета. Девичья фамилия Юлина. Первый раз замужем жила в д. Сидорово.

Когда Яков Иванович ее замуж взял, так она была бе́ла. Яков жил в Петрозаводске, приезжал сюда, она его приколдовала. Как она пришла в семью, так над ней надрыгались: не поймешь, мол, молодуха, аль старуха. За водой на колодец посылали, смотрели, как она несет, а она хрома была.

Яков стал пить, она туда к нему съехала (в Петрозаводск). Потом моего-то мужа туда и взяли трехмесячного. Яков Иванович работал столяром. Жили они хорошо, он зарабатывал.

Меня выдали за ее богатство, как она из Петербурга приехала. Помню, рассказывала, как приехала в Петербург, так все и повторяла:

Залетела ворона
В высокие хоромы.

Я жила с ней леть пять. Года три до смерти она жила с нами, после того как сломила руку. Везде ее возили, в Кижи возили, руку правили. Мой-то Иван возил. Упала с саней и сломила руку. Последние три года жили бедновато.

(В ответ на мой вопрос о взаимоотношениях с П. Т. Виноградовым):

На Виноградова она не обижалась. Мы с ей о великом посту ездили в Петрозаводск. Были два раза в гостях у Виноградова. Были вместе в емназии (гимназии), где она причеты сказывала.

В Петербурге дали ей медаль и золотые часы. Медаль, как она померла, мы отдали в церковь. Часы золотые продали в скотский падеж.

(В ответ на мой вопрос — «Были ли у И. А. книги, в которых напечатаны ее причеты?»):

Книг, в которых от нее записано, не было.

---

[1] Т. е. в деревне Сафроново.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

А еще расскажу: она для здешних мужиков дачу[1] в Петербурге хлопотала. Приходили мужики, писали, она и повезла туда.

Как она померла, было ей лет девяносто. Последний год все хворала. Она была такая интересна, что затеет—так наладьте. К каждому слову у ее была прибаутка; кто что говорит, а она приговаривает. Помню, в троицу собирались, всей деревней слушали.

Она на моей свадьбе была брюдгой.[2] Маланья наша[3] подголашивала, она ее останавливала, топала ногой: «Не так подголашиваешь, не так, а вот послушай-ко».

№ 3

(Записано со слов колхозницы д. Юсова гора, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Комляковой Марии Яковлевны**, 65 лет.)

До отъезда в Петербург, она 6 недель нянчила у нас ребенка в доме. Жили они с сыном плохо. Федосова последние годы побиралась. Падеж был, скотина подохла. Сын ее хозяйствовал плохо, был такой небуявый.[4] Она ему помогала как жила в Петербурге, в это время он немного подторговывал. Папаша мой жил в Ленинграде (Петербурге), она часто к ему заходила. Голос у нее при старости был такой хороший. Сестра моя замуж выходила — она водила свадьбу. Как поступала к нам в няньки, вошла в избу и говорит:

Живут в порядке,
Две зыбки на грядке.

№ 4

(Записано со слов колхозника д. Лисицино, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Стафейкова Григория Васильевича**, 64 года.)

Про Ирину Федосову помню только, что она причитывала. Она в Питер ездила. С Питера приехала, всего навезла и часы золотые, и всего по дому-то. Приглашали ее в Петрозаводск. Невысокого росту была, толстая, седатая такая. Тимофеев пастух был, так они все вместе рассказывали и пели.

До Питера она по́ миру ходила; носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала. А когда из Питера приехала, все соседям подарки раздавала, особенно бедных оделяла.

А лес она действительно нам исхлопотала. Тогда ведь нельзя рубить было лесу в Заонежье у нас. Ирина Андреевна хлопотала дачу для Кузаранды в Петербурге и исхлопотала.

---

[1] Здесь и дальше речь идет о лесной даче — лесном участке, который принадлежал раньше Кузарандскому обществу.

[2] Сватья от невесты.

[3] Лобачева Маланья Андреевна из д. Мяльзино, Кузарандского сельсовета, — ученица И. А. по подголашиванию.

[4] Т. е. слабый, нерасторопный.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

№ 5

(Записано со слов колхозницы д. Лисицино, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Симашковой Наталии Тимофеевны**, 74 года.)

Помню, помню Иринью Андреевну. Она была небольшая... А не прихрамывала ли хоть? Ребята любили её слушать. Соберутся: «Расскажи, да расскажи», а как надоест: «Прочь, — говорит, — бескохбльная стать[1]».

Как она вернулась с Петербурга, сын ее стал подторговывать — кожей, пшеном.

Она старуха была сметливая, интересная была, все её любили.

№ 6

(Записано со слов колхозника д. Лисицино, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Гогина Федора Ивановича**, 62 года.)

Они (Федосовы) не могли обладать крестьянством, продавали куски (участки земли). Обременила семья, хотя и был он (Иван Тимофеевич) работяга. А жена его ничего не делала. Он больше по людям работал. Он ничего не рассказывал, был тихий, тихий: только знал, что табак курил, да чай крепкий пил.

Помню, как они свадьбу играли Ивана. Свадьба была славутная, богатая по тем временам.

(В ответ на мой вопрос о помощи Федосовой школе):

Школа была у Комляковых на хуторе. После этого стало две школы, одна из них у Самсоновых.

Насчет дачи шли хлопоты долго, а дачей она числилась за нами до революции.

№ 7

(Записано со слов колхозника д. Угольской, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Мухина Федора Андреевича**, 78 лет.)

Она была не очень больша́, хромая еще. Она мне еще сватьей приходилась. Она припевала в свадьбах всегда, по всей волости. Голос хороший был.

С поездки, с Питера привезла часы золоты. Много знала всего рассказывать. Рассказывает, бывало, рассказывает, а мы ребята — кто спит, кто слушает. А она все бывало спросит: «Спите ли, ребята, а то я второй мешок развяжу».

№ 8

(Записано со слов колхозника д. Юсова гора, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Комлякова Василия Михеевича**, 72 года.)

Она ходила по свадьбам приголашивала, все спёвки у ей были. Припевки у ей хороши были. Она сперва жила в бедном положении, а потом маленько ота́порилась,[2] по свадьбам посбирала.

---

[1] Т. е. бестолковые.

[2] Т. е. поправила дела.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

С полгода она жила в няньках, ребят тешила у Амбаровых, в женином породе. А напослед ее стали приглашать везде уж. Ездила в Ленинград. Она долго жила у этого; секретарь, как его? — у царского советника.[1] А как вернулась, недолго здесь жила.

Она не только повторяла, но была такая расторопная, сама много складывала, такой не было еще, да и не будет, как это все из моды вышло.

Она действительно с Ленинграда (Петербурга) приехала, было всего у нее. Она своих подняла, но кого и бедных одаряла. Ее очень уважали. Она очень самостоятельная женщина была, но не гордая.

Она выхлопотала дачу Кузаранде за Онегом. Так она нашей до войны и была. Нам через почту пришло, когда она там (в Петербурге) была, что дача кузаранам дана. А мы долго хлопотали, ничего не могли выхлопотать дачи этой.

№ 9

(Записано со слов колхозницы д. Скорниной, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Авдотьи Сергеевны Булавкиной**, 65 лет.)

Она мне тётой была. Тоже с Вырозера. Дéвиця фамилия Юлинова была. Там есть еще дядюшка мой, но он младше меня. Она к нам приезжала в Вырозеро. Я к сéстре ходила, так она нас дарила, говорила, что помру — так помнить будете. Ее стретáли, так братья под руки вели.

№ 10

(Записано со слов колхозницы д. Скорниной, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Мошкиной Александры Ивановны**, 80 лет.)

I. Я как в девушках жила,[2] так во вниманье не брала. А бывало как к столу подведут,[3] так давай хвалить; а не дадут, так выкатит, хоть поди.

Видела у ей грамоту — золотыми буквами — «Ирина Андреевна». Она веселая была такая, смешная, знала много всего. Бывало я жать ходила, так она с выжатого давала на чай.

Она все учила тех, кто у стола. Все бывало говорила: «Переимайте, переимайте». От нее всеми здешними и понято.

Я помню, как она плат привезла крученого шелку — крючечками.

II. Только помню, что жали мы у них, я девкой была. Она такая гóдная была, давала больше того, что и работáли.

У ей тогда плéмник был, она их-то и поставила на ноги. Тогда Иван Тимофеевич неженатый был.

Я слыхала, как она на свадьбе причитывала — так и не было таких, как она. Она така была весела, как к столу подойдет, так

---

[1] Т. И. Филиппов.

[2] Т. е. девушкой была.

[3] Имеется в виду вывод невесты к столу перед т. наз. «малым столом».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

жениха хвалит да хулит. Как она свадьбу вела — народу больше сходилось ее послухать. Она бывало как невесту к столу ведет, так пѐрво к жениху подвяжется. Берет под руки невесту:

Вы расстроньтесь, люди добрыи,
Дайте места мне немножецька —
С одну дубовую мостиноцьку
Или с заяцью тропиноцьку —
Ко столу пройти дубовому.
За нашим столом да за дубовыим
Сидят гости незнакомыи,
Сидят гости небывалыи.
На допрос возьму я девушка:
«Вы цого сюды приехали,
Уж вы что зде-ка проведали?
Или лавоцьки торговыи,
Иль товары зде дешовыи?»
Догадалась красна девушка:
«Ты проведал, блад-отецкий сын,
Ты проведал ведь девушку на выдàваньи,
Вольну волюшку да на продаваньи;
Я спугалась нунь, обидна красна девушка,
За столом сидит остудник — блад-отецкий сын,
Ай ведь девушкой он да похваляется:
В правой рученьке ведь вольня моя волюшка,
А левой рученькой задерживает красну девушку».
Ворочусь пойду да от стола да от дубового
Я не дамся да остуднику бладу́ сыну́.
. . . . . .
Хоть не долго томится,
Придется покориться.
. . . . . .
Я схватилася, красная девица, да поздно —
Моя воля у остудника блада сына́.

Тут уж она подходит к жениху:

Уж ты встань на резвыи на ноженьки,
Выпей цяру зелена вина,
С городов ино́ привезено,
Для вас, гостей, разведено.
Не пугайся, не помехайся,
Я отцева нуньку, девушка, и матерна,
Я кру́ченая ведь девушка и лажена.
Я пришла к тебе, удалый добрый молодец,
Для любви пришла к тебе на счастие.

А как жених ей денег даст, она начнет его хвалить (писанья-то много):

Ты, богатая богатина,
Ты, славутная славутина,
(это лицно ейное)
Уж мидь мерящь малёнками,
(этто мерка)
Серебро гребешь лопатами,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

А копейками ты мост мостишь,
А пятаками ты тынь тынишь.
А еще скажу я, девушка,
Если богом буду создана,
Я во божью церковь буду сможена,
Священычком обвенчана,
Почитать буду, удалый добрый молодец...

Потом уже она пойдет по брюдгам. Или хулит:

Не мог ни вытолощь, ни вымолоть
Ни у добрых людей ты выпросить,
Ты по волости посóбирать
Золотой казны бессчетноей...

Смешна была покойница. Бывало со жнитвы придешь, так вокруг сколь раз обойдет.

№ 11

(Записано со слов колхозника д. Угольская, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Ромбачева Андреана Федоровича**, 76 лет.)

Она в чести была здесь. Она тебя захвалит, да тут же и обругает. Хороша, хорóша была старуха. Говорят, что она за Онегом нам дачу хлопотала. Здесь соснового лесу было мало, больше все за Онегом, вот она и стала хлопотать. У ей, можно сказать, что на каждом слове были клюшки-заколюшки, крючки-петельки.

№ 12

(Записано со слов колхозника д. Мишалево, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Мухина Николая Ивановича**, 74 года.)

Я помню, что она была подголосницей у девок. Она была така старая, ростом небольшá. Она что складет, так страшно дело. Правда на разговорах у ей не бывал. Женщина была така на все штуки. Против той никому не подголашивать. Ростом небольшая, а как что подчудит, так...

№ 13

(Записано со слов колхозницы д. Шилово, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Беззаботной Анны Захаровны**, 69 лет).

Восемнадцать лет сполнилось, выдавали замуж, она подголашивала у меня. Занятная была страшно. Худая была, так в Москву б не возили. Она привезла с Москвы тканый платок большой, добра всякого много да часы золоты. Она лучше Маланьи была Лобачевской.

Она так у меня на свадьбе одного выхулила:

Не могу спознать по белому по личику,
По цветному по платьицу.
Верно из-за морьица купцы да принаехали?
А-а вспомнила!

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

На Беляевой горки[1]
Есть Захарка,
У Захарки сын Макарка,
Который торгует обшивками,
Да тетивкамы,
Поясамы,
Да коснякамы.[2]
Это ты самый и есть?

Ей давали денег, не жалели, чтоб получше выхваляла, а не хулила.

№ 14

(Записано со слов колхозницы д. Шилово, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Беззаботной Анастасии Ивановны,** 56 лет.)

А моего племянника как отдавали в рекруты, она приходила к нам, сидела около рекрута, да дрочила его, да приговаривала. Говорила, что как попадете в города да незнакомыи, бросьте вы оружия да царскии, да смотрите вы во сторону родимую.

№ 15

(Записано со слов колхозницы д. Шилово, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Беззаботной Надежды Андреевны,** 70 лет.)

Только то помню, что как приезжала в Питер — говорила:

Залетала ворона
В высокие хоромы,
В раскрашены окóна...

Она мужу моему рассказывала, а я вышла как раз. Она больная приехала с Питера. О пятницу она приехала на пароходах. Мы у их в гостях были, они нам сродственники. Но последнее время она никуды не ходила, больна была. Она недолго тут жила, вскоре померла.

№ 16

(Записано со слов колхозницы д. Петрово, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Коробовой Ирины Андреевны,** 67 лет.)

Она была старушка такая, подголоснищей была, все приголашивала. Из себя она была вроде убога, прихрамовала и небольшá была.

Помню, как ее в Москву повезли.

№ 17

(Записано от колхозницы д. Великая Нива, Кузарандского сельсовета, Заонежского района, КФССР, **Горелкиной Ирины Семеновны,** 78 лет.)

---

[1] Имеется в виду д. Беляева гора.
[2] Т. е. опоясками.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Так я это не помню хорошо.

Как она везде спевала — ю возили везде, а потом в Петроград (Петербург). Она все ездила, да там и жила. Жила она здесь у племянника, ростила его. Была седата, стара, ходить плохо могла. Ей тогда почтение было, она хорошо по свадьбам ездила, спевала. Время зашло ей хорошо.

Приезжала она ненадолго. Она, я помню, хлопотала насчет дачи за Онегом для нас. Она така была до всех добра. Почет ей был ото всех. Была она обходительна со всема, рассудительная.

Она как на свадьбе у каждого, до того припеват, припеват. Маланья была, так Маланья не так.

И хоть некрутов провожала и помрет кто. У нее складно было у всех, хочь у покойников, хочь где. Но ходила не для заработка, а интересовалась людьми всема. У нее хорошо выходило, она по месту и приголашивала. И как некрутов провожали, она сама ходила. Только у некрутов, так тут не долго.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Приложение VI

ИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТЫ И. А. ФЕДОСОВОЙ

1. Агренева-Славянская О. Х., Описание русской крестьянской свадьбы, М., 1887, т. I, стр. 1., (воспроизводится в настоящем издании — см. стр. 55).

2. «Нива», 1895, № 5, стр. 125, «Ирина Андреевна Федосова, олонецкая стиховодница». С фот. Мрозовской грав. Шюблер, (иллюстрация к одноименной статье Ф. М. Истомина, там же, стр. 122—123), (в настоящем издании см. стр. 121).

3. «Новое время», 1895, № 6781, 14 января, Приложение № 209, (в настоящем издании см. стр. 195).

4. «Всемирная Иллюстрация», 1895, № 1356, стр. 79, с фот. Мрозовской (иллюстрация к статье «Ирина Федосова».)

5. «Русская Беседа», 1895, № 4, стр. 183 — «Ирина Андреевна Федосова, народная вопленица» (к статье С. Рыбакова «Вопленица Ирина Андреевна Федосова», там же, стр. 181—184 + 6 стр. нотных приложений), (в настоящем издании см. стр. 291).

6. «Игрушечка», 1895, № 8, стр. 375 (иллюстрация к статье А. Н. Толиверовой «Ирина Андреевна Федосова»), (в настоящем издании см. первую иллюстрацию).

7. «Московский листок», 1896, Приложение к № 4, см. тоже «Нижегородская почта», 1896, № 27, 10 июня, стр. 3 — «Вопленица крестьянка Ирина Андреевна Федосова и уч. секр. Имп. Общества Ист. и Др. Российских, действ. стат. сов. Е. В. Барсов, записавший ее песнопения» (к статье Е. В. Барсова «И. Федосова и ее песнопения»), (в настоящем издании по «Нижегородской почте», см. стр. 323).

8. «Огонек», 1900, № 3, стр. 20 (иллюстрация к некрологу).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Бессчастная — несчастная, несчастливая.
Бладой — молодой.
Бладыка — владыка-бог.
Бояцй — боязливо, опасливо.
Вѐргать — бросать, швырять, проваливаться.
Вкрýте — быстро, поспешно.
Горепа̀шица — горюющая женщина, несчастная женщина.
Горюшица — тоже.
Грузна̀ — беременная женщина.
Державушка — муж.
Дивовать, подивовать — удивляться.
Дúяться — делаться, совершаться.
Доводить — доносить, оговаривать.
Досю́льный — стародавний, древний.
Досю́льщина — стародавние обычаи, стародавнее житье.
Дробúть — дрожать, пугаться.
Ества — еда.
Живлѐньица — жизнь, житье, имущество.
Жирушка — жизнь, житье.
Запитущий — пьяница, пьянствующий.
(Зень), к зени — к земле.
Злокома̀нный — зловредный, злобный.
Изóтчина — отчество.
Изъезжаться — издеваться.
Катучий — гладкий, круглый (напр. катучий камешек).
Кѐхтать — желать, делать что-нибудь с охотой (от карельского keh(t)ata — хотеть, kehtuan — хочу).
Левантѐровый — левантский, привозимый с востока (из Леванта).
Лýда — мель, камни в озере, выступающие из воды (от карельского — luoto — мель).
Малогребный — утлый (о лодке).
Маломóчный — бедный («маломочный крестьянин»).
Могута̀ — сила, достаток.
Молвия — молния.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Мондер — мундир.
Мостиночка — половица, доска пола.
Наб — надо бы.
Надёжа — надежда, в спец. знач. — муж.
На́добье — необходимость, нужда, потребность.
Надрыга́ться — издеваться, грубо насмехаться.
Назо́лушка — грусть, тоска, огорчение.
Ноне — теперь, сейчас.
Насвѐтлить — начистить до блеска.
Неталà нный — неудачливый, незадачливый.
Ничевуха — никчемная женщина.
Но́ньку — нынче, теперь, сейчас.
Обрестованный — арестованный, приневоленный.
Обруци — обручи.
Отчевщина — отцовщина, житье, которое было при отцах.
Плящий — опаляющий, жгучий.
Победная — бедная, терпящая беду, горюющая.
Победнушка — тоже.
Пово́лька — потакание (давать повольку — распустить).
Повыстать — встать, подняться, проснуться.
Подворница — батрачка, которую используют для работ при доме, при дворе.
Подлётный — южный.
Подселенная — вселенная, вся страна («Россия подселенная»).
Покру́та — одежда.
Поло́хать — пугать, стращать.
Постатѐйный — сговорчивый, доброжелательный.
Потяги — усилия, сила.
Прилагать — прикладывать.
Прозяблый — бедный, несчастный.
Ретливый — ретивый («ретливое сердечушко»).
Самохвàтный — самохвальный, бахвал.
Сдержà вушка — муж.
Сдѝяться — сделаться.
Сдово́льный — наличествующий в достаточном количестве.
Семеюшка — в спец. знач. — муж.
Сердче — сердце.
Скатный — ровный, круглый, будто скатанный («скатный жемчуг»).
Сколыбà ться — всколыхнуться.
Скрозеко́зный — всюду («скрозь») чинящий козни, зловредный.
Спà хнуться — испугаться.
Спà цливый — ласковый.
Срыгà тися — издеваться.
Станица — стая, гурьба, ватага.
Страхови́тый — страшный, наводящий страх.
Ступи́стый — «шагистый, с большим шагом» (Даль).
Супроти́в — напротив, против, наперекор.
Суровьство — суровость.
Суседи, суседи спорядовые — соседи, живущие по одному ряду, односельчане.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Съедýчий — прожорливый.
Тесмяный — изготовленный из тесьмы.
Торóк — порыв ветра.
Трелóжить — тревожить.
Тульице — место, в которое можно спрятаться («затулиться»).
Умильный — жалобный.
Упáлый — пугливый, боязливый.
Устéрпчивый — терпеливый.
Хóбот — изгиб, дуга; кривой, извилистый путь.
Штукóвый, штуковатый — искусный.
Щелье, щельга — скала, камни, валун (от карельского selkä — возвышенное каменистое место).
Ям — место сходки крестьянской общины (первоначально «ям» — «селенье, коего крестьяне отправляют на месте почтовую гоньбу, и где для этого стоит станция, стан» —Даль).
Ярыга — пьяница, беспутный.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ *(В. И. Ленин о Федосовой)* 5

ЧАСТЬ I. БИОГРАФИЯ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ

Глава 1. Место и год рождения И. А. Федосовой. Прошлое Толвуйской волости. Толвуйская волость в первой трети XIX века. Детство и юность И. А. Федосовой. Известность ее в Заонежье. Первое и второе замужество. Переезд в Петрозаводск . . 48

Глава 2. Первые встречи И. А. Федосовой с П. Н. Рыбниковым и Е. В. Барсовым. Барсов и Федосова. Первая публикация текстов в «Олонецких Губернских Ведомостях». Подготовка и издание I тома сборника Федосовой 63

Глава 3. Значение I тома сборника Федосовой в истории русской науки о народном творчестве. Дискуссия о Федосовой в журналах и газетах начала 70-х гг. XIX века (Н. К. Михайловский, Н. А. Некрасов, Н. Покровский, Л. Н. Майков, А. Н. Веселовский, Н. Баталин и др.) 80

Глава 4. Бедствия народной поэтессы в 70-х и 80-х гг. Выход в свет II и III томов сборника Федосовой. Записи Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша. Федосова и О. Х. Агренева-Славянская. Федосова и петрозаводский учитель П. Т. Виноградов; их поездки по России (Петрозаводск, Петербург, Москва, Нижний Новгород, Казань). Встречи с Н. А. Римским-Корсаковым и М. А. Балакиревым. Записи А. Н. Толиверовой. Воспоминания Ф. И. Шаляпина о Федосовой. Федосова — основательница школы в Кузаранде. Ходатай по крестьянским делам. Выступления Федосовой на Нижегородской Художественно-Промышленной Выставке. Борьба за Федосову в 90-е гг. . . . 112

Глава 5. А. М. Горький и Федосова 144

Глава 6. Неосуществленный трехтомник произведений Федосовой. Возвращение на родину и смерть . . . 161

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ЧАСТЬ 2. ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ

Глава 1. «Реформы» 60-х гг. и их значение для русского крестьянства. Особенности «реформ» в Карелии 169

Глава 2. Творчество И. А. Федосовой — творчество русской крестьянки пореформенных лет. 1868 г. в Карелии и его отражение в творчестве народной поэтессы. «О старосте» — поэма о столкновении кузарандских крестьян с мировым посредником П. Дротаевским и ее значение. «О писаре» и «легенда о происхождении Горя». Образ Горя-Доли в творчестве И. А. Федосовой. Социальное осмысление проблемы «крестьянского греха» . . 177

Глава 3. «Новгородская утопия» и ее иллюзорность. Отражение крестьянского мировоззрения 60-х гг. в «новгородской утопии» 201

Глава 4. Рекрутская и солдатская тема. Жизнь «казенного человека» и «командеры»-крепостники. Царь — виновник несчастий рекрута. Федосова о боевых качествах русского солдата 209

Глава 5. Тема глубокого отчуждения классов и глумления «начальства» над крестьянским несчастьем . 220

Глава 6. Противоречия внутри крестьянского «мира» и крестьянской семьи. Расслоение крестьянства и распад «большой семьи»; их влияние на судьбы вдов и их детей. И. А. Федосова — выразитель идеологии беднейших из беднейших в современном ей русском крестьянстве — разорившихся и «обатраченных» вдов и солдаток 226

Глава 7. Итоги 244

ЧАСТЬ 3. ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА

Глава 1. Проблема традиции и новаторства в пореформенную эпоху. Темы и жанр как элементы художественного метода И. А. Федосовой. Историческое значение ее новаторства 253

Глава 2. Специфика записи причитаний. «Плачи-поэмы» Федосовой и бытовая заплачка. Сюжет и его особенности: метод построения сюжета, «рассказы о прошлом» и «рассказы о последствиях», их роль, соотношение, историческая обусловленность. Отсутствие развязок 259

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

Глава 3. Проблема прототипа и методы претворения фактов действительности в художественные образы. Роль отбора и вымысла как средств художественного обобщения. Метод создания образа героя и системы образов. Монологи горюющих и «прямая речь» отрицательных персонажей 279

Глава 4. Изображение борьбы чувств и душевных движений. Историческая обусловленность «психологизма». Своеобразие вариантов былин, записанных от И. А. Федосовой. Преодоление традиционной классификации героев и проблема характера и обстоятельств 295

Глава 5. Важнейшие особенности поэтического языка как моменты стиля: восклицательно-вопросительные конструкции, нанизывание сходных синтагм, усилительные частицы, лексические и морфологические средства эмоционального усиления, гиперболы, своеобразие эпитетов и др. Гармония целого и художественная функция поэтической детали . 305

Глава 6. Итоги. Противопоставление прошлого настоящему и будущему как момент поэтики. Проблема жанра. Использование художественных средств других жанров русского народного творчества. Художественный метод И. А. Федосовой в свете истории реализма русского народного творчества 317

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 329

ПРИЛОЖЕНИЯ 339

Кирилл Васильевич Чистов

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА И. А. ФЕДОСОВА

Редактор *К. Ведюкова*
Технический редактор *Л. Шевченко*
Корректор *Г. Проводина*

Сдано в набор 26/IX-55 г. Подписано к печати 16/XII-55 г. Е—10774. 11,75 печати. листа. 75 214 знаков в печати. листе. 22,11 уч.-изд. листа. Тираж 3 00 экз. Госиздат КФССР № 185. Заказ № 5077. Бумага 84×108¹/₃₂—5,87 бум.—19,27 печ. листа. Цена 8 руб. 85 коп. Переплет 1 руб.

Типография им. Анохина Полиграфиздата при Министерстве культуры КФССР г. Петрозаводск, Кирова, 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
57	7 снизу	брать	брат
124	8 сверху	см. стр. 000	см. стр. 162
225	10 сверху	им по сердцу	им не по сердцу
248	16 снизу	сказалось	сказалась
297	9 снизу	половушка	головушка
315	12 сверху	лодочки	лодочка
»	7 снизу	год	гор

К. В. Чистов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/Irina_Fedosova_1955/
© МАЭ РАН